Министерство образования и науки Украины
Харьковский национальный педагогический университет
имени Г. С. Сковороды

На правах рукописи

Попов Сергей Леонидович

УДК 811.161.1’36: 811.161.1’38

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: КОГНИТИВНО-ЭВОЛЮЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Специальность 10.02.02 — русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант
доктор филологических наук,
профессор И. И. Степанченко

Харьков — 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 12
РАЗДЕЛ 1. ЯЗЫКОВАЯ НОРМА И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ: СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ 20
1.1. Лингвистические понятия нормы, нормализации и кодификации: история вопроса 20
1.2. Традиционные аспекты изучения грамматической вариантности 40
1.3. Теоретические и практические проблемы изучения грамматической вариантности 53
Выводы к разделу 1 61
РАЗДЕЛ 2. ЛОГИЧНОСТЬ ГРАММАТИКИ КАК КОГНИТИВНО-ЭВОЛЮЦИОННЫЙ КОРРЕЛЯТ ЛОГИЧНОСТИ МЫШЛЕНИЯ: ЗАВИСИМОСТЬ ОТ УСПЕШНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ 64
2.1. Когнитивная лингвистика как часть когнитивной науки 64
2.2. Эволюционная эпистемология и вопросы эволюции человека и языка 72
2.3. Лингвокогнитивный принцип внимания к данным смежных наук 83
2.4. Логика и грамматика в когнитивно-эволюционном представлении 87
2.5. Восприятие как важнейшая составляющая когниции, мотиватор качества логичности мышления и грамматики 101
2.6. Степени восприятия как корреляты этапов логической эволюции мышления и грамматики 109
2.6.1. Синкретичное восприятие как причина неразвития логической и грамматической способностей 110
2.6.2. Поверхностное восприятие как детерминант начальной стадии развития логической и грамматической способностей 119
2.6.3. Альтернативное восприятие как детерминант нормальной стадии развития логической и грамматической способностей. Два вида альтернативного восприятия. Схема степеней восприятия 136

Выводы к разделу 2 140
РАЗДЕЛ 3. КОГНИТИВНО-ЭВОЛЮЦИОННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ВАРИАНТНОСТИ 143
3.1. Когнитивно-эволюционные функции грамматических вариантов и условие реализации этих функций 143
3.2. Эволюционные корреляции грамматической вариантности и когниции. Два аспекта применения схемы степеней восприятия 150
3.3. Регулярность и смешиваемость как критерии грамматической вариантности: естественное ограничение материала исследования 159
3.4. Основные положения теории аргументации и обоснование их применения при объяснении различий между грамматическими вариантами 166
3.5. Перцептивно-аргументационный метод дифференциации грамматических вариантов 176
3.6. Семантико-стилистическая интеграция грамматических вариантов и ее понятийная основа 188
Выводы к разделу 3 201
РАЗДЕЛ 4. ПЕРЦЕПТИВНО-АРГУМЕНТАЦИОННОЕ ОПИСАНИЕ СИСТЕМЫ РУССКИХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ В СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ: ТЕНДЕНЦИИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ 204
4.1. Центр системы. Род: диспозитивные грамматические антонимы 204
4.1.1. Центр рода. Вид: диспозитивные грамматические антонимы, различающиеся как показатели конкретности и абстрактности 204
4.1.2. Центр рода. Вид: диспозитивные грамматические антонимы, различающиеся как показатели цельности и партитивности 241
4.1.3. Центр рода. Вид: диспозитивные грамматические антонимы, различающиеся как абсолютно процессуальные и относительно процессуальные 254
4.1.4. Периферия рода. Вид: словообразовательные варианты трех типов:

организационный — организаторский, туристический — туристский и *просветительный — просветительский*. Прилагательные с суффиксами *-онн- — -ск-*, *-ическ- — -ск-* и *-н- — -ск-*, различающиеся как выражающие отношение к неодушевленности и одушевленности 264

4.1.5. Периферия рода. Вид: словообразовательные варианты типа *двухсторонний — двусторонний*. Сложные прилагательные с неусеченным и усеченным Р. числительного *два* в качестве первой основы, различающиеся как показатели количества не больше и потенциально больше двух 268

4.1.6. Периферия рода. Вид: морфологические варианты типа *обессилею — обессилю*. Глаголы на *-еть* и *-ить* с накоренным ударением, различающиеся как непереходные и переходные 270

4.1.7. Периферия рода. Вид: синтаксические варианты типа *по окончании — после окончания*. Конструкции форм П. ед. ч., управляемых предлогом *по*, и Р. ед. ч., управляемых предлогом *после*, существительных со значением окончания чего-либо, различающиеся значениями ‘только в момент окончания’ и ‘не только в момент окончания, но и в любой следующий за окончанием момент’ 270

4.1.8. Периферия рода. Вид: синтаксические варианты типа *пропустил урок из-за болезни матери — пропустил урок по болезни*. Конструкции форм существительных Р. ед. ч., управляемых предлогом *из-за*, и Д. ед. ч., управляемых предлогом *по*, различающиеся значениями внешней причины и внутренней причины 274

4.1.9. Периферия рода. Вид: синтаксические варианты типа *льготы ветеранам — льготы для ветеранов*. Конструкции управляемых существительными беспредложной с Д. и с предлогом *для* и Р. форм существительных, различающиеся значениями реального и потенциального адресования 275

4.2. Центр системы. Род: диспозитивные грамматические квазиантонимы 276

4.2.1. Центр рода. Вид: диспозитивные грамматические квазиантонимы — прилагательные, различающиеся как относительные и качественные 276
4.2.2. Центр рода. Вид: диспозитивные грамматические квазиантонимы, различающиеся как процессуальные и предметные ... 288
4.2.3. Периферия рода. Вид: словообразовательные варианты типа *внештатный — нештатный.* Прилагательные с префиксами *вне-* и *не-*, различающиеся значениями ‘выходящий за пределы чего-либо’ и ‘не имеющий отношения к чему-либо’ 289
4.2.4. Периферия рода. Вид: синтаксические варианты типа е*хать поездом — ехать на поезде*. Конструкции беспредложной с Т. и с предлогом *на*, управляющим П., форм существительных, обозначающих средства передвижения, различающиеся значениями ‘способ передвижения с использованием механического, самоходного общественного транспорта’ и ‘средство передвижения’ 293
4.3. Центр системы. Род: диспозитивные грамматико-стилистические синонимы 294
4.3.1. Центр рода. Вид: диспозитивные грамматико-стилистические синонимы, различающиеся как нейтральные и разговорные 294
4.3.2. Центр рода. Вид: диспозитивные грамматико-стилистические синонимы, различающиеся как современные нейтральные и устаревающие высокие 302
4.3.3. Центр рода. Вид: диспозитивные грамматико-стилистические синонимы, различающиеся как официальные и разговорные 308
4.3.4. Центр рода. Вид: диспозитивные грамматико-стилистические синонимы, различающиеся как нейтральные и официальные 309
4.3.5. Центр рода. Вид: диспозитивные грамматико-стилистические синонимы, различающиеся как нейтральные и книжно-высокие 314
4.3.6. Периферия рода. Вид: словообразовательные варианты типа *Харьковская область — Харьковщина*. Словосочетания и

суффиксальные существительные — названия областей, различающиеся как нейтральные и разговорные или публицистические 315
4.3.7. Периферия рода. Вид: словообразовательные варианты типа *Гаврилович — Гаврилыч, Андреевич — Андреич*. Формы мужских отчеств с суффиксами *-ович-/-евич-* и *-ич-(-ыч-)*, различающиеся как книжно-/официально-высокие и устно-разговорные 316
4.3.8. Периферия рода. Вид: словообразовательные варианты типа *кандидатская диссертация — кандидатская*. Сочетания прилагательного с существительным и субстантивированные прилагательные, различающиеся как официальные и разговорные или публицистические 317
4.3.9. Периферия рода: словообразовательные варианты типа *свойственен — свойствен*. Краткие формы на *-ен* и *-енен* прилагательных м. р. на *-енный* с накоренным ударением, различающиеся как современные и устаревающие..... 317
4.3.10. Периферия рода. Вид: морфологические варианты типа *ЖЭК решил — ЖЭК решила, НАТО заявило — НАТО заявила*. Аббревиатуры с родовой принадлежностью, которая определяется по роду стержневого слова или по внешнему облику, различающиеся как современные нейтральные и устаревающие официальные 320
4.3.11. Периферия рода. Вид: морфологические варианты типа *самый важный — важнейший*. Аналитические и синтетические формы превосходной степени прилагательных, различающиеся как нейтральные и экспрессивные 321
4.3.12. Периферия рода. Вид: морфологические варианты типа *наиболее важный — важнейший*. Аналитические и синтетические формы превосходной степени прилагательных, различающиеся как книжно-высокие и экспрессивные 321
4.3.13. Периферия рода. Вид: морфологические варианты типа *самый важный — наиболее важный*. Аналитические формы превосходной

степени прилагательных, различающиеся как нейтральные и книжно-высокие 322
4.4. Центр системы. Род: императивные грамматико-стилистические синонимы 322
4.4.1. Центр рода. Вид: императивные грамматико-стилистические синонимы, различающиеся как логичные современные и нелогичные устаревающие 323
4.4.2. Центр рода. Вид: императивные грамматико-стилистические синонимы, различающиеся как более логичные и менее логичные 346
4.4.3. Центр рода. Вид: императивные грамматико-стилистические синонимы, различающиеся как экономные современные и неэкономные устаревающие 349
4.4.4. Центр рода. Вид: императивные грамматико-стилистические синонимы, различающиеся как традиционно нейтральные и традиционно просторечные 351
4.4.5. Центр рода. Вид: императивные грамматико-стилистические синонимы, различающиеся как современные нейтральные и устаревающие просторечные 359
4.4.6. Периферия рода. Вид: словообразовательные варианты трех типов: *подойдя — подошедши; подъехав — подъехавши; замерев — замерши, заперев — заперши, затерев — затерши*. Формы деепричастий от глаголов движения с основой на согласный и на гласный и от глаголов с формантами *-мереть, -переть, -тереть*, различающиеся как современные и устаревающие 362
4.4.7. Периферия рода. Вид: морфологические варианты двух типов: *мой домишко — мое домишко, мой домишко — моя домишка* и *мой домище — мое домище, мой домина — моя домина*. Существительные с суффиксами уменьшительности и увеличительности, имеющие различные родовые характеристики, различающиеся как разговорные и просторечные 363

4.4.8. Периферия рода. Вид: Синтаксические варианты типа *поступил в вуз по окончании школы — поступил в вуз по окончанию школы*. Конструкции форм П. и Д. ед. ч., управляемых предлогом *по*, имеющие значение «в первый следующий за окончанием момент», различающиеся как официальные и просторечные 363

4.5. Периферия системы. Род: диспозитивные функционально-синтаксические стилистически нейтральные варианты, различающиеся как употребляемые в разных синтаксических функциях или при словах, выполняющих разные синтаксические функции 364

4.5.1. Вид периферийного рода: синтаксические варианты типа *Он активнее; Он ведет себя активнее — Он более активный человек.* Синтетические и аналитические формы сравнительной степени наречий и прилагательных, различающиеся как употребляемые в функциях сказуемого, обстоятельства и функции определения 364

4.5.2. Вид периферийного рода: синтаксические варианты типа *пять домов, построенные месяц назад — пять домов, построенных месяц назад*. Формы И. и Р. мн. ч. причастий при конструкциях числительного начиная со слова *пять*, управляющего существительным, различающиеся согласованием с числительным, управляющим дополнением, и с дополнением, управляемым числительным 365

4.6. Периферия системы. Род: грамматические варианты, непоследовательно различающиеся или не различающиеся императивно или диспозитивно 365

4.6.1. Вид периферийного рода: морфологические варианты двух типов: *на крюке — на крюку, в дыме — в дыму* и *в отпуске — в отпуску, на холоде — на холоду*. Существительные м. р. на твердый согласный в форме П. ед. ч., управляемой предлогами *в* и *на*, которые различаются либо как нейтральные и разговорные, либо как нейтральные и просторечные 366

4.6.2. Вид периферийного рода: морфологические варианты типа *кед —*

кеда, перифраз — перифраза. Существительные на твердый согласный основы — м. р. с нулевым окончанием и ж. р. с окончанием *-а*, изначально не имеющие семантических и стилистических дифференциальных признаков, но затем различающиеся как слова, либо императивно вытесняющие друг друга, либо диспозитивно вырабатывающие семантическую или стилистическую специализацию 366

4.6.3. Вид периферийного рода: морфологические варианты двух типов: *граммов — грамм* и *шпротов — шпрот*. Формы с флексией *-ов* и нулевой флексией Р. мн. ч. существительных (для одушевленных также В. мн. ч.) м. р. на твердый согласный или pluralia tantum, либо не имеющие семантических и стилистических различий, либо императивно вытесняющие друг друга, либо диспозитивно вырабатывающие стилистическую специализацию 367

4.6.4. Вид периферийного рода: морфологические варианты типа *дискутировать — дискуссировать*. Заимствованные глаголы с разными согласными в корне, не имеющие семантических или стилистических дифференциальных признаков 368

4.6.5. Вид периферийного рода: морфологические варианты типа *сосредоточивать — сосредотачивать*. Глаголы НСВ на *-ывать (-ивать)*, не имеющие семантических и бесспорных для всех носителей языка стилистических дифференциальных признаков 369

4.6.6. Вид периферийного рода: синтаксические варианты типа *те, кто работает — те, кто работают*. Формы ед. и мн. ч. сказуемого при подлежащем — местоимении *кто* в придаточном предложении, относящемся в составе главного предложения к указательному местоимению *те* в И. и неодушевленном В., не имеющие семантических или стилистических дифференциальных признаков 370

4.7. Периферия системы. Род: диспозитивные грамматико-стилистические синонимы — варианты нормативные и варианты ненормативные, но

потенциально заполняющие лакуны русской грамматики 371

4.7.1. Вид периферийного рода: словообразовательно-морфолого-синтаксические варианты двух типов: *человек, который увидит это — человек, увидящий это; человек, которого мы увидим — человек, увидимый нами*. Придаточные предложения с союзным словом *который* и сказуемым — глаголом СВ и причастные обороты с ненормативным действительным или страдательным причастием СВ будущего времени, различающиеся как нейтральные и потенциально книжно-высокие 371

4.7.2. Вид периферийного рода: морфолого-синтаксические варианты типа *сделай так, чтобы я поплавала — поплавай меня*. Конструкции, вынужденно компенсирующие непереходность глаголов, и ненормативно переходные глаголы, различающиеся как громоздкие и потенциально экономные 373

Выводы к разделу 4 376

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 381

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ..... 392

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

НКРЯ — Национальный корпус русского языка;

СВ — синкретичное восприятие;

ПВ — поверхностное восприятие;

АИВ — альтернативно-императивное восприятие;

АДВ — альтернативно-диспозитивное восприятие;

ПЭВ — прямая эмпирическая верификация;

ЛО — логическое обоснование;

ОЛО — относительное логическое обоснование;

АЛО — абсолютное логическое обоснование;

ПСМ — первостепенность маркера;

ВСМ — второстепенность маркера.

ВВЕДЕНИЕ

Вариантность, наблюдаемая в русском грамматическом строе, не одно столетие интересует как лингвистов, так и рядовых носителей языка. По-прежнему актуальны вопросы правильного или уместного выбора варианта, например *турист**ск**ая тропа* или *турист**ическ**ая тропа*, *чашка ча**ю*** или *чашка ча**я**, несколько человек пришл**о*** или *несколько человек пришл**и**, мо**й** отец с матерью* или *мо**и** отец с матерью, он был слесарь* или *он был слесар**ем**, ждать поезд* или *ждать поезд**а***. Уже более полувека проблемами такого выбора занимается специальная лингвистическая дисциплина — ортология. Достигнуты определенные успехи в теоретическом осмыслении грамматической вариантности. Немало сделано в ее практической сфере: в социально востребованном деле дифференциации грамматических вариантов, к сожалению не всегда объективной. При имеющихся достижениях теоретического и практического изучения грамматической вариантности возникает потребность в теории, которая, с одной стороны, давала бы ясные представления о когнитивном по своей сути механизме восприятия грамматических вариантов и принятия логичного решения при их ситуативном выборе, с другой — объясняла бы закономерности функционирования грамматических вариантов в процессе языковой эволюции. Осознание потребности в такой теории способствовало выбору аспекта исследования русских грамматических вариантов, названного соответственно когнитивно-эволюционным. Аспект с таким названием имеется и в современной эпистемологии (см., например, [316]), что в какой-то мере придает настоящему исследованию междисциплинарную значимость.

Актуальность темы. Актуальность предпринятого исследования русских грамматических, то есть словообразовательных, морфологических и синтаксических, вариантов обусловлена отсутствием представления грамматических вариантов в когнитивно-эволюционном аспекте. Указанное непредставление влечет такие частные теоретические последствия, как: отсутствие представлений о необходимых для определения межвариантных

различий закономерностях восприятия в их корреляции с логикой и, как следствие, непонимание важности знания этих закономерностей для кодификаторской практики; неосознание когнитивно-эволюционных функций грамматических вариантов; невнимание к эволюционным корреляциям грамматической вариантности и когнитивных структур; неприменение кодификаторами положений теории аргументации при аргументировании выбора грамматического варианта; отсутствие метода дифференциации грамматических вариантов, опирающегося на обоснованные психологические сведения о механизме восприятия и систему доводов теории аргументации; отсутствие интеграции грамматических вариантов в виде системы, организованной по семантико-стилистическому принципу, что влечет малосистемное восприятие грамматической вариантности в целом и невосприятие тенденций развития русской грамматики ее вариантностью в частности. В практическом отношении отсутствие теоретического обоснования когнитивно-эволюционной сущности грамматической вариантности приводит к необъективной дифференциации грамматических вариантов в ортологической литературе, а следовательно, к некачественному удовлетворению гносеологической потребности пользователей такой литературы в рекомендациях по различению грамматических вариантов.

Связь работы с научными программами, планами, темами. Работа связана с разработками кафедры славянских языков Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды и выполнена в рамках государственной темы «Закономерности функционирования русского языка: динамический, прагматический и методический аспекты». Регистрационный номер: 0112U002005. Тема диссертационной работы утверждена на заседании Ученого совета Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды (протокол № 3 от 30.05.2014 г.) и на заседании бюро Ученого совета «Закономерности развития языков и практика языковой деятельности» НАН Украины (протокол № 3 от 26.06.2014 г.).

Цель исследования — представление русских грамматических вариантов в когнитивно-эволюционном аспекте.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) выяснить состояние изученности коррелирующих понятий лингвистической нормы и грамматических вариантов и обосновать необходимость применения к изучению грамматической вариантности когнитивно-эволюционного подхода;

2) с целью обоснования когнитивно-эволюционного подхода к изучению грамматических вариантов представить основные положения когнитивной лингвистики и эволюционной эпистемологии в ее соотношении с вопросами эволюции человека и языка;

3) с целью представления перцептивно-логической основы механизма ситуативного выбора грамматических вариантов выяснить психологические закономерности восприятия и соотношение логичности мышления и грамматики с качеством восприятия;

4) определить когнитивно-эволюционные функции грамматических вариантов и условия реализации этих функций;

5) зафиксировать эволюционные корреляции грамматической вариантности и когниции;

6) уточнить критерии грамматической вариантности с когнитивно-эволюционной точки зрения и ограничить в соответствии с ними материал исследования;

7) представить положения теории аргументации и обосновать необходимость их применения при объяснении различий между грамматическими вариантами;

8) создать метод дифференциации грамматических вариантов, учитывающий закономерности восприятия и аргументации;

9) обосновать лингвистическую потребность в семантико-стилистической интеграции грамматических вариантов и определить понятийную основу такой интеграции;

10) предпринять перцептивно-аргументационное описание системы русских грамматических вариантов в семантико-стилистическом преломлении с

определением тенденций их дифференциации и возможностей интеграции.

Объектом исследования являются грамматические варианты в русском языке.

Предметом исследования является когнитивно-эволюционное видение русской грамматической вариантности.

Материалом для исследования послужили содержащие грамматические варианты контексты из Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ): более 16 000 примеров из его «Основного корпуса». В некоторых случаях, при отсутствии нечастотных примеров в НКРЯ, используются контексты с такими примерами из других письменных источников.

Методологическая основа исследования — диалектические положения о единстве теории и практики, языка и речи, формы и содержания, синхронии и диахронии, языка и общества, сосуществования и обособленности. Отличительной особенностью теоретического подхода в исследовании является антропоцентрическое совмещение понятий лингвистики с понятиями когнитивной науки и эволюционной эпистемологии, что обусловливает привлечение к исследованию грамматической вариантности сведений смежных с лингвистикой наук: логики, психологии, теории аргументации и других антропонаук.

Методы исследования. Содержание и характер практической части исследования обусловили применение методов, сочетание которых свидетельствует о диалектическом объединении синхронического и диахронического подходов к исследованию языковых фактов. Разработанный в настоящем исследовании с учетом психологических данных о степенях восприятия и положений теории аргументации, обладающий определенной комплексной преемственностью по отношению к методам компонентного анализа, дистрибутивного анализа и контекстологического анализа **перцептивно-аргументационный метод дифференциации грамматических вариантов** применяется для выявления и описания узуальных характеристик таких вариантов. Применение данного метода в зависимости от специфики

исследуемого материала сопровождается использованием некоторых других методов: **сравнительно-исторический** метод, в такой его разновидности, как **внутренняя реконструкция**, помогает понять причины современных узуальных характеристик грамматических вариантов; метод **количественного анализа** позволяет оценить частотность употребления грамматических вариантов; **традиционно-комплексный** метод и метод **оппозиций** помогают определить различия между словообразовательными и морфологическими вариантами; **логико-синтаксический** метод позволяет оценить логичность вариантов синтаксического согласования; **формально-синтаксический** метод и метод **синтагматического анализа** помогают понять закономерности употребления синтаксических вариантов; метод **семантического поля** и метод **описания по лексико-семантическим группам** используются в ходе семантико-стилистической интеграции грамматических вариантов, дифференцированных перцептивно-аргументационным методом.

Научная новизна полученных результатов. К изучению грамматической вариантности впервые применен когнитивно-эволюционный подход, что обусловило следующие результативные новации. Установлена зависимость логичности мышления и грамматики от качества восприятия. Выявлены три степени восприятия грамматических вариантов — синкретичное, поверхностное и альтернативное восприятие в таких его разновидностях, как альтернативно-императивное и альтернативно-диспозитивное восприятие. Описан новый тип языковой личности — homo neglegens (человек пренебрегающий), и показаны обусловленные поверхностностью восприятия парадоксы коммуникации трех типов языковой личности: лингвистов-кодификаторов, рефлексирующих языковых личностей и homo neglegens — относительно целесообразности повышения кодификаторами стилистического статуса просторечия. Определены когнитивно-эволюционные функции грамматических вариантов: императивное упорядочение и диспозитивная достраиваемость — и условие реализации этих функций: коммуникативная потребность. Зафиксированы эволюционные корреляции грамматической вариантности и таких когнитивных явлений, как

познавательная направленность жизнедеятельности, функциональная асимметрия полушарий мозга и поверхностность восприятия. На основании положений теории аргументации синтезирован аргумент, наиболее приемлемый для объективной дифференциации грамматических вариантов, который представляет собой комбинацию прямой эмпирической верификации и логического обоснования. В результате совмещения положений теории аргументации и понятий степеней восприятия создан перцептивно-аргументационный метод дифференциации грамматических вариантов. Обоснована лингвистическая потребность в семантико-стилистической интеграции грамматических вариантов, и определена понятийная основа такой интеграции: синонимические и антонимические отношения. Осуществлено перцептивно-аргументационное описание системы русских грамматических вариантов в семантико-стилистическом преломлении с определением тенденций их дифференциации и возможностей интеграции.

Теоретическое значение работы связано с применением к изучению грамматической вариантности антропоцентрических принципов когнитивной науки и эволюционной эпистемологии и, как следствие, с привлечением к данному изучению сведений смежных с лингвистикой наук. Это позволило определить когнитивно-эволюционные функции грамматических вариантов и условие реализации этих функций, выяснить эволюционные корреляции грамматической вариантности и когниции, в том числе доказать неоправданно аксиоматичное положение «Варианты развивают язык», установить критерии грамматической вариантности, создать перцептивно-аргументационный метод дифференциации грамматических вариантов и разработать принципы семантико-стилистической интеграции грамматических вариантов.

Практическое значение полученных результатов. Примененный в ходе исследования, позволяющий контролировать качество восприятия и аргументирования межвариантных различий перцептивно-аргументационный метод дифференциации грамматических вариантов является полезным в ортологической практике, по результатам которой ортологов-кодификаторов

нередко упрекают в субъективности. Полученные в ходе применения данного метода результаты дифференциации русских грамматических вариантов могут быть учтены при создании ортологических пособий, необыкновенно востребованных такими работниками расширившейся в компьютерную эпоху издательской сферы, как корректоры и литредакторы. Семантико-стилистическая интеграция диспозитивных и императивных грамматических вариантов способствует более системному, нежели традиционное грамматическое, усвоению этих вариантов всеми, кто ею интересуется.

Личный вклад соискателя. Настоящая диссертация и публикации по ней оригинальны и принадлежат автору. Одна из этих публикаций, по своему жанру являющаяся статьей, опубликована в соавторстве. В ней диссертанту принадлежит 80 процентов информации.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры русского языка Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды (протокол № 8 от 6 марта 2015 года), отдела русского языка Института языковедения имени А. А. Потебни НАН Украины (протокол № 2 от 24 марта 2015 года). Основные положения диссертации представлены в докладах на 15 научных собраниях разных уровней: V Международной научной конференции «Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках» (Днепропетровск, 2011), II Международной научной конференции «Речевая коммуникация в современной России» (Омск, 2011), Международном научно-методическом семинаре «Проблеми вивчення та викладання російської мови і літератури в полікультурному просторі XXI століття» (Луцк, 2011), Третьей Всероссийской конференции «Кодификация норм современного русского языка: результаты и проблемы» (Санкт-Петербург, 2011), XIV Международной конференции по актуальным проблемам семантических исследований «Художественный текст в разных лингвистических парадигмах (на материале украинского и русского языков)» (Харьков, 2012), Международной научной конференции «XII Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные 200-летию со дня рождения академика Измаила Ивановича Срезневского» (Харьков,

2012), IV Международной научной конференции «Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии: языковая личность и картина мира» (Симферополь, 2013), Международной научной конференции «Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии» (Москва, 2013), Международной научно-практической конференции «Сучасна філологія: актуальні наукові проблеми та шляхи вирішення» (Одесса, 2014), Международной научно-практической конференции «Язык, литература и культура: актуальные вопросы взаимодействия» (Львов, 2014), III Международной научно-практической заочной конференции «Лінгвокогнітивні та соціокультурні аспекти комунікації» (Острог, 2014), II Международной научной конференции «Новая лингвистическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты» (Одесса, 2014), Международной научно-практической конференции «I Таврические филологические чтения» (Херсон, 2015), Международной научно-практической конференции «Актуальні проблеми філологічної науки: сучасні наукові дискусії» (Одесса, 2015), Научной конференции преподавателей, сотрудников филологического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (Харьков, 2015).

Публикации. Содержание диссертации отражено в 42 публикациях, среди которых 2 монографии (9,125 п. л. и 18,32 п. л.), 40 статей и тезисов докладов в журналах и сборниках научных трудов, из них 23 статьи в специализированных изданиях, 9 зарубежных публикаций.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, четырёх разделов, заключения, списка использованных источников. Полный объём диссертации — 453 страницы; объём основного текста — 391 страница. Список использованных источников содержит 642 наименования.

РАЗДЕЛ 1. ЯЗЫКОВАЯ НОРМА И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ: СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ

1.1. Лингвистические понятия нормы, нормализации и кодификации: история вопроса

Норма в разных аспектах человеческой деятельности. Формирование норм в истории человечества, прежде всего норм социальных, вначале было стихийным [543, 16]. Как замечает Н. Д. Арутюнова, в жизни человека наряду с множественными проявлениями беспорядка постоянно наблюдается «воля к порядку. Она заставляет его упорядочивать наиболее опасные формы беспорядка — войны, сражения, битвы, поединки, разрабатывая для них целые системы правил и даже превратив их в искусство и спорт» [23, 7]. Согласно философскому определению Б. А. Урванцева, «социальная норма есть совокупный результат материально-преобразующей практики людей, их общественных отношений и идеального отражения объекта упорядочения» [543, 125]. В отношении норм в русской культуре достаточно взвешенным выглядит мнение А. Д. Шмелева. «Общепризнанным является представление, в соответствии с которым порядок, *Ordnung*, не входит в число базовых ценностей русской культуры». Но и для нее «определенную ценность представляет *обустроенность и гармония*» [591, 54].

Очевидно, что понятие нормы могло сформироваться только в результате оценочного сравнения: хорошего, приемлемого, с плохим, неприемлемым. Аксиология осознает норму не в виде истины, находящейся между хорошим и плохим посередине, как можно было бы ожидать от чего-либо, на первый взгляд, среднего (Ю. Д. Апресян называет такую не имеющую отношения к оценке норму «среднестатистической»), а всегда смещенной в зону хорошего [616, 12; 24, 235; 17, XXXVI–XXXVII]. Поскольку хорошее осознается только на фоне плохого, понятие нормы осознается на фоне отступлений от нее. Долгое время прогрессирующее человечество, изначально будучи обществом с трудом управляемых и самоорганизующихся индивидов, устанавливало нормы поведения, табуируя все, что не соответствовало представлениям о хорошем

поведении. На установление норм в первую очередь были направлены религия и философия, давшие людям первые моральные кодексы, но, поскольку этих мер оказалось недостаточно, развилось право как надзор власти за соблюдением правил поведения. С появлением новых ростков философии — других наук норма логично стала непосредственным предметом тех из них, которые прямо или косвенно имеют отношение к человеку и его поведению. Это так называемые «антропонауки»: философия, логика, история, юриспруденция, социология, аксиология, биология, физиология, анатомия, психология, ряд других наук и, конечно, лингвистика, изучающая естественный человеческий язык. Н. Д. Арутюнова называет нормой в широком смысле «все виды и формы порядка, имея в виду и естественные нормы природы, и созданные человеком правила и законы. Первые отрабатываются в стремлении природы к равновесию — необходимому условию ее существования; вторые создаются в ходе целенаправленной деятельности человека» [24, 6]. Очевидно, что нормы языка можно отнести к тем и другим, поскольку они и естественно-природны в силу стихийности их формирования (об этом в свое время заявил видный представитель младограмматизма Г. Пауль [361, 202]), и социальны в силу зарождения в коллективном мышлении и непрекращающихся попыток их закрепить.

Первые языковые нормы — нормы от авторитетов. Известны некоторые факты истории установления языковых норм, представляющие собой аргументирование к авторитетам соответствующих эпох (в теории аргументации аргумент к авторитету является одним из наименее убедительных — см., например, [203, 110–118]). Так, в эпоху становления латинского литературного языка (106–43 гг. до н. э.) римские законодатели языковых норм (писатели) постоянно напоминают о необходимости следовать говору города Рима (urbanitas) и не употреблять элементы окружающих Рим сельских говоров (rusticitas) и диалектизмы других провинций (peregrinitas). Через более чем полтора тысячелетия французский грамматист Вожла (1585–1650) предлагает тот же подход: источником языковой нормы является «хороший обычай в языке»,

демонстрируемый наиболее авторитетными придворными и писателями [69, 15–19; 514, 183]. Примерно сто лет спустя германский филолог Аделунг (1732–1806), автор первого нормативного толкового словаря и ряда грамматик верхненемецкого языка, определяет «правильную речь, литературную норму как разговорный язык образованных людей Верхней Саксонии, т. е. той части Германии, которая занимала в его пору ведущее политическое и культурное положение и диалект которой послужил основой при формировании в XV–XVI вв. немецкого национального литературного языка» [514, 183–184]. В древнерусском языке нормативным признается церковнославянский «образец, т. е. обладающий идеологическим достоинством текст» [233, 11], авторитетность которого сомнений не вызывала.

Поскольку развитой статус лингвистики, как и подавляющего большинства других наук, сравнительно молод, неудивительно, что над сущностью понятия «языковая норма» лингвисты задумались относительно недавно. Примечательно, что до этого момента данное понятие достаточно долго применялось иносказательно или аксиоматически. Например, Ф. де Соссюр говорит о таком существенном признаке произвольного по отношению к выражаемой им идее языкового знака, как обусловленная временем традиционность («связь с прошлым ежеминутно препятствует свободе выбора») [505, 104–107], а русские языковеды до середины XX века, в том числе в 50–60-е годы прошлого века, отмеченные повышенным интересом общества к культуре речи, как свидетельствуют Б. С. Шварцкопф и В. А. Ицкович [582, 369; 210, 3], или вовсе не упоминают понятие нормы, или оперируют им, не определив его (см., например, [331; 36; 598, 89; 173; 172; 550; 321; 103; 447; 39], или описывают нарушения норм на всех ярусах языка, лишь иногда предлагая вовсе не всеохватные определения этого понятия, ориентированные, как правило, опять-таки на нечто авторитетное как образец для подражания. Так, в 1923 году Г. О. Винокур видит объект кодификаторской практики и источник языковой нормы в языке «не-художественной литературы» [99, 107–110], то есть в языке средств массовой информации. В 1932 году А. М. Иванов и Л. П. Якубинский, не употребляя слово

норма, но под «объективным критерием современного национального языка» понимая, очевидно, ее, призывают ориентироваться на «печатное слово лучших газет и лучших авторов книг» [197, 152]. В 1936 году Л. В. Щерба пишет о само собой разумеющемся понятии нормы произношения в статье под названием «О нормах образцового русского произношения» [600, 110]. В 1948 году Е. С. Истрина предлагает определение нормы, тоже сформулированное при помощи традиционного для истории нормативных установлений аргумента к авторитету: «Норма определяется степенью употребления при условии авторитетности источников. … При наличии колебаний приходится обращаться к авторитетным источникам книжно-литературного языка — произведениям художественной литературы, лучшим образцам публицистики и передовой прессы, к материалам научной и деловой речи» [208, 19]. Ю. С. Степанов считает, что данное определение имеет существенное отличие от своих исторических предшественников: «…«наиболее авторитетным» не является больше язык области, подчиняющей себе другие области (как в Риме), или язык привилегированной части общества (как во Франции эпохи Вожла и в Германии эпохи Аделунга) — понятие нормы не имеет классового характера» [514, 164]. Безусловно, у определения нормы, предложенного Е. С. Истриной, классового характера нет, но аргумент к авторитету остается в нем незыблемым при всей неопределенности того, каковы критерии признания того или иного потенциального источника нормы авторитетным. В 1973 году в определении Ю. А. Бельчикова норма («норма литературной речи») предстает еще как апеллирующая к авторитетности возможность «правильного, образцового применения слова, фразеологизма, формы, конструкции», но уже с подчеркиванием того, что такое применение имеет «относительно постоянный характер в определенный период развития литературного языка» [44, 6].

Новое понимание языковой нормы: от авторитетности к социальности. Первые не связанные с понятием авторитета определения языковой нормы наблюдаются в работах представителей Пражской школы. Так, Б. Гавранек в начале 30-х годов XX века определяет языковую норму как совокупность

употреблений, принимаемых коллективом, говорящим на данном языке [113, 339–340] (о «коллективной привычке пользования языком» пишет и Г. О. Винокур [100, 221]). Именно пражские структуралисты впервые различили понятия опирающегося на норму литературного языка и не всегда ориентирующегося на нее узуса (реального употребления), а также дифференцировали понятия нормы и кодификации (о кодификации подробнее — см. ниже) [114; 164; 75].

Л. Ельмслев противопоставляет понятие схемы как языка «чистой формы» понятиям нормы, узуса и индивидуального акта речи: в его концепции индивидуальный речевой акт представлен как конкретизация узуса, а норма как «материальная форма, определяемая в данной социальной реальности», которая, по убеждению ученого, является ненужной «абстракцией, искусственно полученной из узуса» [170]. Несмотря на негативное отношение Л. Ельмслева к норме, именно его взгляды оказали влияние на концепцию Э. Косериу, в которой автор раскрывает понятие языковой нормы в противопоставлении системе возможностей языка. В таком случае эти возможности противопоставляются их реализации и языковая норма предстает как реализованные общепринятые возможности языковой системы, в отличие от нереализованных возможностей системы и ее возможностей, реализованных, но не общепринятых в качестве нормативных. По мнению Э. Косериу, норма и шире, чем система, так как содержит большее число признаков: порождает варианты, не несущие смыслоразличительной нагрузки, — и **у**же системы, «поскольку связана с выбором в пределах тех возможностей реализации, которые допускаются системой» [239, 173–175]. В. Г. Костомаров и А. А. Леонтьев поддерживают и уточняют точку зрения Э. Косериу: «Если систему языка рассматривать как нечто данное и неизменное, то норма как ее коррелят выступает константным, принятым, но подверженным колебаниям, варьированию и изменению. Система может быть определена как совокупность существенных переменных, норма — как совокупность несущественных переменных в их связи с существенными переменными…» [242, 9–10].

С. И. Ожегов формулирует свое понимание языковой нормы, которой он считает «совокупность наиболее пригодных («правильных», «предпочитаемых») для обслуживания общества средств языка, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов» [344, 259–260].

Ю. С. Степанов высказывает мнение, что понятие нормы в свою очередь «предполагает три основных понятия: вариативность как разнообразие и непрерывную изменчивость языка, ставящую носителя языка перед выбором того или иного языкового явления; представление об идеале как основу предпочтения или отбрасывания языковых явлений; традицию, закрепляющую представление об идеале [514, 182].

В. А. Ицкович разделяет языковые нормы на системные, отличающие этот язык от других языков, и структурные, формирующиеся в рамках системности языка, и выделяет такие критерии нормы, как соответствие модели (словообразовательной, морфологической, синтаксической и т. п.), употребительность (хотя, как и многие другие ученые, признаёт, что «сама по себе распространенность в речи еще не является показателем нормативности явления») и необходимость (этот критерий автор не объясняет) [211, 14–27, 39–46]. В другой работе В. А. Ицкович определяет норму как «существующие в данное время в данном языковом коллективе и обязательные для всех членов коллектива языковые единицы и закономерности их употребления, причем эти языковые единицы могут либо быть единственно возможными, либо выступать в виде сосуществующих в пределах литературного языка вариантов» [210, 8]. Вызывает сомнения оправданность утверждения такого критерия нормы, как «обязательность для всех членов языкового коллектива», когда речь идет о таких членах этого коллектива, как носители не входящего в состав литературного языка просторечия, для которых, соответственно, нормы литературного языка вовсе не обязательны.

Л. К. Граудина называет такие «критерии определения достоверности наших представлений о норме», как соответствие системе языка, традиционность и узус, обосновывая при этом необходимость применения в исследовании языковых норм статистических методов [139; 136, 63].

Л. И. Скворцов считает, что понятие нормы в концепции Э. Косериу страдает отсутствием динамики, и предлагает свое понимание динамической нормы в виде «реализуемой нормы», двигающейся через «светлое поле осознания нормы» к «реализованной норме» [481, 48; 483, 29]. Именно «динамическое» понимание нормы Л. И. Скворцов обнаруживает в ранней работе Л. В. Щербы «Восточнолужицкое наречие»: «Вообще я старался схватить язык в его движении: выдвинуть на первый план твердые нормы, находящиеся в светлой точке языкового сознания, а затем показать, с одной стороны, умирающие, а с другой стороны — нарождающиеся нормы, находящиеся в бессознательном состоянии и лишь воспроизводимые или творимые в отдельных случаях» [598, 89]. Л. И. Скворцов понимает под нормой «обусловленный социально-исторически результат речевой деятельности, закрепляющей традиционные реализации системы или творящей новые языковые факты в условиях их связи как с потенциальными возможностями системы языка, с одной стороны, так и с реализованными образцами — с другой» [481, 53; 483, 43]. Динамический аспект нормы представлен и в определении, предложенном в 2002 году Л. П. Крысиным [259, 82]. Н. Ю. Шведова предлагает определение грамматической нормы, в котором тоже подчеркнут динамический аспект: «это такое образование и употребление форм и категорий, которое … последовательно воспроизводится в коллективной языковой практике» и «обнаруживает тенденцию к живому взаимодействию с другими звеньями системы» [583, 13].

Названные выше, конкретизированно или обобщенно, аспекты языковой нормы нашли отражение в экономном, но достаточном определении нормы, сформулированном Н. Н. Семенюк. Проанализировав теоретический аспект понятия нормы по состоянию на 1970 год, опираясь на концепции представителей пражской школы и Э. Косериу, доказывая отсутствие принципиальных различий

между имеющимися на тот момент взглядами на норму, Н. Н. Семенюк предлагает обобщенное определение языковой нормы, под которой понимает «совокупность наиболее устойчивых, традиционных реализаций элементов языковой структуры, отобранных и закрепленных общественной языковой практикой» [466, 553–555].

В 1974 году А. Едличка с удовлетворением констатирует, что достигнуто соглашение «о единодушном принятии некоторых определяющих характеристик нормы и о ее принципиальном определении», которое в смысловом отношении не отличается от определения, предложенного Н. Н. Семенюк, и выглядит так: «Под нормой обычно понимается совокупность соответствующим образом реализованных языковых средств, принятых в данном языковом обществе (носителями данного языка) как обязательные, и те закономерности, которыми определяется употребление языковых средств» [165, 18].

Научное признание определения Н. Н. Семенюк подтверждается и тем, что через 20 лет после его обнародования, при создании «Лингвистического энциклопедического словаря» (под ред. В. Н. Ярцевой), именно Н. Н. Семенюк было поручено написать словарную статью, посвященную языковой норме, в которой ее определение претерпело некоторые изменения: «Норма языковая — совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации» [467, 337] (по всей видимости, отсутствие запятой после слова *устойчивых* — досадная опечатка; в первом варианте определения эта влияющая на смысл запятая имеется). Определение модернизировалось: *элементы языковой структуры* оправданно заменились более абстрактной *языковой системой*, а *общественная языковая практика* логично уступила место более актуальному термину с уточненным понятийным центром *процесс общественной коммуникации*. Трудно не заметить, что в данном определении сема ‘постоянство’ присутствует в значениях лексем *устойчивых, традиционны*х и *закрепленных*. Если закрепленность понимать как зафиксированное всеобщее согласие, то применение лексем *наиболее устойчивых* и *традиционных* выглядит

плеонастичным. Очевидно, с исключением из определения нормы этих семантически избыточных показателей данная дефиниция в смысловом отношении не только не пострадает, но и выиграет, поскольку станет логичной, лишенной семантических повторов и противоречий, ср.: норма языковая — это совокупность реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации.

Несложно убедиться в том, что понятие вариантности эксплицитно или имплицитно присутствует в большинстве определений языковой нормы.

Вариантность как неотъемлемое свойство нормы. Снятие противоречия ненормативной вариантности нормы. Существенным для понятия нормы оказывается ее противопоставление системе возможностей языка и узусу. Данная система не реализует всех своих возможностей, что приводит к лакунам, или реализует их с избытком — параллельными средствами, что приводит к вариантности. «Проблема нормы — справедливо замечает Ф. П. Филин — возникает в тех случаях, когда в языковой системе имеются варианты средств обозначения «одного и того же» [551, 18]. К. С. Горбачевич полагает так же: «Из-за наличия вариантов и необходимости выбора, в сущности, и возникает острая проблема нормы» [131, 27].

Из реализованных вариантными средствами возможностей системы, то есть узуальных употреблений, не все оказываются нормативными. Среди невариантных явлений узуса ненормативных не бывает, поскольку они не случайны — они востребованы, а средство выражения этой потребности в каждом таком случае только одно (выбора нет). Из сказанного следует, что ненормативные проявления узуса всегда являются вариантами нормативных: ликвидация (запрет) ненормативного варианта без оставления параллельного нормативного невозможна. Нормативные же проявления узуса могут быть вариантными. Из того, что не все вариантные употребления оказываются нормативными, вытекает терминологическое уточнение: в случаях, когда речь идет обо всех вариантах, в том числе ненормативных, — во избежание противоречивого признания ненормативных вариантов вариантами нормы —

корректно говорить не о вариантах нормы, а о вариантах той сферы языка, в которой такие варианты наблюдаются, например вариантах фонетических, словообразовательных и т. п. В силу того что нас интересуют варианты в сфере грамматики (словообразовательные, морфологические и синтаксические), мы используем термин «грамматические варианты».

Собственно языковой и социально-исторический (аксиологический) аспекты нормы. В предложенном выше обобщенном определении нормы наблюдаются два аспекта: собственно языковой (совокупность реализаций языковой системы) и социально-исторический (отобранность и закрепленность реализаций в процессе общественной коммуникации), называемый Г. В. Степановым «аксиологическим» [511]. Из этого определения следует не только вариантность нормы, но и то, что при оценке правильности следует опираться на критерий коммуникативной целесообразности, восходящий к «функционально-телеологическому» критерию правильности, выдвинутому пражскими структуралистами (см. [75, 121–122]) и развитому другими лингвистами. Так, по мнению В. Г. Костомарова и А. А. Леонтьева, «правильность литературного выражения выступает функцией коммуникативно-стилистической целесообразности и, так сказать, соразмерности данного высказывания» [242, 5–6]). Б. Н. Головин считает норму и целесообразность достаточными регуляторами человеческой речи [128, 44–45]. Л. И. Скворцов, критикуя вышеприведенные мнения за неразличение понятий правильности речи и культуры речи и за применение к обоим понятиям принципа коммуникативной целесообразности, а также развивая мысль Г. О. Винокура о необходимости различения двух аспектов культуры речи: правильности и искусности [98, 10], — предлагает дифференцировать правильность речи как владение нормами и культуру речи как умение это владение уместно использовать и акцентирует внимание на том, что принцип коммуникативной целесообразности применим только к культуре речи, но не к правильности речи [481, 81–85].

Понятие нормализации. Аспект нормы, названный Г. В. Степановым аксиологическим, то есть отбор и закрепление реализаций языковой системы в

процессе общественной коммуникации, получил название нормализации, которая может быть не только стихийной. А. М. Пешковский указывает на необходимость различения объективной и нормативной точек зрения на язык [369]. В. А. Ицкович констатирует, что термин «норма» часто употребляется в двух значениях: общепринятого употребления и предписанного употребления, подкрепленного «авторитетом известного писателя, поэта и т. д.» [211, 4] и «зафиксированного учебником, словарем, справочником» [209, 11]. Л. И. Скворцов поддерживает это различие в терминах научного и нормативного описаний языка, подчеркнув аналогию этих понятий с такими нормами права, как инкорпорация (простое описание — не путать с лингвистической инкорпорацией) и кодификация (регламентация) [481, 49].

Согласно концепции Л. К. Граудиной нормализация представляет собой комплекс проблем, состоящий из таких трех аспектов, как: 1) изучение проблемы определения нормы литературного языка, 2) исследование соотношения языковых теории и практики в нормативном аспекте, 3) совершенствование правил употребления в случае расхождения таких теории и практики [136, 3].

По мнению Н. Н. Семенюк, с которым невозможно не согласиться, признание того или иного языкового явления нормативным осуществимо при соблюдении трех критериев: 1) соответствия языкового явления структуре языка; 2) массовой и регулярной воспроизводимости данного явления в ходе коммуникации; 3) общественного одобрения и признания такого явления нормативным [467, 338].

Кодификация как частный случай нормализации, состоящий в фиксации норм. Формой указанного Н. Н. Семенюк общественного одобрения является осуществляемая лингвистами кодификация, носящая по отношению к норме ретроспективный характер, то есть фиксирующая явления, уже сложившиеся в языковой практике [467, 338]. Это фиксация узуса в грамматиках и учебниках, ортологических словарях и справочниках (именно по причине «бумажной фактичности» такой фиксации, свидетельствующей о большей ее убедительности, мы предпочитаем термин «кодификатор» термину

«нормализатор»). Еще пражские структуралисты, впервые разграничившие понятия нормы и кодификации, обратили внимание на то, что кодификация всегда отстает по времени от реального положения дел в сфере фиксируемых ею явлений, она технически не в силах учитывать состояние нормы в текущий момент, то есть кодификация не может не быть ретроспективной [114; 164; 209; 136, 3, 7; 467, 338].

Сразу после появления первых определений языковой нормы среди лингвистов преобладало мнение, что «только с нормой литературного языка связано соотносительное понятие кодификации» [165, 19]. В то же время становилось ясно, что кодификации не избежать «в таких выражениях, которые в целом имеют характер и функцию литературных и в которых встречаются такие языковые элементы, которые сами по себе не являются литературными», однако «используются намеренно и сообразно с условиями, которые действительны для использования языковых средств в соответствии с целями автора» [360, 45–46] (речь идет об учете принципа коммуникативной целесообразности). Именно кодификацией можно назвать массовое создание словарей диалектизмов, жаргонизмов и просторечия, то есть словарей языковых явлений, не входящих в состав литературного языка.

Наиболее проблемным аспектом кодификации как ретроспективной фиксации норм является выполнение требования объективности такой фиксации. Соблюдение данного требования осложняется влиянием второй стороны кодификации – прескрипции норм.

Кодификация как частный случай нормализации, состоящий в предписании норм. Как можно убедиться, идея предписания норм представляет собой еще один аспект кодификации: коррекцию узуса, если он не соответствует норме. Но, поскольку норма действительно может измениться, а привыкший к такой норме кодификатор может с этим изменением не согласиться и продолжить фиксацию прежней нормы, указав на неправомерность ее изменения, такое его несогласие можно расценивать как вмешательство в естественное развитие языка.

В отношении необходимости какого-либо вмешательства в развитие языка

мнения лингвистов разделяются. Так, А. А. Шахматов еще в 1899 году выступает решительно против такого вмешательства: «…странно было бы вообще, если бы ученое учреждение вместо того, чтобы показывать, как говорят, решалось указывать, как надо говорить» [579, 33]. Однако другие лингвисты убеждены в обратном. И. А. Бодуэн де Куртенэ считает, что невозможно «заботиться о чистоте какого бы то ни было языка, не допуская вмешательства свободной воли человека в его чисто естественное развитие» [58, 40]. Это убеждение в полной мере разделяют пражские структуралисты: «Развитие литературного языка предполагает и увеличение роли сознательного вмешательства» [525, 27]. С. И. Ожегов говорит о необходимости повышения речевой культуры, которое без сознательного воздействия на языковое сознание носителей языка невозможно. Характеризуя первое издание орфоэпического словаря русского языка Р. И. Аванесова как «детальное, всестороннее и действительно объективное описание произносительных явлений со всеми колебаниями», он критикует автора за «отказ от нормализации во избежание, как думает автор, субъективной оценки» [345, 294]. Следующие издания этого словаря, как известно, имеют специально разработанную систему стилистических (разрешительно-запретительных) помет, убедительность которых — по объективной причине невозможности эмпирической верификации всех звуковых проявлений русской речи — нередко основывается на вкусовых, то есть всегда потенциально субъективных, предпочтениях авторов словаря.

Именно субъективность оценки, то есть человеческий фактор, является главной опасностью для кодификации: «Точность кодификации, ее соответствие объективной норме в значительной степени зависят от языкового чутья нормализаторов» [466, 576]. О субъективности дифференциации грамматических вариантов в словарях неправильностей XIX и начала XX века пишут Л. К. Граудина и Б. С. Шварцкопф, имея в виду случаи, когда авторы этих словарей неправильностей «стремятся к неоправданному разграничению форм и конструкций, приписывая им семантическую дифференциацию, на самом деле отсутствующую в языке» [140, 495–496]. Н. В. Перцов приводит множество

примеров «нестабильности языкового чутья» современных лингвистов [362; 363; 364, 103–105]. Дж. Лайонз логично объясняет такую «нестабильность» тем, что «лингвист не может быть полностью свободен от предрассудков, свойственных его социальному, культурному или местному окружению», в силу чего «его суждения о своем родном языке могут быть столь же субъективны, как и суждения непрофессионала» [275, 55]. От субъективности кодификации предостерегает В. В. Виноградов: «Все то новое, развивающееся, что оправдано внутренними законами развития языка, соответствует его структуре, опирается на живые тенденции народного творчества, на активные процессы в области грамматики, семантики, словоупотребления, словообразования и т. п., не может считаться «неправильным», не может отвергаться на основе индивидуальных вкусов и привычек: оно входит или может войти в язык независимо от этих вкусов» [93, 26].

С учетом принципа известной осторожности оценок как своеобразной гарантии объективности кодификации идея сознательной корректировки речи лингвистами все же возобладала. Так, С. И. Ожегов в 1962 году говорит о «сознательном воздействии на развитие языка» как о части «языковой политики» наряду с «описанием существующих норм, установлением объективных принципов нормализации языка (в том числе принципов стилистической нормализации)» [343, 5]. Ю. А. Бельчиков в 1965 году, сославшись на приведенную выше мысль И. А. Бодуэна де Куртенэ о невозможности невмешательства в развитие языка, формулирует уже вполне категоричное убеждение: «То, что люди могут и должны вмешиваться в развитие языка с целью оптимизации речевых средств выражения мысли, — в этом сомнений нет» [45, 6]. В 1970 году Л. И. Скворцов выносит вердикт: «Нигилистическое отношение А. А. Шахматова к нормализаторской деятельности языковедов в наше время можно считать окончательно преодоленным» [481, 101].

В последние десятилетия процесс нормализации представляет собой единство стихийного отбора и сознательной кодификации (см. об этом вывод М. М. Гухман в отношении немецкого литературного языка [153, 172]). «По мере

развития литературного языка, — пишет Н. Н. Семенюк, — роль целенаправленного отбора, видимо, возрастает, а формы сознательного воздействия постепенно становятся все более разнообразными и научно обоснованными. …сознательные усилия общества тем активнее, чем сложнее исторические условия формирования литературных норм» [466, 574–575]. В. Я. Мыркин справедливо обращает внимание на то, что «прескриптивная норма» формируется под влиянием норм «ретроспективной», «дескриптивной», «системной» и «асистемной» [325].

В современной кодификации наметилась тенденция смягчения императивности предписаний. Достаточно часто они перемежаются «рекомендациями» и формулировками типа «в языке принято», «очевидно, предпочтительнее» и т. п. Судя по всему, это связано с осознанием риска субъективности предписаний, и нельзя не заметить, что тенденция смягчения прескрипций, возможно неожиданно для кодификаторов, представляет собой уступку критикуемой ими «нигилистической» позиции А. А. Шахматова. Лингвисты всё чаще говорят не только о необходимости, но и о естественности подхода, при котором кодификация не вмешивается в процесс развития языка, а лишь закрепляет сложившийся узус [212, 392; 6, 20], что соответствует представленной выше идее ее сущности как фиксации (а не прескрипции) норм, уже сложившихся в языковой практике.

Краткая история кодификации русской грамматики, в том числе кодификации ее вариантности. Отличительной особенностью кодификации в грамматиках является не объяснение нюансов употребления грамматических единиц, в том числе вариантных, а их описание [136, 7]. Закономерно, что в ситуации, когда не были подробно описаны основные категории русской грамматики, нормативность и вариантность воспринимались исследователями не в первую очередь. Тем не менее эти аспекты в первых грамматиках встречаются. Первой русской — напечатанной — грамматикой была «Российская грамматика» М. В. Ломоносова 1755 года (первой рукописной и потому не получившей широкого распространения грамматикой русского языка была, как доказано

Б. А. Успенским, грамматика В. Е. Адодурова, которой в свою очередь предшествовал ряд фрагментарных русских грамматик, переведенных на иностранные языки [544]). В этом выдающемся для своего времени труде М. В. Ломоносов показал определенное количество грамматических вариантов и стал образцовым исследователем языка для другого знаменитого лингвиста (тоже ставшего образцом для его последователей) — В. И. Чернышева. Как замечает В. В. Виноградов в исследовании, посвященном истории русского синтаксиса, «Российская грамматика» М. В. Ломоносова «была почти до самого начала XIX в. активным руководством, откуда русская интеллигенция черпала свои познания о грамматическом строе русского языка, об его звуковых и морфологических нормах, о правилах составления конструкций и их употребления» [94, 17].

Продолжением заложенной М. В. Ломоносовым и его предшественниками грамматической традиции стала заказанная Академией наук для народных училищ грамматика, написанная А. А. Барсовым в 1783–1788 гг., которая по причине чрезмерной для народных училищ того времени подробности не была опубликована сразу после ее написания, однако активно использовалась при подготовке «Грамматики Российской, сочиненной Императорскою Российскою Академиею» 1802 года. «Три грамматики — Адодурова, Ломоносова и Барсова — и определяют, таким образом, основные вехи в развитии русской грамматической мысли и кодификации русской речи. Замечательно, что все три автора, наряду с филологией, профессионально занималась естественными науками. Это обстоятельство явно способствовало самостоятельному взгляду на языковые факты, отказу от слепого следования славянской грамматической традиции, обусловливая вместе с тем стремление к точности и систематичности описания. Их подход к языку — это в большей или меньшей степени подход естествоиспытателя» [545, 9]. В первой половине XIX века на данную традицию опирались в своих грамматических исследованиях Н. И. Греч и И. И. Давыдов, хотя в целом это столетие ознаменовалось торжеством, с одной стороны, грамматического логицизма, с другой — сравнительно-исторического языкознания [15, 7–77; 584, 114].

К началу XX века во многом искусственно логизированная, особенно в области синтаксиса, русская грамматика (в это время — Ф. И. Буслаева) уступила место более реальной грамматической системе психологического направления, главными выразителями идей которого в русской лингвистике были А. А. Потебня и Д. Н. Овсянико-Куликовский. Труды этих ученых оказали воздействие на дальнейшее развитие русской грамматической мысли, однако в учебниках, появившихся под влиянием этой лингвистической парадигмы, «трудные случаи употребления грамматических форм, когда имеющие место стилистические варианты нуждались в специальных оговорках и нормативных оценках, … или не приводились, или очень кратко комментировались в примечаниях к основному тексту грамматики» [136, 19].

Примерно до 30-х годов XX века основное внимание русских грамматистов было приковано к начавшемуся еще до революции процессу внедрения положений научной грамматики в сильно упрощенную и часто антинаучную практику преподавания русского языка в школе. Этот процесс ассоциируется с появлением нового, структурного, направления в лингвистике, представленного Пражской, Копенгагенской и Американской школами [15, 36–77]), основоположником которого в русской лингвистике является Ф. Ф. Фортунатов (в целом идеи структурализма со свойственным ему повышенным вниманием к грамматической форме как основанию для выявления грамматической системности, как показывает Ю. Д. Апресян, восходят к взглядам И. А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра [15, 24–36]).

По мнению Л. К. Граудиной, в период, когда русская лингвистика оказалась поглощенной «школьными вопросами», проблемы нормативности не были забыты лишь благодаря существованию с 1911 года выдающегося труда В. И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики» [572], многие положения которого актуальны по сей день. Большое значение для развития русской синтаксичекской науки имел «Синтаксис» А. А. Шахматова [580]. Особым событием в истории русской грамматической мысли стало появление лишь в 1952 году первой в

послереволюционное время нормативной академической грамматики русского языка, закрепившей русские грамматические нормы на высшем для них лингвистическом уровне. Тем не менее, как было сказано выше, согласно закону описательности, но не объяснительности, действующему в этом научном жанре, нормативный аспект вариантности должного освещения не получил. Еще меньше внимания вариантным нормам уделено в следующей академической грамматике — 1970 года (АГ-70) [135], поскольку она изначально претендовала на рассмотрение теоретических проблем, а не на полноту описания материала (подробнее о достоинствах и недостатках этих двух грамматик — см. [136, 38–43]). В академической «Русской грамматике» 1982 года ставилась нормативная задача показать, «какие возможности словообразования, формы слов, их акцентные характеристики, синтаксические конструкции являются для современного состояния русского литературного языка единственно правильными и какие — вариативными (допускаемыми в употреблении наряду с другими, равнозначными или близкими по значениям)» [454, 3]. Тем не менее упомянутая «близость значений», предполагающая выявление различий, лишь в некоторых случаях получила толкования, преобладают же варианты «равнозначные», между которыми на самом деле различия имеются, но составителями грамматики они не выявлялись, например «нормальны обе формы прилагательного и им. и род. п.: *две молодые женщины — две молодых женщины*…» [455, 57]. Установка на описательность в ущерб объяснительности, свойственная жанру академической грамматики, сохранена и в этом труде.

Учебники, особенно школьные второй половины XIX — начала XX веков, нередко отличались поверхностностью, субъективностью, императивностью предписаний и неприятием языковой изменчивости. Однако в 50-е годы XX века, вслед за выходом первой академической русской грамматики и первых толковых словарей русского языка Д. Н. Ушакова (1935–1940) и С. И. Ожегова (1949), стали создаваться специализированные учебные пособия — по практической стилистике русского языка [119; 333; 334; 304; 349; 294; 574; 293; 468; 322; 174; 435]. Особую популярность среди лингвистов и других читателей заслуженно

приобрела «Практическая стилистика русского языка» Д. Э. Розенталя, с тех пор несколько раз переиздававшаяся (см., например, [448]). Непосредственными последователями школы практической стилистики русского языка Д. Э. Розенталя стали И. Б. Голуб, Г. Я. Солганик и Ю. А. Бельчиков, выпустившие учебники (и справочник — Ю. А. Бельчиков) по практической стилистике русского языка (см., например, [129; 497; 46]).

Ортологические словари выглядят более прогрессивными в сравнении с субъективными, фрагментарными словарями неправильностей XIX — начала XX веков [136, 8–17], поскольку, в отличие от последних, не только обладают более широким охватом материала, но и гораздо чаще аргументируют запреты или разрешения соответственно неправильностей или правильностей. Впрочем, наиболее известные из словарей неправильностей тоже демонстрируют определенный прогресс: в виде роста объемов материала. Так, в словарях А. Н. Греча 1843 (первое издание — 1839) года [144] и К. Зеленецкого 1855 года [185] соответственно 24 пары и 20 пар вариантов, а в словаре В. Долопчева 1886 года [161] — уже 700 словарных статей, что свидетельствует о расширении поля восприятия у составителей словарей. «Опыт» В. И. Чернышева 1911 года [572], как мы уже сказали, стал для своего времени образцом стилистического словаря грамматических вариантов, затмив современный ему словарь И. И. Огиенко 1911 года [342]. Более того, как сказано выше, составители следующих словарей такого типа, а также других научных трудов считают себя продолжателями традиции, учрежденной В. И. Чернышевым, которого «можно по праву считать создателем жанра новой русской стилистической грамматики» [136, 28]. Так, в 1962 году под руководством и редакцией С. И. Ожегова был подготовлен труд Л. П. Крысина и Л. И. Скворцова «Правильность русской речи. Трудные случаи современного словоупотребления. Опыт словаря-справочника» [434] (второе издание, исправленное и дополненное, вышло в 1965 году под названием «Правильность русской речи. Словарь-справочник» [433]). В 1963 году появился «Краткий словарь трудностей русского языка» (подготовлен коллективом сотрудников МГУ, составлен на материале СМИ 50–60-х годов; второе издание, 1974 года, —

под названием «Трудности русского языка. Словарь-справочник журналиста»; авторы — В. Н. Вакуров, Л. И. Рахманова) [81]. В 1974 году вышел в свет словарь-справочник «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» под ред. К. С. Горбачевича [537]. В 1976 году появился словарь Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича и Л. П. Катлинской «Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов» [137] (во втором издании, 2001 года, — под названием «Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов» [138]). В 1976 году был издан «Словарь трудностей русского языка» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой [449]. В 1977 году появился «Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Около 100 000 слов» А. А. Зализняка [180] (внимания на вариантности не акцентирующий). В 1980 и 1983 годах вышло в свет справочное пособие по произношению, ударению и словоупотреблению Л. И. Скворцова «Правильно ли мы говорим по-русски?» [482]. В 1986 году появился «Словарь грамматических трудностей русского языка» Т. Ф. Ефремовой и В. Г. Костомарова [175]. В 1995 и 2009 годах вышли соответственно «Культура русской речи: словарь-справочник» и «Большой толковый словарь правильной русской речи» Л. И. Скворцова [480; 479]. Очевидно, создателей указанных словарей не могли не напутствовать слова Л. В. Щербы о том, что « нормализаторская роль нормативного словаря» должна состоять «в ниспровержении традиции там, где она мешает выражению новой идеологии; … в поддержании новых созревших норм там, где проявлению их мешает бессмысленная косность» [601, 98].

Толковые словари грамматическую информацию представляют скудно и описательно, без аргументов. «В собственно нормативном отношении толковые словари характеризуются «позитивностью»: нормализация в них заложена изнутри; они включают и демонстрируют факты, соответствующие нормам современного литературного языка» [483, 295]. Однако это лишь на первый взгляд выглядит ортологически бедно: «Пословная кодификация норм в словарях сделана более тщательно, чем в грамматиках» [136, 29].

1.2. Традиционные аспекты изучения грамматической вариантности

Предварительное терминологическое уточнение. В ортологии наблюдается употребление двух паронимичных названий одного и того же понятия: *вариативность* и *вариантность*. Эти термины восходят к прилагательным *вариативный* и *вариантный*, имеющим словообразовательное значение ‘обладающий свойством иметь варианты’, которое соответственно передается каждому производному существительному (*вариативность* и *вариантность*), получающему значение ‘свойство иметь варианты’. Суффикс *-ивн-* является алломорфом морфемы-суффикса *-н-*, употребляемым после *[д’], [т’], [с’], [з’]* [454, 274], то есть семантических и стилистических отличий помимо формального от *-н-* не имеющим. Абсолютная синонимичность таких существительных, употребляемых в качестве термина, для лингвистов неприемлема, поэтому неудивительно, что ученые выбирают либо один их этих вариантов по вкусу, либо волюнтаристски и с неясной мотивацией присваивают этим «дублетам» дифференцирующие их семантику признаки, например вариативность как целостность и вариантность как константность или вариативность как динамика и вариантность как результат динамики [101; 607, 190]. Ю. В. Дорофеев устанавливает: «…варьирование — процесс, обеспечивающий развитие языка; вариантность — свойство языка, обусловливающее возможность этого процесса; вариативность — результат этого процесса, выражающийся в существовании различных вариантов языка», связанных с «социальной принадлежностью, полом, этнической принадлежностью, территорией проживания и т. п.» [162, 31–33] (невозможно не согласиться с тем, что варьирование — процесс, но вариантность как свойство и вариативность как результат варьирования противопоставлены неубедительно). Не состоялась и лексикализация этих слов по примеру *эффектный* = ‘зрелищный’ и *эффективный* = ‘полный эффекта’. Не считая ни корректным, ни необходимым, вмешиваясь в языковой процесс, присваивать этим пока еще абсолютно синонимичным словам не присущие им смыслы и, возможно, руководствуясь

подсознательным стремлением к экономии, ограничимся терминологическим применением более частотных и современных слов *вариантный* и мотивированного им *вариантность*. Здесь и далее под грамматическими вариантами и грамматической вариантностью мы понимаем грамматические варианты и грамматическую вариантность в русском языке.

Появление и утверждение ортологии и ее центрального понятия — вариантности. Вопрос об изучении языковой вариантности с целью решения проблем правильности русской речи впервые был поставлен в 1960 году в коллективной статье О. С. Ахмановой, Ю. А. Бельчикова и В. В. Веселитского [27], в которой было предложено создать новую лингвистическую дисциплину «ортологию», центральным понятием которой стала бы вариантность, изучаемая на всех уровнях языка, а не только в сфере орфографии и орфоэпии, как это наблюдалось ранее. Данная статья подверглась критике в рецензии Ю. М. Скребнева [486], обратившего внимание на то, что как наука ортология не имеет своего объекта исследования, поскольку объединяет материал нормативной грамматики с некоторыми понятиями стилистики. Большинство ученых согласились с тем, что полноправного статуса «науки» ортология не имеет, однако в статусе «дисциплины», контролирующей и изучающей языковую вариантность, она крайне необходима (о текущих задачах ортологии на начальном этапе ее существования — см. [28]).

Идея грамматической вариантности изначально не отделялась от идеи вариантности слова в целом, включая все его стороны: звуковую, буквенную, лексико-семантическую и грамматическую. Однако постепенно лингвисты стали изучать эти аспекты в отдельности.

Вопрос о принадлежности вариантов к разным уровням языка. На данный аспект вариантности исследователи обратили внимание прежде всего. Так, А. И. Смирницкий выделяет варианты: 1) фономорфологические (*взрывный — взрывной*), в том числе фонетические, или звуковые, и морфологические, которые в свою очередь делятся на грамматико-морфологические и лексико-морфологические, или словообразовательные; 2) лексико-семантические (*дом* —

«здание», *дом* — «жилье») [490, 25]. О. С. Ахманова фиксирует лексико-семантическое, лексико-фразеологическое, лексико-синтаксическое, фонетическое и морфологическое варьирование [29, 5 и сл.]. В пособиях по практической стилистике русского языка, в словаре [138] принято распределять типы вариантов по грамматическим уровням. Однако отнесение того или иного вариантного явления к определенному уровню грамматики не всегда удается (подробнее об этом — см. следующий подраздел).

Вариантность в синхронии и диахронии. Еще один аспект вариантности — ее признание с позиций синхронии и диахронии. Так, пражские структуралисты рассматривали вариантность как проявление динамизма языковой нормы. «Развитие нормы совершается именно благодаря вариантам, — пишет А. Едличка, — они являются, как правило, переходными формами от одного качества к другому; вместе с тем их позитивная роль состоит в том, что они весьма часто служат средством стилистической дифференциации» [164, 553]. Как видим, признавая стилистическую дифференциацию вариантов в диахронии, автор не признаёт сосуществование вариантов в синхронии (а также не видит семантических различий между ними), чем сужает понятие вариантности. К. С. Горбачевич тоже понимает варианты как исторически сменяющие друг друга: «…наличие вариантности, т. е. стадии сосуществования старого и нового качества, не только не вредно, но даже полезно, целесообразно. Варианты как бы помогают нам привыкнуть к новой форме, делают сдвиг нормы менее ощутимым и болезненным». Но в то же время автор справедливо обращает внимание и на оправданное сосуществование определенных вариантов, отличая их в этом случае от синонимов: «…многие из них вовсе не тождественны и уже поэтому не могут рассматриваться как избыточное, как балласт нашей речи. Напротив, присущая вариантам особая функциональная нагрузка превращает их в важное стилистическое средство литературного языка, которое, наряду с синонимикой, способствует уточнению мысли». К. С. Горбачевич, как и Л. И. Скворцов, считает, что «для истории русского литературного языка характерно некоторое сокращение количества вариантов», происходящее за счет некоторого уменьшения количества вариантов со стилистическими различиями [131, 25–26].

Динамический аспект вариантности представлен также в лингвопрогностических ее исследованиях — см., например, монографию Н. В. Хруцкой, посвященную лингвистическому прогнозированию будущей коэкзистенции русских фонетических, фонемно-орфографических, орфографических, морфологических и морфолого-фонематических, то есть в пределах тождества слова, вариантов [563].

Тождество слова как критерий вариантности. Затем внимание лингвистов привлек семантический аспект вариантности, результатом чего стало признание вариантами лишь семантически тождественных похожих явлений, что в свою очередь было результатом влияния принципа тождества слова.

Именно так понимает вариантность Ф. П. Филин: «…многочисленные в языке случаи, когда одно и то же лексическое значение имеет различное оформление, причем различные показатели этого оформления не вносят каких-либо новых оттенков значения. Например, *ноль* и *нуль*, *лиса* и *лисица*, *скирд* и *скирда*, *искренний* и *искренный*, *закалять* и *закаливать*, *машу* и *махаю* и т. д. и т. п.» [552, 128]. Вариантность лишь «в пределах тождества слова» вначале признаёт и К. С. Горбачевич [130, 4], однако впоследствии, через три года после выхода его известного словаря-справочника [537], склоняется к необходимости изучения и синтаксической вариантности [132, 64 и сл.].

Н. Н. Семенюк, считая вариантность необходимым условием существования норм, предлагает понимать ее как «существование в определенном языке одной и той же лексемы, словоформы или одной и той же синтаксической конструкции по крайней мере в двух различных формальных модификациях, не связанных с изменением основного лингвистического значения данной конкретной единицы. … В ее составе различаются, с одной стороны, полные варианты, у которых, при известных формальных различиях, и значение и функция совпадают, а с другой — варианты неполные, различающиеся не только своей материальной манифестацией, но также вторичными (преимущественно экспрессивно-стилистическими) оттенками значений, или, наконец, функционально, т. е. сферой использования» [465, 49–50]. Как видим, Н. Н. Семенюк признаёт стилистические и функциональные различия между

вариантами и включает в вариантность явления синтаксические, но, как и Ф. П. Филин, не признаёт их семантической дифференциации.

Р. П. Рогожникова конкретизирует определение Ф. П. Филина и сужает понимание вариантности у Н. Н. Семенюк, считая вариантами слова лишь варианты фонетические и морфологические при их семантическом тождестве и стилистической дифференциации [446, 12]. Однако если стилистическая дифференциация, позволяющая считать такие слова стилистическими синонимами, позволяет считать такие слова вариантными, то вряд ли корректно не считать вариантами языковые явления, различающиеся семантически, среди которых есть явления словообразовательные, морфологические и синтаксические. Такой подход, безусловно, расширяет понятие языковой вариантности, но расширяет оправданно, поскольку позволяет охватить все трудноразличимые явления грамматики, а не только ограниченные пределами слова в его прямом лексическом значении. При этом вопрос о вариантности в фонетике можно не ставить совсем, поскольку любая вариантность на уровне звуков прежде всего проявляется в значимых частях слова — морфемах (корнях, аффиксах и флексиях) и потому может считаться относящейся к вариантностям словообразовательной и морфологической: см. подобное понимание в высказывании Р. П. Рогожниковой: «Иногда фонетическим варьированием сопровождаются морфологические изменения слова», — после которого речь идет о вариантах типа *обусловливать — обуславливать* [446, 23]. Необходимо уточнить: не иногда, а всегда фонетические явления сказываются в явлениях морфологических (в грубом приближении по традиции включающих в себя явления деривационные), ибо в *обусл**о**вливать — обусл**а**вливать* наблюдается морфонологическое (современный термин) различие того же типа, что в *скр**и**пка* и *скр**ы**пка* или *пр**и**нцип* и *пр**ы**нцып*, которые Р. П. Рогожникова считает вариантами чисто фонетическими — не морфологическими [446, 22].

Л. К. Граудина, продолжая мысль Э. Косериу о противопоставлении дублетно-вариантной по своей природе нормы системе (см. предыдущий подраздел), приводит примеры русских вариантов-дублетов: *загляден**и**е — загляден**ь**е, тр**а**кторы — трактор**а**, руко**ю** — руко**й*** — и считает, что они

представляют собой «критические точки в системе; слабость внутрисистемных смыслоразличительных связей открывает здесь двери для широких внешних влияний» [136, 65]. Очевидно, эти влияния связаны с поиском смыслоразличения в бесполезной дублетности, и это смыслоразличение вполне очевидно: приведенные «варианты-дублеты» различаются стилистически и, следовательно, если признавать дублетами лишь семантически тождественные варианты, дублетами не являются.

Е. И. Шендельс в статье, посвященной синтаксическим вариантам, тоже демонстрирует исключительно семантическое понимание дублетности: «Незначимые варианты именуются синтаксическими дублетами. Варианты не являются синонимами, так как они либо тождественны по значению (дублеты), либо их смысловое различие не затрагивает системных грамматических значений» [587, 18].

Л. И. Скворцов рассматривает дублетную вариантность исключительно как временное явление. Когда ученый замечает, что «не всегда появление двояких форм бывает вызвано борьбой старого и нового», он имеет в виду «искажение литературной нормы недостаточно грамотными людьми» или «проникновение в язык тех или иных диалектных явлений» [481, 89–90], то есть признаёт возможность лишь стилистических различий между коэкзистенциальными вариантами, а затем пишет о «постепенном преодолении вариативности в литературном языке» [481, 92].

Е. С. Кубрякова «варьированием» считает «процессы сосуществования и конкуренции гетерохронных и гетерогенных образований, объединяемых по какому-либо сходному признаку, чаще всего по сходству денотативного значения рассматриваемых единиц» [268, 209]. В этой дефиниции учтены все фрагментарно названные выше особенности языковой вариантности.

Вопрос об инварианте. Идея вариантности языковых явлений неизменно связана с идеей наличия инварианта при любой вариантности.

Так, А. Мартине обращает внимание только на независимость языковых единиц от варьирования их деталей [307, 387–388], что предполагает некую находящуюся над ними общность. Л. Ельмслев говорит о ней же как об

инварианте: «…встречается много образцов каждого сложного предложения, каждого простого предложения, каждого слова и т. д. Эти образцы мы будем называть вариантами, а сущности, образцами которых они являются, — инвариантами» [169, 320]. Обращая внимание на то, что понятия вариантов и инварианта вошли в лингвистику через фонологию, где фонему весьма комфортно считать инвариантом, а затем «были экстраполированы на другие сферы языка», В. М. Солнцев считает, что «инвариантом следует называть некоторый абстрактный предмет, характеризующийся абстрактными свойствами. <…> Инвариантность существует в предмете как общее в отдельном. Инвариантность и вариативность суть две стороны одного предмета» [501, 213–214, 218].

Важно понимать, что уровни абстракции в разных случаях разнятся [498, 81], но при этом не следует забывать о том, что уровень обобщения может быть выше уровня, на котором фиксируется тождество слова. Например, для вариантов *туристский — туристический* приходится считать инвариантом их ‘свойство обозначать нечто относящееся к человеку или к явлению’.

В. И. Подлесская разделяет вариантность на два вида: дистрибутивную, предполагающую наличие инварианта, представленного двумя и более вариантами (аллофоны, алломорфы и т. п.), и репродуктивную, при которой «языковые единицы признаются вариантами по отношению к некоторому метаязыковому конструкту» и для которой «условие семантической общности не является ни необходимым, ни достаточным». Это, например, «существование нескольких способов реализации грамматических категорий, различных вариантов реализации моделей управления» [380]. Такое понимание инвариантности определению В. М. Солнцева не противоречит.

Причины грамматического варьирования. Причины появления вариантов языковых явлений вообще и грамматических в частности можно охарактеризовать как череду исторических событий той или иной обусловленности. К. С. Горбачевич называет некоторые внешние, например влияние диалектов и других языков, и внутренние причины вариантности в языке, в частности действие фактора аналогии, многообразие структурных потенций

языковой системы, тенденцию к экономии [130, 23–24]. Знание таких причин в ряде случаев позволяет объяснить современное функционирование грамматических вариантов, например преобладание несклонения фамилий типа *Черных* (см. пункт 4.4.1). Однако важно помнить о том, что чаще всего, каковы бы ни были причины современного грамматического варьирования, рядовые носители языка их не знают и при употреблении грамматических вариантов не учитывают, стихийно руководствуясь другими соображениями. Достаточно вспомнить, что формы м. р. на твердый согласный в И. мн. ч. и только неодуш. В. мн. ч., например *доктор**а**, кузов**а***, по происхождению — формы дв. ч., но сейчас это в основном разговорные формы мн. ч. (см. пункт 4.3.1).

Императивные и диспозитивные варианты. Понятия императивности и диспозитивности пришли в лингвистику из юриспруденции, где они применяются как характеристики норм. Юридические нормы принято делить на императивные (повелительные, прецептивные), не терпящие альтернативы, и диспозитивные (распорядительные), предполагающие сосуществование альтернативных предписаний в случае дифференциации условий их применения [238, 180–190]. Это принципиальное различие оказалось вполне применимым к языковой вообще и грамматической в частности вариантности. Так, Л. И. Скворцов юридические термины «императивный» и «диспозитивный» предложил применять к языковым нормам: под императивными языковыми нормами понимать «обязательные реализации, вытекающие из возможностей структуры», а под диспозитивными языковыми нормами — «рекомендации, которые даются с оглядкой на структуру или выступают как следствия тех или иных теоретических или культурно-исторических предпосылок» [481, 50; 483, 35]. Поскольку императивные и диспозитивные языковые нормы предполагают вариантность, интересующие нас грамматические варианты можно различать как императивные, один из которых является правильным, а второй нет, и диспозитивные, обоснованно сосуществующие. Это обоснование имеет вид семантических (здесь и далее — в широком смысле: лексико-семантических и грамматико-семантических) и стилистических различий.

В лингвистике понятие императивности «первичнее» понятия

диспозитивности: «В 30–60-е годы господствовало такое отношение к литературному языку: норма — это запрет. Норма категорически отделяет пригодное от недопустимого, — замечает М. В. Панов. — Теперь отношение изменилось: норма — это выбор. Она советует взять из языка наиболее пригодное в данном контексте» [355, 27]. Автор говорит о смене диспозитивностью императивности. На самом же деле «норма как запрет» не исчезла. Просто к ней добавилась «норма как сосуществование», которая, как новое явление, привлекает внимание лингвистов, иногда затмевая уже существующее.

Семантические и стилистические различия между грамматическими вариантами. Распределение семантических и стилистических различий между грамматическими вариантами убедительно описывает Д. Н. Шмелев: «…когда с дублетными грамматическими формами не связывается никаких семантических различий, одна из них постепенно перестает употребляться в литературном языке среди его стилистически нейтральных средств. Взамен семантических различий эти формы развивают тогда стилистическую дифференциацию» [592, 423]. О том же в отношении любой языковой вариантности говорит Л. К. Граудина: «Когда языковые единицы лишаются значимых различий и приобретают черты тождественных единиц …, на смену смысловым оппозициям приходят оппозиции стилистические» [136, 85]. Если же указанная стилистическая дифференциация тоже не развивается, один из вариантов покидает язык: «Когда эти формы не связаны ни с какими различиями семантического или стилистического плана и являются по существу дублетами, одна из них постепенно перестает употребляться в литературном языке, уступая место другой…» [481, 88]. Ср. также приведенные О. С. Ахмановой в 1957 году фонетические варианты: *бакен — бакан, крынка — кринка, цистерна — систерна, шхуна — шкуна* и др. [29, 197]: вторые варианты в этих парах, как не получившие семантических и/или стилистических отличий от первых вариантов в этих парах, уже вышли из употребления.

Варианты грамматических форм и варианты грамматических значений. Грамматические варианты могут различаться либо неодинаковыми, но формально и/или содержательно похожими грамматическими значениями

(*туристский — туристический, в Осаке — в Осака, несколько автомобилей стоит — несколько автомобилей стоят*), либо формами выражения одного и того же грамматического значения, обладающими разными стилистическими характеристиками (*в отпуске — в отпуску*) (см., например, [454, 454]). Однако в любом из этих двух случаев варианты имеют формальные различия, что и позволяет считать такие варианты грамматическими. Поэтому такое их различие в ходе дальнейшего исследования не учитывается.

Просторечные грамматические варианты. В отношении явлений, которые можно считать просторечными, единое мнение отсутствует. Так, общепризнанным является то, что просторечие наряду с диалектизмами и жаргонизмами противопоставляется явлениям литературного языка. Однако это не мешает исследователям констатировать переходные — «литературно-просторечные» — формы (см., например, об «обиходно-бытовом просторечии» в [555, 251–252] или «литературном просторечии» в [47, 402]). Не столь уж редко какие-либо языковые факты одними исследователями трактуются как разговорные, другими — как просторечные. Так, Л. П. Крысин, различая близкое к диалектизмам «просторечие-1» (свойственное представителям старшего поколения) и «просторечие-2» (свойственное молодежи), предлагает считать просторечием-2 деминутивы типа *огурчик, височки, водичка* [261, 64; 495, 23], с чем трудно согласиться, поскольку деминутивы могут употребляться всеми носителями языка в непринужденной ситуации общения, то есть могут считаться разговорными.

По нашему убеждению, просторечными следует считать лишь такие языковые единицы, которые развитая языковая личность не употребляет ни при каких — даже свойственных самой обыденной и непринужденной ситуации коммуникации — условиях. Указанная языковая личность считает такие факты абсолютно неправильными, но, безусловно, знает их, поскольку просторечие, «в отличие от говоров и жаргонов, — общепонятная для носителей нац. языка речь» [47, 402]. Это убеждение полностью соответствует общепринятому пониманию просторечия как свидетельства невладения нормами литературного языка (см. об этом [261, 54]). Диалектизмы и жаргонизмы невозможно считать абсолютно

неправильными — в сферах их употребления они абсолютно уместны. Однако не связанное со сферами употребления просторечие должно считаться явлением абсолютно неправильным — только в этом случае его существование можно объяснить. Именно поэтому, изучая грамматическую вариантность, мы не рассматриваем явления диалектные и жаргонные, но учитываем явления просторечные. Совершенно очевидно, что на лексическом уровне переход просторечия в слова разговорные — явление частотное (ср., например, современную разговорность таких слов, как *галдеть, гаркать, гиблый, елозить, ерепениться, зажилить, карманник, кокнуть, колошматить, морока*, и их просторечность в учебнике Д. Н. Шмелева [594, 153]), однако в грамматике просторечие, будучи по-грамматически консервативным, свою стилистическую окраску столь быстро не меняет.

Концепция грамматической вариантности Л. К. Граудиной. Л. К. Граудина, проанализировав существующую до 1980 года литературу, посвященную вариантности, вырабатывает свою концепцию грамматической вариантности, которая впоследствии не опровергалась и не развивалась. Исследователь считает грамматическими вариантами «функционально тождественные грамматические единицы, отличающиеся регулярным несовпадением грамматической формы. В отличие от других параллельных средств речи грамматические варианты должны отвечать следующим требованиям: 1) критерию грамматической системности, 2) регулярной взаимозаменяемости, 3) функциональной эквивалентности грамматического значения в пределах сравниваемых контекстов, 4) однородности сравниваемых грамматических структур». Это понимание грамматической вариантности и «было положено в основу отбора и обработки материала словаря вариантов «Грамматическая правильность русской речи» [136, 120–121].

Критерий грамматической системности Л. К. Граудина связывает с регулярностью колебания грамматической формы. По наличию регулярности таких колебаний определяется отличие грамматических вариантов от ситуативных грамматических вариаций. Автор считает, что, например, «слова ***об**венчаться* и ***по**венчаться*, *о**б**жог* и *ожог* не могут быть отнесены к

грамматическим вариантам — они не встают в регулярный грамматический ряд» (то же относится к глаголам ***вос**претить* и ***за**претить*). «Требование регулярности можно считать реализованным, если существует не менее двух пар вариантов формы» [136, 111, 115].

Говоря о критерии регулярной взаимозаменяемости, Л. К. Граудина замечает, что «он не может считаться ни единственным, ни основным», и опять говорит об отличии грамматических вариантов от других «ситуативно-стилистических вариаций».

Критерий функциональной эквивалентности грамматических значений Л. К. Граудина считает «существенной чертой вариантов» и говорит о различении двух типов грамматических вариантов: денотативном (*тр**а**кторы — трактор**а*** и под.) и ситуативном (*читател**ь** ждет новых книг — читател**и** ждут новых книг; Уганда вышла победител**ем** — Уганда вышла победител**ьницей*** и под.) [136,116–117].

Критерий однородности сравниваемых грамматических структур призван отличить грамматические варианты, например, от ситуативной вариантности, представляющей собой 120 синонимов, полученных А. М. Пешковским от перестановок, допускаемых порядком слов, свойственным русскому языку, компонентов во фразе *Я завтра пойду гулять* [367, 157]. Критерий грамматической однородности был предложен Е. П. Шендельс [586].

В целом признавая концепцию Л. К. Граудиной, мы констатируем неуниверсальность части предложенных ею критериев вариантности — об этом идет речь в подразделе 3.3.

Ортологические школы и жанры ортологических пособий: обобщение и оценка. На основании сказанного выше можно говорить о существовании в настоящее время трех ортологических школ и трех жанров пособий, кодифицирующих употребление грамматических вариантов. Это: 1) школа К. С. Горбачевича, представленная словарем-справочником [537], вслед за Ф. П. Филиным исходящая из узкого понимания грамматической вариантности, то есть ее признания лишь в пределах тождества слова; 2) школа Д. Э. Розенталя, представленная рядом пособий, демонстрирующая относительно широкое

понимание грамматической вариантности, при котором, однако, не учитывается вариантность словообразовательная; 3) школа Л. К. Граудиной, которая в соавторстве с В. А. Ицковичем (написавшим раздел «Синтаксис») и Л. П. Катлинской (написавшей раздел «Словообразование») представляет абсолютно широкое понимание грамматической вариантности в словаре «Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов» (Л. К. Граудина является в нем автором раздела «Морфология») [138]. Представители школ К. С. Горбачевича и Д. Э. Розенталя, а также другие авторы используют жанр организованных в алфавитном порядке словарей трудностей — см. в предыдущем подразделе ссылки на словари К. С. Горбачевича, Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой, Л. П. Крысина и Л. И. Скворцова и других, которые содержат не только грамматические варианты. Представители школы Д. Э. Розенталя создают также учебники и справочники по практической стилистике, тоже описывающие не только грамматические варианты, — см. в предыдущем подразделе ссылки на учебники И. Б. Голуб, Г. Я. Солганика разных лет издания и справочник Ю. А. Бельчикова 2008 года, но они не развивают идею изучения «словообразовательных ресурсов языка», выраженную Д. Э. Розенталем на трех страницах его «Практической стилистики…» [448, 86–88]. Указанный словарь Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича и Л. П. Катлинской (в исправленном и дополненном виде редакции 2001 года) остается единственным в своем жанре пособием, в котором обобщенно — не по алфавиту, а по типам — рассматриваются, во-первых, только грамматические варианты и, во-вторых, варианты всех трех грамматических ярусов.

Особо следует отметить проект словаря-справочника «Вариантность в русском языке», представленный С. О. Савчук и Е. А. Гришиной. Наряду с лексическими и акцентологическими вариантами в словаре планируется представить варианты грамматические — с описанием их стилистических и хронологических характеристик и указанием справочно-библиографических данных. Исследование проводится на материале НКРЯ с применением метода статистического анализа [462; 148]. Опубликованы первые результаты «корпусного исследования» морфологических вариантов [461; 460]. В этих

работах говорится о количественно-узуальных и стилистических различиях между такими вариантами, но не фиксируются различия семантические (подробнее об этом говорится в разделе 4). Однако идею использования для исследования грамматических вариантов данных НКРЯ следует признать прогрессивной, поскольку, в отличие от «метода пассивного наблюдения за устной и письменной речью», который не может обеспечить «репрезентативность выборки для вариантов с низкой частотой употребления» [136, 77], упрощенное электронным поиском обращение к корпусным данным позволяет получать результаты «путем целенаправленного отбора текстов» [460, 628] .

Можно говорить о том, что в целом мы продолжаем традицию изучения грамматических вариантов, заложенную Л. К. Граудиной, поскольку признаём вариантность на всех трех ярусах грамматики и поддерживаем идею представления грамматических вариантов по типам.

1.3. Теоретические и практические проблемы изучения грамматической вариантности

Теоретические проблемы изучения грамматической вариантности. Не вполне преодолены представления (особенно распространенные среди школьных учителей) о том, что язык, в частности русский, достиг своего совершенства, из чего следует, что вариантность портит язык и ее необходимо искоренять. Еще не так давно К. С. Горбачевич писал: «Многие считают, что наличие подобных дублетов является несовершенством, болезнью языка, и обвиняют языковедов в чрезмерной терпимости и даже в губительном попустительстве. Общественность нередко призывает ученых принять решительные меры (в виде декрета!) для искоренения вариантности» [131, 25] (о том же речь идет в [130, 3]). «Причины современного неоднозначного отношения к вариантным формам языка в России и Украине, — справедливо замечает Ю. В. Дорофеев, — являются следствием социальных отношений, претерпевших трансформацию в условиях тоталитарного государства» [162, 28]. До сих пор вариантность может расцениваться как свидетельство расшатанности норм. Так, Н. В. Юдина в 2010 году считает

проявлением кризиса в русском языке «быстрый рост разного рода вариантов (вспомним в этой связи вариантность и динамичность нормы в современном русском языке)…» [607, 265]. В настоящее время хорошо известно, что любое отступление от нормы (именно это явление имеет в виду Н. В. Юдина — см. [607, 192–197]) со временем может стать нормативным. Следует помнить и о том, что при таком проявлении языкового кризиса, как «умирание языка», наблюдается стремительный рост беспорядочной, затрудняющей коммуникацию вариантности наряду с упрощением структуры языка и исчезновением в нем стилистических различий. Так, в фонологических стистемах умирающих америндских языков чипевьян и сарси наблюдаются беспорядочные инновации [626]. В русском языке такие признаки умирания отсутствуют (о проблеме «языковой устойчивости» — см. [531]).

Понимание статуса языковой вариантности как неисповедимой и ненужной случайности языкового развития в основном стало достоянием прошлого, однако неслучайность грамматической вариантности обосновывается не более чем общими декларациями о грамматическом варьировании как следствии и необходимом условии языкового развития, ср., например: Н. Н. Семенюк: «Вариантность языковых средств, являющаяся избыточной с точки зрения структурной организации, составляет вместе с тем тот резерв языка, который обеспечивает гибкость и разнообразие форм выражения определенного содержания» [466, 586]; Г. В. Степанов: «Вариативность языка есть проявление процесса эволюции и ее результатов, с одной стороны, и с другой — тот материально-идеальный субстрат, который служит основой направленных изменений языка в развивающемся обществе» [510, 289]; Ю. В. Дорофеев: «Вариантность лежит в основе изменчивости и развития языка…» [162, 27]. Л. П. Крысин считает «вариативность нормы» естественным явлением, обусловленным «эволюционными процессами в литературном языке» [258, 7]. По мнению Л. А. Воронова, роль вариантов в истории языка «заключается не только в том, что они получают стилистическую или семантическую дифференциацию. Их большая роль … заключается в том, что они являются маленькими, но

неизбежными ступеньками в постоянной трансформации системы языковых средств» [105, 11]. «Вариантность в грамматике живого языка, — пишет Л. К. Граудина, — это извечная форма ее развития» [136, 113]. По нашему убеждению, общая мысль «варианты развивают язык» требует конкретизирующего объяснения.

Представление грамматических вариантов в практических стилистиках и словаре [138] характеризуется традиционной ориентацией на разделы грамматики, части речи и грамматические категории. Данный традиционный подход оборачивается отсутствием системной презентации таких вариантов, ориентированной на интеграцию их семантических и стилистических характеристик, из-за чего у носителей языка, в том числе лингвистов, не складывается соответствующего системного представления. Например, они не имеют возможности сразу убедиться том, что морфологические варианты числа типа *моторное масло — моторные масла* обозначают абстрактные и конкретные понятия так же, как синтаксические варианты падежа именной части сказуемого типа *Он был мастером — Он был мастер* или варианты управления типа *ждать поезда — ждать поезд*.

Нередко оказывается, что внутри одного — обобщенного по грамматическому признаку — «типа вариантов» содержатся принципиально разные вариантные различия. Например в «типе вариантов» форм повелительного наклонения 2-го лица единственного числа содержится пять подтипов: 1) глаголы с ударяемой финалью *-ить* типа *доить*; 2) глаголы с накоренным ударением типа *помедлить*; 3) глаголы с ударяемой приставкой *вы-* типа *выгрузить*; 4) некоторые глаголы с основой на губной и сонорный типа *уведомить* или только сонорный типа *откупорить*; 5) возвратные глаголы, которые в повелительном наклонении «в устных приказах, в среде военных, в туристских, школьных, лагерных командах» имеют «усеченные формы на *-сь*» типа *равняйсь* [138, 269–274]. Некоторые из этих подтипов — в силу специфики наблюдаемой в них дифференциации — вполне могут быть представлены как отдельные стилистические типы вариантов, а не как один тип, объединение в который

осуществлено лишь по признаку колебания в форме повелительного наклонения. «Варианты типа *после окончания — по окончании — по окончанию*» [138, 62–63] на самом деле представляют собой не одну тройную оппозицию, а четыре бинарные: *после окончания — по окончании* с семантическим различием, *после окончания — по окончании* со стилистическим различием [404], *по окончании — по окончанию* со стилистическим различием и *после окончания — по окончанию* со стилистическим различием.

Если грамматические разделы ортологических пособий пишутся разными авторами, это может приводить к тому, что одни и те же типы вариантов оказываются представленными в разных разделах одного пособия. Так, в словаре [138] в разделе «Морфология» (автор Л. К. Граудина) показаны «Варианты типа *снега — снегу*. Родительный единственного существительных мужского рода на твердый согласный» [138, 169–177], а в разделе «Синтаксис» (автор В. А. Ицкович) разъясняется употребление вариантов типа «*купить табак — купить табака — купить табаку*. Формы родительного или винительного падежа в количественно-выделительном (партитивном) значении» [138, 43], хотя на самом деле это один и тот же тип вариантов. В этом же словаре в разделе «Синтаксис» В. А. Ицкович представляет варианты типа *по пять — по пяти* [138, 64–65], а в разделе «Морфология» Л. К. Граудина представляет однотипные вариантам *по пять — по пяти* варианты *по несколько — по нескольку*, на наблюдения В. А. Ицковича не ссылаясь [138, 363–364]. При этом В. А. Ицкович считает, что в *по пять* предлог *по* управляет винительным падежом числительного, а Л. К. Граудина полагает, что в *по пять* и *по несколько* наблюдаются несклоняемые формы числительных. Семантико-стилистическое обобщение в одном пособии вариантов разных грамматических ярусов позволило бы избежать таких недоразумений.

Собственно грамматическая характеристика типа грамматических вариантов не является гарантией того, что такой тип будет корректно отнесен к своей грамматической категории. Это объясняется взаимной зависимостью смежных языковых уровней (см. об этом мнение В. Н. Ярцевой [612, 22]). В связи

с этим понятно, почему одни и те же явления грамматической вариантности оказываются отнесенными к разным разделам в разных ортологических пособиях, однако из этого понимания не следует, что категориальная принадлежность таких явлений на самом деле неоднозначна. Например, варианты типа *МИД заявил — МИД заявило* Д. Э. Розенталь и его последователи И. Б. Голуб, Г. Я. Солганик и Ю. А. Бельчиков, называя вариантами согласования аббревиатур, относят к сфере синтаксиса, а Л. К. Граудина, называя вариантами рода аббревиатур, — к сфере морфологии. Очевидно, что в данном случае корректна точка зрения Л. К. Граудиной, поскольку род аббревиатур от контекстного окружения не зависит. В то же время в раздел «Синтасис» второго издания «Грамматической правильности русской речи…» Л. К. Граудиной включена написанная ею по материалам книги В. А. Ицковича «Очерки синтаксической нормы» словарная статья о вариантах типа *изучать бациллы — изучать бацилл*. Это не вполне понятное решение и В. А. Ицковича, и затем Л. К. Граудиной, поскольку в данном случае речь идет об одушевленности-неодушевленности существительных некоторых специфических в этом отношении групп, которая контекстом не детерминируется и потому синтаксическим явлением считаться не может. В том же словаре статьи «Варианты типа *она чемпионка — она чемпион*. Женские соответствия к мужским в наименованиях лиц», «Варианты типа *Иван Никитович — Иван Никитич*. Формы отчества, образованные от мужских личных имен на *-а*», «Варианты типа *сборная России — сборная команда России*. Субстантивированные прилагательные и причастия», «Варианты типа *достигнуть — достичь*. Формы инфинитива некоторых глаголов на *-нуть*», «Варианты типа *сох — сохнул*. Формы прошедшего времени бесприставочных и без приставок не употребляющихся глаголов на *-нуть*», «Варианты типа *промок — промокнул*. Формы прошедшего времени приставочных глаголов на *-нуть*», «Варианты типа *мокнувший — мокший*. Параллельные формы причастий прошедшего времени от бесприставочных глаголов на *-нуть*», «Варианты типа *промерзший — промерзнувший*. Параллельные формы причастий прошедшего времени от приставочных глаголов на *-нуть*», «Варианты типа *возникнув —*

возникши. Параллельные формы деепричастий совершенного вида от глаголов на -*нуть*», «Варианты типа *увидев — увидя*. Параллельные формы деепричастий совершенного вида от класса продуктивных глаголов на -*еть*», «Варианты типа *унеся — унесши*. Параллельные формы деепричастий от глаголов движения», «Варианты типа *замерев — замерши*. Параллельные формы деепричастий совершенного вида от глаголов на -*ереть*», «Варианты типа *вторгшись — вторгнувшись*. Параллельные формы деепричастий совершенного вида от возвратных глаголов на -*нуть*», «Варианты типа *ветрен — ветренен*. Краткие формы прилагательных мужского рода на -*енный*» помещены Л. К. Граудиной в раздел «Морфология», хотя и в названии второй статьи («Формы отчества, образованные…»), и в содержании всех этих статей (где представлены суффиксы и префиксы, различающие описываемые формы, а также имеется термин «субстантивация») [138, 137–147, 234, 276–277, 280–283, 307–319, 330–336] наблюдаются факты, дающие все основания считать эти типы словообразовательными. Здесь же словарные статьи «Варианты типа *директор пришла — директор пришел*. Согласование сказуемого, выраженного глагольной формой прошедшего времени, и подлежащего, выраженного существительным мужского рода в применении к лицам женского пола», «Варианты типа *уважаемый президент г. Финнбогадоттир — уважаемая президент г. Финнбогадоттир*. Согласованное определение при именах существительных мужского рода, обозначающих лиц женского пола» и «Варианты типа *английский и французский язык — английский и французский языки*. Число существительных при однородных определениях, обозначающих видовые признаки предметов одного рода» тоже находятся в разделе «Морфология» [138, 127–136, 152–154], хотя термины, употребляемые даже в названиях этих статей, а именно «согласование», «сказуемое», «подлежащее», «определение», «однородные определения», красноречиво свидетельствуют о том, что этим словарным статьям место — в разделе «Синтаксис».

Практические проблемы изучения грамматической вариантности. Прежде всего следует сказать о том, что не все кодификаторские аргументы

убедительны, поскольку не подтверждаются узусом, фиксировать который призвана кодификация. Например, объяснение В. А. Ицковича, что *по истечении* свойственно официально-деловому стилю, а *после истечения* нейтрально [138, 62–63], не позволяет понять, почему в официальном употреблении невозможно сочетание **через три дня по истечении срока командировки* при допустимости *через три дня после истечения срока командировки* (причина: не учтено семантическое различие между *по* и *после* — подробнее об этом см. [404], а также пункт 4.1.7 настоящего исследования). О негативных последствиях невнимания кодификаторов к узуально достоверным данным корпусной лингвистики постоянно заявляет один из ее создателей В. А. Плунгян (см., например, [378]; см. об этом также статьи В. Н. Перцова [362; 363]).

Кодификаторы, как уже было сказано в предыдущем подразделе, не всегда объективны, в частности без достаточных оснований негативно относятся к употреблениям, противоречащим их рекомендациям, и игнорируют несовпадающие с их убеждениями мнения коллег. Например, Д. Н. Овсянико-Куликовский в 1907 году пишет по поводу предложения *Я давно не видал мо**их** брата и сестру*: «Это не по-русски и режет ухо» [341, 29]. По убеждению ученого, правильным согласованием является *мо**его** брата и сестру*. Д. Э. Розенталь, ссылаясь на приведенное нами выше эмоциональное высказывание Д. Н. Овсянико-Куликовского, рекомендует форму ед. ч. адъектива в сочетаниях типа *мо**й** отец с матерью пришл**и*** [448, 220], и последователи Д. Э. Розенталя эту рекомендацию репродуцируют [129, 384–385; 497, 202–203; 46, 273–274]. Однако преобладание такого ед. ч. адъектива — с приведением соответствующих примеров — ставится под сомнение вначале М. В. Ломоносовым, а затем Ф. И. Буслаевым, В. И. Чернышевым и А. А. Шахматовым, поскольку еще с XVIII века в этих случаях нередким является более логичное мн. ч. адъектива: *мо**и** отец с матерью пришл**и*** (подробнее об этом — см. [392; 396, 121–122], а также пункт 4.4.1 настоящего исследования).

Как следствие теоретического непризнания динамичности языковой нормы не всегда учитывается ее изменчивость. Так, синтетические формы совместного

действия с постфиксом вежливости типа *поедемте*, вариантные распространенным аналитическим формам совместного действия типа *давайте поедем*, представлены как живые не только в академических грамматиках русского языка, но и в современном справочнике Ю. А. Бельчикова [46, 212], однако И. А. Шаронов примерами из НКРЯ убедительно доказывает, что синтетический вариант в настоящее время почти не употребляется [578, 17–23].

Не всегда соблюдаются такие критерии признания вариантного явления нормативным, как массовая и регулярная воспроизводимость данного явления в процессе коммуникации и общественное одобрение и признание соответствующего явления нормативным [467, 338]. Так, Ю. А. Бельчиков в том же справочнике предписывает варианты *огор**о**шивать — огор**а**шивать, обусл**о**вливать — обусл**а**вливать, усл**о**вливаться — усл**а**вливаться* считать «равноправными» (подробнее об этом — см. пункт 4.6.5), а также, признавая вариант типа *согласно закон**у*** общелитературным, предписывает считать вариант типа *согласно закон**а*** относящимся к официально-деловой сфере, подкрепляя это предписание примером из речи бывшего спикера Госдумы РФ Г. Селезнева [46, 220, 301–302], с чем многие носители языка не согласны, и это несогласие подчеркивает, что данное предписание противоречит указанным критериям нормативности.

Возможности разрешения теоретических и практических проблем изучения грамматической вариантности. Все отмеченные выше теоретические и практические проблемы изучения грамматической вариантности могут быть разрешены в рамках заявленного в названии работы когнитивно-эволюционного подхода. В соответствии с принципами когнитивной науки и эволюционной эпистемологии мы ставим вопросы о том, как и почему вариантность развивает грамматику, а именно какова в этом развитии роль логики как строя мышления и каков механизм восприятия вариантных явлений. Ответы на эти вопросы призваны укрепить теоретическую базу грамматической вариантности и при этом не только ответить на вопросы о механизме и причинах «развития вариантами грамматики», но и усовершенствовать механизм дифференциации

грамматических вариантов и осуществить то, о чем Л. К. Граудина написала еще в 1980 году: интеграцию грамматических вариантов на основании обобщения их семантических и стилистических характеристик, облегчающую их системное восприятие [136, 85] (об ортологических противоречиях и возможностях их разрешения — см. также [390; 391]).

Выводы к разделу 1

В разделе 1 продемонстрировано состояние изученности понятий языковой нормы и грамматической вариантности и выяснено следующее.

По своему происхождению норма — понятие, призванное регулировать человеческие отношения и постепенно развивающееся от понимания «авторитетного» к «социальному». Аналогичное развитие наблюдается у понятия нормы языковой, которое сегодня можно трактовать как совокупность реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации. В определении нормы имеется два аспекта: структурный (совокупность реализаций языковой системы) и социально-исторический (указанные реализации отбираются и закрепляются в процессе общественной коммуникации). Понятие отбора в свою очередь позволяет осознать такое неотъемлемое свойство нормы, как ее вариантность: норма существует постольку, поскольку имеются варианты, один из которых не всегда приемлем. Критериями признания вариантного явления нормативным считаются соответствие языковой системе, массовая и регулярная воспроизводимость данного явления в процессе коммуникации и общественное одобрение и признание языкового явления нормативным. В то же время повышенное внимание лингвистов к понятию нормы стало причиной того, что отбор и закрепление реализаций языковой системы в процессе общественной коммуникации наряду с их изначальным пониманием как стихийно происходящих стали осознаваться как лингвистическая деятельность — нормализация: дескриптивная и прескриптивная. Отражение лингвистических убеждений в отношении нормативности вариантных языковых явлений получило название кодификации, история которой свидетельствует о стремлении объективного описания стихийно сложившихся языковых явлений с

постепенным осознанием необходимости невмешательства лингвистов-кодификаторов в языковые процессы. История кодификации русской грамматики, в том числе кодификации ее вариантности, представленная трудами упомянутых в разделе 1 лингвистов, независимо от того, какое лингвистическое направление представлялось этими авторами — логическое, психологическое или структурное, — свидетельствует о необходимости учитывать диахроническую изменчивость столь консервативной и инертной области языка, как его грамматика, то есть учитывать ее эволюционный аспект.

История ортологии позволяет убедиться в том, что ее центральное понятие — вариантность — рассматривается на разных уровнях языка, в синхронии и диахронии. Важными критериями грамматической вариантности признаются тождество слова, наличие инварианта, системность, регулярная взаимозаменяемость, функциональная эквивалентность грамматического значения в пределах сравниваемых контекстов, однородность сравниваемых грамматических структур. Причины появления грамматических вариантов чаще всего не играют существенной роли в их последующей дифференциации. Грамматические варианты имеют семантические и стилистические различия, являются вариантами грамматических форм и значений. Пары грамматических вариантов имеют характеристики императивности, при которой наблюдается нормативность одного и ненормативность другого варианта, и диспозитивности, при которой наблюдается нормативность обоих вариантов при определенных условиях. При отсутствии единого мнения о сущности просторечия просторечными грамматическими вариантами логично считать такие языковые единицы, которые развитая языковая личность не употребляет ни при каких обстоятельствах. История русских ортологических школ и жанров ортологических пособий свидетельствует о постоянном интересе лингвистов к грамматической вариантности и стремлении ее кодифицировать. Существенным подспорьем в этом деле является использование сведений электронных корпусов русского языка.

Теоретические проблемы изучения грамматической вариантности состоят, с

одной стороны, в частом непонимании динамичности нормы, с другой — в неоправданной аксиоматичности распространенного убеждения о том, что варианты развивают язык. Существенными теоретическими недостатками являются непредставление грамматических вариантов в виде системы, организованной по семантико-стилистическим основаниям, то есть дифференциальным признакам таких вариантов, чрезмерная обобщенность некоторых типов грамматических вариантов по грамматическим основаниям, неверное отнесение некоторых вариантов к грамматическим ярусам, в том числе одновременное отражение одного и того же типа грамматических вариантов в разных разделах одного ортологического пособия. Практические проблемы изучения грамматической вариантности заключаются в неверной дифференциации грамматических вариантов, в следующем из теоретического непризнания динамичности нормы конкретном невосприятии изменения норм, в игнорировании таких критериев признания вариантного явления нормативным, как массовая и регулярная воспроизводимость данного явления в процессе коммуникации и общественное одобрение и признание языкового явления нормативным. Теоретические и практические проблемы изучения грамматической вариантности предлагается разрешить в рамках заявленного в названии работы когнитивно-эволюционного подхода.

РАЗДЕЛ 2. ЛОГИЧНОСТЬ ГРАММАТИКИ КАК КОГНИТИВНО-ЭВОЛЮЦИОННЫЙ КОРРЕЛЯТ ЛОГИЧНОСТИ МЫШЛЕНИЯ: ЗАВИСИМОСТЬ ОТ УСПЕШНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ

С позиций кодификации, дифференциация грамматических вариантов, безусловно, должна быть логичной. Однако естественной представляется мысль, что императивное отрицание и диспозитивное утверждение сосуществования грамматических вариантов тоже должны быть логичными. Из этого соображения следует, что осуществляемая кодификаторами дифференциация грамматических вариантов должна представлять собой именно выявление логичности (не)сосуществования грамматических вариантов. Грамматические варианты являются частью грамматики, корреляция которой с логикой в разное время и признавалась, и отрицалась, но лингвистами еще не ставился вопрос о влиянии качества восприятия на качество логичности мышления и грамматики. Соотношение логичности мышления и грамматики в зависимости такой логичности от качества восприятия рассматривается нами в когнитивно-эволюционном аспекте, что обусловливает первоочередное раскрытие содержательных характеристик данного аспекта, восходящих к положениям когнитивной лингвистики и эволюционной эпистемологии.

2.1. Когнитивная лингвистика как часть когнитивной науки

Лингвистические постулаты А. Е. Кибрика как предтеча принципов когнитивной лингвистики. Как известно, история лингвистики насчитывает несколько этапов-направлений развития, предпоследним из которых был структурализм, соотношением языка и мышления, как правило, не интересовавшийся, но с начала 1980-х постепенно уступающий место новому направлению — когнитивному, для которого интерес к корреляции языка и ментальной сферы его носителей является основным. Как справедливо замечает в 1981 году А. С. Мельничук, «реальна система мови, на відміну від більш звичайних систем, що являють собою об’єкти речового характеру, не має

самостійного, самодостатнього існування і становить лише одну з властивостей людського суспільства, одну з сторін його діяльності. У цьому розумінні вона позбавлена об’єктної цілісності і лише умовно може розглядатися в абстракції від свого безпосереднього суб’єкта — людського суспільства» [312, 25].

В 1982 году А. Е. Кибрик обобщает имеющиеся на тот момент лингвистические взгляды и формулирует «лингвистические постулаты», отражающие «коренные сдвиги в лингвистической идеологии» того времени и предопределяющие дальнейшее развитие лингвистики. Это были постулаты:

1) «О ЕСТЕСТВЕННОСТИ МОДЕЛИ: адекватная модель языка должна объяснять, как он устроен «на самом деле» (по убеждению автора, это «основополагающий» постулат) [226, 19]. Принципиально важно, что речь идет не об описании, а об объяснении устройства языка: «…если лингвистика недавнего прошлого допускала лишь вопросы типа «как?» и избегала вопросов «почему?», то теперь ситуация должна коренным образом измениться: нужны именно ответы на вопросы типа «почему?», поскольку только они могут что-либо объяснить» [226, 25] (еще Аристотель заметил: «Знать, что *есть*, и знать, *почему* есть, — это различное знание…» [18, 280]). В 1986 году В. И. Абаев в статье, посвященной описательному и объяснительному видам языкознания как части общей науки, которую во всех ее частнонаучных проявлениях можно разделить на такие же два вида, подробно и убедительно доказывает, что в процессе познания человек не может не искать объяснения окружающим явлениям, и познающий язык лингвист в этом смысле не может быть исключением [1];

2) «О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ГРАНИЦАХ: все, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» [226, 20];

3) «О ПРИМАТЕ СЕМАНТИКИ: как содержательные, так и формальные свойства синтаксиса в значительной степени предопределены семантическим уровнем» [226, 21];

4) «О ГРАНИЦАХ СЕМАНТИКИ: к области семантики (в широком смысле) относится вся информация, которую имеет в виду говорящий при

развертывании высказывания и которую необходимо восстановить адресату для правильной интерпретации этого высказывания» [226, 22];

5) «О МОДЕЛИ ЯЗЫКА: необходима разработка лингвистических моделей класса «МЫСЛЬ — СООБЩЕНИЕ»: «мыслительные процессы имеют приоритет перед семантикой, поскольку мысль предшествует смыслу и создает его» [226, 23–24];

6) «ОБ ИСХОДНОЙ ТОЧКЕ ОПИСАНИЯ: исходными объектами лингвистического описания следует считать значения (и предопределяющие их исходные для речемыслительного процесса сущности) и им ставить в соответствие выражающие их языковые формы». При этом «мыслительные процессы находят во многом прямое, иконическое отражение в языковых структурах», «семантические представления суть тени лежащих в их основе мыслительных структур» [226, 24–25];

7) «О МОТИВИРОВАННОСТИ: исторически исходное соотношение между смыслом и грамматической формой мотивировано: устройство грамматической формы отражает тем или иным образом суть смысла (формирующих его речемыслительных процессов)» [226, 25];

8) «О ПРОСТОТЕ: сложны лингвистические представления о языке вследствие их неадекватности, а язык устроен просто. … В основном до сих пор лингвисты довольствовались описанием структур следствий, и сложность этих описаний приписывалась языку как его сущностное свойство: «Язык — очень сложное устройство», — говорим мы. С точки зрения здравого смысла (в частности, исходя из непроизвольной обучаемости языку) в это невозможно поверить». … Постулат о простоте подчеркивает, что доступные нашему современному исследованию факты описаны заведомо сложнее того, как они устроены «на самом деле»…» [226, 25–26]. Не всегда очевидную для лингвистов простоту устройства грамматики подтверждают результаты исследований взаимодействия в грамматике семантики и прагматики, полученные Г. М. Зельдовичем и отраженные в его книге «Прагматика грамматики» [186].

Завершаются постулаты и их разъяснения выводом, с которым невозможно

не согласиться: «На фоне указанных постулатов становится очевидным, до какой степени лингвистика еще не осознала своего предназначения, пока она почти исключительно занималась сведением звуков в фонемы, сведением алломорфов в морфемы, фонетическими и морфологическими дистрибуциями, выведением межъязыковых звуковых соответствий, инвентаризациями и классификациями наблюдаемых единиц различных типов (слов, словосочетаний, предложений).

Такой этап был необходимым звеном в эволюции лингвистики, и проделанный ею труд был поистине титаническим, как титаничен успех младенца, впервые принимающего сидячее положение, но даже Илья Муромец не стал бы Ильей Муромцем, если бы никогда не слез со своей печи» [226, 26–27]. Справедливо охарактеризованный А. Е. Кибриком именно так структурализм В. И. Абаев называет «тупиковым направлением в языкознании» [1, 30]. С такой категоричностью согласиться невозможно, ведь нельзя называть тупиковым направление, достижения которого активно применяются по сей день — см. об этом, например, мнение Е. В. Падучевой [352, 98]. Понятие тупика несовместимо с понятием преемственности.

В когнитивной лингвистике наметилась преемственность и по отношению к постулатам А. Е. Кибрика. Так, отдавая этому ученому дань уважения как лингвисту, который впервые «сформулировал в явном виде требования к когнитивному подходу в языкознании», А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский формулируют «постулаты когнитивной семантики», применяя их к семантике лексической и выдвигая первым «постулат о примате когнитивного» [35].

Постулаты А. Е. Кибрика отразили постепенное утверждение когнитивного направления в лингвистике, а в более широком аспекте формирование новой лингвистической парадигмы — антропоцентрической. В рамках утверждающихся в лингвистике антропоцентрической парадигмы в целом и когнитивного направления в частности возможно и предпринятое нами исследование грамматической вариантности. Однако не следует забывать о том, что когнитивизм и антропоцентризм в лингвистике обусловлены не только лингвистическими потребностями.

Предмет когнитивной лингвистики в рамках когнитивной науки. Когнитивная лингвистика стала частью когнитивной науки, которую один из основателей когнитивной лингвистики Дж. Лакофф в 1987 году называет новой областью исследований, «которая объединяет то, что известно о разуме и мыслительных способностях человека из многих научных дисциплин…» [276, 9]. Появление и утверждение когнитивизма, сменившего, как и в лингвистике, системоцентризм (общенаучный аналог лингвистического структурализма), связывают с двумя «когнитивными революциями» XX века, происшедшими прежде всего в психологии, а затем в лингвистике: революцией 1950–60-х годов, проявившейся в отказе американской психологии от господствовавшего в ней в течение нескольких десятилетий бихевиоризма, и революцией 1970-х годов, проявившейся в интересе к человеческой когниции [441, 19]. В когнитивную науку включают психологию, антропологию, лингвистику, искусственный интеллект, нейронауки, философию [159, 18; 264, 34].

Ученые отмечают, что в когнитивной науке проявился некоторый крен в сторону биологии, поскольку природа когниции связывается с функцией организма как биосистемы [628]. Тот же крен можно видеть в когнитивной лингвистике. Известные биологи У. Матурана и Ф. Варела по этому поводу замечают: «Мы проводим свои жизни во взаимной лингвистической сопряженности не потому, что язык позволяет нам раскрывать самих себя, но потому, что мы образованы в языке в непрерывном становлении, которое мы творим с другими» [309, 207].

В. З. Демьянков, обращая внимание на то, что когнитивизм упрекают «в перепевах в новых терминах того, что давно известно», и задаваясь вопросом о том, что нового принесла эта наука человечеству, в поддержку правомерности ее существования предлагает историческую аналогию с алгеброй: «Алгебра как искусство решения конкретных квадратных уравнений идейно существовала до создания нынешнего формального аппарата. Но рождение ее связывают с возникновением системы, позволяющей генерировать методы решения крупных типов задач. Когнитивизм делает заявку на метод серийного, если угодно

«промышленного», решения задач о человеческой мысли, а заодно порождает целую серию новых проблем» [159, 17–18].

При всех присущих когнитивной лингвистике неясностях и лакунах, что вполне естественно для любого нарождающегося научного направления, она демонстрирует определенный мировоззренческий прогресс в сравнении со своей предшественницей — структурной лингвистикой. В рамках когнитивной науки лингвистов, как правило, интересует соотношение языка и мышления. При этом нельзя сказать, что о таком соотношении лингвисты задумались лишь в рамках сравнительно недавно появившейся когнитивной науки. Уже у И. А. Бодуэна де Куртенэ наблюдается достаточно современное представление о параллельном развитии мышления и языка, называемом им «человечением языка», которое ученый считал необходимым проследить «в структуре языка» [61, 262–264]. В 1994 году А. А. Кибрик пишет об этом так: «Когнитивный подход к языку — убеждение, что языковая форма в конечном счете является отражением когнитивных структур, то есть структур человеческого сознания, мышления и познания. <…> К числу важнейших когнитивных феноменов, детерминирующих языковую форму, относятся структуры представления знаний, естественная категоризация, долговременная память, оперативная память, внимание, активация» [223, 126]. Как замечает Е. С. Кубрякова, когнитивный подход к языку означает, что «каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на **перекрестке когниции и коммуникации**» [265, 11]. По мнению А. Е. Кибрика 2005 года, «конечной целью описания языка в рамках когнитивной лингвистики является установление соответствий между языком и когнитивным представлением» [224, 51]. Р. У. Лангаккер, создатель теории когнитивной грамматики, противопоставляемой прежде всего генеративной грамматике Н. Хомского и его последователей, подчеркивает связь грамматических и ментальных явлений [277, 11] (ср. с седьмым постулатом А. Е. Кибрика «О мотивированности»). Из этого следует, что интерес к грамматическим вариантам должен быть поддержан интересом к когниции.

В русском языкознании, в отличие от увлеченной генеративизмом североамериканской лингвистики, благодаря постоянному интересу к языковой семантике идеи когнитивной лингвистики утвердились достаточно гармонично [494, 344, 370]. Однако о всестороннем развитии этих идей говорить пока преждевременно.

Возможности преодоления тенденциозных односторонностей современной когнитивной лингвистики. В статье 2008 года А. Е. Кибрик, говоря о когнитивном подходе в лингвистике, подчеркивает, что не употребляет термин «когнитивная лингвистика», поскольку «этот термин получил широкое хождение и, став модным, в известной мере был, к сожалению, скомпрометирован из-за вульгарного его применения». Речь идет о том, что Р. У. Лангаккер и Н. Хомский «приватизировали» этот термин «как брэнд конкретной лингвистической теории», но положения теорий этих авторов А. Е. Кибрик не разделяет, а также о том, что конкретные лингвисты называют свою деятельность этим термином, но используют его не в том понимании, которое имеет в виду А. Е. Кибрик [225, 52]. Имена этих конкретных лингвистов автор не называет, но, возможно, ниже мы говорим именно об этих ученых. В 1980-е годы считалось, что в когнитивной лингвистике есть две центральные проблемы: проблема «структур представления различных типов знания» и проблема «способов концептуальной организации знаний в процессах понимания и построения языковых сообщений» [366, 7]. Однако затем сложилось так, что подавляющее большинство современных направлений русской когнитивной лингвистики различаются в пределах лишь одной сферы интересов: изучения концептов (краткий обзор этих исследований — см., например, в [425, 13–17]), — причем при отсутствии единого мнения о том, что такое концепт [554, 58–72; 162, 59]. Поэтому неудивительно, что допускается отождествление когнитивного и концептуального, хотя понятие когнитивного шире понятия концептуального: «В представление о языке органично включаются сведения о том, что такое память, что такое восприятие, на каких принципах организована когнитивная, или концептуальная[,] система в нашем сознании» [267, 45]. Более того, очень часто в

исследованиях «концептов» язык рассматривается как вспомогательное средство, применяемое в процессе изучения ментальных структур, что означает подмену объекта исследований когнитивной лингвистики: наука о языке видит свою задачу в изучении мышления, а не положенного ей по статусу языка. Так, Т. И. Вендина, говоря об исследовании стереотипов культурного сознания и о реконструкции языковой картины мира, видит общую цель этих двух направлений в том, чтобы «найти доступ к Человеку через язык» [88, 42]. З. Д. Попова и И. А. Стернин изучение лексической и грамматической семантики рассматривают как средство «доступа к содержанию концептов» [425, 7]. Стремление познать когницию при помощи языка характеризует и задачи когнитивной лингвистики в целом: «Когнитивная лингвистика исследует ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций. Материалом лингвокогнитивного анализа является язык …» [425, 12]. В. А. Маслова считает, что «когнитивная лингвистика, вкупе с когнитивной психологией и когнитивной социологией образующие когнитологию, пытаются ответить на вопрос о том, как в принципе организовано сознание человека, как человек познает мир, какие сведения о мире становятся знанием, как создаются ментальные пространства» [308, 8]. Возможно, такое одностороннее видение задач когнитивной лингвистики обусловлено повышенным вниманием исследователей к одной из ее сторон, описанной, но не абсолютизированной Е. С. Кубряковой, по мнению которой «язык не только в известном смысле отражает действительность или же воздействует на это отражение, — он является «окном» в сознание человека. Его можно и нужно вследствие этого рассматривать как средство **доступа** к разуму человека и тем мыслительным (ментальным, психическим, внутренним) процессам, которые осуществляются в его мозгу» [267, 12]. Невозможно не разделить с В. И. Теркуловым обеспокоенность по этому поводу: «…лингвокогнитология существует в представлении некоторых лингвистов лишь как одна из составляющих когнитологии, отличающаяся от остальных ее составляющих

только путем проникновения в сознание человека — через язык. Как видим, места для исследования самого языка здесь не осталось, что вызывает у меня как у традиционно сориентированного лингвиста некоторую растерянность. Мне все-таки хочется вернуться к языку как к единственному объекту лингвистики, правда, уже проведенному через фильтры когнитивного подхода» [528]. По нашему убеждению, именно так, «через фильтры когнитивного подхода», целесообразно «провести» интересующие нас грамматические варианты.

О когнитивном подходе к изучению грамматических вариантов. Р. У. Лангаккер, подчеркивая связь грамматических и ментальных явлений, обращает внимание на целесообразность не учитываемого генеративистами существования альтернаций в грамматике: «Выбирая конкретное выражение или конструкцию, говорящий конструирует воображаемую ситуацию определенным способом, т. е. он выбирает один конкретный образ (из набора альтернатив)…» [277, 11]. Такое понимание альтернаций в грамматике полностью соответствует проводимой нами идее когнитивного осмысления грамматической вариантности.

Когнитивные науки «напрямую связаны с постановкой и решением эпистемологических проблем: природой знания и познания, источниками знаний, их систематизацией, прогрессом и развитием знаний» [264, 34]. Поскольку одним из аспектов когниции является познание, тесно связанное с восприятием и предполагающее развитие знаний, в котором участвует язык, считаем необходимым рассмотреть связь познания и эволюции в ее применении к человеку и языку, включая вариантность грамматических средств. Такое рассмотрение является обоснованием второй части заявленного аспекта изучения грамматических вариантов — эволюционного.

2.2. Эволюционная эпистемология и вопросы эволюции человека и языка

От общебиологического к когнитивному пониманию эволюции. Как известно, научное понятие эволюции — прежде всего биологическое, прочно ассоциирующееся с названием «эволюционная теория Дарвина» (об этой и ряде других теорий развития — см. [263]). Понятие биологической эволюции тесно

связано с понятием когнитивной эволюции. По мнению известного философа-эпистемолога И. П. Меркулова, появление на Земле около 700 млн. лет назад организмов не просто многоклеточных, а состоящих из клеток различных типов, в том числе нервных клеток и клеток головного мозга, привело к их специализации на выполнении определенных адаптивно ценных функций, в том числе когнитивных. Эти события вызвали прогрессивные изменения в функциях получения, обработки и хранения когнитивной информации, испытывающих влияние окружающей среды и совершенствующихся в ходе естественного отбора [314, 144–145]. Данное мнение подтверждает справедливость констатации биологического крена в когнитивистике, описанного в предыдущем подразделе, и обусловливает констатацию позитивности эволюции. Однако эта позитивность не для всех очевидна.

Решение вопроса о возможности/невозможности перманентной позитивности биологическо-когнитивной эволюции. Эволюционная часть заявленного в теме диссертации аспекта изучения грамматических вариантов предполагает четкое понимание существенных признаков эволюции, и перманентная/неперманентная позитивность эволюции — один из ее признаков, требующий ясности. Непозитивность эволюции часто доказывается тем, что эволюция не всегда успешна, однако неуспешность эволюции — лишь одна ее сторона, и вопрос состоит в том, насколько эта неуспешность частотна и, следовательно, изначальна.

У. Матурана и Ф. Варела предлагают определение эволюции как «структурного дрейфа при непрекращающемся филогенетическом отборе. В таком процессе нет прогресса или оптимизации в использовании окружающей среды» [309, 103]. В этом определении подчеркнута аксиологическая нейтральность эволюции, что приводит к противоречию: «дрейф», при котором «нет прогресса или оптимизации», оцениваемых, безусловно, позитивно, на самом деле не всегда, но очень часто оценивается позитивно, поскольку не всегда, но очень часто является прогрессивным или оптимизирующим. Очевидно, что, если биологический вид, дрейфуя, не создал новую форму (не прогресс), но сумел

адаптироваться к какому-то изменению окружающей среды (оптимизация), это следует оценить позитивно. Такая простая мысль не чужда и авторам. Уже на следующей странице своей книги они дают метафорическое описание эволюции, в котором интересующая нас оценочность все-таки присутствует: «Эволюция чем-то напоминает скульптора с неутолимой страстью к странствиям: бродя по свету, он подбирает то веревочку, то обрезок жести или обрубок дерева, а потом сооружает из своих находок некую конструкцию, объединяя их так, как позволяют структура находок и обстоятельства, лишь по одной-единственной причине, которая заключается в том, что их можно объединить. И в результате таких странствий на свет появляются великолепнейшие формы; они состоят из гармонично взаимосвязанных частей, которые являются продуктом не тщательно продуманного плана, а естественного дрейфа» [309, 104]. Как можно убедиться, в результате эволюционного дрейфа появляются «великолепнейшие формы», состоящие «из гармонично взаимосвязанных частей», то есть формы, оцененные позитивно. По всей видимости, эволюцию-дрейф трудно никак не оценить или оценить негативно, поскольку указанное сооружение «конструкций», несмотря на их подчеркиваемую авторами непредсказуемость, чаще всего сохраняет жизнь, явление аксиоматически позитивное. Если в ходе дрейфа некая ветвь эволюции заходит в тупик (крайне редкое явление), то это происходит лишь потому, что изначально позитивная эволюция потерпела неудачу по внешним для эволюции причинам.

Такое же терминологическое противоречие наблюдается при объяснении понятия языковой эволюции. В монографии Н. В. Юдиной «Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс?» понятие эволюции трактуется как «просто изменение», а прогресс — как «изменение прогрессивное» [607, 264–265]. Однако затем автор пишет: «…выбирая между кризисом, прогрессом и эволюцией русского языка в начале XXI века, мы бы хотели остановиться на *эволюции* как процессе исторического преобразования (который, к сожалению, не может быть оценен как бесспорно удовлетворительный): русский язык в условиях глобального мира и в контексте всеобщей глобализации в целом не теряет своей

самобытности и по-прежнему является востребованным как один из сильнейших мировых языков» [607, 265–266]. То есть автор отмечает небесспорную удовлетворительность процесса исторического преобразования русского языка, структурный дрейф которого в целом оценивается позитивно. Такая позитивность обусловлена стихийной компенсацией носителями языка негативных для него явлений, например хорошо известным развитием противопоставления русских согласных по твердости/мягкости с целью компенсации значительной утраты смыслоразличительной способности русской фонетической системы после падения редуцированных.

Очевидно, что попытки представить эволюцию как аксиологически нейтральное изменение чаще всего обречены на неудачу: конкретные проявления эволюции, как правило, позитивны. Таким образом, эволюцию как центральное понятие эволюционной части аспекта исследования грамматических вариантов корректно признать потенциально позитивной, характеризующейся высокой степенью позитивной реализации. Поскольку эволюция помимо всегда позитивной адаптации может характеризоваться всегда позитивной прогрессивностью (созданием нового), понятие прогресса как характеристику эволюции сравнивать с понятием эволюции некорректно.

Концепция У. Варелы и Ф. Матураны достаточно дискуссионна и в другом отношении: далеко не все исследователи согласны с пассивной ролью живых существ при лишенном активности дрейфе. В самом деле, в ходе эволюции адаптируясь к внешним условиям или прогрессируя, живые существа постоянно предпринимают вполне активные действия.

От биологическо-когнитивной эволюции к эволюции языка. Известный философ XX века К. Р. Поппер, родоначальник эволюционной эпистемологии (назвать эту теорию познания эволюционной предложил Д. Т. Кэмпбелл [273] — по причине приверженности К. Р. Поппера идее «дарвиновской эволюции путем естественного отбора», и именно эту теорию развивает И. П. Меркулов), в 1983 году, то есть после 60-ти лет исследований, резонно заявил, что, по его убеждению, первой проблемой эволюционной эпистемологии является

«эволюция человеческого языка и роль, которую он играл и продолжает играть в росте человеческого знания» [427, 57]. Следует согласиться с К. Р. Поппером и в критике им традиционной теории познания: «Обсервационизм, или бадейная теория, — это теория, утверждающая, что знания могут вливаться в бадью снаружи через наши органы чувств. На самом же деле мы, организмы, чрезвычайно активны в приобретении знания — может быть, даже более активны, чем в приобретении пищи. Информация не вливается в нас из окружающей среды. Это мы исследуем окружающую среду и активно высасываем из нее информацию, как и пищу» [427, 61]. С теорией К. Р. Поппера соотносима перцептивная концепция когнитивного психолога, основоположника экологического подхода к перцептивной активности Дж. Дж. Гибсона, в которой восприятие понимается как непрерывное извлечение информации из окружающей среды [125, 336–374]. Несложно понять, что основное различие между обсервационизмом (бадейной теорией) и эволюционной эпистемологией состоит в признании пассивности или активности познающего субъекта, эволюция познавательных способностей которого непосредственно связана с эволюцией его языка (см. об этой связи [215, 200]). Однако идея позитивной эволюции языков разделяется не всеми лингвистами.

Преодоление идеологии отрицания эволюции языков. Неприятие идеи языковой эволюции вызвано, по меньшей мере, тремя причинами.

Во-первых, отрицание данной идеи в такой ее разновидности, как неприятие идеи дальнейшей (от текущего момента) эволюции языка, обусловлена трудностью восприятия перемен в такой медленно изменяющейся системе, как язык (особенно в части его структуры). Каждое поколение носителей языка в основной своей массе склонно считать, что именно при его жизни язык достиг идеального и потому окончательного развития. Например, Французская Академия, созданная по инициативе кардинала А. Ришелье в 1635 году, приступая к разработке первого в истории лингвистики нормативного словаря, по выражению К. С. Горбачевича, «ставила перед собой несбыточную задачу упорядочить язык «раз и навсегда» [131, 23]. В 1911 году В. И. Чернышев

критикует такое отношение к языку: «Чем ближе к нашему времени, тем больше стилистика удаляется из грамматик. Литературный язык считается вполне сложившимся; колебания допускаются все меньше и меньше; в школе неограниченную власть приобретает тот или иной учебник, иногда весьма далекий от идеального совершенства; в печати корректоры с большим упорством и непониманием портят язык и слог знаменитых писателей, воображая, что они «исправляют ошибки», переделывая их свободную русскую речь по плохим школьным грамматикам» [572, 446]. В 1931 году Е. Д. Поливанов призывает к созданию «общего учения об эволюции языка», которое ученый предлагает назвать «лингвистической историологией» [381, 328]. В 1964 году В. В. Виноградов акцентирует внимание на том, что «именно в плане научной теории о закономерностях развития системы того или иного живого языка и должны оцениваться новые явления в языке и отклонения от установившихся норм» [96, 7]. «Изучение исторических закономерностей развития языка и на этой основе изучение исторических и современных тенденций развития русского языка является главным условием для создания теоретической базы языковой политики», — пишет С. И. Ожегов в 1966 году [343, 5], вряд ли имея в виду, что «современные тенденции развития русского языка» завершают его развитие. В 1981 году Дж. Лайонз пишет: «До недавнего времени в нашем обществе было широко распространено представление, что любое языковое изменение ухудшает язык» [275, 54], — тем самым, по меньшей мере, признавая, что такое представление уже в прошлом. Казалось, акценты расставлены, идея «успешного завершения развития языка» канула в Лету, однако в 1989 году, то есть через 78 лет после того, как об этом же писал В. И. Чернышев (см. выше), в третьем, исправленном, издании книги «Нормы современного русского литературного языка» (задуманной как книга для учителей) К. С. Горбачевич вынужден констатировать: «В школьном преподавании не всегда учитывается диалектика языкового развития. Язык представляется как нечто статичное и неизменное, а его нормы — вечными и нерушимыми» [131, 5]. Указанная диалектика не учитывается не только в школьном преподавании. Так, в монографии

В. В. Колесова этого же года «становление нормы» признаётся «конечным результатом развития языка» [233, 15]. Известный американский психолог и психолингвист М. Томаселло, очевидно невольно, лишь закрепляет столь трудноискоренимое заблуждение. В 2010 году во введении к очередной монографии он определяет современное состояние языков как счастливо сформировавшееся: «В данной работе развитие конкретных языков рассматривается скорее как культурно-историческое завершение, «венец» сформировавшейся в ходе биологической эволюции общей способности к кооперативной коммуникации» [533, 25].

Во-вторых, неприятие идеи эволюции языков объясняется категорическим непризнанием различий между их уровнями развития, поскольку это-де может задеть чувства носителей тех языков, которые в некоторых аспектах могут казаться несовершеннее других языков. Как с сожалением замечает французский лингвист Б. Бичакджан, «гуманитарии не любят эволюции. Говорить об эволюции в лингвистике неполиткорректно. В биологии вполне корректно и полностью приемлемо говорить, что приобретение постоянной температуры тела было большим шагом вперед с точки зрения эволюции и что адаптивные преимущества теплокровности перевешивают выгоды предшествующего состояния холоднокровности. Но если в лингвистике кто-то скажет, что переход от эргативности к номинативности является большим шагом вперед с точки зрения эволюции и что адаптивные преимущества номинативного синтаксиса перевешивают выгоды эргативной модели, на него немедленно набросятся, и набросятся с полной уверенностью в своей правоте» [51, 61]. Очевидно, лингвист имеет в виду явления западной политкорректности, характерные прежде всего для стран, имевших колонии или в качестве колоний начинавшихся, в которых европеоидная часть долгое время дискриминировала аборигенное население, вследствие чего в наше время уделяет не только повышенное, но и нередко преувеличенное внимание неповторению хоть в каком-нибудь виде неприглядного прошлого.

В русской лингвистической традиции указанная политкорректность

закономерно отсутствует, поскольку эта традиция опирается на теоретическую позициию В. фон Гумбольдта и А. А. Потебни о деятельностной — а не раз и навсегда данной Богом или сознательно созданной человеком (как нередко считали ученые XIX века) — сущности языка. «Язык, — считает В. фон Гумбольдт, — представляет собой беспрерывную деятельность духа, стремящуюся превратить звук в выражение мысли» [150, 91]. «Определение языка как работы духа, представляя существенным признаком языка движение, прогресс, — пишет А. А. Потебня, — возвышает Гумбольдта над всеми предшествующими теориями» [430, 29]. Из такого понимания следует, что под воздействием потребности выражать мысли, которые в ходе познания человеком действительности неизменно увеличиваются количественно и усложняются качественно, язык не может не эволюционировать. Как пишет Т. М. Николаева в статье, посвященной языковым изменениям, «язык стремится к передаче все большего количества информации в единицу времени» [329, 16].

Прогрессивность языковых изменений постоянно фиксируют не только историки языка, имеющие дело с разными, отстоящими друг от друга во времени периодами жизни языка, но и другие лингвисты, в том числе прямо говорящие о языковой эволюции, позитивность которой для них бесспорна. Так, Р. А. Будагов в своих работах проводит идею «развития» языков в неразрывной связи с идеей их «совершенствования» (см., например, [70; 72]). По убеждению А. С. Мельничука, «розгляд кожного окремо взятого основного типу мовних змін приводить до висновку, що в усякій мові, яка нормально функціонує, ці зміни в своїй переважній більшості мають прогресивну спрямованість, тобто є проявами тенденції до подальшого вдосконалення мови як системи мовних фактів, що служать цілям спілкування і вираження думок» [312, 33]. Эволюция языка стимулируется по гегелевскому закону единства и борьбы противоречий. «В языке постоянно существует противоречие между нормой — тем, что закреплено как обязательное общим употреблением, и тенденцией — тем, что начинает появляться и распространяется — первое время как редкое — в разговорной речи, в профессиональной речи и т. д. Тенденция всегда противопоставлена норме», —

замечает В. А. Ицкович [211, 56] (об стимулирующих развитие языка противоречиях пишет и А. С. Мельничук [312, 29]). Б. А. Серебренников рассматривает законы языкового развития «как постоянные и закономерные тенденции, направляющие развитие языков по пути их совершенствования» [474, 160]. Т. М. Николаева в процитированной выше статье применяет понятие языковой эволюции без уточнения его аксиологической характеристики, но в тексте статьи позитивность этой эволюции очевидна. Например, говоря о коммуникативной позитивности «слитности фразового контура», автор прямо пишет о таких «мешающих» слитности, а следовательно позитивной эволюции языков, явлениях, как «тональное (музыкальное) ударение и фонологически значимая долгота», и приводит показательный пример избавления — под воздействием экстралингвистического фактора (распространения христианства) — греческого языка от музыкального ударения и латинского языка от звуковых долгот с утверждением в этих языках динамического ударения [329, 17–18]. Л. К. Граудина считает, что «установление закономерностей эволюции литературного языка — одна из центральных задач в лингвистических исследованиях современного языка, которая нуждается в дальнейшем развитии» [141, 401], и в предисловии ко второму изданию «Грамматической правильности русской речи…» даже выделяет три типа языковой эволюции в зависимости от интенсивности ее протекания: низкодинамический, умереннодинамический и высокодинамический [138, 4–5]. Результаты современных исследований скорости эволюции грамматик в различных языках показывают, что у индоевропейских народов грамматики языков эволюционируют быстрее, чем у народов алтайских и уральских. При этом языки с относительно небольшим числом их носителей эволюционируют быстрее. Причины этих явлений существуют на уровне гипотез и ждут своего объяснения (подробнее об этом — см. [502]).

В-третьих, непризнание идеи языковой эволюции связано с еще б**о**льшими и с современной точки зрения неожиданными заблуждениями. Так, одни из первых представителей сравнительного языкознания Ф. Бопп и затем А. Шлейхер были убеждены в том, что каждый живой язык пережил период расцвета в

древности, после чего деградирует [64, 35; 590, 108]. Представители же социологического направления, например Ж. Вандриес [83, 455], сравнивали изменяющуюся морфологию с бесконечно встряхиваемым калейдоскопом (см. об этом также [183, 12–13]). Младограмматики, а затем основоположник структурализма Ф. де Соссюр признавали исторические изменения языков хаотичными и, следовательно, случайными [505, 116–120], что вскоре было опровергнуто пражскими структуралистами: «Было бы нелогично полагать, что лингвистические изменения — не что иное, как разрушительные удары, случайные и разнородные с точки зрения системы. Лингвистические изменения часто имеют своим объектом систему, ее упрочение, перестройку и т. д.» [Тезисы… 1967, 18]. Р. Келлер называет такие изменения «феноменом третьего вида», то есть вида не естественного, созданного природой, и не артефактного, намеренно созданного человеком. Языковые изменения как феномен третьего вида представляют собой ненамеренное, объясняемое как результат функционирования «невидимой руки» (термин Адама Смита), следствие множества индивидуальных намеренных действий, служащих хотя бы частично сходным намерениям (метафора таких изменений, восходящая к Ф. Маутнеру (1912), — «прокладывание троп») [222]. Р. А. Будагов, признавая неразрывную корреляцию понятий развития языка и его совершенствования, обращает внимание на то, что непризнание такой корреляции приводит к ошибочному отождествлению развития языка с его «коловращением», «маршем по замкнутому кругу» [68, 125].

Вместе с тем, даже абстрагировавшись от приведенных выше причин и мнений, любой современный носитель русского языка способен воспринимать языковые изменения при чтении как классической, так и научной, в том числе ортологической, литературы. При этом он может видеть изменения и на грамматических уровнях словообразования, морфологии и синтаксиса, то есть в той языковой сфере, в которой изменения традиционно считаются самыми медленными из всех языковых. Так, читатель отметит, что вместо пушкинского *совершенно* в примере *Он по-французски* ***совершенно*** *Мог изъясняться и писал*

сейчас употребили бы что-нибудь вроде *очень хорошо* или поменяли бы конструкцию на *Он **в совершенстве** владел французским*. Согласно замечанию Л. В. Щербы, «Пушкин для нас еще, конечно, вполне жив: почти ничто в его языке нас не шокирует. И, однако, было бы смешно думать, что сейчас можно писать в смысле языка вполне по-пушкински». На пушкинских примерах ученый, в частности, показывает, что еще в первой трети XIX века слово *любовник* имело значение ‘влюбленный’, а *игривый* — значение ‘оживленный, веселый’ [599, 135–136]. Легко заметить, что в высказывании Л. В. Щербы странным выглядит сочетание *вполне по-пушкински*. В статье В. В. Виноградова 1944 года употребляются слова *сознание* (в процессуальном значении), *тожество* и *неисследовательность (вопроса)* [95, 47–48], вместо которых сейчас применяются соответственно ***о**сознание*, *то**жд**ество* и *неисследова**н**ность*. Прочитав одни лишь названия трудов В. Келера *«Исследование интеллекта **человекоподобных** обезьян»* и Л. С. Выготского, А. Р. Лурии *«Этюды по истории поведения: Обезьяна. **Примитив**. Ребенок»* [221; 112], можно понять, что в первой половине XX века в научном дискурсе больших человекообразных обезьян называли *человекоподобными*, а не *человекообразными* (сегодня человекоподобные считаются видом человекообразных), а первобытного человека, не преследуя цели его оскорбить, именовали *примитивом*. В предложении из работы С. П. Обнорского 1944 года *В отношении русской орфоэпической системы не приходится говорить **об** ее неустойчивости* [339, 253], предлог *об* необычен — сейчас перед [j] этот предлог достаточно употребить только в виде *о*, как и перед другим согласным, а конструкции *в отношении чего-либо* и *о чем-либо* не употребляются в одном простом предложении применительно к одному и тому же объекту из-за пересечения семантики имеющихся в этих сочетаниях предлогов. На этой же странице работы С. П. Обнорского наблюдается невозможное сегодня слосочетание в предложении ***Сюда принадлежат** главным образом труды В. И. Чернышева*. Наконец, пользуясь до сих пор популярной «Практической стилистикой русского языка» Д. Э. Розенталя, можно не согласиться с предписанием использовать форму ед. ч. в конструкциях типа

работает мастер и ученик [448, 209–211] (это мнение разделяют также И. Б. Голуб, Г. Я. Солганик и Ю. А. Бельчиков [129, 377–379, 497, 198; 46, 246–250]), поскольку в настоящее время такое сказуемое чаще всего, особенно в письменной речи, имеет форму мн. ч.

Итак, понятие эволюции к языку вообще и грамматике в частности вполне применимо. Однако имеется необходимость сделать одно уточнение. Поскольку изучение грамматических вариантов в эволюционном аспекте может пониматься не только как предпринятое здесь их исследование в тесной связи с эволюционирующими познанием и когницией, но и как историкограмматическое их изучение, важно подчеркнуть, что такая значительная по объему и диссертационно самодостаточная задача в настоящем исследовании не ставилась. Поскольку современная дифференциация грамматических вариантов чаще всего не связана с их историей (об этом шла речь в подразделе 1.2), мы обращаем внимание на их происхождение лишь в случаях, когда оно имеет значение для их современной дифференциации.

Объединение когнитивного и эволюционного подходов к изучению грамматических вариантов. Сказанное выше позволяет осознать, что описанный в предыдущем подразделе когнитивный и описанный в настоящем подразделе эволюционный подходы к изучению интересующих нас грамматических вариантов не только могут, но и должны быть объединены в один аспект — когнитивно-эволюционный, что и отражено в названии нашего исследования.

2.3. Лингвокогнитивный принцип внимания к данным смежных наук

Когнитивно-эволюционный аспект, избранный нами для исследования грамматических вариантов, соотносится с когнитивно-эволюционным подходом в эпистемологии, что дает основания обратиться к принципам данного подхода. По убеждению И. П. Меркулова, «основная задача когнитивно-эволюционного подхода в эпистемологии состоит прежде всего в интеграции общепринятых в когнитивной науке моделей и моделей переработки информации с современными

эволюционными представлениями применительно к проблемам философского исследования человеческого познания. Реально этот подход, по-видимому, может быть только междисциплинарным, так как он базируется на результатах, полученных в самых различных науках, если эти результаты имеют хотя бы некоторое отношение к зпистемологическим проблемам» [315, 39]. Обращение к данным разных наук при рассмотрении каких-либо вопросов обусловлено и принципиальной неясностью границ созданных человечеством наук (см. об этом [216, 18]).

Междисциплинарный когнитивно-эволюционный подход применим и к проблемам лингвистики. Как заметил в свое время Ф. де Соссюр, «деятельность говорящего должна изучаться целой совокупностью дисциплин, имеющих право на место в лингвистике лишь постольку, поскольку они связаны с языком» [505, 57]. Обращения к данным других наук требует и утверждающийся в лингвистике принцип объяснительности (см. в подразде 2.1 первый (основополагающий) постулат А. Е. Кибрика). В. И. Абаев говорит об этом с предельной ясностью: «Язык сам себя описывает, но он сам себя не объясняет. Чтобы его объяснить, надо выйти за его пределы. И это является законом для всех объяснительных наук без исключения. В любой науке переход от описательной стадии к объяснительной неотвратимо связан с вовлечением в свою орбиту данных тех или иных смежных наук» [1, 31]. Дж. Лакофф заявляет, что важной частью его научной работы является «когнитивное обязательство», то есть «обязательство согласовывать свои объяснения человеческого языка с тем, что известно об уме и мозге как из других дисциплин, так и из нашей собственной» [629, 40] (то есть из лингвистики). С таким подходом соотносятся второй постулат А. Е. Кибрика: «все, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» (подраздел 2.1), а также «постулат о нерелевантности противопоставления лингвистического и экстралингвистического знания» А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [35, 15–16].

Интересующая нас грамматическая вариантность наблюдается в речи,

практической реализации языка, языковой системе в действии. И важно учитывать, что речь является объектом изучения нескольких не всегда близких друг другу наук: по мнению Н. И. Жинкина, это языкознание, физиология, физика, логика и психология. «То обстоятельство, что реальный объект изучения остается общим, заставляет каждую из этих дисциплин, при всей специфичности своего предмета и применяемых методик, считаться с фактами, добытыми в каждой из смежных областей» [176, 13]. О связи языковедения с физиологией, психологией и историей еще раньше говорил Ф. Ф. Фортунатов [556, 241–242]. По аналогичному мнению О. Г. Почепцова, используя собственно языковедческие данные и понятия, мы можем лишь описывать некие языковые реалии, но не можем «исследовать их природу» [431, 110].

Очевидно, что при исследовании механизма выбора грамматического варианта в речевой ситуации неизбежно обращение к данным смежных наук, и прежде всего к данным логики и психологии. Две эти области знаний имеют разные статусы: логика как наука о законах и формах мышления пребывает над всеми науками, в том числе над психологией, постоянно предъявляя им требование соответствия этим законам и формам; психология интересуется причинами и закономерностями поведения, в том числе речевого, и, как любая наука, не может не опираться на логическую понятийную базу. Выдвигаемая нами идея исследования грамматической вариантности с привлечением данных логики и психологии оказывается в целом созвучной теоретическим положениям О. Есперсена, Ш. Балли, С. Д. Кацнельсона, Б. А. Серебренникова, Э. Сэпира, Т. Н. Ушаковой о необходимости использования в лингвистических исследованиях логических и психологических сведений [171, 397; 34, 43; 220, 556–557; 472, 10; 522, 237–238; 437, 10–11, 13–14].

Конечно, невозможно отвлечься от знания того факта, что у каждой науки свои, то есть неуниверсальные, методы, но из этого различия вовсе не следует невозможность использования результатов применения самых разнообразных методов. Об использовании именно результатов, полученных в разных науках, а не методологий этих наук пишет И. П. Меркулов (см. выше). О «результативном»

аспекте сотрудничества психологов и лингвистов в рамках когнитивной науки говорит Е. С. Кубрякова [267, 47–48]. Следует уточнить, что психология имеется здесь в виду в широком смысле, включающем науки, производные от нее, например детскую психологию, когнитивную психологию, и представляющие собой результаты совмещения с ней других наук, например психолингвистику, этнопсихологию.

Помимо основных для нашего исследования данных логики и (в широком смысле) психологии, мы обращаемся к данным некоторых других областей знания. Поскольку в последние десятилетия больших успехов добились науки, объектом которых является человеческий мозг, и в особенности функциональная асимметрия мозговых полушарий, отвечающих за разные когнитивные, в том числе лингвокогнитивные, процессы, мы привлекаем данные нейрофизиологии и нейролингвистики (важность сведений психологии и нейрофизиологии для когнитивной лингвистики подчеркивают А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский [35, 19]). Из сведений наук, производных от лингвистики и возникших на стыке лингвистики с другими науками, мы используем сведения онтолингвистики и этнолингвистики.

Соотношение логики и грамматики обычно изучается методом непосредственной проверки соответствия грамматических правил универсальным логическим законам в синхронии. Результатом этой процедуры является констатация логичности-нелогичности того или иного грамматического установления. При этом упускаются из виду психологические особенности развития когнитивной и грамматической способностей, столь важные для понимания особенностей дифференциации грамматических вариантов. Поскольку, как заметил Э. Косериу, «историчность человека совпадает с историчностью речевой деятельности» [239, 185], в ходе исследования мы уделяем внимание диахроническим сведениям о носителе языка — человеке. А. Н. Барулин справедливо обращает внимание на активную разработку гипотезы Л. С. Выготского о том, что «так же, как эмбриональное развитие плода повторяет в основных чертах в сжатом виде филогенетическую историю вида, развитие речи

в филогенезе повторяется в сжатом виде в основных чертах в развитии речи у ребенка» [37, 52]. К этому соответствию следует добавить два других показательных вектора эволюции: вектор эволюции первобытного человека, уровень перцептивно-логического развития которого сопоставим с предподростковым, и вектор эволюции когнитивно наиболее близких к человеку больших человекообразных обезьян, прежде всего шимпанзе как наиболее развитых в лингвокогнитивном отношении представителей указанной группы, которые в лингвистическом отношении достигают уровня развития двухлетнего ребенка, а в когнитивном отношении — трехлетнего (ссылки на соответствующую литературу — см. в подразделе 2.6). Интерес к особенностям развития когнитивной и грамматической способностей у детей, первобытных людей и больших человекообразных обезьян предполагается онтогенетическим подходом к изучению традиционной проблемы соотношения языка и мышления [254, 376]. Показательным примером сопоставительного рассмотрения поведения детей, больших человекообразных обезьян и первобытных людей, в том числе поведения языкового, является работа Л. С. Выготского и А. Р. Лурии «Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок» [112], до сих пор не утратившая своей актуальности.

2.4. Логика и грамматика в когнитивно-эволюционном представлении

Логика как наука. Согласно одному из самых распространенных научных определений логики она представляет собой «совокупность наук о законах и формах мышления, о математико-логических законах исчисления (формализованных символических языков), о наиболее общих (диалектических) законах мышления» [237, 285]. Под дважды упомянутым в данном определении мышлением обычно понимается высшая ступень познания, позволяющая получать знания, которые не могут быть получены на чувственной ступени познания [63, 774]. Поскольку мышление оформляется в языке в виде рассуждения, частными случаями которого являются доказательство и опровержение, логика иногда определяется как наука о способах рассуждения или

наука о способах доказательств и опровержений [63, 654]. Как «совокупность наук о законах и формах мышления» либо наука о способах рассуждения или наука о способах доказательств и опровержений логика является частью когнитивной науки.

Определение Н. И. Кондакова «под совокупностью наук» подразумевает неединственность науки логики. Известный американский логик Х. Б. Карри замечает, что слово *логика* «часто употребляется и как нарицательное имя… Можно, например, говорить о различных классических логиках, модальных логиках, матричных логиках, аристотелевской логике, кантовской логике и т. д.» [216, 18]. Очевидно, что такие логики, называемые также частными, представляют собой результаты применения науки логики в определенных областях знания.

Логика как строй мышления. В обыденном аспекте под логикой понимают «ход рассуждений, умозаключений» с оттенком «правильность, разумность умозаключений» и «внутреннюю закономерность» [488, 195–196]. Регулируя упомянутые «ход рассуждений, умозаключений», а также «правильность, разумность умозаключений» и обусловливая названную «внутреннюю закономерность», логика является фундаментальным свойством — строем человеческого мышления, которое является предметом логики как науки и вместе с восприятием, памятью (оперативной и долговременной), вниманием, активацией, воображением и эмоциями составляет человеческую когницию, предмет когнитивной науки [223, 126]. В процессе познания человечество руководствуется логикой как строем мышления стихийно, как правило не зная логических законов, но умело их применяя [274; 202, 5].

Именно логика как строй мышления, а не как наука является предметом нашего внимания, но, поскольку этот строй является также предметом внимания формальной логики, включая обе ее ступени, мы кратко рассматриваем основные положения формальной логики. Данное рассмотрение важно и потому, что применение этих положений может иметь значение для повышения эффективности дифференциации грамматических вариантов.

Основные положения формальной логики. На первой ступени формальной логики, ступени, называемой логикой традиционной, изучаются «общечеловеческие законы правильного построения и сочетания мысли в рассуждении» [237, 650], большая часть которых сформулирована еще Аристотелем в результате наблюдения за примерами открытой им формы связи мыслей в рассуждении — силлогизма, представляющего собой «умозаключение, в котором из двух категорических суждений, связанных общим средним термином, получается третье суждение, называемое выводом» [237, 528]. Выведенные Аристотелем «общечеловеческие законы» есть законы тождества, противоречия и исключенного третьего [237, 596–598, 488–495, 213–216]. Формами мышления являются понятие, суждение (истинное или ложное) и умозаключение [237, 456–460, 574–577, 623–625].

Дедуктивная, сконцентрированная на выведении знания от общего к частному и следующей из этого выведения дифференциации, логика Аристотеля, называемая также силлогистикой, несмотря на известное высказывание И. Канта о том, что со времен Аристотеля логика не развивалась, все же дополнялась новыми понятиями. Так, ученики Аристотеля Теофраст и Евдем ввели понятия условных и разделительных силлогизмов. Представители мегарской школы дополнили логику понятиями импликации, антецедента и консеквента. В Эпоху Возрождения логика была дополнена теорией индукции — осмыслением выведения знания в направлении от частного к общему, то есть обобщения, или интеграции, — разработанной в XVI–XVII веках Ф. Бэконом и систематизированной в XIX веке Д. С. Милем. Значительный вклад в развитие формальной логики внесли Р. Декарт, Г. В. Лейбниц и И. Кант [227, 17; 453, 9–11]. В картезианском духе выдержана знаменитая «Логика Пор-Рояля» (неофициальное название) [Арно1991], изданная в 1662 году, как это было принято в то время, анонимно, без указания ее авторов А. Арно и П. Николя. «Логика Пор-Рояля» не утрачивала своей значимости до второй половины XIX века, когда была не отменена, но продолжена положениями, выработанными на второй ступени развития логики — в логике математической, создание которой

приписывают Г. В. Лейбницу, сформулировавшему четвертый закон формальной логики — закон достаточного основания [237, 163–164; 453, 11–12].

Возникнув в рамках античной философии, логика выделилась в самостоятельную науку и эволюционировала вместе с носителями лежащих в ее основе универсальных законов. Став методологической базой всех наук, формальная логика превратилась в сверхнауку, с законами которой сверяются все дисциплины, претендующие на звание науки. Логичность как соответствие универсальным логическим законам стала первейшим общенаучным требованием-аксиомой, которое, тем не менее, может быть конкретизировано. Известно, что в любом явлении, в том числе языковом, оцениваемом с точки зрения логической правильности, наблюдается возможность одновременного и совместного действия всех четырех законов формальной логики: «Нетрудно видеть, что нарушение одного из них ведет к нарушению остальных» [539, 53]. Однако наиболее важным из них с момента открытия признается закон противоречия [202, 160–163], что и является причиной повышенного внимания в науке вообще и лингвистике в частности к непротиворечивости выводов. Например, Ю. С. Степанов говорит о непротиворечивости научных законов как о первом требовании их логической верификации в лингвистике [512, 111]. Это позволяет нам в дальнейшем рассматривать логичность изучаемых явлений прежде всего как их непротиворечивость и, соответственно, нелогичность — как противоречивость. Понятия противоречивости и непротиворечивости аргумента, объясняющего различие между грамматическими вариантами, используются в предлагаемом нами методе дифференциации грамматических вариантов, описанном в подразделе 3.5 и примененном на практике (см. раздел 4).

Абстрагирование, обобщение и язык. Абстрагирование — это «форма познания, основанная на мысленном выделении существенных свойств и связей предмета и отвлечении от других, частных его свойств и связей» [63, 8]. «Мысленно отвлекать существенное от случайного нам приходится буквально на каждом шагу» [237, 10].

Такая форма познания является следствием ограниченности объема

человеческой памяти и обусловливает явление обобщения познаваемых сущностей по отвлеченным признакам [477, 317; 236, 303; 278, 110–130; 133, 201; 86, 96].

Абстрагирование (отвлечение) и следующее за ним обобщение неизменно отражаются в структурах языка, лексическое и грамматическое развитие которого «пошло по пути не увеличения числа элементов системы, а введения иерархических уровней, надстроенных над запасом, который унаследован от более ранних этапов эволюции» [199, 24]. Само возникновение языка было бы невозможным без способности человека к абстрагированию и следующему за ним обобщению (см. об этом [472, 9–10; 356, 59; 133, 201; 576, 36]). Обобщенность в языке гештальтна, но гештальтная обобщенность невозможна без обобщаемой конкретики, вместе с которой они составляют диалектическое единство. Согласно выводу Л. О. Чернейко, сделанному в отношении абстрактных имен, «гештальты, составляющие концепт абстрактного имени, суть импликатуры его предикативно-атрибутивной сочетаемости» [568, 83].

Очевидно, что наблюдаемая у грамматических вариантов регулярность (см. подраздел 3.3 и раздел 4) тоже является следствием действия механизма «от абстрагирования к обобщению».

Связь дедукции и дифференциации с абстрагированием и обобщением. Дедуктивно выведенное, дифференцированное, то есть наиболее надежным способом доказанное, знание — не только на научном, но и на обыденном уровне — невозможно без абстрактности мышления и следующего за ним обобщения.

Умение абстрагироваться от несущественных признаков и обобщать по существенным признакам особенно необходимо при осуществлении дедуктивного доказательства правильности выявления дифференциальных признаков грамматических вариантов (см. подраздел 3.5 и раздел 4).

Связь индукции и интеграции с абстрагированием и обобщением. Индуктивно выведенное, интегрированное, то есть допускаемое, знание на научном и обыденном уровнях тоже невозможно без абстрактности мышления и следующего за ним обобщения.

Базирующееся на абстрагировании от несущественного индуктивное допущение является формой косвенного доказательства правильности дифференциации грамматических вариантов (см. подраздел 3.5 и раздел 4). Умение абстрагироваться от несущественных признаков важно при интеграции грамматических вариантов по отвлеченным семантическим и стилистическим признакам (ее результаты можно видеть в разделе 4).

Абсолютность и относительность логичности как качества логики. Несложно заметить, что логичность мышления может быть абсолютной и относительной (аналогичным образом Б. А. Серебренников предлагает различать абсолютный и относительный языковые прогрессы [473]). Относительность логичности наблюдается при ошибочности суждений, которая, однако, не означает, что сам механизм рассуждения оказался не силлогизмом, как не означает, что возведенный на плывуне дом рухнул потому, что он строился не по правилам: не по правилам было выбрано место для его строительства, но сам дом возводился в соответствии с принятыми стандартами, то есть согласно принятой логике строительства. По-своему логична детская убежденность в том, что новогодний подарок под елку кладет Дед Мороз. В целом логичным представляется признаваемый наивным вывод об обращении Солнца вокруг Земли. Как верно замечает И. А. Герасимова, «субъект не всегда располагает полной и неискаженной информацией. Отсюда возможный мир … должен строиться по законам классической логики, но исходя из имеющихся у субъекта сведений» [124, 42].

Усугубленная ограниченностью объема памяти относительность логичности мышления отражается и в семантике языка. Как известно, лингвистическая семантика — в силу своего антропологического происхождения и инертности развития — отражает наивную картину мира [13, 5]. Именно поэтому, с донаучной, наивной, точки зрения, отраженной в языке, солнце, которое воспринимается как оборачивающееся вокруг Земли, каждый день *восходит, поднимается, достигает зенита, садится* и *заходит*. С позиций формальной логики мы имеем все основания (согласно закону достаточного

основания), не выходя за рамки наивной модели мира, говорить, что солнце меняет свое положение в пространстве относительно нас, а именно *восходит*, *поднимается*, *достигает зенита, садится* и *заходит*, поскольку употребление этих языковых форм полностью соответствует всем четырем законам такой логики: например, появление солнца красно-оранжевого цвета над линией горизонта тождественно семантике глагола *восходить*, не противоречит ей, не предполагает третьего явления между понятиями ’восходить’ и ’не восходить’, и имеются все основания употребить в данной ситуации именно глагол *восходить*. Это пример несоответствия логики языка логике научной картины мира и доказательство относительности логичности языка. Как заметил по этому поводу К. Ажеж, «у языков, несомненно, существует собственная логика, которая никоим образом не совпадает с Логикой» [3, 144] («никоим образом», — несомненно, эмоциональное преувеличение; см. об этом ниже).

Понятия абсолютной и относительной логичности такой «продукции» мышления, как аргументы, применяются в предлагаемом нами методе дифференциации грамматических вариантов, описанном в подразделе 3.5 и примененном на практике (см. раздел 4).

Отождествление логики и грамматики (тезис) и его критика (антитезис). Синтез: когнитивно-эволюционный алгоритм «восприятие → логичность мышления → логичность грамматики». Хорошо известно, что логика и грамматика с самого начала были для человека близкими настолько, что чаще всего им отождествлялись. И первооткрыватель универсальных логических законов Аристотель, и ближайшие его последователи, как известно, исходили из принципа доверия языку в его обнаружении разума, то есть полагали, что грамматическая структура речи полностью дублирует структуру мысли. «Античная философия не могла разрешить проблемы языка и мышления. Грамматические понятия часто сливаются с логическими. Предмет, мысль и языковое выражение не разграничиваются даже у Аристотеля», — заключает В. В. Виноградов [94, 8]. Поэтому неудивительно, что термин «logos» означал одновременно речь и мысль, предложение и суждение. Отождествление, иногда

смягченное умеренной констатаций «тесной связи», логики и грамматики (вначале только латинской), сохранившись в учениях П. Абеляра, модистов, рационалистически настроенных П. де ля Раме (Рамуса), Ф. Саннеса и, конечно, логиков-грамматистов Пор-Рояля А. Арно и К. Лансло (в основном, но не всецело опиравшихся на учение Декарта, разделявших в грамматике логичный «разум» и нелогичный «обиход»), уточнителя грамматики Пор-Рояля Ш.-П. Дюкло, авторов других универсальных грамматик, например Дж. Харриса, К. Беккера, а также российских языковедов Л.-Г. Якоба, Н. И. Греча, И. И. Давыдова, Ф. И. Буслаева, К. С. Аксакова и других исследователей, не подвергалось сомнению до второй половины XIX века, когда появились указания на неполное совпадение логических и грамматических категорий (см. [171, 48–50; 357, 3; 22; 306, 138–142; 274; 437, 28–31]).

Последовательная критика отождествления логики и грамматики со второй половины XIX века осуществлялась представителями психологического направления в лингвистике, в первую очередь Х. Штейнталем, затем А. А. Потебней и другими. Психологисты указывали на то что, не все категории логики имеют соответствие в языке, слово и понятие не тождественны, не все предложения могут быть логическими суждениями, не совпадает число грамматических и логических членов предложения, грамматические члены не имеют закрепленного соответствия только одному логическому члену, логические описания оставляют невыявленными психологические и коммуникативные аспекты речи, стихийно возникший и стихийно развивающийся язык никак не мог развиваться по строго выверенным логическим схемам. В свою очередь осознание не только несоответствия логики и грамматики, но и преувеличения значимости для языка психологических категорий стимулировало утверждение лингвопарадигмы структурализма, то есть техники формально-грамматического анализа, не выходящего за рамки языка и лингвистики (см. об этом [220, 81; 357, 4–6; 432; 366, 5; 22; 306, 138–142]).

Однако было бы неправильным считать, что с утверждением структурной парадигмы лингвистика стала все чаще отказываться от любых упоминаний

всего, что связано с логикой. Признание нередкого несовпадения логических и грамматических категорий, существенно подорвавшее авторитет лингвистического логицизма, не означало невнимания лингвистов к возможности применения в лингвистических исследованиях прежде всего научного аппарата второй ступени логики, логики математической. Речь идет о «логическом прорыве», состоявшемся в конце XIX века, когда в рамках философских направлений неопозитивизма и эмпиризма началось логическое изучение естественных языков. Наиболее известен в этом смысле предпринятый прежде всего Г. Фреге, а также Б. Расселом, Л. Витгенштейном, Р. Карнапом и другими представителями аналитической философии логический анализ языка науки — с целью определения границ истинного знания, но с максимальным использованием при этом не естественного языка, а символического метаязыка, искусственного языка логики (отношение которого к естественному языку Г. Фреге сравнивал с отношением микроскопа к глазу — см. об этом [492, 9]). Появились такие широко применяемые теперь в лингвистике понятия, как пропозиция, логические связки (например, конъюнкция, дизъюнкция, импликация, эквивалентность), операторы (в том числе кванторы), денотат и сигнификат, интенсионал и экстенсионал, смысл и референт и другие (см. об этом [220, 184; 515; 513, 33–41; 336; 21, 6; 1990]). В настоящем исследовании, как сказано выше, применяются логические понятия дедукции и индукции (см. подраздел 3.5 и раздел 4), а также понятия кванторов общности и существования (см. пункты 4.1.1, 4.2.3, 4.3.1, 4.4.1, 4.6.6).

А. А. Потебня, допуская возможность быть «в состоянии определить законы прогресса языка, узнать, как он изменяется в течение веков под влиянием действующей на него мысли», тем не менее отвергает «принцип логической грамматики», причем, что важно, отвергает этот принцип как представляющий «народности», обладающие не очень логичными языками, «уродливостями» [430, 44]. Очевидно, что непризнание логической эволюции языка многими лингвистами является следствием своего рода впадения в крайность, то есть следствием силы инерции, обусловленной той волной отторжения логики от

языка, которая более ста лет назад смела лингвистический логицизм, преувеличенно отождествлявший логику и грамматику, настолько решительно и бесповоротно, что немногие исследования соотношения логики и грамматики, имевшие место в XX веке, сводятся к демонстрации различий между логическими и грамматическими понятиями, а такое лингвистическое направление, как логический анализ языка, применяет выработанные на второй ступени логики понятия в исследованиях малологичного естественного языка. Однако констатация лингвистами некоторой идентичности логики и грамматики как сфер человеческой когниции все же имеет место (см., например, [253]). В соответствии с лингвокогнитивным принципом важности не описания, но объяснения причин языковых явлений (первый, основополагающий, постулат А. Е. Кибрика — см. подраздел 2.1) важно выяснить причину указанной идентичности.

Понятно, что логичность присуща прежде всего мышлению, а не грамматике (ср. с пятым постулатом А. Е. Кибрика — подраздел 2.1). Это подтверждают и лингвисты: по мнению А. А. Потебни, «логические категории … народных различий не имеют» [428, 69]; «Структура суждения, действительно, имеет общечеловеческий характер, — считает Т. П. Ломтев. — Грамматические же средства в каждом национальном языке имеют самобытный характер» [296, 7]; «Грамматические отношения специфичны для каждого языка, а логические отношения в принципе едины для мышления всех людей» — констатирует М. Н. Правдин [432, 7]. О том же убедительно и подробно пишет А. С. Мельничук [313, 607]. Поэтому естественно предположить, что именно логика может оказывать влияние на грамматику, а не наоборот. К этой мысли постепенно приходит все больше лингвистов. Согласно обыденному свойству впадения в крайности и последующего их преодоления путем компромисса, или, в терминах философии, гегелевскому закону единства и борьбы противоположностей, согласно которому противоречие тезиса и антитезиса разрешается их синтезом, грамматическая позиция решительного и полного непризнания логичности грамматики постепенно смягчается. Изначально отождествленные, а затем преувеличенно противопоставленные логика и

грамматика осторожно сближаются вновь с такой же исторической неумолимостью, с какой подобные сближения происходили в науке не единожды.

«Значение логической правильности мышления, подчеркнем еще раз, состоит в том, что она является необходимым условием гарантированного получения истинных результатов в решении задач, возникающих в процессе познания» [104, 27]. Из этого следует, что успешность познания непосредственно зависит от логичности мышления, однако, поскольку орудием познания является язык с присущей ему грамматикой, он не может быть абсолютно нелогичным. По разделяемому и нами мнению и В. З. Панфилова, и А. Марти, отказ грамматике в логичности уже несколько десятилетий — это не более чем отказ от аристотелевского отождествления логики и грамматики, но никак не отказ от идеи некоего их изоморфизма [357, 5–6; 306, 142–144]. Именно эта мысль прослеживается в известном труде О. Есперсена «Философия грамматики», в котором он взвешенно замечает, что «соответствие между внешними и грамматическими категориями никогда не бывает полным; повсюду мы находим самые странные и неожиданные перекрещивания и взаимопересечения» (неясно, впрочем, понятийное различие между перекрещиванием и взаимопересечением), но констатирует, что из такого несоответствия «вовсе не вытекает, что логику нельзя применять к вопросам грамматики… …логика имеет, конечно, огромное значение для построения нашей грамматической системы и для формулировки грамматических правил и законов» [171, 57, 397]. А. М. Пешковский говорит об этом решительнее: «…логические категории не скрываются где-то в поднебесье, а существуют в нашей мысли бок о бок с грамматическими, так как они просвечивают более или менее завуалированно во всех гораздо более многочисленных и сложных категориях языка» [368, 100]. И. И. Мещанинов в этом вопросе более категоричен: «В языке выделяются его грамматические категории, но они сочетаются в сознательной речи человека с логическими, без которых не может строиться речь человека и которые поэтому получают в ней ведущее значение» [317, 9]. Свою лепту в изучение этого вопроса вносит и когнитивная лингвистика. В 2004 году В. А. Гуреев признаёт: «Благодаря

когнитивным исследованиям появляется все больше оснований полагать, что именно категории мышления человека определяют категории языка…» [152, 58].

У логики и грамматики существует общее для них, «сопоставительное» определение: «Под логикой подразумевается «строй (структура) естественного человеческого мышления», под грамматикой — «грамматический строй (структура) естественного человеческого языка» [432, 5]. Из этого краткого определения в самом общем виде можно вывести, что логика как строй мышления, данный человеку от рождения и не осознаваемый им, и грамматика как строй языка, стихийно формирующийся у человека в первые годы жизни, имеют общее место расположения: это место — человек: «Язык окружает наше бытие как сплошная среда, вне которой и без участия которой ничто не может произойти в нашей жизни. Однако эта среда не существует вне нас как объективированная данность; она находится в нас самих, нашем сознании», — справедливо замечает Б. М. Гаспаров [117, 6]. Выяснено, что за язык отвечают не только зоны Брока и Вернике, обнаружение которых состоялось благодаря изучению двух видов патологии речи у афатиков. В последнее время ведутся активные исследования зон головного мозга, ответственных за грамматику (см. об этом [625; 569; 622]), в частности предпринимаются попытки обнаружить в мозге «детектор грамматической правильности»: выявлено, что при восприятии грамматических нарушений активируются дополнительные участки мозга [310].

Логику и грамматику сближают и применяемые в них механизмы абстрагирования (отвлечения) и обобщения. На абстрактно-обобщающий характер грамматических значений обращали внимание многие лингвисты начиная с Ф. де Соссюра [505, 170–172; 313].

По мнению М. Н. Правдина, лингвистические направления логицизма, психологизма и структурализма «фактически снимают проблему соотношения логического строя мышления и грамматического строя языка (а вместе с тем и проблему логики и грамматики в целом)… При правильной постановке проблемы, очевидно, должна быть принята точка зрения, намеченная Аристотелем, т. е. речь должна идти о принципах взаимодействия логических и

грамматических категорий, логического строя мышления и грамматического строя языка» [432, 14–16]. Ни в коей мере не ставя перед собой задачу реанимировать не соответствующее реалиям отождествление логики и грамматики (логицизм), не подвергая сомнению возможность и необходимость применения в лингвистических исследованиях предложенные Г. Фреге и его последователями логические понятия, считаем необходимым принять мысль М. Н. Правдина — но с уточнением необходимости изучения не взаимодействия логики и грамматики, а воздействия логики как строя мышления на грамматику как строй языка, ибо вряд ли можно рассчитывать на то, что грамматика способна внести коррективы в универсальные логические законы и понятия. По нашему убеждению, грамматика не может не испытывать на себе влияние логики, что, возможно, никогда не приведет грамматику к состоянию окончательного логического совершенства (об этом свидетельствуют современные данные об эволюции грамматик различных языков [502, 8]), но будет постоянно ее логизировать. Ближе других к нашему убеждению мнение Л. П. Катлинской, обосновывающее возможный логический прогресс языка общественным развитием: «Если развитие языка — это не только изменение, но и эволюция (в соответствии с общественной эволюцией), то можно предполагать, что язык развивается в сторону логического совершенства» [219, 175]. «Общественная эволюция» стимулирует развитие языка крайне медленно (см. сведения Б. Бичакджана об архаичности японской грамматики при развитой логичности мышления японского социума в целом [51, 64]), но, по всей видимости, именно так, постепенно, совершенствование логичности мышления у каждого носителя языка обеспечивает логизацию грамматики целом. Обращая внимание на постепенную логизацию, происходящую в системе грамматических вариантов, мы отстаиваем принцип диалектического объединения синхронического и диахронического подходов к изучению языковых явлений (см. об этом [178; 312, 22–25]) и тем самым преодолеваем бескомпромиссную изоляцию этих подходов Ф. де Соссюром [505, 116] и, в более мягкой форме, И. А. Бодуэном де Куртенэ [60, 278] (хотя вслед за Р. А. Будаговым признаём, что такое впадение в крайность

выглядит велением времени: как продиктованное стремлением противостоять другой крайности — абсолютизму сравнительно-исторического метода, отстаиваемому младограмматиками во главе с Г. Паулем [71, 37–38]). О логичности грамматических изменений, проявляющихся в сфере грамматической вариантности, — см. [384; 397; 383; 398]), а также пункты 4.4.1–4.4.3 настоящего исследования.

Итак, степень логичности грамматики зависит от степени логичности мышления носителей языка и вряд ли может быть обоснована другими причинами, например внутренними законами развития языка (некорректность понятия ‘саморазвитие языка’, коррелирующего с понятием ‘лингвосинергетика’, аргументированно доказывает Ю. В. Фоменко [554, 51–57]). Однако когнитивно-эволюционный подход обусловливает постановку вопроса о сущности, от которой в свою очередь зависит логичность мышления. Совершенно очевидно, что качество логичности какого-либо заключения зависит не от качества построения рассуждения-силлогизма, а от качества тех данных-посылок, из которых это рассуждение исходит. Х. Б. Карри по этому поводу выражается достаточно осторожно: «Рассуждая, мы из некоторых исходных данных выводим заключения. Мы замечаем, что эти заключения иногда верны, а иногда нет, и что иногда (но не всегда) ошибочность заключений объясняется ошибочностью некоторых из наших исходных данных» [216, 17]. Однако практика дает основания для более смелых выводов: дом падает потому, что не воспринят плывун в месте его строительства; ребенок верит в Деда Мороза потому, что, во всем доверяя родителям, не воспринимает другую причину появления подарка под елкой; Солнце вращается вокруг Земли, при этом *восходя, поднимаясь, достигая зенита, садясь и заходя*, потому, что именно такое его движение подтверждается простым зрительным восприятием. Из этого следует, что причину относительной или абсолютной логичности мышления следует искать в особенностях когнитивной структуры, поставляющей исходные данные оперирующему силлогизмами строю мышления. Такой структурой может быть только восприятие.

Зависимость логичности грамматики от логичности мышления и зависимость логичности мышления от особенностей восприятия можно представить в виде постоянно действующего когнитивно-эволюционного алгоритма «восприятие → логичность мышления → логичность грамматики», функционирование которого можно признать основным принципом когнитивно-лингвистической эволюции. Очевидно, что основную роль в реализации второго звена данного алгоритма играют грамматические варианты.

Из данной схемы следует важный вывод: если логичность мышления обусловливается качеством восприятия, то логичность дифференциации грамматических вариантов обусловливается качеством восприятия их дифференциальных признаков. Такой вывод представляется не только естественным, но и неизбежным: есть варианты — есть проблема их выбора, однако при выборе необходимо прежде всего воспринимать выбираемые сущности со всеми присущими им особенностями. Существующие ортологические рекомендации далеко не всегда объясняют причины употребления грамматических вариантов. Восполнить этот пробел позволяет когнитивное требование «объяснительности», отраженное в первом — основополагающем — постулате А. Е. Кибрика (см. подраздел 2.1). Качество объяснения дифференциации грамматических вариантов обеспечивается качеством восприятия их дифференциальных признаков. Как покажет дальнейшее изложение, особенности восприятия играют существенную роль как в механизме дифференциации, так и в механизме образования грамматических вариантов. Но прежде необходимо представить эти особенности.

2.5. Восприятие как важнейшая составляющая когниции, мотиватор качества логичности мышления и грамматики

Современная интерпретация корреляций ощущения, восприятия и представления. Восприятие долгое время считалось достаточно автономным средним звеном между ощущением и представлением. Под восприятием понимали чувственный образ, который формируется на основе ощущений и

является основой представления, а также сам процесс указанного формирования [237, 92–93, 429, 475]. Современное видение соотношения ощущения, восприятия и представления отличается от указанного традиционного и состоит в том, что соотношение ощущения и восприятия выглядит пространственным, расположенным по вертикали: восприятие находится выше ощущений, — в то время как отличие восприятия от представления не является пространственным и, следовательно, расположенным по вертикали — это отличие временн**о**е: представление наблюдается позже восприятия, поскольку, «воспроизводя в нашей памяти прежние восприятия, мы имеем *представление* о предметах» [104, 7]. «Восприятие — это «форпост» жизненного, познающего опыта человека, хранимого в памяти», — заметил в свое время Н. И. Жинкин [177, 52]. Следовательно, представление есть «восприятие по памяти», то есть иметь представление — это помнить то, что было воспринято, и потому всегда мысленно это воспринимать.

Зрение как важнейшее из чувств и его когнитивные особенности: зрительное восприятие. Восприятие немыслимо без участия органов чувств, и прежде всего зрения, которое, будучи практически невостребованным у новорожденного младенца, в дальнейшем, в период с 2 до 5–6 месяцев жизни, «с помощью слуховых ориентировочных реакций, тактильных и кинестетических, вкусовых, вестибулярных и других ощущений настолько обгоняет в своем процессе остальные анализаторные деятельности, что становится в первый ряд чувственных деятельностей ребенка» [9, 72–73]. Однако и в таком чувственном акте просматриваются когнитивные предпочтения, позволяющие говорить уже о зрительном восприятии, а не просто о чувстве зрения.

Как заметил К. Р. Поппер, «организмы животных изобрели глаза и усовершенствовали их во всех деталях как предвосхищение, или теорию о том, что свет в видимом диапазоне электромагнитных волн будет полезен для извлечения информации из окружающей среды» [427, 62]. Зрение играет важную роль и в усвоении ребенком лексического состава языка, которое «происходит путем ассоциирования слухового образа слова со зрительным образом

обозначаемого этим словом предмета» [9, 69–70]».

Другая когнитивная особенность зрительного восприятия состоит в его избирательности: в существенном и для формирования понятия фокусировании на существенном и отвлечении от несущественного [123, 25; 108, 347; 240, 65; 639; 610, 413, 416]. Такое понимание полностью соответствует эволюционной теории К. Р. Поппера и является полезным для дела дифференции грамматических вариантов при их восприятии в письменном виде. Однако важно понимать, что «избирательная понятийность» зрительного восприятия является перцептивным идеалом, в то время как на практике действие данного механизма не всегда безупречно. Перейдем к рассмотрению когнитивной функции восприятия.

Категоризация как когнитивная функция восприятия. Как известно, количество фиксируемых человеческим зрением реалий значительно превышает количество соответствующих им номинаций. По причине описанной в предыдущем подразделе ограниченности объема памяти человек обобщает зрительные впечатления и отражает их сравнительно небольшим числом названий. По свидетельству А. Р. Лурии, «человеческий глаз может практически воспринимать до двух-трех миллионов различных цветовых оттенков, однако человек имеет в своем распоряжении лишь 20–25 названий цвета; воспринимая тот или иной оттенок, он выделяет его ведущий признак и относит его к той или иной цветовой категории» [299, 34]. Как можно убедиться, в данном случае А. Р. Лурия обращает внимание не только на аналогичную формированию понятия избирательность зрительного восприятия, но и на такую способность восприятия, как категоризация чувственных данных.

Способность восприятия категоризировать данные ощущений подчеркивается и в современной когнитивной психологии. Р. Солсо различает ощущение и восприятие следующим образом: «**Ощущение** связано с начальным обнаружением стимулов. **Восприятие** — с интерпретацией ощущаемых явлений. Когда мы читаем книгу, слушаем концерт, получаем сеанс массажа, нюхаем одеколон или едим икру, мы «переживаем» нечто гораздо большее, чем

непосредственную сенсорную стимуляцию. Каждое из этих сенсорных событий обрабатывается в контексте наших знаний о мире; наш предшествующий опыт придает смысл простым ощущениям» [504, 95]. О том же говорит Дж. Андерсон: «Восприятие предполагает больше, чем просто регистрацию информации, которая достигает наших глаз и ушей. Главная проблема связана с интерпретацией этой информации» [10, 44]. Известен и афоризм А. Н. Леонтьева по этому поводу: «Воспринимают не органы чувств, а человек при помощи органов чувств» [290, 59].

Дж. Брунер считает, что «восприятие — это процесс категоризации, в ходе которого организм осуществляет логический вывод, относя сигналы к определенной категории…» [66, 23–26]. По мнению Дж. Андерсона, «восприятие — это процесс, в значительной степени основанный на выведении заключения» [10, 69]. О восприятии как о категоризации, но с введением понятия ‘распознавание’ говорит другой известный представитель когнитивной психологии Б. М. Величковский: «Важнейшей функцией восприятия является *распознавание* зрительных и акустических конфигураций, ведущее, в частности, *к узнаванию* предметов и их *категоризации,* то есть отнесению к той или иной семантической категории» [86, 208]. Дж. Дж. Гибсон о связи восприятия и мышления заявляет еще решительнее, практически отождествляя понятия восприятия и познания: «И при восприятии, и при познании происходят одни и те же процессы — экстрагирование и абстрагирование инвариантов. Различие между восприятием окружающего мира и его постижением — количественное, а не качественное. <…> Познание — это *расширение* процесса восприятия» [125, 366]. Но если восприятие есть частный случай познания, а согласно определению еще одного представителя американской когнитивной психологии У. Найссера «познавательная активность» и «когнитивная активность» — абсолютные синонимы, то несложно прийти к заключению, что когнитивная активность есть прежде всего восприятие: «…восприятие представляет собой основную когнитивную активность, порождающую все остальные виды…» [326, 23, 30]. Важно отметить, что задолго до утверждения направления когнитивной психологии, к которому принадлежат авторы цитируемых выше работ, о

категоризирующей функции восприятия (называемого «апперцепцией», чтобы отличать это понятие от понятия восприятия, понимаемого как восприятие только чувственное) в своей программной работе «Мысль и язык» писал А. А. Потебня. Он предлагал «различить две стихии апперцепции: с одной стороны, воспринимаемое и объясняемое, с другой — ту совокупность мыслей и чувств, которой подчиняется первое и посредством коей оно объясняется. <…> Апперцепция — везде, где данное восприятие дополняется и объясняется наличным, хотя бы самым незначительным запасом других» [430, 99, 102].

Можно признавать, что «познание, кроме работы восприятия, предполагает также участие высших когнитивных способностей — прежде всего мышления, сознания и памяти — и использование средств естественного языка (хотя, как правило, и некритическое). В силу этого обыденное познание занимает более высокую ступень, чем восприятие» [316, 84]. Однако трудно представить функционирование мышления (с присущим ему строем — логикой) или памяти без постоянной опоры на данные восприятия. Как замечает Р. И. Павилёнис, «чувственное» происхождение образующихся вследствие … процесса познания концептов нисколько не уменьшает их интеллектуального, или концептуального, статуса» [350, 107]. Неразрывную связь восприятия и мышления признаёт и И. П. Меркулов: «В силу тесной кооперации когнитивных структур между перцептивным мышлением животных и их восприятием нет четкой границы. Нет такой границы и между человеческим пространственно-образным мышлением и восприятием людей. Соответствующие эпистемологические разграничения весьма условны» [316, 162]. Именно поэтому становится возможным появление такого смешанного понятия, как «умственное восприятие», которое наблюдается в дефиниции когнитивности: «Термин «когнитивность» (от лат. Cognitio, «познание, изучение, осознание») в самом широком смысле означает способность к умственному восприятию и переработке информации. В более узком смысле под когнитивностью понимают либо познавательный акт, либо само знание» [441, 20].

Момент восприятия, несмотря на обыденное представление о его мгновенности, принято определенным образом структурировать. Еще

И. М. Сеченов говорил о «среднем члене» между «внешним предметом» и «видимым образом», понимая под этим членом физиологический процесс, лежащий в основе видимого образа (ощущения), но несущий на себе отпечаток внешнего предмета (стимула) [476, 452]. Современные нейрофизиологи делят момент восприятия на три этапа: сенсорный этап, на котором в результате реакции на стимул органов чувств они передают в мозг соответствующую информацию; второй этап, «отражающий синтез всей информации о стимуле, как наличной, так и хранящейся в памяти»; третий этап — «этап перцептивного решения», на котором «субъект должен опознать стимул, отождествив его с определенным, известным ему по прошлому опыту классом объектов» [196, 95–120]. В этой схеме обращает на себя внимание то, что упомянутая выше категоризация (названная в схеме отождествлением с тем или иным классом объектов) осуществляется по признаку известности воспринимающему субъекту таких классов объектов, что, как известно, наблюдается не всегда. Поэтому в когнитивной психологии различают два вида восприятия: «сравнение с эталоном» и, если эталона в сознании и памяти нет, «подетальный анализ» (вид более совершенный, чем первый) [10, 56–59]. Понятно, что в первом случае категоризация происходит сравнительно быстро, во втором — медленнее.

Происходящая при восприятии категоризация невозможна без посредства языка [267, 307]. Лингвистические сведения подтверждают идею тесной связи восприятия и мышления. Так, Н. Д. Арутюнова, Е. Р. Иоанесян, Г. И. Кустова справедливо обращают внимание на тот факт, что глаголы с семантикой восприятия могут употребляться в значении понимания, знания, то есть в значении того, что уже категоризировано, например *Я **вижу**, что ты не хочешь уходить* (‘понимаю’); *Он **слышал** об этом* (‘знает’) [20, 10; 206, 222; 272, 174]. По наблюдениям Е. В. Падучевой, часто оказывается зыбкой граница между глаголами восприятия и бытия [352, 97], например *Его здесь не **наблюдалось*** и *Его здесь не **было***. Очевидно, что такую зыбкость границы можно объяснить семантической близостью восприятия и бытия: семантика бытия (= нечто есть) представляет собой результат категоризации, обусловленный восприятием.

Если говорить о категоризации в грамматике, то после приведенных выше корректно аргументированных мнений когнитивных психологов и философов о сущности категоризации невозможно не согласиться с мнением Е. С. Кубряковой по поводу таких грамматических классов, как существительные, глаголы и прилагательные: «…можно было бы, наверное, сказать, что мир воспринимается как заполненный объектами, что причисление объектов к тем или иным классам (лиц и вещей, в первую очередь) зависит от связываемых с ними перцептуальных признаков и что последние тоже подлежат классификации на процессуальные и непроцессуальные после того, как они сами начинают вычленяться из объектов как их часть или атрибуты» [267, 252].

Все сказанное выше доказывает, что перцептивные возможности не сводятся лишь к чувственному познанию, а рассматриваются как опирающиеся на него, но неизменно проявляющиеся в категоризации: можно зрительно воспринимать явление, но не осознавать его категориальную принадлежность — требуются когнитивные усилия по абстрактному представлению имеющихся возможностей категоризации. Проявлению таких усилий при восприятии существует и множество других доказательств, например неопределенность тактильного восприятия при отсутствии данной мышлением опознавательной или познавательной установки либо «отфильтрованная» мышлением константность зрительного или аудиовосприятия: человек воспринимается как человек на любом удалении от смотрящего с осознанием оптического обмана — малых размеров человека на большом расстоянии (подробнее об этом — см. [196, 38–41]), а речь, как правило, воспринимается даже в случае ее артикуляционной неточности.

Несложно представить, что при восприятии грамматических вариантов тоже происходит категоризация: отнесение вариантов к разным категориям, благодаря которому осознается их дифференциация.

Функциональная асимметрия полушарий мозга и ее роль в механизме восприятия. Результаты четвертьвековых нейропсихолингвистических исследований, осуществленных одним из пионеров изучения межполушарных отношений в головном мозге В. Л. Деглиным (параллельно с известным

американским нейрофизиологом, лауреатом Нобелевской премии Р. Сперри [640]), свидетельствуют о том, что (у правшей, составляющих подавляющее большинство людей) функцию распознавания выполняет правое полушарие, а категоризацию — левое. По мнению В. Л. Деглина, история развития человеческого мозга есть история движения мысли конкретной из правого полушария к мысли абстрактной в левом полушарии: «Ранний этап эволюции психической деятельности — этап использования природных объектов в качестве знаков — связан с правым полушарием и роднит человека с его животными предками. Поздний этап эволюции становления психической деятельности, основанный на специально созданных для знаковой функции искусственных объектах, связан с левым полушарием. Это специфически человеческий этап становления психической деятельности. <…> Функциональная асимметрия, с моей точки зрения, — это летопись, «Повесть временных лет» человеческой психики» [156, 145–146]. К таким же выводам (с их уточнением) приходят другие исследователи функциональной асимметрии полушарий человеческого мозга. Так, Д. А. Фарбер и Т. Г. Бетелева фиксируют, что механизмы целостно-формального, конкретного опознания, свойственные правому полушарию, формируются от момента рождения до 5–6-летнего возраста, а осуществляемые левым полушарием по общим, отвлеченно воспринятым признакам классификации можно считать более-менее совершенными к 14–16 годам [549]. «Левое полушарие обрабатывает информацию дискретно, последовательно, аналитически… Правое полушарие обрабатывает информацию целостно, одновременно, синтетически…» [92, 12]. Вопрос о наличии/отсутствии функциональной асимметрии мозга человека применительно к восприятию речи с момента рождения является дискуссионным [323, 50–78]. Но при любом решении этого вопроса — признании изначальной билатеральности или всё же асимметрии полушарий детского мозга — ясно, что левое, то есть категоризирующее и обеспечивающее речевую деятельность, полушарие у ребенка функционирует еще не так эффективно, как у взрослого, и лишь постепенно приближается к взрослому состоянию, принятому за норму развития человеческого мозга.

Вяч. Вс. Иванов (сотрудничавший некоторое время с В. Л. Деглиным) так объясняет эволюцию сосуществования и лингвистической работы полушарий мозга на протяжении человеческой жизни: «После того как грамматика родного языка уже усвоена ребенком, левое полушарие постепенно все больше и больше узурпирует функции, связанные с речью на родном языке. Этот процесс постепенного возрастания асимметрии двух полушарий длится чрезвычайно долго, почти на протяжении всей жизни человека. Правое полушарие в течение всей человеческой жизни продолжает обогащаться знаниями о мире, расширяющими систему значений слов» [201, 50]. Понятие специализации полушарий человеческого мозга соотносится с понятиями вербальной и образной составляющих памяти в концепции А. Пайвио [633]. «Память человека во многом определяется наличием соединительных связей между левым полушарием, в котором хранятся слова в их звуковых оболочках, и правым полушарием с его запасом зрительных образов» [201, 33].

На основании всего сказанного о восприятии как важнейшей составляющей когниции несложно прийти к выводу, что благодаря левополушарной категоризации восприятие является мотиватором, который обеспечивает соответствующую степень логичности мышления и грамматики, а также степень логичности дифференциации грамматических вариантов. Несложно допустить, что ту или иную степень логичности обусловливает соответствующая степень восприятия.

2.6. Степени восприятия как корреляты этапов логической эволюции мышления и грамматики

Понятия степеней восприятия, имеющие важное значение для понимания закономерностей восприятия дифференциальных признаков грамматических вариантов при их стихийной и сознательной дифференциации, рассматриваются в настоящем подразделе на отдельных примерах когнитивной — логической и грамматической — эволюции ребенка, первобытного человека и современного цивилизованного взрослого. Подробнее о степенях восприятия см. в [396, 5–105].

2.6.1. Синкретичное восприятие как причина неразвития логической и грамматической способностей

Понятие синкретизма восприятия. Понятие «синкретизм» применяется для обозначения целостных, нерасчлененных представлений, которые также называют гештальтными. Оно возникло в этнопсихологии, а затем швейцарским психологом Э. Клапаредом было введено в детскую психологию (онтопсихологию): ученый зафиксировал факт идентичности таких представлений у детей и первобытных людей [228, 96]. Представители гештальтпсихологии (М. Вертгеймер, В. Келер, К. Коффка, К. Левин, К. Дункер) обратили внимание на факты целостного (гештальтного) восприятия объектов-«фигур» на определенном «фоне» (понятия фигуры и фона ввел в научный обиход Э. Рубин; об этих понятиях в гештальтпсихологии — см. [246]) и сформулировали законы перцептивной организации, первый из которых, «закон близости», гласит: близкорасположенные сущности воспринимаются как одно целое (см. об этом [188, 5; 86, 54–55]). В настоящее время встречаются и другие трактовки синкретизма, различия между которыми обусловливаются специфическими потребностями разных дисциплин [63, 1099; 237, 542]. В лингвистике синкретизмом называют совпадение (совмещение, синтез) функционально различных категорий в одной форме [32], что является характерной особенностью синтетических языков, в том числе русского. В частности, в русской морфологии синкретичными считаются окказиональные субстантивированные прилагательные, например у Есенина: ***Грубым*** *дается радость.* ***Нежным*** *дается печаль* [31]. Синтаксическим синкретизмом называют «отсутствие четкой структурно-грамматической расчлененности, оформленности в построении предложения в речи, недифференцированность его синтагматической формы» [457, 144], например в *Я чувствовал себя* ***подавленным*** выделенное слово представляет собой «особый тип второстепенных членов» — «дуплексив», который по отношению к имени имеет атрибутивное значение, а по отношению к глаголу — объектное [573, 41–42 и сл.]. Все толкования синкретизма включают интегральную для них сему

’нерасчлененность’. Назовем характеризующееся синкретизмом восприятие синкретичным и обозначим его соответствующей аббревиатурой СВ (синкретичное восприятие). Это первая, нулевая степень восприятия. Кратко рассмотрим проявления СВ в когнитивных явлениях, имеющих отношение к естественному языку и, следовательно, к его грамматическому строю. Это разные этапы предречи, холофразы и инкорпорации, включая их первоначальное распадение, эгоцентричная речь и ее понятийные аналоги.

Предречь. Предречь, то есть квазиречевые проявления, предшествующие настоящей речи, естественно наблюдать у детей. Исследования детской речи на самых разных ее этапах привели к появлению специального направления в лингвистике — онтолингвистики. Интерес лингвистики к детской речи не случаен. Как справедливо отмечает Б. М. Гаспаров, в детской речи «как бы выступают на поверхность, становятся легко обозримыми и очевидными те категории, в которых, предположительно, языковой опыт организован в интуиции всякого говорящего» [117, 68] (по той же причине, но более очевидными выглядят феномены развития языковых способностей у больших человекообразных обезьян). Именно этим объясняется и наш интерес к детской речи, проявления которой позволяют обосновать градацию степеней восприятия, имеющих важное значение для дифференциации грамматических вариантов.

Наиболее известный исследователь детского интеллекта, швейцарский психолог Ж. Пиаже отводит речи детей роль индикатора их интеллектуального развития. Вследствие этого о значимых проявлениях детского мышления ученый считает возможным говорить не ранее чем с 2-хлетнего возраста ребенка, то есть с момента появления его осмысленной речи, а до этого возраста Ж. Пиаже наблюдает у детей лишь «сенсомоторную активность». Главной особенностью сенсомоторного периода развития мышления для Ж. Пиаже является СВ чего угодно: не только объектов в нерасчлененном виде, но и субъекта и объекта, в том числе себя и явлений окружающего мира, действия и связанного с ним предмета, предмета и его местонахождения, движущегося предмета и движения и т. п. [635; 636]. Современные же психологи считают важными для когнитивного и — что

особенно показательно — языкового развития ребенка все периоды его жизни начиная с момента рождения [297, 20; 338, 176–177; 50, 275; 470, 14; 469, 359; 251, 253; 249, 30]. Исследования показывают, что к моменту произнесения первых слов ребенок понимает лексические значения 50–100 слышимых им слов, что свидетельствует о более быстром пополнении пассивного словаря в сравнении с пополнением словаря активного [565, 62]. Такое пассивное усвоение речи, по общему мнению ряда исследователей, начинается в возрасте 7–8 месяцев [251, 258; 250, 218].

Самые первые проявления детской речи, такие эмоционально-языковые, как крик, улыбка и плач, и такие квазиструктурно-языковые, как гуление (когда ребенок в спокойном расположении духа издает малоопределенные гласные звуки), наблюдаемое с возраста примерно 2-х месяцев, и лепет (представляющий собой сочетания, похожие на комбинации согласного с гласным), фиксируемый примерно с 6-ти месяцев, представляют собой нерасчлененные языковые сообщения, заключающие в себе, при всей их структурной лаконичности и уменьшающейся от крика к лепету неразборчивости, значения целых фраз. Одно такое значение охватывает большое количество ситуаций, обобщение которых в одной форме, состояшей из одного-двух звуков, с точки зрения развитости смыслоразличных возможностей языка, выглядит нецелесообразным (см. об этом [430, 66–67; 190, 118; 437, 195; 249, 32–33]).

Таким образом, все этапы предречи, несмотря на определенную эволюцию от крика до лепета, демонстрируют синкретизм восприятия.

Холофразы и инкорпорации. Первые слова ребенок произносит в возрасте примерно одного года, и эти слова в настоящее время принято называть голофразами или холофразами (условимся применять второй вариант термина как менее ассоциативно-двусмысленный), поскольку семантически каждое такое слово эквивалентно целой фразе [565, 61–69]. Отличие холофраз от описанных выше проявлений предречи состоит прежде всего в том, что холофразы представляют собой существующие в языке слова, части слов (в основном корневые) и словоформы, например *бах, тпру*, или единицы, формально на них

похожие, например *туй* (имеется в виду *стул*), *кать-кать* (от *катить*). Значения холофраз могут соотноситься с меньшим количеством ситуаций, чем у проявлений предречи, но для целей смыслоразличения холофразы все равно неоправданно многозначны (см. об этом [55, 150; 291, 363; 300, 37; 220, 521; 120, 30–34; 529, 107–108; 288, 167; 292, 25]). Холофразы могут включать в себя служебные части речи, прежде всего союзы. «Девочку двух с половиной лет, — сообщает А. С. Чикобава, — спрашивают, показывая мандарин и апельсин, чего ей хочется: *мандарина или же апельсина*. Ответ звучит: *Или же апельсина*. Вспомогательное слово *или* для девочки не представляет члена синтагмы с определенной функцией» [575, 25]. Ж. Пиаже пишет: «Некоторые дети на все фразы, которые им предлагают дополнить, дают явно фантастические ответы: Мур (6 л.): «Жан уехал, несмотря на то что он уехал в горы»; «Эмиль играет на улице, несмотря на то чтобы не быть раздавленным автомобилями» [372, 224]. По наблюдениям А. Н. Гвоздева, в речи его сына до возраста 4 года 7 месяцев из причинных союзов употреблялся только *потому что* [121, 45]. Очевидно, что эти дети употребляли союзы, не понимая их значений, приписывая одному известному им союзу все возможные значения, то есть синкретично, а именно холофразно, соединяя эти значения в одной форме. По наблюдениям Л. С. Выготского, «ребенок, как правило, всегда овладевает раньше внешними формами, чем внутренней структурой какой-нибудь мыслительной операции. <…> В речи ребенка имеются такие союзы, как «потому что», «если бы», «хотя», задолго до того, как в его мышлении появляется сознание причинности, условности и противопоставления» [110, 90].

Ту же синкретичную многозначность союзов Л. П. Якубинский фиксирует в древних языках, в том числе в древнерусском, например «древнерусское *яко* соответствует современным *что, так что, потому что, как, чтобы, когда*. <…> Эта многозначимость характерна для любого раннего литературного языка» [608, 266–267].

Я. Гримм обращает внимание на звуковую неразвитость древних языков: «Все слова кратки, односложны, образованы почти исключительно с помощью

кратких гласных и простых согласных…» [145, 65–66]. «Древние языки, по крайней мере индоевропейские, — пишет А. А. Потебня, — имеют только три основные гласные (*а, и, у*) и уже относительно поздно вырабатывают те неуловимые для непривычного слуха средние звуки, какие встречаем во многих новых языках. Это зависит не от невозможности принудить органы произнести эти звуки, а от того, что они не замечались, хотя и могли случайно встречаться в говоре» [430, 67]. В 1990 году в США — в противовес распространенной в американской лингвистике генеративистской идее о первичности в глоттогенезе синтаксических структур — появляется теория Д. Бикертона о двух стадиях возникновения языка: асинтаксической, характеризующейся многозначностью коротких звукосочетаний, и синтаксической [615]. В 2002 году там же выходит вызвавшая критику генеративистов книга Р. Джекендоффа [627], в которой, в частности, говорится, что первая стадия языка характеризовалась наличием простейших вокализаций или жестов, однословных сигналов, и лишь затем постепенно появляется синтаксис, вначале простейший, например позволяющий дифференцировать субъект и объект.

Звуковая неразвитость языков коррелирует с неразвитостью их смыслоразличительной способности. Так, И. И. Срезневский в знаменитом докладе «Мысли об истории русского языка» сообщает: «Одно и то же слово есть вместе с тем и название предмета, и действия его, и качества, и впечатления, ими производимого в уме, точно так же, как и в уме народа все это остается неотделенным» [509, 18]. А. А. Потебня пишет о том же, прибегая к образному сравнению: «…как зерно растения не есть ни лист, ни цвет, ни плод, ни все это взятое вместе, так слово вначале лишено еще всяких формальных определений и не есть ни существительное, ни прилагательное, ни глагол» [430, 129]. Уже несколько десятилетий такое сращение частей речи в одной форме, впервые отмеченное В. фон Гумбольдтом в языках, названных им «всесовокупляющими» («einverleibende»), называется инкорпорацией (см. об этом [358, 6–7]). Поскольку это явление не настолько общеизвестно, как известны этапы предречи и холофразы, и с последними соотносится далеко не всегда, приведем несколько

его примеров. Так, А. А. Потебня обращает внимание на то, что в древнерусском языке «имя было, так сказать, гораздо предикативнее», поэтому именные предложения *я не ездок, жалоба моя* исторически предшествуют предложениям со сказуемыми *не езжу, жалуюсь* [428, 96; 429, 275]. Ученый также отмечает, что «в течение долгого времени» в древнерусском языке «обычным состоянием мысли» было «совмещение существительности и атрибутивности», которое наблюдается в архаичных примерах *рубаха-парень, бой-баба, краса-девица* и т. п. [429, 65]. Однако древнерусский язык демонстрирует намного меньший синкретизм, чем языки современных первобытных народов. «В языке хопи, — сообщает Б. Л. Уорф, — «молния», «волна», «пламя», «метеор», «клуб дыма», «пульсация» — глаголы. …в языке нутка (о-в Ванкувер) все слова показались бы нам глаголами…» [542, 177]. Понятно, что лингвисту-профессионалу указанные слова из хопи покажутся не глаголами, а инкорпорированием глагола с другими частями речи. Э. Бенвенист приводит аналогичные примеры из американских языков хупа, расшифровывая их «частеречность»: *дождь = он спускается, ручеек = он течет, пояс = прикреплено вокруг* — и зуни: *солнце = то, что проходит, пересекает* [48, 168–169]. Вяч. Вс. Иванов сообщает о «глагольности существительных» во всех американских языках и рассказывает об индейце, который учил его ирокезскому языку онондага и отказался перевести на этот язык английское слово *tree* (*дерево*), говоря, что морф с таким значением есть только в составе глагола [199, 52]. Об инкорпорировании имени и атрибутива, глагола и объекта в чукотском и нивхском языках пишут соответственно П. Я. Скорик и Е. А. Крейнович [485; 252]. Инкорпорировать субъект и/или объект способны личные формы глаголов во всех папуасских языках [91, 365]. Хорошо известен синкретизм числительных, обусловленный нерасчлененностью числа и предмета счета, в древних, первобытных языках и в речи современных детей (см. об этом [396, 48-49, 69-71]). О нерасчлененности частей речи как главной особенности грамматик древних и первобытных языков, причиной которой является синкретичное представление «времени-пространства», пишут А. А. Леонтьев, В. Н. Топорова, Е. С. Кубрякова, Е. Я. Режабек [286, 106; 534, 11; 267, 272; 440,

277]. Такую частеречную нерасчлененность В. З. Панфилов прямо называет «синкретизмом» [359, 17–18].

Следует уточнить и подчеркнуть кратко сказанное в предыдущем абзаце: лингвисты, занимающиеся вопросами инкорпорации, часто не проводят аналогию между первобытным инкорпорированием и детской холофразностью и потому не всегда видят в инкорпорировании более раннюю стадию развития языка (см., например, [471, 39]). Мы же исходя из высказанной Л. С. Выготским идеи изоморфизма онтогенеза и филогенеза (см. подраздел 2.3) проводим такую аналогию потому, что вслед за когнитивистами признаём детей и первобытных людей двумя идентичными подаспектами онтогенеза.

Таким образом, холофразы и инкорпорации, несмотря на их формальное сходство и даже совпадение со словами и определенную прогрессивность в сравнении с этапами предречи, свидетельствуют о синкретизме восприятия.

Формальное распадение холофраз и инкорпораций. В детской речи за этапом холофраз, в возрасте полутора-двух лет, следует этап двусловных (почти без лексических повторов) высказываний, представляющих собой развертывание холофраз, например *На, мама (= Возьми, мама); Папа а-а-а (= Папа спит); Ням-ням баба (= бабушка ест*) и т. п. В таких случаях, как можно убедиться, используются примитивные, нередко звукоподражательные слова (их часто назвают словами «языка нянь»), но именно они позволяют ближе к двум годам создавать первые синтагмы, чаще всего беспредложные, например *купаться речке; сидеть стуле*, и демонстрирующие уподобление окончаний согласованных слов, например *палочку маленьку* [120, 30–34; 118, 439; 374, 254]. Немного позже появляются факты «телеграфной речи», тоже не всегда грамматически правильные, но уже состоящие более чем из двух слов, например *Мама сиди стуле* [251, 266; 250, 193].

Исследования становления детской грамматики показывают, что полноценность слов «дотрехлетних» детей — кажущаяся, поскольку такие слова предметно-конкретны. К примеру, если такой ребенок говорит о шкафе, то имеет в виду один известный ему, а не абстрактный шкаф [506; 451, 118; 156, 144].

М. Томаселло обращает внимание на то, что в 2 года дети оперируют конструкциями как рамками, очерченными конкретным глаголом с присущим ему управлением, в которые можно подставлять разные существительные [641, 140], например *дай* + существительное (*куклу, машинку, конфету* и т. д.). О том же сообщает Б. М. Величковский [87, 106]. Этот период языковой компетенции ребенка называют также «фазой глагольных островов» [77, 129].

В языках первобытных народов встречается явление, которое напоминает наблюдаемое в детской речи распадение холофраз и которое можно назвать распадением инкорпораций: конкретизация уточнителями немногих в таких языках глаголов, имеющих весьма неопределенную семантику. Так, Ф. Боас обнаруживает в языке цимшей «очень большое количество адвербиальных элементов, … которые без всякого сомнения следует рассматривать в качестве элементов, модифицирующих глагольные понятия» [53, 179]. Аналогичные данные приводит Э. Поули в отношении папуасского языка калам: в нем всего 95 глаголов, из которых активно употребляется только 25, вследствие чего малое количество каламских глаголов при обозначении большого количества действий и состояний компенсируется большим количеством сочетаний глаголов с уточнителями отсутствующей у глаголов семантики [634].

Таким образом, с одной стороны, распадение холофраз и инкорпораций знаменует начало постепенного усвоения и развития грамматики [374, 256 и сл.; 565, 69–82;], однако, с другой стороны, такие усвоение и развитие оказываются формальными, поскольку сочетания таких слов не свободны: воспринимаются как одно целое, тесно привязанное к конкретной ситуации их употребления. То есть, с содержательной точки зрения, распавшиеся холофразы и инкорпорации все равно демонстрируют синкретизм восприятия.

Эгоцентричная речь ребенка и ее понятийные аналоги. Известным наблюдением Ж. Пиаже в отношении детского поведения является фиксация эгоцентричности речи: «Эта речь эгоцентрична прежде всего потому, что ребенок говорит лишь о себе, и именно потому, что он не пытается стать на точку зрения собеседника. Собеседник для него — первый встречный. <…> Ребенок говорит

сам с собой, как если бы он громко думал. Он ни к кому не обращается» [372, 17]. Описанный эгоцентризм подтверждается и языковыми данными: до 2 лет 6 месяцев в речи ребенка почти нет форм 2-го л. ед. ч. и совсем нет форм 2-го л. мн. ч. [120, 127]. Согласно наблюдениям М. Томаселло, 2-хлетний ребенок лишь примерно в каждом четвертом-пятом случае отвечает на тот вопрос, который ему задают, но к 3-хлетнему возрасту — уже почти в каждом втором [641, 267].

Л. С. Выготский экспериментально доказывает, что эгоцентричная речь на самом деле есть озвученная внутренняя речь, сопровождающая процесс познания, речь, которая, постепенно сокращаясь внешне, превращается целиком в речь внутреннюю [109, 51]. Однако такое понимание не объясняет, почему вначале эта внутренняя речь озвучивается, а затем нет. Объяснение представляется возможным: эта речь перестает озвучиваться потому, что ребенок начинает понимать, что в озвученном виде она доставляет ему проблемы с окружающими взрослыми, которые в лучшем случае «думание вслух» не одобряют. Следовательно, причиной ухода такой речи внутрь является восприятие ребенком окружающих. А из этого в свою очередь следует, что раньше эта внутренняя речь озвучивалась лишь потому, что ребенок этих окружающих как источник проблем не воспринимал или воспринимал синкретично, не различая свое и чужое (ср. с данными А. Н. Гвоздева о том, что соединительный союз *и* начал появляться в речи его сына лишь к 2 годам 4 месяцам [120, 93–94]). То есть и эгоцентричность детской речи можно объяснить главной особенностью детского восприятия — синкретизмом.

Аналогичным образом развивались знаковые системы графики, вначале эгоцентрично понятные лишь тем, кто писал знаки, то есть не учитывающие ясность понимания изображенных знаков потенциальными читателями. Например, И. П. Меркулов обращает внимание на то, что линейное слоговое письмо ахейцев было настолько сложным для восприятия, что его «можно сравнить с современной стенографией — лишь тот, кто делает записи, может без особого труда их расшифровать и понять» [315, 226–229]. Эгоцентричной была письменная речь в древнегреческих и, позже, в первых древнерусских текстах,

созданных по образцу греческих. Она представляла собой слова, написанные одинаковыми по размеру буквами и не отделенные не только знаками препинания, но и пробелами [346]. Синкретизм эгоцентричности древнерусской письменности коррелирует с синкретизмом восприятия, наблюдаемого у древнерусских людей: именно «синкретичным» называет «мировосприятие древнерусского человека» В. В. Колесов [234, 7].

Тот же эгоцентричный синкретизм наблюдается в случаях лексических ошибок, вызванных полисемией (см., например, [46, 74]): говорящий или пишущий склонен употреблять многозначное слово в нужном ему ЛСВ, не думая о том, что в данном контексте могут быть актуальными и другие ЛСВ этого многозначного слова, например *Вчера нашего председателя* ***переизбрали*** (непонятно, выбрали прежнего на новый срок или выбрали нового).

Таким образом, показанные в настоящем пункте логические и грамматические явления свидетельствуют о детском и первобытном (в т. ч. древнем) СВ, обусловливающем значительную относительность логичности выводов и, по причине невосприятия характерных признаков таких явлений, невозможность их категоризации. Такое восприятие можно наблюдать и в случаях неразличения грамматических вариантов современными взрослыми. Оно проявляется в смешении этих вариантов, например в неразличении *туристический* и *туристский*, *обусловливать — обуславливать*, *чашка чая* и *чашка чаю*, *по окончании — после окончания*.

2.6.2. Поверхностное восприятие как детерминант начальной стадии развития логической и грамматической способностей

Поверхностное восприятие и первый дифференцирующий шаг категоризации. Согласно теории К. Р. Поппера, эволюция познания как стремление живых существ «высасывать» информацию из окружающей среды, разумеется не повсеместно и на определенной стадии, приводит к тому, что СВ перестает быть таковым. Речь идет о когнитивном принципе дифференциации, роль которого в процессе познания человеком действительности хорошо известна (например, И. А. Бодуэн де Куртенэ называл это явление «бессознательным

стремлением к разделению, к дифференцировке» [60, 269]; подробный анализ теорий развития интеллекта, опирающихся на принцип дифференциации, — см. в [576]). Осуществляемая при восприятии категоризация (см. предыдущий подраздел) в идеале основывается на безупречной дифференциации, в результате чего любое явление выглядит структурированным [316, 84; 249, 17; 276, 55–56; 33, 12]. Однако до восприятия всех признаков ребенок, а не столь уж редко и цивилизованный взрослый доходит не сразу: между этапами СВ и восприятия всех признаков можно обнаружить еще один важный этап.

По мнению Р. Солсо, при восприятии чего-либо «обнаружение и интерпретация сенсорных сигналов» определяются двумя факторами: «энергией стимула, ощущаемой сенсорными системами и мозгом», и «знанием, сохраненным в памяти до опыта» [504, 100]. Первый фактор уточняется: прежде всего воспринимается та энергия, которая обладает большей силой [236, 307]. Важным показателем является расстояние до стимула: при равной силе энергии у разных стимулов прежде всего воспринимается тот, что ближе [86, 209]. Как заметил в свое время А. А. Потебня, «восприятие первых действует на нас сильнее, чем восприятия последних» [430, 106]. Такими воспринимаемыми раньше других «первыми» оказываются объекты в движении, прежде всего объекты живые. Именно этим можно объяснить показанные В. И. Дегтяревым форму мн. ч. древнерусского сказуемого при подлежащем — имени собирательном, обозначающем «совокупность лиц», но еще не всех «живых существ», и форму ед. ч. такого сказуемого «при подлежащем — имени собирательном неличного значения» [158].

Сказанное подтверждается данными зрительного восприятия у дошкольников: оно отличается неустойчивостью, фрагментарностью, а также такими явлениями, как беглость и блуждание взора, обусловливающими случайность восприятия [112, 134; 189, 27; 603, 205; 182, 95]. Можно говорить о том, что при каждом случайном зрительном и другом восприятии окружающих предметов и их характеристик ребенок воспринимает ближайшие предметы и характеристики. В этом смысле показателен широко известный среди психологов

опыт, проведенный Ж. Пиаже совместно с А. Шеминской. Два одинаковых сосуда сами дети 4–5 лет наполняют равным количеством бусинок. Когда содержимое одного из сосудов (другой оставляется в качестве контрольного образца) на глазах у этих детей пересыпается в третий сосуд другой формы, более высокий и тонкий, испытуемые решают, что количество бусинок в новом сосуде изменилось: по мнению одних, бусинок стало больше, потому что новый сосуд выше, по мнению других, — меньше, потому что он тоньше [371, 183–184]. В другом примере от Ж. Пиаже «маленькая Жаклин, увидев свою фотографию, сделанную в более раннем возрасте, сказала, что «это Жаклин, когда она была Люсьен» (ее младшей сестрой)» [370, 35].

При первобытном восприятии наблюдается та же ориентация на ближайший, чаще всего случайный признак. Известный этнограф и психолог Л. Леви-Брюль приводит множество таких фактов, приведем некоторые: туземцы сочли, что особый головной убор и сутана священника-миссионера являются причиной засухи, а портрет королевы Виктории — причиной эпидемии плеврита; увидев изображение птицы в виде тени на стене, показанное ученым, и удачно сходив на охоту на следующий день, туземцы затем всякий раз просили ученого показывать эту птицу накануне охоты; туземец, неудачно сходивший на охоту или рыбалку, возвращаясь домой и ломая голову над тем, кто околдовал его лук и сети, видит случайно проходящего мимо него соплеменника и решает, что колдовство применил именно этот соплеменник; если мрет скот, наблюдается плохой урожай или в хижину ударила молния, то это результат колдовства недоброжедателей [281, 58–59, 488].

Другие примеры детского восприятия, подобные приведенным, с комментариями, — см. в [370, 41–43; 52, 173–201; 603, 228–229; 182, 203, 205; 540, 110; 541, 338; 62, 36; 340, 139–143]. Примеры первобытного, в том числе древнего цивилизованного, восприятия, подобные приведенным, с комментариями, — см. в [507, 4; 54, 5–19; 538, 15–42, 56–63; 560, 20–24, 127, 173–176; 106, 48–49; 319, 86; 320, 272; 299, 38–39, 47, 89–91; 112, 97–98; 286, 120; 287, 52; 284, 115, 154; 143, 170–171; 245, 15, 246; 244, 92–96; 532; 302, 83–85; 318, 35–

37; 436, 44; 303, 130; 493; 459; 439, 34–35, 53; 156, 144; 315, 207–208; 588, 9, 121, 199–210; 76]. Поскольку «у ребенка (человеческого) интеллектуальный акт близок к интеллектуальному акту обезьяны» [287, 17], рельефно подчеркивающему особенности детского интеллекта, об опытах, результаты которых демонстрируют особенности восприятия у шимпанзе, — см. [221, 59–60; 112, 23–64; 553; 442, 10–13; 637; 638; 305], в том числе об овладении шимпанзе, на уровне двухлетнего ребенка, искусственными знаковыми системами как простыми аналогами человеческих языков — см. [195; 193; 194; 469, 339–341; 200, 182; 441, 115].

Примеры Ж. Пиаже и Л. Леви-Брюля позволяют сделать следующие выводы. То, что дети не воспринимали возможность сохранения количества бусинок, Жаклин не восприняла себя отдельно в более раннем возрасте, а туземцы не воспринимали истинных причин воспринимаемых ими явлений, следует признать результатами СВ. Однако то, что дети фиксировали уменьшение или увеличение количества бусинок, ориентируясь либо на ширину, либо на высоту сосуда, Жаклин соотнесла свое изображение в более раннем возрасте с видом младшей сестры Люсьен, а туземцы связывали причины явлений с оказавшимися в поле их восприятия (в том числе мысленного) предметами и людьми, свидетельствует о первой — случайной — дифференциации признаков и основанной на ней неверной категоризации. Отвлечение от целостных образов признаков, пусть несущественных, и категоризация по ним, пусть неверная, никак не соответствуют идее нерасчлененности, на которой основывается понятие синкретизма. Рассмотрим подробнее действие механизма этого восприятия.

Для отнесения объекта к какой-либо категории ребенок или первобытный человек должен воспринять его существенные и несущественные признаки. Но к к такому восприятию ребенок данного возраста или первобытный человек еще не готов в силу недоразвития на этом этапе ветвей дендритов нейронов левого полушария мозга [77, 131]. В ходе познания, опираясь на данные ему эволюцией на этом этапе развития возможности, ребенок или первобытный человек, блуждая по объекту незафиксированным взглядом, замечает лишь один, ближайший, образно говоря — лежащий на поверхности, признак, который считает

существенным для категоризации объекта. Появление ближайшего признака в зоне восприятия может быть связано с двумя возможностями.

Возможность первая: этот ближайший признак в самом деле на виду один. Он может быть как существенным, так и несущественным для данного объекта, но именно по этому признаку ребенок или первобытный человек относит объект к соответствующей категории, к которой на самом деле данный объект может отношения не иметь. Это наблюдается в примере Ж. Пиаже о «Жаклин, когда она была Люсьен». А. А. Потебня вспоминает дам из «Мертвых душ»: одна считает, что губернаторская дочь «манерна нестерпимо», а «румянец на ней в палец толщиной и отваливается, как штукатурка, кусками», а другая полагает, что дочь губернатора — «статуя и бледна как смерть». Ученый объясняет такое различие мнений тем, что «все находящееся в душе расположено не на одном плане, но или выдвинуто вперед, или остается вдали» [430, 99, 104]. Понятно, что выдвинутое вперед может быть воспринято как единственное.

Возможность вторая: при восприятии объекта ближайший признак на виду не один, то есть наблюдается альтернатива признаков, но воспринимается — только один. Именно такая ситуация наблюдается в опыте Ж. Пиаже и А. Шеминской с бусинками: дети могли воспринять только один признак, но, поскольку в этом случае ближайшими оказались два признака — уменьшение по ширине и увеличение по высоте, — блуждающие детские взгляды с присущей блужданию случайностью фиксировали признаки либо один, либо второй. Именно о таком восприятии признаков, положенных в основание номинаций в разных языках, два века назад пишет И. С. Рижский: «Представим себе, что несколько человек смотрят в одно время на один огромный предмет. Поелику никто из них не в состоянии объять его всем своим взором, то один видит только одну, другой другую, и так далее, притом иной самую важную, иной, напротив, малозначащую его часть. Подобно сему первоначально действует на умы разных народов всякий предмет» [445, 37].

Обозначим поверхностное, категоризирующее по ближайшему признаку, восприятие аббревиатурой ПВ (поверхностное восприятие). Это вторая,

начальная, степень восприятия. Важность и в то же время сложность этого этапа восприятия состоит в том, что здесь сходятся две направленные друг против друга тенденции: синкретизм (бездействие левого мозгового полушария) и дифференциация (начало функционирования данного полушария). Образно говоря, на этом этапе пребывающее в синкретичной трясине восприятие делает из нее первый, эволюционно-дифференцирующий, но далеко не всегда верный шаг категоризации. Случаи правильной категоризации «по первому попавшемуся признаку», представляющие собой счастливые совпадения скудной перцептивной потенции с истиной, безусловно, встречаются. Но, возможно, не менее часто (статистика по данному вопросу отсутствует) поверхностно воспринятые признаки оказываются ложными основаниями для безупречных по форме логических выводов, которые именно благодаря таким основаниям оказываются ошибочными. Фиксация этой степени восприятия важна еще и потому, что в теориях развития, базирующихся на принципе дифференциации (см. [576]), с большим оптимизмом говорится о неизбежном и постоянном движении познающей мысли от общего к частному (о ведущей роли дедукции в процессе познании — см. подраздел 2.4), но ничего не говорится о гносеологической ловушке ПВ.

Проявления ПВ при развитии языковой способности ребенка. Уже на стадии лепета обнаруживается такое проявление ПВ, как следование закону инерции при усвоении звуков языка: артикуляционные возможности ребенка настолько ограничены, что в его «речи» после зубного согласного обязательно следует близкий ему по месту образования передний гласный, а после согласного задненебного — гласный задний [623].

По наблюдениям А. Н. Гвоздева (комментарии в скобках — наши), в речи его сына Жени прилагательные начинают массово появляться с 2-хлетнего возраста (что означает начало отвлечения признаков от синкретично воспринимаемых до этого предметов): в большинстве своем — качественные (это объясняется тем, что относительные значения выражаются Р. существительных, и Женя поверхностно воспринимал только эту возможность выразить

принадлежность). Согласование прилагательных с существительными происходит одинаково и в функции определения, и в функции сказуемого: в функции сказуемого прилагательное всегда наблюдается в полной форме (поверхностно усвоена только одна разновидность признакового слова). Согласование в падеже усваивается к 2 годам 7–8 месяцам, но согласование в роде усваивается тяжело (в силу нелогичности-случайности присвоения родовых характеристик неодушевленным существительным) и более-менее закрепляется к 3-м годам. Одушевленность до 4-х лет почти не идентифицируется: В. совпадает только с И. (в истории грамматики, как известно, одушевленность тоже утвердилась не сразу). До 6-ти лет в составном именном сказуемом наблюдается сплошное обратное согласование: нет Т. предикативного при связке (в двух последних случаях мы видим ПВ и применение только одной из двух падежных форм) [121, 10, 21–24, 66–67, 80–81, 147–148, 151, 180–181].

Как замечает Э. Косериу, «прежде чем узнать традиционные реализации для каждого частного случая, ребенок узнает систему «возможностей», чем объясняются его частые «системные образования», противоречащие норме … и постоянно исправляемые взрослыми» [239, 237]. Восприятие системы «лежащих на поверхности» возможностей без восприятия исключений из нее приводит к появлению таких форм, как *искаю, плакаю, мыюсь, победю, ухи, человеки, стулов, ножница, видел ону, вкусные печенья, хорошая папа*. На эту же поверхностно воспринятую, но по-своему логичную, причем более логичную, чем нормативная, и потому более заметную системность детской речи, обращают внимание С. Г. Тер-Минасова и С. Н. Цейтлин [529, 110–112; 566, 115–122].

Основной массив грамматики (то есть словообразовательная продуктивность и морфологическая регулярность) усваивается к 6 годам, однако высший ее уровень — синтаксический — и в 12-летнем возрасте воспринятым и познанным назвать трудно [26, 253–254]. (О некоторых идентичных детским проявлениях ПВ в языках древних и первобытных — см. в [396, 56–78].)

ПВ у современных цивилизованных взрослых. Еще в XVII веке логики Пор-Рояля А. Арно и П. Николь критиковали наблюдаемое у их взрослых

современников ПВ: «…мы редко рассматриваем вещи во всех подробностях; мы судим о них по самому сильному своему впечатлению и воспринимаем только то, что нас больше поражает. <…> Весьма свойственная людям ошибка — поверхностно судить о поступках и намерениях других, и совершают ее только в силу неправильного умозаключения, когда, не имея ясного представления обо всех причинах, способных вызвать некоторое действие, это действие относят только к какой-то одной причине, хотя оно может быть вызвано и другими причинами» [19, 281, 286]. Даже беглый взгляд в прошлое позволяет заметить, что еще совсем недавно, в XVIII–XIX вв., наши предки в основной своей массе не воспринимали истинных причин происходящих вокруг них явлений, поверхностно объясняя эти явления действием мистических сил (см., например, [12; 518; 517; 519; 520]).

ПВ демонстрируют и современные цивилизованные взрослые. При определении вероятностей различных событий они часто допускают суждения «по представительности» (по внешнему сходству), «по встречаемости» (в личном опыте), «по точке отсчета» (ориентация на которую существенно влияет на выбор), «по сверхдоверию» (по ранее сформировавшемуся собственному мнению), «по стремлению к исключению риска» (стремлению к избежанию нового, ранее неизвестного) [278, 114–116]. Н. А. Подгорецкая в результате изучения «приемов логического мышления» у современных цивилизованных взрослых обнаружила такие явления, как «ориентировка на случайные признаки, которые являются наиболее «яркими», нерасчлененность параметров изучаемых объектов, неумение отвечать на заданный вопрос, подмена объективной оценки субъективной, большая связанность спецификой предложенного экспериментального материала, отсутствие дифференцировки позиции разных людей, нечувствительность к противоречиям, довление житейского уровня объяснений над логическим и пр.» [379, 127–128]. Невозможно не разделить мнение В. М. Аллахвердова о том, что «роль случайности выбора по мере развития и взросления человека постоянно уменьшается, но никогда, пока работает сознание, полностью не исчезает» [5, 26].

Очевидно, что человечество вправе рассчитывать на отсутствие поверхностности восприятия в науке, однако ученые тоже не застрахованы от проявлений ПВ, поскольку «любой ученый в первую очередь индивид своего биологического вида, и только потом исследователь, использующий определенные правила познавательной деятельности, и соответственно при всей строгости применяемого научного метода он принципиально не способен полностью избавиться от ограничений, налагаемых его биологической природой» [33, 26]. Не ставя перед собой колоссальную по своей трудоемкости и историко-научную по аспектной принадлежности задачу описания всех перцептивных заблуждений в науке, приведших к неверным логическим выводам, приведем три примера ПВ в лингвистике, один из которых, последний, охарактеризованный подробнее двух первых, имеет непосредственное отношение к практике дифференциации грамматических вариантов.

В истории решения одного из центральных вопросов науки — о конечном и бесконечном, понятиях, имеющих особое преломление в естественном языке, — в борьбе финитистских и инфинитистских философских концепций, отчетливо прослеживается мысль: бесконечность вширь признается легче, чем признаваемая только математикой бесконечность вглубь [78]. Несложно эмпирически убедиться и в том, что на уровне отраженного в языке обыденного сознания, в наивной картине мира, бесконечность вглубь отрицается именно потому, что в сторону уменьшения чего угодно точка нуля всегда на виду. Бесконечность вширь фиксируется в обыденном сознании лишь потому, что при ПВ увеличения чего-либо точка конца не воспринимается (Гегель называл такую бесконечность «дурной» [122, 308]), и тогда *бесконечными* становятся и *дорога*, и *радость*, и *слезы*, и всё, что угодно, при невосприятии кем-либо предела здесь и сейчас, в то время как на самом деле этот предел существует [414, 20–27; 280, 93]. Однако ПВ бесконечности вширь обнаруживается в сфере семантических толкований. Так, Ю. Д. Апресян считает, что высоту предмета можно увеличивать бесконечно и предмет все равно останется высоким, в то время как уменьшать высоту предмета бесконечно — нельзя, так как предмет исчезнет или преобразится до

неузнаваемости [16, 66]. На первый — поверхностный — взгляд, это действительно так, но при более тщательном рассмотрении становится ясно, что бесконечно увеличивающийся по высоте предмет тоже может преобразиться до неузнаваемости. Вряд ли можно назвать, к примеру, фонарным столбом столб, фонарь которого — по причине бесконечного увеличения высоты столба — исчезнет из виду.

Наблюдаются в лингвистике и досадные терминологические противоречия, причиной которых является невосприятие одного важного признака с ПВ другого, несущественного. Так, лингвисты, сравнительно поздно провозгласившие новую лексическую категорию — паронимию (выделенную на основании частотности смешения слов, похожих по форме), не учли того факта, что такой огромный пласт паронимов, как слова, различающиеся лишь суффиксами, понятийно ничем не отличается от однокоренных синонимов, массово отраженных в соответствующих аспектных словарях. Например, *человеческий* и *человечий* Д. Э. Розенталем рассматриваются как паронимы со стилистическим различием [448, 66], но эти же слова в словаре синонимов [489, 670–671] обоснованно даны как стилистические синонимы. Такое противоречие лингвистов обычно не смущает: паронимию и синонимию они предлагают рассматривать параллельно (см., например, [558, 172]). Синонимия и паронимия по-прежнему считаются равноправными лексическими категориями наряду с антонимией, омонимией, гипонимией, лексической конверсией и среди всех этих категорий являются единственными пересекающимися, то есть другу противоречащими (подробнее об этой проблеме — см. [412]).

Наконец, еще одно — очень важное с ортолого-кодификаторской точки зрения — проявление ПВ у современных лингвистов наблюдается в их отношении к двум проблемам: проблеме индивидуальных различий между языковыми личностями и проблеме пределов нормативности грамматических вариантов.

Наличие индивидуальных когнитивных различий можно считать абсолютно очевидным. Они наблюдаются даже в мире животных [353, 28–30, 233]. Проблема

индивидуальных когнитивных, а следовательно включающих и языковую компетенцию, различий обычно решалась в противопоставлении двух факторов когнитивного развития: средового и генетического. Сторонники средовой обусловленности когнитивного развития считали, что человеческая когниция развивается исключительно в силу воздействия социального окружения, в котором человек взрослеет [111, 203, 207–208; 142, 176; 529, 112; 632; 606, 17; 284, 59–60; 566, 25–27, 44–46; 26, 249]. Сторонники генетической обусловленности когнитивного развития настаивали на том, что оно зависит в первую очередь от врожденных способностей [527, 11; 478, 31; 450; 43], в том числе от врожденной способности к саморазвитию [547, 130; 437, 255–282]. В настоящее время можно говорить о том, что чаша весов в этом споре склоняется в пользу сторонников средовой обусловленности когнитивного развития, ибо защитники евгеники вынуждены признавать мощное влияние среды на когнитивное развитие [452, 8–10, 54, 88–95, 101, 105–117; 163; 581, 100; 271; 282, 206; 437, 32; 205; 263, 305–306; 30, 64; 77, 255–279]. Даже такая важнейшая составляющая познавательного механизма человека, как любопытство, с психологической точки зрения малоизученная (см. обобщающую статью [630]), но с когнитивнолингвистической точки зрения достаточно ясно определенная Н. К. Рябцевой как «ощущение, что «отсутствие знания — это непорядок» [458, 189–190], представлена у людей в разной степени, что тоже объясняется влиянием среды. Н. Хомский и Дж. Миллер заявляют о неспособности науки ответить на вопрос о том, как дети усваивают родной язык (невозможность это объяснить и приводит Н. Хомского к мысли о врожденности грамматической способности): «Каким образом ребенок может, без всяких наставлений, в столь короткий срок достичь полного владения языком — это насущнейшая проблема теории обучения» [562, 8]. С. Пинкер обращает внимание на то, что усвоение языка человеком именно в раннем детстве логично: знание, необходимое в течение всей жизни, правильнее усвоить в самом ее начале [374, 279–281]. Лучшее доказательство — неусвоение человеческого языка, равно как и недостижение нормального уровня когнитивного развития в целом, детьми-маугли, выросшими

не в человеческой среде. И обратный пример: шимпанзе, выросшие среди людей и часто присутствующие при их устном общении, могут «воспринимать устную речь и понимать ее синтаксис на уровне двухлетнего ребенка» [194, 43].

Влияние человеческой среды сказывается на развитии ребенка уже в младенческом возрасте. Доказано, что при звуках родного языка во время кормления ребенок начинает сосать интенсивнее, а голосовые ответы матери на проявления предречи способствуют развитию языковой способности [38, 11; 566, 15–20; 546; 190, 118].

Особая роль в средовом влиянии на развивающуюся личность отводится выработке разнообразных навыков, в том числе языковых [430, 66; 177, 17]. Если согласиться с Б. М. Гаспаровым в том, что «основу нашей языковой деятельности составляет гигантский «цитатный фонд», восходящий ко всему нашему языковому опыту» [117, 106–107], то легко убедиться и в том, что каждый носитель языка имеет свой, не совпадающий с другими языковой опыт, обеспечивающий указанную цитацию (о подобной роли опыта — см. также [289, 35; 115, 43–62; 11, 309–310; 196, 114; 504, 100]).

Большое значение для познающего человека имеет наличие в его памяти необходимой языковой информации. В отношении устройства памяти предлагаются разные теории, характеризующие те или иные ее аспекты (см. об этом [192, 59–62, 88–89; 86, 346–447]). Особого внимания заслуживает концепция А. Пайвио, касающаяся словесно-логического аспекта памяти, который представляет собой «память на мысли, суждения, умозаключения… Эта память является ведущей по отношению к другим видам памяти, и от ее развития зависит развитие всех других видов памяти» [192, 40]. Согласно теории А. Пайвио словесно-логическая память формируется двойным кодированием слова и образа, и именно поэтому лучшее усвоение слов обеспечивается при параллельной демонстрации их зрительных образов [633] (как известно, такая демонстрация является основой аудиовизуального — наиболее результативного — метода преподавания неродных языков). Очевидно, что формирование коррелирующих со словами образов напрямую зависит от среды, в которой «наиболее

продуктивно запоминается тот материал, который составляет содержание основной цели деятельности» [191, 517]. Если такая цель лишь одна и в аспектном отношении она не разнообразна, количество отражающих результаты познания образов и соответствующих им слов и грамматических форм будет сравнительно ограниченным. Позитивную роль в становлении грамматического строя ребенка играют корректирующие реакции взрослого на детские грамматические ошибки (см. об этом обстоятельную статью В. В. Казаковской [213]), но известно и то, что разные взрослые реагируют на такие ошибки по-разному, нередко игнорируя их.

Если в памяти человека окружающей его средой не сформированы образы двух сходных, например грамматических, явлений и есть образ лишь одного из них, то оба эти явления будут им поверхностно подводиться лишь под этот имеющийся образ, а незначительное формальное различие между явлениями восприниматься не будет. Именно это наблюдается при употреблении лишь одного — просторечного — варианта из двух сосуществующих. Компетентные носители языка знают варианты и нормативный, и просторечный, в то время как носители того или иного просторечия о существовании у него варианта не догадываются. Как заметил в свое время В. И. Чернышев, «каждый говорящий так осваивается с собственным словоупотреблением, что чрезвычайно легко впадает в ошибку, думая, что все говорят так, как говорит он» [572, 448–449]. Единичные факты просторечия, например *ложить, вспоймать, попутать* (в значении «перепутать»), *растамаживать, резетка, деньрождение, по окончанию* (во временн**о**м значении), могут наблюдаться в речи достаточно компетентных в языковом отношении взрослых носителей языка лишь по той причине, что так говорят (говорили) старшие в их семьях. Неистребимость просторечия объясняется тем, что его употребление к коммуникативным неудачам не приводит: будучи стилистическими вариантами нормативных явлений, просторечные явления идентифицируются грамотными носителями языка как однозначные и узнаваемые, но просторечие, как правило, вызывает у них негативные эмоции.

Обусловленное средовым воздействием просторечие, несомненно, требует преодоления (за исключением коммуникативно оправданной стилизации «под просторечие», к которой прибегал, например, знаменитый металлург академик И. П. Бардин — об этом пишет Л. П. Крысин [262]). Преодолевать факты просторечия призваны императивные нормы, эти факты запрещающие. Однако в таком простом предприятии, к сожалению, отсутствует единство взглядов как среди самих кодификаторов, так и между кодификаторами и рядовыми носителями языка, что приводит к обусловленным поверхностностью восприятия парадоксам общения в сфере кодификации просторечия.

В 1987 году Ю. Н. Караулов ввел в научный обиход понятие языковой личности [215]. С тех пор появляются новые типологии языковых личностей (см., например, [214]; здесь же см. обзор литературы), разрабатываются понятия индивидуального и группового речевых портретов [260], проводятся соответствующие психолингвистические наблюдения [179]. Одновременно в лингвистике сохраняется интерес к ортологическому аспекту языка, в том числе такому проблемному в познавательном и дидактическом плане, как грамматическая вариантность, однако в целом «грамматиковариантная» ортология продолжает существовать изолированно от основного массива таких антропоцентрически ориентированных исследований. Возможно, невнимание языковедов-персонологов к грамматической вариантности объясняется тем, что в своей пионерской работе Ю. Н. Караулов знание грамматической вариантности — как готовность выбрать правильный или ситуативно уместный грамматический вариант — поместил на нулевой (низший из трех предложенных) уровень в модели готовностей языковой личности [215, 36–37]. Это означает, что языковая личность на нулевом уровне своих готовностей должна автоматически, не задумываясь, выбирать правильный или уместный грамматический вариант, например, в паре *турист**ск**ий* или *турист**ическ**ий* ([215, 36]). Жесткость требований Ю. Н. Караулова разделяется не всеми его последователями. Как пишет В. И. Карасик, «к числу дискуссионных относится вопрос о том, может ли каждый говорящий рассматриваться как языковая личность» [214, 12].

Основными чертами группового речевого портрета ученых-кодификаторов — назовем их homo codificans — являются высший уровень лингвистической компетентности и социально-профессиональный статус корректоров речевого поведения. Но, поскольку им, как всем людям, свойственны перцептивные недостатки, в их кодификаторской деятельности наблюдаются проявления ПВ. «Языковое чутье человека нестабильно, у разных людей оно разное», — отмечает В. Н. Перцов [364, 103]. Е. Н. Ширяев высказывается конкретнее и рещительнее: «Следует прямо сказать, что рекомендации по культуре речи обычно даются специалистами в этой области на основе своего собственного языкового чутья, а наука требует объективности, думаю, даже в том случае, когда исследователь убежден в непогрешимости своих рекомендаций» [589, 47].

Как было отмечено в подразделе 1.1, нормативность языкового явления возможна при соблюдении трех условий: 1) соответствия языкового явления структуре языка; 2) массовой и регулярной воспроизводимости данного явления в ходе коммуникации; 3) общественного одобрения и признания такого явления нормативным. Проблема заключается в том, что при кодификации грамматических вариантов наблюдается искусственное завышение их стилистической ценности, свидетельствующее о поверхностном игнорировании кодификаторами двух из трех указанных признаков нормативности: массовой и регулярной воспроизводимости явления, а также общественного одобрения и признания такого явления нормативным. Одному из двух вариантов — для развитых языковых личностей просторечному — кодификаторы присваивают разговорный статус. Например, в таких парах, как *черн**ый** кофе — черн**ое** кофе*, *обусл**о**вливать — обусл**а**вливать*, *2, 3, 4 новы**е** книги — 2, 3, 4 новы**х** книги*, первые варианты фиксируются как правильные и общелитературные, а вторые — как разговорные и даже равноправные [448, 93, 166–167; 138, 104, 266, 40–41; 129, 318, 383; 46, 102, 220, 259–260]. Варианты типа *согласно закон**у*** определяются как общелитературные, а варианты типа *согласно закон**а*** — как являющиеся нормой официально-делового стиля (с примером из речи российского политика Г. Селезнева) [46, 301–302].

Против описанных уступок узусу выступает немало носителей языка, выступающих против повышения стилистического статуса просторечия (см., например, [535]). Такие носители языка подпадают под введенное И. Т. Вепревой понятие homo reflectens, которое означает человека рефлексирующего, языковую личность эпохи перемен, оценивающе размышляющую о явлениях языка и речи [90, 87], а следовательно, стремящегося к большей лингвистической компетентности.

В качестве ориентира homo codificans используют «речь образцовых носителей языка», образцовость которых определяется по эстетико-вкусовым показателям [347], не для всех объективным. Нам представляется, что у homo codificans есть еще один ориентир — языковой вкус homo reflectens, однако homo codificans, демонстрируя ПВ, такой ориентир не замечают. Более того, вероятно, во избежание упреков в навязывании рядовым носителям языка чуждых им норм homo codificans считают необходимым идти навстречу носителям просторечия, среди которых нет ни одного «недовольного», который потребовал бы от кодификаторов литературного узаконивания просторечия. Такого равнодушного, пренебрегающего орторекомендациями носителя просторечия корректно назвать homo neglegens (человек пренебрегающий). Полагаем, близкий к этому понятию термин В. П. Нерознака «маргинал» [327, 116] для нашего случая не подходит, так как, в отличие от маргиналов, homo neglegens могут быть респектабельными и даже публичными людьми. Языковая проблема homo neglegens состоит в одном: в той среде, в которой формировалась их языковая компетенция, употреблялись просторечия, воспринятые ими в периоде, чувствительном для усвоения языка. В отличие от маргиналов, homo neglegens могут не только стремиться к административному росту, но и иметь свое, начальственное, отношение к языковым явлениям. По данным исследования устной и письменной речи чиновников Челябинской и Оренбургской областей, проведенного Е. Е. Шпаковской в 2010 году, «при выборе языкового варианта решающую роль играет аргумент: «Так пишет глава администрации» или «Так требует начальник». Для закрепления этих «профессиональных» традиций используются

подобные же средства: инструкции по составлению служебных документов, методические рекомендации и т. п. Другими словами, подобные нормы также кодифицированы. Источником нормы здесь является вышестоящее руководство, не всегда в совершенстве владеющее русским языком» [595].

В. И. Беликов предлагает типологию «стереотипов о кодификации», наблюдаемых у уверенных, неуверенных и нерефлексирующих носителей языка. По отношению к желанию реагировать на лингвокоррекцию первый тип (уверенные) рассматривается автором пессимистично, а второй и третий типы (неуверенные и нерефлексирующие) — оптимистично [42]. Однако нетрудно убедиться в том, что среди неуверенных и нерефлексирующих носителей языка имеется немало пренебрежительно относящихся к такой коррекции homo neglegens, которым безралично, олитературили homo codificans их просторечие или нет.

Следовательно, homo codificans поверхностно допускают то, что homo reflectens раздражает и к чему homo neglegens, ради которых это допущение делается, оказываются равнодушными. Налицо два парадокса коммуникации, обусловленные ПВ у homo codificans: 1) homo reflectens являются союзниками homo codificans, но последние этого не замечают; 2) homo codificans творят благо для homo neglegens, но не замечают, что последним это благо безразлично. В свое время подобный двойной парадокс описал М. А. Булгаков в повести «Багровый остров»: «В первый же день, чтобы угодить эфиопам, Кири остров назвал Багровым, в честь основного эфиопова цвета, и этим эфиопов, равнодушных к славе, не прельстил, а арапов обозлил» [74, 56]. Следующий из этих парадоксов вывод очевиден: у кодификаторов нет достаточных оснований олитературивать просторечие (см. об этом также статьи [405; 418; 422; 423; 424; 399; 406]). Сказанное о носителях просторечия в полной мере относится и к носителям архаизмов, поскольку такие носители тоже не выбирают свой устаревший вариант из существующей в реальности альтернативы, а знают только его.

ПВ, являясь средним звеном эволюции восприятия, обеспечивает в меньшей мере, чем при СВ, но в достаточной мере относительную логичность

выводов, часто приводит к неверной категоризации познаваемого и потому при дифференциации грамматических вариантов недопустимо. Поэтому степень ПВ учитывается при дифференциации грамматических вариантов как требующая преодоления (см. следующий пункт, а также подраздел 3.5 и раздел 4).

2.6.3. Альтернативное восприятие как детерминант нормальной стадии развития логической и грамматической способностей. Два вида альтернативного восприятия. Схема степеней восприятия

Альтернативное восприятие и два его вида. Эволюция восприятия у всех живых существ неизменно связана с возможностями его расширения. Так, по данным приматологов, группа сенегальских шимпанзе, обитающая не в лесу, а в саванне (местность Фонголи), где возможности восприятия неизмеримо шире, чем в лесу, демонстрирует больший когнитивный прогресс, чем их лесные собратья: саванные шимпанзе укрываются от жары в пещерах, изготовляют копья для охоты на галаго и успешно охотятся на них [637]. С. А. Бурлак на основании подробного обзора результатов исследований мест обитания предков современного человека приходит к выводу, что «эволюция гоминид была связана с постепенным выходом из лесных биотопов во все более и более открытые — вплоть до саванны. <…> …чем более гоминиды продвигались в саванны, тем больший спрос возникал на развитие коммуникативной системы» [77, 192, 301]. То есть человек когнитивно развивался, в том числе расширял возможности коммуникации, по мере расширения возможностей восприятия, даваемых в первую очередь открытым пространством.

Говоря об интеллектуальном развитии ребенка, Ж. Пиаже сообщает и об отношении ребенка к воспринимаемым им новшествам: «…новый факт должен быть достаточно сходным с ранее известным, чтобы пробудить интерес, и вместе с тем достаточно отличным от него, чтобы не вызвать пресыщения. Круговые реакции состоят в таких случаях в воспроизведении нового факта, но воспроизведении с вариациями и активным экспериментированием, целью которого является как раз выделение из этого факта новых возможностей» [371, 160]. В данном фрагменте можно выделить два важных для нашего исследования

положения: 1) новые факты вызывают интерес ребенка, только если их отличия от уже известных невелики; 2) для ребенка подсознательно существенно, чтобы новые факты предоставляли новые возможности.

Из второго вывода, утверждающего возможность восприятия альтернативы, следует, что если у нового факта новые возможности не обнаруживаются, то он «за ненадобностью» из восприятия исключается (императивное отношение), но если такие возможности обнаруживаются, то новый факт «на законных основаниях» остается сосуществовать с прежним (диспозитивное отношение). Такое восприятие возможно лишь при развитой способности к абстрагированию: без отвлечения от одного альтернативное воспринять невозможно.

Восприятие, категоризирующее альтернативы императивно или диспозитивно, логично разделить на два вида и обозначить соответствующими аббревиатурами: АИВ (альтернативно-императивное восприятие) и АДВ (альтернативно-диспозитивное восприятие). Это третья степень восприятия, которую можно считать перцептивной нормой. В силу того что о нормальном состоянии нет необходимости говорить много, примеры нормального — альтернативного — восприятия ребенком и современным цивилизованным взрослым каких-либо явлений мы приводим в символическом количестве. Альтернативное восприятие у первобытного человека не рассматриваем, ибо, если человек демонстрирует АИВ и АДВ, он не может считаться первобытным.

Первые проявления альтернативного восприятия наблюдаются у ребенка уже в младенчестве. Так, по наблюдениям Т. Бауэра, новорожденный ребенок после 26-ти недель научается наконец вначале дотягиваться до предметов и лишь затем хватать их, а не тянуться к ним и совершать хватательные движения одновременно, как это происходит до этого возраста [38, 188–193].

В период с двух до трех лет у ребенка наблюдается невозможное без альтернативности восприятия интенсивное усвоение языка, называемое «языковым взрывом», который является для ребенка стартовым моментом его последующего «когнитивного ухода вперед», когнитивного отрыва от «остающегося на месте» когнитивно наиболее близкого к человеку существа —

шимпанзе [250, 196]. Начиная с трехлетнего возраста ребенка исследователи отмечают у него рост каузальных способностей, восприятие деталей объектов, в том числе фраз (партитивное восприятие), ранее воспринимавшихся целостно [624, 139; 641, 37; 597, 360; 596, 403; 49, 393; 250, 193, 195–196; 251, 339–340].

По свидетельству Л. С. Выготского, вполне взрослая степень логичности мышления впервые наблюдается в подростковом возрасте. Именно поэтому возрастной период 14–17 лет является периодом максимально интенсивного математического образования [110, 61–62]. Однако важно помнить, что и в этом, и в более зрелом возрасте рудименты и синкретичности, и особенно поверхностности восприятия не так уж редки.

Филогенетическим аналогом онтогенетического когнитивного взрыва, коррелирующего с развитием альтернативности восприятия, является когнитивная революция IV века до н. э., по некоему стечению в целом случайных историко-социальных обстоятельств состоявшаяся в это время в Древней Греции (как замечает Л. Б. Вишняцкий, «наша состоявшаяся эволюционная история — это только один из многих потенциально существовавших ее сценариев, который, в отличие от других, не остался запасным лишь в силу во многом случайного стечения мало связанных между собой обстоятельств» [102, 7]). И. П. Меркулов, говоря о том, что многие достижения древневосточных математиков ранними пифагорейцами были просто заимствованы, обращает внимание на когнитивно ориентированный, объяснительный (ср. с первым постулатом А. Е. Кибрика — подраздел 2.1) подход пифагорейцев к этим достижениям: «…заслуга греков состояла вовсе не в том, что они скрупулезно собирали и суммировали математические достижения древневосточных цивилизаций. Там, где математики Древнего Востока видели лишь задачу на вычисление, решаемую путем применения сакральных образцов, правил и предписаний, греки усмотрели проблему совершенно иного порядка, которая становится у них центральной, — как доказать то или иное математическое утверждение или правило, расчленяя задачу на ряд предварительных этапов» [315, 233]. В. В. Колесов одним из «основных моментов формирования русской ментальности» считает

«*аналитическое дробление* исходного синкретизма мысли-слова» [235, 3], которое вполне соотносится с понятием альтернативного восприятия.

Таким образом, альтернативное восприятие, существующее в виде АИВ или АДВ, позволяет фиксировать все признаки познаваемых сущностей, отделять их существенные признаки от несущественных, обеспечивать абсолютность логичности выводов и, как следствие, правильность категоризации познаваемых сущностей. Переход к альтернативному восприятию как к нормальной стадии перцептивного развития является эволюционным стремлением к нормативному восприятию, поэтому при дифференциации грамматических вариантов степени АИВ и АДВ учитываются как нормативные (см. подраздел 3.5 и раздел 4).

Схема степеней восприятия. Мы зафиксировали три степени восприятия с соответствующими им видами восприятия: I) синкретичное восприятие (СВ), II) поверхностное восприятие (ПВ), III) альтернативное восприятие, подразделяющееся на альтернативно-императивное восприятие (АИВ) и альтернативно-диспозитивное восприятие (АДВ).

Восприятие лишь одного, наиболее заметного, признака из альтернативных (ПВ) и восприятие альтернативы признаков (АИВ и АДВ), безусловно, подпадают под общее понятие дифференциации. Однако их выделение в качестве двух степеней дифференциации, осуществляемой при восприятии, выглядит уточнением принципа дифференциации, до сих пор рассматриваемого как постепенная дифференциация, как переход нерасчлененных образований в расчлененные, в частности «малорасчлененных целостных образований в более расчлененные» [576, 72]. Выделение степени ПВ позволяет обращать внимание на то, каким образом из нерасчлененного образования получается упомянутое «малорасчлененное».

В литературе мы обнаружили лишь одну схему, с которой концептуально соотносима предлагаемая нами перцептивная иерархия. То, что мы понимаем под тремя степенями восприятия, коррелирует с тем, что А. Д. Кошелев, предлагая свое видение схемы умственного (но не перцептивного) развития, предлагает называть соответственно «гомогенным образом», «структурой» и «системой»

[248]. Гомогенный образ здесь, безусловно, синкретичен (является печальным итогом СВ). Структурой автор считает «продукт неполной дифференциации образа: в прежде гомогенном образе происходит выделение (но не полное разделение) частей» [248, 60], — неполное разделение частей является следствием описанного нами ПВ. Наконец, система представляется А. Д. Кошелевым как «полностью дифференцированная структура»: «ее части становятся самостоятельными образами» [248, 60], — что, с нашей точки зрения, является результатом альтернативного восприятия.

Степени ПВ и АИВ/АДВ используются при создании метода дифференциации грамматических вариантов (см. подраздел 3.5 и раздел 4).

Выводы к разделу 2

В разделе рассмотрена проблема логичности грамматики как когнитивно-эволюционного коррелята логичности мышления с обоснованием зависимости качества логичности от успешности восприятия. Выяснено следующее.

С целью раскрытия содержания когнитивной стороны когнитивно-эволюционного аспекта изучения грамматических вариантов выяснены такие основные принципы когнитивной лингвистики, как объяснительность (в противовес характерной для структурализма описательности, не склонной к объяснению причин языковых явлений), вхождение в компетенцию лингвистики всего, что имеет отношение к существованию и функционированию языка (междисциплинарность), приоритет мысли перед семантикой, в том числе исходная смысловая мотивированность грамматических форм, неусложнение лингвистических описаний. Выяснены структурные составляющие когниции, тесно связанные с языком: мышление с присущим ему строем — логикой, память, восприятие. Определена необходимость преодоления двух свойственных когнитивной лингвистике недостатков: увлеченности концептологией при терминологической неясности понятия ’концепт’ и изучения мышления посредством языковых данных вместо корректного для лингвистики изучения языка с привлечением когнитивных сведений. Для изучения грамматической вариантности особенно важным является когнитивное понятие восприятия.

С целью раскрытия содержания эволюционной стороны когнитивно-эволюционного аспекта изучения грамматических вариантов выяснены основные понятия эволюционной эпистемологии: биологическая природа и последующая когнитивная специализация эволюции и ее потенциальная позитивность, непосредственная связь когнитивной эволюции и эволюции языка. Продемонстрировано преодоление распространенной среди лингвистов, в особенности западных, идеологии отрицания эволюции языков.

Логика и психология, понимаемая широко, то есть в значении, включающем как науки, производные от нее, в частности детскую психологию, когнитивную психологию, так и представляющие собой результаты совмещения с ней других наук, в частности психолингвистику, этнопсихологию, определены в качестве основных смежных с лингвистикой дисциплин, данные которых важны для изучения грамматических вариантов. Кроме того, для этой же цели обосновано привлечение сведений нейрофизиологии, нейролингвистики, онтолингвистики и этнолингвистики.

Установлено, что логика и грамматика, в корреляции с памятью, развиваются в направлении от дедукции и дифференциации через механизм абстрагирования к индукции и интеграции. В результате диалектического представления отождествления логики и грамматики как тезиса и критики такого отождествления как антитезиса предложен их синтез: когнитивно-эволюционный алгоритм «эволюция восприятия → логичность мышления → логичность грамматики». Основную роль в реализации второго звена данного алгоритма играют грамматические варианты.

Запланированному ранее особому изучению с привлечением сведений указанных выше смежных наук подверглось когнитивное понятие восприятия. Рассмотрены традиционное понимание восприятия как среднего звена между ощущением и представлением и критика такого понимания, а также понятие зрения как важнейшего из чувств и его когнитивные особенности (зрительное восприятие). Важным результатом этого изучения стало понимание восприятия как категоризации отраженных правым полушарием чувственных данных,

которая осуществляется левым полушарием мозга, то есть в сфере мышления, строй которого — логика — опирается на данные такого восприятия.

На основании сведений смежных наук относительно перцептивно-логического и грамматического развития у детей, первобытных людей и современных цивилизованных взрослых зафиксированы и охарактеризованы три степени восприятия: синкретичное, поверхностное и альтернативное: альтернативно-императивное и альтернативно-диспозитивное. Особое внимание уделено ортологической проблеме поверхностного восприятия индивидуальных различий и пределов нормативности языковых единиц. Рассмотрены парадоксы коммуникации таких языковых личностей, как homo codificans, homo reflectens, homo neglegens: homo codificans повышают стилистический статус просторечия, идя навстречу его носителям — homo neglegens, но не замечают, что последним это «благо» безразлично, а для лингвистически компетентных homo reflectens — негативно. Выяснено, что каждая из трех степеней восприятия обусловливает соответствующее качество логики (соответствующую логичность) и находит отражение в грамматическом строе языка. Сделаны выводы, что восприятие и логика, качество которой зависит от качества потенциально эволюционирующего восприятия, являются базовыми понятиями когнитивно-эволюционного аспекта изучения грамматической вариантности, а учет степеней ПВ и АИВ/АДВ важен при дифференциации грамматических вариантов.

РАЗДЕЛ 3. КОГНИТИВНО-ЭВОЛЮЦИОННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ВАРИАНТНОСТИ

Когнитивно-эволюционный подход к грамматике, обоснованный и продемонстрированный в разделе 2, позволяет осуществить когнитивно-эволюционную интерпретацию грамматической вариантности: уточнить функции грамматической вариантности и необходимое условие реализации грамматическими вариантами этих функций; выяснить аспектные корреляции грамматической вариантности и эволюционирующей когниции; определить критерии грамматической вариантности, необходимые для ограничения материала исследования; обосновать потребность применения положений теории аргументации при изучении и объяснении межвариантных различий; разработать метод дифференциации грамматических вариантов, основанный на понятиях теорий восприятия и аргументации; обосновать возможность и необходимость обобщения грамматических вариантов по семантическим и стилистическим признакам; выявить корреляции грамматической вариантности с синонимией и антонимией как основу семантико-стилистической интеграции грамматических вариантов.

3.1. Когнитивно-эволюционные функции грамматических вариантов и условие реализации этих функций

В лингвистике встречается применение к языку понятия хаоса, что может показаться смелым и преувеличенным откровением. В. фон Гумбольдт приходит к такой мысли при сопоставлении языков, относящихся к разным семьям: «Язык предстает перед нами во множестве своих элементов: слов, правил, аналогий и всякого рода исключений. Испытываешь смущение оттого, что все это многообразие явлений, которое, как его ни классифицируй, представляется хаосом, следует приравнять к единству человеческого духа» [150, 90]. Однако описанная в предыдущем разделе перцептивно-логическая эволюция мышления и, как следствие, грамматики позволяет говорить о том, что хаотичность языков,

подвергаясь постоянному влиянию строя мышления — логики, постепенно уступает место логичности, но нет никакой гарантии, что логизация грамматик когда-нибудь достигнет абсолютности. По этому поводу есть краткое, но точное высказывание А. А. Потебни: «В языках есть система, есть правильность (но не топорная симметричность) в постепенном развитии содержания…» [430, 21]. Упомянутое «постепенное развитие содержания» коррелирует с известной теоретической позицией В. фон Гумбольдта и А. А. Потебни о деятельностной, эволюционной сущности языка (об этом идет речь в подразделе 2.2). Эти положения в свою очередь соотносятся с идеей о неосознанном, но логичном стремлении человеческой когниции к порядку как противоположности хаоса.

Не так давно У. Кэлвин применительно к стихийной организации грамматики выдвинул принцип «Ищи структуру в хаосе», но сам не придал ему решающего значения, поскольку согласился со своим соавтором Д. Бикертоном в том, что поиск структуры в виде обобщения грамматических правил не создает грамматику хотя бы потому, что грамматика создается в пиджинах, где нет никаких правил [620, 33]. По мнению многих лингвистов, У. Кэлвин недооценил значимость для грамматики указанного принципа, поскольку пиджин с отсутствующими в нем правилами грамматики как раз и представляет собой хаос, в котором человек обречен искать структуру, образованную единством грамматики и лексики, которая, по выражению Ю. Н. Караулова, «представляет собой ассоциативно-семантическую сеть с включенной в нее и в значительной мере лексикализованной грамматикой» [215, 87]. Для человека — носителя чаще всего одного языка не важно, из каких именно лексико-грамматических фактов будет «сплетена» упомянутая «ассоциативно-семантическая сеть» его средства коммуникации и хранения знаний. Подсознательный поиск структуры в хаосе пиджинов и приводит к такому явлению, как креолизация пиджинов, то есть превращению их в хотя и фонетико-лексико-грамматически смешанные, но по своей структурной организации уже языки. Понятно, что эту структуру ищут не взрослые, а «дошестилетние» дети — как находящиеся в периоде, чувствительном к восприятию языка [624, 139; 41, 95; 631]. Бесспорно,

«идеальный порядок» такой коммуникативной системы, как язык, называемый логиками естественным «с двусмысленной смесью снисходительности и уважения» [3, 135], недостижим, но данный факт вовсе не отменяет перманентное стремление человека к порядку. «Поиск в структуры в хаосе» является отличительной особенностью познания человеком действительности. К. Р. Поппер по этому поводу замечает: «…мы ожидаем существования регулярностей повсюду и пытаемся искать их даже там, где их нет» [426, 264]. С. А. Бурлак выражает ту же мысль и конкретизирует ее примером: «Люди ухитряются усматривать структуру даже там, где ее гарантированно нет, например при заучивании случайного ряда цифр (так нередко запоминают номера телефонов)» [77, 132].

Стремление человека к выявлению порядка даже там, где его нет, К. Р. Поппер называет «догматическим поведением», но признаёт определенную его прогрессивность: «Такой догматизм до некоторой степени необходим. Мы нуждаемся в нем при исследовании ситуаций, с которыми можно иметь дело только тогда, когда мы накладываем на мир наши предположения» [426, 264]. Совершенно очевидно, что при альтернативном восприятии, неважно — осознанном или неосознанном, формально сходных грамматических вариантов человек, неважно — в онто- или филогенезе, осознанно или (гораздо чаще) неосознанно стремится к их упорядочению путем наложения на них тех или иных дифференцирующих предположений, которые через какое-то время могут (или не могут) оказаться конвенционально закрепленными. Поэтому принцип поиска структуры в хаосе вполне применим к роли, выполняемой в языке грамматическими вариантами. Однако очень важно эту роль не преувеличить. Еще В. фон Гумбольдт справедливо обратил внимание на то, что на определенном этапе своего развития языки обретают «некий предел законченности организации, после которого уже не подвергаются никаким изменениям ни его органическое строение, ни его структура. Зато именно в них как живых созданиях духа, может до бесконечности происходить более тонкое совершенствование языка» [151, 73]. Конкретные проявления такого

совершенствования у А. С. Мельничука называются «неусвідомлюваними відхиленнями в мовній практиці кожного члена колективу від загальноприйнятих зразків вимови і осмислення мовних форм. Ці відхилення можуть поступово нагромаджуватися в якихось певних напрямках, які найменше зачіпають усталену систему классів мовних фактів…» [312, 29]. Поэтому можно говорить о том, что роль грамматических вариантов состоит не в кардинальном преобразовании, а в происходящем путем отклонений «более тонком совершенствовании» такой части языка, как его грамматика. С когнитивно-эволюционной точки зрения, нахождение структуры в хаосе грамматической вариантности состоит в следующем: благодаря стихийному альтернативному восприятию носителями языка средств грамматики любое грамматическое новшество, являющееся некоторым отклонением от старого, то есть вариантным ему, составляет с вместе с этим базовым старым пару, после чего императивно упорядочивает грамматику — если отрицает старое — или, напротив, диспозитивно достраивает грамматику — если не отрицает старое, а наряду с ним выражает нечто новое (термин «достраиваемость» применительно к коммуникативной системе человека предложен С. А. Бурлак [77, 373]; Т. В. Черниговская называет это свойство «открытостью системы в целом», отличающей человеческие языки от закрытых, недостраиваемых коммуникативных систем животных [570, 407–408]). Императивное упорядочение и диспозитивное достраивание грамматики можно считать когнитивно-эволюционными функциями грамматической вариантности (см. об этом также [420]). Реализация грамматическими вариантами этих функций требует выполнения определенного условия.

Несложно прийти к мысли, что причиной упорядочения и достраивания языка может быть только коммуникативная потребность (соотносимая с коммуникативной целесообразностью, о которой идет речь в подразделе 1.1). Каузируя потребность в упорядочении и достраивании языка вообще и его грамматики в частности, коммуникация обусловливает прогресс познания.

Структурные потенции языковой системы соотносятся с понятием языковой избыточности, интерес к которой в последнее время значительно возрос

(см., например, [204]). Однако важной узуальной особенностью грамматических явлений, подпадающих под явления парадигматической избыточности, является стихийная, но принципиальная к данной избыточности нетерпимость носителей языка [26, 246–248, 255–256, 491; 524; 160; 255]. Воспринимая варианты, появляющиеся в языке по самым разным причинам, носители языка начинают неосознанно приспосабливать их к нуждам коммуникации, искать различия между ними, то есть стихийно конвенциализировать условия их употребления. Поскольку стихийно осуществляемые людьми императивное упорядочение и диспозитивное достраивание языковых структур стремятся к соответствию норме, следует обратить внимание на то, что в теории социальной нормы последняя тоже трактуется при помощи понятия потребностей, как «результат познавательной упорядочивающей деятельности общества, выступающий в качестве оптимального, организующего и регулирующего средства достижения цели удовлетворения повторяющихся общественных потребностей» [543, 125]. Потребность в регулярном языковом явлении с определенной семантической или стилистической характеристикой возникает не только по причине меняющихся условий жизни носителей языка, но и потому, что обобщенные (из-за биологической ограниченности памяти) языковые формы могут выразить не все образные представления носителей языка. Как пишет Е. А. Режабек, «то, каким человек рисует мир в своем воображении, — феномен более сложный, чем языковая картина мира» [440, 257]. Еще И. А. Бодуэн де Куртенэ при разборе примеров исчезновения некоторых форм, например *тамо, како, тако* (с заменой их на *там, как, так*), предложил называть потребность в их исчезновении «психическим ударением», понимаемым как «относительная важность данного места произношения для морфологических и семасиологических ассоциаций» [59, 40]. Э. Косериу соотносит коммуникативную потребность со «слабыми точками языка»: «Поскольку язык — это функциональная система, то он изменяется прежде всего в своих «слабых точках», т. е. там, где система не полностью соответствует потребностям выражения и общения говорящих» [239, 239]. Именно такое, но в более развернутом виде, понимание потребности мы

находим у выдающегося историка языка Т. П. Ломтева: «Язык, отвечая на новые потребности обмена мыслями, может выдвинуть несколько грамматических средств на новые позиции. Они могут одновременно использоваться в системе языка для удовлетворения новой потребности». Разные грамматические средства, выражающие одно значение, в соответствии с новыми коммуникативными потребностями могут получить разные оттенки одного основного значения — тогда «они становятся синонимами и служат дальнейшему обогащению, дифференциации и совершенствованию грамматического строя». Например, в *сделать* ***из*** *зависти* имеющееся у предлога значение причины осложнено семой преднамеренности; в *запрыгал* ***от*** *радости* — семой стихийности, а в *остаться дома* ***из-за*** *дождя* — семой повода для осуществления действия [296, 29–32] (о потребностях говорящих как основном факторе развития языка — см. также [70, 36–37; 456, 55]). Оппозиция коммуникативной потребности и имеющихся средств выражения представляет собой противоречие, которое «разрешается путем языкового изменения» [487, 88]. А. С. Мельничук обращает внимание на корреляцию коммуникативной потребности с регулярностью ее удовлетворения: «…багаторазове спонтанне задоволення в повторюваних актах мовлення певних постійних потреб мовної практики … завершується утворенням спеціальних засобів вираження, що максимально відповідають цим потребам» [312, 31]. Ф. Кликс констатирует количественную связь между тонкостью различий и потребностью в их обозначении: «Чем более тонкими являются необходимые различия, тем сильнее потребность в более дифференцированных средствах передачи информации» [229, 90]. Т. Б. Алисова призывает к изучению таких потребностей в конкретных языках, так как «развитие конкретного языка всегда индивидуально» [4, 111].

Аксиоматически признавая вариантность развивающей язык (см. подраздел 1.3), исследователи единодушно подчеркивают коммуникативную потребность в ней и ее развивающей функции [232, 129–130; 499, 73; 500, 41; 612, 18; 130, 24; 267, 58]. Отсутствие коммуникативной потребности в существующей форме приводит к ее исчезновению [296, 29–30; 219, 177].

Существенной поддержкой идее коммуникативной потребности является тот факт, что, каким бы ни было происхождение той или иной пары грамматических вариантов, носители языка не оглядываются назад, чтобы вспомнить об этом происхождении и именно в связи с ним осуществить выбор варианта. Узус не ретроспективен — он перспективен: он руководствуется только насущной потребностью (или ее отсутствием) в обозначении той или иной реалии и использует любую возможность для формальной поддержки требующей выражения дифференциации. В целом справедливо мнение В. Д. Плахова: «…традиция закрепляет и узаконивает (исторически) в процессе развития и функционирования языковой системы те или иные языковые флуктуации, сдвиги, отклонения и т. д., все то, что на философском языке может быть выражено категорией случайного» [375, 42], — но следует уточнить: «закрепляет и узаконивает» — по мере потребности. Как известно, признаки могут меняться даже на противоположные, то есть свои антиподы, если в этом возникает потребность [201, 95].

Таким образом, подтверждается обоснованность выдвижения идеи коммуникативной потребности в качестве условия реализации грамматическими вариантами когнитивно-эволюционных функций императивного упорядочения и диспозитивной достраиваемости грамматики.

Все сказанное выше позволяет нам дать когнитивно-эволюционное определение грамматических вариантов. Грамматические варианты — это словообразовательные, морфологические или синтаксические бинарные парадигмы, члены которых, обладая фонетическим и графическим сходством в грамматически значимой части, дифференцируются семантически или стилистически и в соответствии с коммуникативной потребностью выполняют когнитивно-эволюционные функции императивного упорядочения или диспозитивного достраивания грамматики.

Не подлежит сомнению, что такие происходящие в соответствии с коммуникативной потребностью упорядочение и достраиваемость — как избавляющие грамматику от ненужного балласта и создающие в ней средства для

передачи нюансов человеческой мысли — соответствуют всем четырем законам формальной логики. Это соответствие подтверждает высказанную в подразделе 2.4 мысль о постепенной логизации грамматики.

3.2. Эволюционные корреляции грамматической вариантности и когниции. Два аспекта применения схемы степеней восприятия

Императивность и диспозитивность грамматической вариантности и альтернативного восприятия. Это наиболее очевидная корреляция грамматической варинтности и когниции, очевидная в силу общих для этих двух сфер понятий императивности и диспозитивности (см. подраздел 1.2 и пункт 2.6.3). Данное совпадение убедительно доказывает взаимосвязь грамматики и когниции (в широком смысле — языка и мышления) в процессе познания человеком действительности, номинации фрагментов которой, имея некоторые отличия от других ее номинаций, при невостребованности императивно отвергаются, а при востребованности утверждаются как коэкзистенциальные.

Познавательность императивно упорядочивающей и диспозитивно достраивающей функций грамматических вариантов и функций биологической многоклеточности. Такая корреляция, ранее нередко признаваемая вульгарной, но в настоящее время подтверждающая описанный в подразделе 2.1 биологический крен когнитивной науки, в самом деле имеется. Восходящую к растительно-языковым соответствиям развития у Р. К. Раска (см. [521, 162]) и растительно-животно-языковым соответствиям развития у Я. Гримма [145, 59], нашедшим отражение в лингвистической терминологии, в особенности в терминах генеалогической классификации языков, корреляцию объектов лингвистики и биологии позволяет обнаружить эволюционная эпистемология. Как говорилось в подразделе 2.2, И. П. Меркулов, развивая идеи К. Р. Поппера, обращает внимание на то, что когнитивная эволюция самым тесным образом связана с эволюцией биологической: «Эволюция когнитивной системы живых существ стала возможной благодаря появлению на Земле около 700 млн. лет назад многоклеточных организмов…», то есть благодаря развитию альтернации

клеток. В свою очередь «многоклеточное строение открыло эволюционные перспективы для запуска механизмов дифференцировки, увеличения типов клеток, а соответственно и их специализации на выполнение определенных адаптивно ценных функций…» [314, 144–145]. Очевидна корреляция альтернативного понятия большого количества биологических клеток, специализирующихся на выполнении «адаптивно ценных функций», и альтернативных понятий императивных и диспозитивных грамматических вариантов, соответственно специализирующихся на выполнении таких «адаптивно ценных функций», как императивное упорядочение и диспозитивная достраиваемость грамматики.

Императивность/диспозитивность грамматических вариантов и безрезультатность/успешность категоризирующей деятельности левого полушария мозга. Данные (по умолчанию — актуальные для правшей), полученные В. Л. Деглиным и Н. Н. Николаенко, свидетельствуют о том, что категоризирующее левое полушарие человеческого мозга отвечает за положительные эмоции, а синкретично воспринимающее действительность правое — за отрицательные. При этом в функциональном отношении полушария представляют собой привативную оппозицию. Эмоции зависят от работы или неработы левого, доминантного в процессе познания, полушария: в случае именно его отключения возникают отрицательные эмоции [157]. К таким же выводам пришел С. Даймонд, опыты которого показали, что «по сравнению с левым полушарием правое полушарие видит мир как значительно более неприятное, враждебное и даже омерзительное место», но «в случаях, когда одновременно работают оба полушария, наше восприятие очень схоже с восприятием левого полушария. Вероятно, в повседневной жизни негативизм правого полушария сильно смягчается более добродушным и жизнерадостным левым полушарием» [463, 190]. Очевидно, можно говорить о позитивности (нормативности) альтернативного восприятия, связанного с работой левого полушария, и негативности (настороженности) гештальтного восприятия, связанного с работой правого полушария, причем негативности не как

самостоятельной аксиологической сущности, а как отсутствия позитивности. Такая оценочность подтверждается создателем психологики М. В. Аллахвердовым: «Существует специальный механизм, назовем его механизмом осознания, принимающий решение, какой из подготовленных конструктов ввести в содержание сознания, осознать (далее будем также говорить: сделать *позитивный выбор*), а какие — отвергнуть (сделать *негативный выбор*)» [5, 25]. Тогда логично считать, что императивность вариантов является следствием невосприятия левым полушарием одного из двух вариантов как необходимого, из-за чего негативное восприятие его правым полушарием остается единственно возможным. Диспозитивность вариантов является следствием того, что позитивное левое полушарие воспринимает оба варианта как необходимые.

Однокритериальность выбора грамматических вариантов и преодоление ПВ других критериев такого выбора. Поскольку употребление того или иного грамматического варианта прежде всего предполагает его выбор, следует учесть, что существует обширная литература, посвященная общенаучной проблеме выбора и принятия решений в различных условиях. «Процессы принятия решений, понимаемые как выбор одной из нескольких возможных альтернатив, — пишет известный специалист в этой сфере О. И. Ларичев, — принизывают всю человеческую жизнь» [278, 5]. Как видим, при рассмотрении проблемы выбора в расчет априори принимается фактор многокритериальности. Однако выбор грамматического варианта многокритериальным не является. Этому существует свое когнитивно-эволюционное объяснение. Идея выбора одного из сосуществующих вариантов обусловливает проблему критериев такого выбора, в когнитивной психологии называемую проблемой селективности восприятия и внимания. Этой проблеме посвящено множество психологических работ (см. их обзор в [86, 256–345]). Коротко остановимся на положениях лишь одной показательной для нас работы. В ней В. П. Зинченко и Н. Ю. Вергилес описывают такие стадии процесса познания, как «выделение адекватного задаче содержания» и «сличение предъявленного предмета с записанным в памяти

эталоном»: «При большом числе существенных признаков в объекте процесс сличения осуществляется по элементам и длится тем дольше, чем больше таких признаков в объекте и его модели, созданной при ознакомлении. Этому соответствует как бы повторное рассматривание объекта. Но по мере усвоения данного алфавита объектов характер опознавательного процесса меняется. Процесс сличения резко сокращается за счет отсева излишней и избыточной информации, за счет выделения критических и опорных признаков…» [189, 27]. Отсев избыточной информации можно рассматривать как преодоление поверхностного их восприятия как существенных. Из этого следует, что различия между грамматическими вариантами могут быть сложными — имеющими множество признаков — только при первых, ознакомительных, попеременных поверхностных восприятиях. Эта мысль полностью соответствует восьмому лингвистическому постулату А. Е. Кибрика «О простоте», в котором речь идет о простоте пользования языком стихийно создавшими его носителями, которые не имеют сознательной или подсознательной потребности усложнять свою систему коммуникации (см. подраздел 2.1). Очевидно, стихийно руководствуясь именно этим принципом, пользователи ортологической литературы испытывают неудовлетворение, видя многокритериальные рекомендации кодификаторов (см., например, рекомендации по выбору форм числа сказуемого в сочетаниях с подлежащими, выраженными количественно-именными сочетаниями [138, 33–39; 403]). Об излишней сложности семасиологических описаний пишет А. М. Кузнецов [270, 86–87]. Понятно, что пользователи ортологической литературы ждут от лингвистов более простых рекомендаций, чем те многокритериальные, которые часто в ней наблюдаются. Принять решение при каждом ситуативном выборе грамматического варианта означает воспринять лишь один различительный критерий употребления вариантов при их диспозитивности или употребления одного и запрета другого варианта при их императивности. Большей сложности выбора узуальный автоматизм предполагать не может, поскольку невозможна коммуникативная потребность в вызываемом такой сложностью затруднении взаимопонимания.

Бинарность грамматических вариантов и поверхностность восприятия. Бинарность грамматиковариантных оппозиций тоже объяснима с когнитивно-эволюционной точки зрения. Так, известно, что бинарность проявляется в праиндоевропейском грамматическом делении имен по признаку активности-инактивности и в таких семантических оппозициях, как животный-растительный, дикий-недикий, говорящий-неговорящий, двуногий-четвероногий, смертный-бессмертный, земной-небесный и другие [116, 465–481]. Вяч. Вс. Иванов возводит бинарность к самым первым познавательным актам человечества, результаты которых запечатлены в такой предтече современных семиотических систем, как наскальная живопись, в которой мужское и женское начала соответственно ассоциировались с правым и левым, черным и красным, лошадью и бизоном. Показательным является вывод автора о корреляции бинарных противопоставлений в ходе познания и в процессе языковой эволюции: «Системы, на которых основаны ритуалы, ритуализованное (предопределяемое жесткими правилами) поведение и мифология в элементарных обществах строятся на двоичных противопоставлениях того же типа, что и наборы различительных признаков для описания языка. <…> Трехчленные деления в истории культур начинают играть существенную роль позднее, чем двучленные и основанные на этих последних четырехчленные» [201, 84–108].

Очевидно, что бинарное членение как простейшая операция дифференциации воспринимаемого в ходе познания является результатом ПВ — восприятия наиболее заметного признака противопоставления, что наблюдается и в процессе стихийного грамматического строительства. Как заметил в свое время С. Карцевский, «в области грамматики подразделения происходят всегда попарно, и две соотносительные значимости противополагаются как контрастные» [217, 89]. Грамматические варианты тоже всегда бинарны благодаря их поверхностному по своей сути противопоставлению по наиболее заметному изначально, но не всегда очевидному в настоящее время основанию.

Формальное сходство грамматических вариантов и поверхностность восприятия. Еще И. М. Сеченов обращал внимание на то, что в осмысливаемой

человеком действительности существует три категории отношений: сходство, сосуществование и последование [477, 278]. Несложно заметить, что понятия сосуществования и последования четко различаются по признакам пространственному и временному, а понятие сходства противопоставлено двум другим по совершенно иному основанию. Очевидно, что понятие сосуществования коррелирует с понятием диспозитивности грамматических вариантов, а понятие последования — с понятием их императивности. Понятие сходства, представляющееся в схеме И. М. Сеченова понятийно отстраненным от двух других, грамматической вариантности отнюдь не безразлично: для нее оно является основным проблемным фактором, поскольку сходство грамматических вариантов — формальное и как следствие иногда содержательное — препятствует их императивному или диспозитивному различению.

Когнитивно-эволюционное объяснение формального сходства грамматических вариантов тоже возможно. Как было показано в пункте 2.6.3, Ж. Пиаже пришел к выводу о том, что при восприятии и усвоении ребенком новых явлений «новый факт должен быть достаточно сходным с ранее известным, чтобы пробудить интерес, и вместе с тем достаточно отличным от него, чтобы не вызвать пресыщения» [371, 160]. По мнению Л. С. Выготского, «всякое создание воображения всегда строится из элементов, взятых из действительности и содержащихся в прежнем опыте человека» [107, 3–9]. О восприятии чего-либо с опорой на известные сущности свидетельствуют многочисленные факты детского и первобытного восприятия [396, 18–78]. Во всех детских и взрослых попытках категоризации очевидно «стремление объяснить новое через уже известное (или предполагаемое таковым)…» [559, 46]. И этот алгоритм обнаруживают не только психологи. Биологи У. Матурана и Ф. Варела свидетельствуют, что «каждое новое единство неизменно начинает свою индивидуальную историю, обладая и структурным сходством со своими предками, и отличиями от них» [309, 61].

В лингвистике принцип «Новое создается на базе известного» тоже хорошо известен, поскольку именно так образуются новые языковые явления. Новые

значения почти никогда не требуют к себе настолько повышенного внимания, чтобы для них создавались абсолютно новые материальные оболочки. Б. А. Серебренников, выдвигая гипотезу о существовании особого типа мышления — «лингвокреативного» [475, 76–111], акцентирует внимание на том, что оно отражает окружающую человека действительность, опираясь на имеющиеся ресурсы языка, которые подвергаются «различного рода преобразованиям и переосмыслениям» [475, 106–109]. В литературе, посвященной проблемам звукового восприятия речи, говорится, что «носитель языка, владеющий, естественно, языковой системой, должен в процессе восприятия речи представить спектрально-временной континуум акустического речевого сигнала в терминах уже известных ему дискретных языковых единиц», должен выяснить, «под какую из разрешенных в языке фонемных последовательностей можно подвести воспринимаемый отрезок звучащего текста» [89, 65–66]. Э. Карстейрс-Маккарти приходит к выводу, что происхождение морфологии связано с появлением возможности восприятия незначительных изменений знаков при их сочетании, которые стали осознаваться как «те же, но другие». В результате такого осознания носители знаковой системы начинают обращать внимание на различия между вариантами знаков, после чего эти различия закрепляются [621]. По мнению С. А. Бурлак, «накопление знаков с какого-то момента начинает давать возможность создавать новые знаки не на базе реальных ситуаций, а на базе уже известных знаков, несколько модифицируя их» [77, 372]. Исследования последних десятилетий показывают, что в течение XX века «резкого обновления в составе варьирующихся форм не происходило. Не ломка, а перестройка в соотношении одних и тех же единиц — так можно характеризовать процесс обновления грамматической нормы» [136, 17].

Можно с уверенностью заключить, что принцип «Новое создается на базе известного» представляет собой констатацию результата действия такого когнитивного механизма, как ПВ возможности создания новой грамматической единицы с новой семантической или стилистической характеристикой: при создании такой единицы воспринимается только одна, наиболее простая и

заметная в первую очередь возможность, а именно создание такой единицы на базе уже имеющейся за счет незначительного формального изменения последней (когнитивно-эволюционное обоснование бинарности и сходства грамматических вариантов — см. также в [400]). Однако в данном случае не следует считать ПВ когнитивно ущербным. Если помнить о том, что обобщенность лексических значений является следствием ограниченности объема человеческой памяти [477, 317], то естественно прийти к выводу, что формальное сходство грамматических вариантов соотносится с ПВ вынужденно: большое количество принципиально новых форм, альтернативных уже существующим, было бы невозможно удержать в ограниченной по объему человеческой памяти.

Трехуровневая схема восприятия и этапы эволюции грамматической вариантности. Эволюционная по своей сути схема степеней восприятия — от синкретичного через поверхностное к двум видам альтернативного: императивному и диспозитивному — соотносима с явлениями грамматической вариантности. Со степенью СВ грамматическая вариантность соотносится как с отправной точкой конца нерасчлененности, но иногда синкретичное неразличение дает о себе знать, например в форме ед. ч. сказуемого с коммуникативно востребованной семантикой цельности при неопределенно-количественном подлежащем: *Несколько автомобилей сто**и**т у подъезда* (ср. с *Несколько автомобилей, мигая фарами, сто**я**т у подъезда*, где уточнение деепричастным оборотом позволяет воспринять автомобили альтернативно, а не как цельную группу). Со степенью ПВ коррелируют примеры согласования в числе типа *Прибы**л** паром **и** катер; Черное **и** Белое мор**е**; мо**й** отец с матерью пришл**и**.* Диспозитивные и императивные грамматические варианты соотносятся с АИВ (например, императивные варианты типа *По окончани**и** фильма пошел домой — По окончани**ю** фильма пошел домой*, где второй вариант императивно запрещается как не несущий смысловой или допустимой стилистической нагрузки) и АДВ (например, диспозитивные варианты типа ***По** окончани**и** фильма пошел домой — Через 5 минут **после** окончани**я** фильма пошел домой* или *Несколько автомобилей сто**и**т у подъезда — Несколько автомобилей, мигая*

*фарами, сто**я**т у подъезда*, где оба варианта сосуществуют семантически оправданно). Это когнитивная сторона заявленного в теме исследования аспекта. Эволюционная его сторона обусловлена тем, что СВ может смениться ПВ (так, носитель просторечия может осознать, что вариант ***По** окончани**ю** фильма пошел домой* является неправильным, и начать употреблять только вариант ***по** окончани**и***, даже когда нужен вариант ***после** окончани**я***, например *Через 5 минут **по** окончани**и** фильма пошел домой*), которое в свою очередь способно эволюционировать до степени альтернативного восприятия: ***По** окончани**и** фильма пошел домой*, но *Через 5 минут **после** окончани**я** фильма пошел домой*; *прибыл**и** паром **и** катер; Черное **и** Белое мор**я**; мо**и** отец с матерью пришл**и*** (подробнее об этих вариантах говорится в разделе 4). Коррелируя с императивной и диспозитивной разновидностями альтернативного восприятия, императивные и диспозитивные грамматические варианты находятся на высшем уровне грамматического отражения результатов восприятия человеком действительности, и именно на этом теоретическом основании корректно говорить о том, что «варианты развивают язык».

Два аспекта применения схемы степеней восприятия. Схема степеней восприятия, отражающая перцептивную эволюцию познающего человека, применима к восприятию не только носителей языка, пользующихся им стихийно, но и тех носителей языка, которые по роду своей деятельности призваны выявлять и объяснять остальным различия между грамматическими вариантами, то есть лингвистов-кодификаторов. Когда кодификатор констатирует отсутствие таких различий, можно говорить о синкретизме восприятия либо у всех носителей языка, либо, если семантическое или стилистическое различие все-таки имеется, у кодификатора. Когда кодификатор настаивает на том, что, например, коррелирующее с ПВ употребление *Мо**й** отец с матерью пришл**и*** — единственно правильное употребление, он демонстрирует ПВ возможных употреблений такого типа. Наконец, кодификатор может и, как представляется, обязан демонстрировать альтернативное восприятие грамматических явлений в двух его разновидностях: императивной (АИВ) и диспозитивной (АДВ).

3.3. Регулярность и смешиваемость как критерии грамматической вариантности: естественное ограничение материала исследования

Регулярность грамматических вариантов. Как было показано в подразделе 1.2, в концепции Л. К. Граудиной выделяются следующие критерии грамматической вариантности: 1) грамматическая системность; 2) регулярная взаимозаменяемость; 3) функциональная эквивалентность грамматического значения в пределах сравниваемых контекстов; 4) однородность сравниваемых грамматических структур. В данной концепции первый критерий — грамматической системности — раскрывается через понятие «регулярности колебаний грамматической формы» [136, 114–115], но регулярные колебания грамматических форм выглядят их «регулярной взаимозаменяемостью», то есть содержанием второго критерия [136, 115–116]. Однако этот второй критерий тоже не выдерживает испытания на универсальность: далеко не все грамматические варианты регулярно взаимозаменяемы (примеры — см. ниже). В целом же первый и второй критерии можно свести к одному: регулярности грамматических вариантов, которая и обусловливает их системность. Третий критерий — функциональная эквивалентность грамматического значения в пределах сравниваемых контекстов — проиллюстрирован автором примерами денотативной (*тр**а**кторы — трактор**а***) или контекстуальной (ситуативной) (*читатель ждет книг — читатели ждут книг; сказалось влияние температуры — сказалось влияние температур, обработка почвы — обработка почв, уважаемая товарищ Петрова — уважаемый товарищ Петрова*) грамматической вариантности. Утверждается, что абсолютного равенства грамматических значений этих форм нет, но их функциональное равенство возможно в пределах тех контекстов, в которых наблюдается взаимная замена вариантов [136, 116] (как видим, автор возвращается к идее взаимозаменяемости вариантов, уже провозглашенной в качестве второго критерия вариантности). Следовательно, функциональная эквивалентность (приводящая к взаимозаменяемости) является лишь частью возможной или невозможной эквивалентности этих вариантов в

целом. Трудно говорить о функциональной эквивалентности и взаимозаменяемости вариантов *тр**а**кторы — трактор**а*** и *уважаемая товарищ Петрова — уважаемый товарищ Петрова*, которые имеют стилистические различия, и вариантов *обработка почвы — обработка почв, читатель ждет книг — читатели ждут книг, сказалось влияние температуры — сказалось влияние температур*: *обработка почвы* может означать обработку одной почвы определенного вида, и — обобщенно — обработку разных почв, в то время как *обработка почв* всегда подразумевает обработку разных почв, из чего следует, что форма ед. ч. *почвы* двусмысленна (так же, как формы ед. ч. *читатель* и *температуры*), в отличие от формы мн. ч. *почв* (*читатели* и *температур*). В то же время таким вариантам невозможно отказать в регулярности. Четвертый критерий в концепции Л. К. Граудиной ограничивает грамматическую вариантность однородностью сравниваемых грамматических структур. Однако автор концепции замечает, что это требование нельзя понимать слишком категорически, и приводит примеры грамматически неоднородной синонимии в парах типа *телевизионный спектакль — телеспектакль, телевизионная передача — телепередача, телевизионное ателье — телеателье*, справедливо упомянув о том, что эти грамматически разнородные примеры регулярны [136, 118].

Таким образом, из четырех критериев грамматической вариантности, предложенных Л. К. Граудиной, лишь критерий регулярности является достаточно универсальным. Именно к этому критерию сводятся грамматические понятия, которые предлагают Дж. Байби, М. В. Фридман, В. С. Фридман и Ю. П. Князев. Так, Дж. Байби, говоря об особенностях усвоения грамматики и полагая, что чем чаще элементы встречаются вместе — тем теснее они связаны и чем чаще повторяется действие — тем более автоматичным оно является, приходит к выводу, что последовательности таких действий могут образовывать единые комплексы — чанки. По мнению автора, грамматика усваивается именно таким образом: быстрее усваиваются те формы и сочетания, которые чаще повторяются в виде чанков [619]. Очевидно, контекстные условия употребления каждого из вариантов грамматической пары тоже могут образовывать чанки.

Фиксируемые автором понятия совместной встречаемости и повторяемости коррелируют с понятием регулярности. М. В. Фридман и В. С. Фридман обращают внимание на то, что важной «предпосылкой языка» является умение делать одни и те же действия стандартно [557]. Стандартными становятся и закрепившиеся семантические изменения в грамматике: согласно справедливому замечанию Ю. П. Князева, «неслучайность семантического изменения (или сочетания тех или иных значений) должна подтверждаться возможностью их многократного воспроизведения» [230, 60]. Понятия стандартности действий и многократности воспроизведения являются синонимами понятия регулярности. Коррелирующая с аналогией регулярность является следствием когнитивного процесса обобщения, закономерно распространенного на грамматическом ярусе языка.

Критерий регулярности можно считать приемлемым для ограничения материала исследования, поскольку он позволяет абстрагироваться от нерегулярных грамматических вариантов, о существовании которых помнят не все кодификаторы. Вот определение грамматических вариантов из статьи «Построение словаря» в труде «Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов»: «Грамматическими вариантами считаем функционально тождественные грамматические единицы, отличающиеся регулярным несовпадением грамматической формы» [138, 12]. Между тем нерегулярные грамматические варианты тоже составляют значительный пласт грамматики. Достаточно открыть любой ортологический словарь русского языка, чтобы убедиться в том, что на каждом грамматическом ярусе имеются варианты, уникальные в своем грамматическом оформлении и, следовательно, демонстрирующие нерегулярное «несовпадение грамматической формы». Вот примеры грамматических вариантов лишь на *де-* и *ди-* из словаря Л. И. Скворцова «Большой толковый словарь правильной русской речи: 8000 слов и выражений» 2009 года: *деквалификация — дисквалификация, деревце — деревцо, дефективный — дефектный, дифтерит — дифтерия* [479, 166, 171, 172, 178, 180]. Учесть такие нерегулярные варианты в рамках настоящего исследования невозможно.

Вопрос о минимальном пороге регулярности может решаться по-разному, как по-разному решается вопрос о минимальном пороге для семантики слова *несколько*: для одних носителей языка «несколько» начинается с трех, для других с четырех, для третьих с пяти, но никак не с двух: два случайно, три претендует на закономерность больше. Очевидно, корректнее всего — как минимум — признать «несколько» начинающимся с трех. Корреляция регулярности и «несколько» очевидна: регулярное должно провляться хотя бы несколько раз, то есть начиная с трех раз. Однако это очевидно не для всех. Например, в упоминаемом выше словаре Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича и Л. П. Катлинской регулярность начинается с двух (см. подраздел 1.2). Мы же предпочитаем исходить из факта «минимальной» корреляции регулярности с «несколько» и потому считаем регулярное начинающимся с трех.

Смешиваемость грамматических вариантов. У грамматических вариантов имеется еще одна важная характеристика, которую составители ортологических пособий, очевидно как аксиоматически разумеющуюся, не называют, но непременно учитывают, иначе объемы словников их пособий были бы значительно б**о**льшими, чем есть на самом деле. Эта характеристика позволяет как отличать регулярность грамматических вариантов от регулярности общеграмматической, так и ограничивать собственно регулярную грамматическую вариантность. Обратим внимание на следующие не соотносимые друг с другом характеристики грамматических вариантов. Так, Л. К. Граудина, с одной стороны, констатирует: «Отношения между грамматическими вариантами противоречивы. Стремление отождествить функционально сходные единицы противостоит тенденции к их различению. Хотя в речевом употреблении варианты как будто бы и взаимозаменимы, но безусловным или абсолютным тождеством они все же не являются». С другой стороны, как сказано выше, ученый считает регулярную взаимозаменяемость важным критерием грамматической вариантности [136, 113, 120]. Неуверенное «варианты как будто бы и взаимозаменимы» лишь подчеркивает логическое противоречие признания грамматических вариантов и различающимися, и взаимозаменяемыми. Очевидно,

это противоречие можно снять применением вместо термина «взаимозаменяемость» принятого в практической стилистике (особенно в сфере лексической паронимии) термина «смешиваемость», который подчеркивает, что носители языка, взаимозаменяющие грамматические варианты, делают это лишь потому, что, не воспринимая существующие между этими вариантами различия и синкретично отождествляя такие варианты, смешивают их; другие же носители языка не допускают взаимозаменяемости грамматических вариантов, так как дифференцируют и, следовательно, не смешивают их. Формальное сходство грамматических вариантов (когнитивно-эволюционное объяснение которого дано в предыдущем подразделе) является причиной такого смешения, но мы не можем считать это сходство универсальным критерием грамматической вариантности, так как не всё формально близкое смешивается: ср., например, с любой словоизменительной парадигмой, члены которой формально похожи (*окно, окном, окна, окну, окне*), но не смешиваются. Конечно, смешиваемость грамматических вариантов может иметь разную степень, например относительно низкую у вариантов типа *телевизионный спектакль — телеспектакль* и относительно высокую у вариантов типа *несколько человек пришло — несколько человек пришли*.

Ввиду утверждаемой нами важности для грамматической вариантности фактора смешиваемости, коррелирующего в первую очередь со смешивающим субъектом и лишь во вторую очередь — с тем, что он смешивает, несложно понять, что некорректным является весьма распространенное в ортологии применение к сосуществованию грамматических вариантов термина «конкуренция» (а также — реже — «борьба» или «соперничество»). По данным толковых словарей, конкуренция есть как раз соперничество или борьба непременно кого-либо (а не чего-либо), то есть осознанное действие. Могут ли грамматические варианты что-либо осознавать — вопрос риторический. Тем не менее в ходе исследования ученые олицетворяют грамматические варианты, как и многое другое, вплоть до грамматического одушевления — ср. у Л. К. Граудиной: «Грамматическая регулярность … заставляет признать *член**ов*** этих пар

грамматическими вариантами» [136, 118]. Нельзя вести речь о конкуренции «мыслящих» грамматических вариантов — можно говорить о том, что носители языка, не воспринимая различия между этими вариантами, смешивают их.

Критерии регулярности и смешиваемости позволяют не рассматривать грамматические варианты нерегулярные и несмешиваемые.

Неучет грамматических вариантов смешиваемых, но не регулярных. В языке немало смешиваемых явлений. Но, к примеру, такие смешиваемые сочетания, как *опыт с лягушками — опыт над лягушками — опыт на лягушках*, или *материал к статье — материал для статьи* [324, 15], или *дифтерит — дифтерия* (пример из упомянутого выше словаря Л. И. Скворцова), или *обвенчаться* и *повенчаться* (примеры Л. К. Граудиной — см. подраздел 1.2), нельзя назвать регулярными, поскольку другие существительные в сочетаниях со словом *лягушки*, например *исследование, наблюдение* (*лягушек*, но не *с лягушками*, не *над лягушками* и не *на лягушках*), *издевательство* (*над лягушками*, но не *с лягушками* и не *на лягушках*), равно как и слова, входящие в ЛСГ «материал», например *уголь* (*для топки печи*, но не *к топке печи*) или *ситец* (*для платья*, но не *к платью*), демонстрируют другие конструкции, у пары *дифтерит — дифтерия* нет аналогов, ср. *менингит*, но не **менингия*, *ларингит*, но не **ларингия*, то же обнаруживается у аналогов слов *обвенчаться* и *повенчаться* или *воспретить* и *запретить*: *обваляться*, но не **поваляться* (в том же значении), *заплатить*, но не **восплатить*.

Н. А. Лукьянова приводит такие примеры, как *волчица — волчиха, лиса — лисица, неувядаемый — неувядающий, грубить — грубиянить, зубатый — зубастый, бесстыдный — бесстыжий* [298, 152–153, 160–161], но регулярные аналоги таких пар недопустимы: ср. *тигрица, львица* при невозможности **тигриха, *львиха*, *коза* при невозможности **козица*, *непотопляемый* при невозможности (в том же лексическом значении) **непотопляющий*, *хамить* при невозможности **хамиянить*, *клыкастый* при невозможности **клыкатый*, *бессовестный* при невозможности **бессовестжий*.

В. А. Ицкович в отдельных словарных статьях представляет смешиваемые

предложные конструкции *с помощью* и *при помощи* как тип, хотя они в их орудийном и неорудийном значениях уникальны, и рассматривает смешиваемые варианты типа *в адрес — по адресу*, однако к этому типу помимо вариантов, указанных в его названии, можно отнести только пару *в отношении — по отношению* [138, 76–77, 79–81], что свидетельствует о нерегулярности этих смешиваемых вариантов.

Такие нерегулярные смешиваемые варианты в рамках настоящей работы мы не исследуем.

Неучет грамматических вариантов регулярных, но не смешиваемых. Не все регулярные грамматические варианты являются смешиваемыми. Таковы, например, стилистические синонимы словообразовательных типов *жилет — жилетка,* или с регулярным различием русского полногласия и церковнославянского неполногласия в корнях типа *голос — глас, город — град, берег — брег, ветер — ветр*, или временн**ы**е формы глагола типа *Быстро подойди ко мне — Быстро подошел ко мне* (в значении императива), или аналитическую и синтетическую формы вежливого побуждения к совместному действию типа *давайте пойдем — пойдемте*. Мы руководствуемся прикладным дидактическим соображением: в первую очередь следует исследовать те вариантные явления, которые, будучи узуально смешиваемыми, затрудняют коммуникацию при их восприятии. Именно по этому пути идет современная ортология: никто из авторов соответствующих пособий не исследует «вариантность вообще», и, по всей видимости, не потому, что «вариантов вообще» в языке слишком много.

Таким образом, регулярность и смешиваемость являются взаимодополняющими критериями, позволяющими сконцентрировать внимание на типичной и проблемной грамматической вариантности (см. об этом также [394]) и таким образом ограничить материал исследования, который представляет собой типы грамматических вариантов, описанные в упомянутой в настоящем исследовании ортологической литературе.

3.4. Основные положения теории аргументации и обоснование их применения при объяснении различий между грамматическими вариантами

Очевидно, что различия между грамматическими вариантами должны быть не только найдены, но и обоснованы. Обоснование, которое не может не опираться на естественный строй мышления — логику, обычно происходит неосознанно, но эту неосознанность, как и любую другую, можно и необходимо исследовать с целью выявления ее закономерностей [337, 111]. Результаты таких исследований интегрируются в специальную научную теорию, предметом которой являются разные аспекты аргументации.

Теория аргументации — сравнительно новая научная дисциплина, но ее корни уходят в античность. С периода VII–II веков до н. э., названного К. Ясперсом «осевым», в Китае, Индии и на Западе, особенно в Греции — в рамках риторики, происходило преодоление мифологического мировосприятия, то есть синкретичного и в значительной мере поверхностного восприятия себя и окружающей действительности, проявившееся в том числе в потребности обоснования своих идей [613, 34] (ср. с когнитивным требованием объяснительности, содержащемся в первом постулате А. Е. Кибрика, — подраздел 2.1). Однако данное обоснование долгое время характеризовалось преувеличением достоинств силлогизмов и невниманием к эмпирическому подтверждению. Лишь к середине XX века разработчики аргументации («новой риторики»), со всей очевидностью обладая альтернативным восприятием, преодолели эти недостатки, а также обратили внимание на возможность обоснования идей путем ссылок на традицию, авторитет, здравый смысл, интуицию, веру, вкус и т. п. [203, 8–13]. Для формирования «новой риторики», все чаще называемой «теорией аргументации», важное значение имели работы Х. Перельмана, Г. Джонстона и, конечно, таких представителей амстердамской школы изучения аргументации, как Ф. Х. ванн Еемерен, Р. Гроотендорст, П. Хоутлоссер, С. Герритсен, Б. Гаррсен, Ф. С. Хенкеманс, М. А. ванн Реес, Э. Т. Фетерис [167; 168; 166; 80]. «Можно сказать, что современная теория аргументации, — замечает А. А. Ивин, — находится в процессе бурного развития,

напоминающего развитие теории света накануне возникновения корпускулярной оптики И. Ньютона или развитие теории эволюции живых существ перед возникновением теории Ч. Дарвина» [203, 13].

Понятно, что разрабатываемая в теории аргументации техника убеждения могла существовать прежде всего в естественноязыковой форме. В 1918 году К. Бюлер назвал три стадиальные функции языка: экспрессивную, сигнальную и дескриптивную. При этом ученый обратил внимание на то, что дескриптивной функцией обладает только язык человека [618]. К. Поппер добавил к этим функциям четвертую, тоже исключительно человеческую: аргументативную [427, 64], — показав тем самым, что необходимость в аргументах возникает после реализации потребности в описаниях (когнитивный подход).

Статус теории аргументации среди наук, в той или иной мере изучающих убеждение, то есть логики, психологии, классической и лингвистической риторик, социологии, теории социальной коммуникации и других, очевиден: теория аргументации обобщает то, что говорится об убеждении в этих дисциплинах. Такая ее «несамостоятельность» не позволяет ставить ее в один ряд с антропонауками, данные которых рассмотрены в предыдущем разделе, но имеющиеся в данной теории обобщения являются весьма полезными в практике обоснования дифференциальных признаков грамматических вариантов.

Основные понятия этой теории — аргументация, довод, или аргумент, и тезис. «*Аргументация — это приведение доводов с целью изменения позиции или убеждений другой стороны (аудитории)*. Довод, или аргумент, представляет собой одно или несколько связанных между собой утверждений. Довод предназначается для поддержки *тезиса аргументации — утверждения, которое аргументирующая сторона находит нужным внушить аудитории, сделать составной частью ее убеждений*» [203, 5–6]. Очевидно, что внушение какого-либо утверждения аудитории, например утверждения признака, дифференцирующего грамматические варианты, возможно не только в случае, когда аудитория не считает это утверждение верным, имея другое убеждение по этому поводу, но и в случае, когда у нее нет своего убеждения по такому поводу.

Типы аргументов, делятся на неуниверсальные, применимые не в любой аудитории, и универсальные, применимые в любой аудитории.

К неуниверсальным типам аргументов относят ссылки на традицию, авторитет, интуицию, веру, здравый смысл, вкус и др. [203, 103].

Аргумент к традиции — один из двух наиболее частотных неуниверсальных типов аргументов: «Традиция представляет собой анонимную, стихийно сложившуюся систему образов, норм, правил и т. п., которой руководствуется в своем поведении достаточно обширная и устойчивая группа людей». Традиционализму присущи консерватизм, отказ от новаторства, следующие из него средневековые неиндивидуальность и анонимность художественных и научных произведений [203, 104–107] — ср. с упомянутой нами в подразделе 2.4 анонимностью «Логики Пор-Рояля» (1662), на самом деле написанной А. Арно и П. Николем. Последствием неиндивидуальности является и принятое в науке безличное или от первого лица не единственного, а множественного числа повествование, свидетельствующее о неотделении индивидуального сознания от общественного [203, 106–107], хотя для многих, в том числе для нас, это неотъемлемый атрибут научного стиля. С точки зрения антитрадиционализма, традиционализм является «предрассудком, который должен быть преодолен с помощью разума» [203, 105]. Понятно, что антитрадиционализм отражает когнитивно-эволюционный подход к оценке традиций, поскольку исходит из принципа историзма, то есть изменчивости чего угодно под влиянием каких-либо факторов. В целом стабилизирующая роль традиций в разных сферах человеческой жизни несомненна, однако при когнитивно-эволюционном их рассмотрении становится очевидной необходимость избавления от тех традиций, которые, являясь следствием СВ и ПВ, тормозят процесс эволюции. Что касается отношения к узуальным традициям в лингвистической ортологии, то она очень часто их защищает и кодифицирует в качестве норм, далеко не всегда обращая внимание на наметившиеся и даже состоявшиеся узуальные изменения.

Другим распространенным типом неуниверсальных аргументов является

аргумент к авторитету. Его определение достаточно эмоционально: «*Аргумент к авторитету — это ссылка на мнение или действия лица, прекрасно зарекомендовавшего себя в данной области своими суждениями или поступками*» [203, 110]. Аргумент к авторитету — основной в первобытном обществе. Так, проживающая в Либерии народность кпелле демонстрирует примеры исключительной социальной важности авторитетных людей: «Для школьника факты истинны, поскольку о них сообщает учитель, и редкими бывают попытки найти иные основания или самостоятельно доказать эти факты. <…> Предмет обсуждения отступает на задний план перед личностью обсуждающего» [66, 334–335] (вряд ли такие примеры отсутствуют в европейских школах). А. Арно и П. Николь свидетельствовали о том же в XVII веке: «…самые частые ложные умозаключения — те, которые делают, когда смело судят об истине вещей, основываясь на авторитете, недостаточном, чтобы нас убедить» [19, 288]. В. И. Чернышев говорил об этом явлении сто лет назад, но применительно к проблемам изучения языка: «Практика иногда чрезвычайно легко разрешает вопрос о том, что допустимо и нетерпимо в языке, особенно в школе, где первым и последним критическим судьею является учитель, нередко сам же и создающий кодекс одобряемого, разрешаемого и не допускаемого в речи своих воспитанников. <…> Прежде всего нужно признать, что стилистические мерки и вкусы существуют для известного времени и меняются так же, как меняется язык. Для времен Ломоносова, Карамзина, Пушкина, Тургенева были различные понятия о правильности речи, и, вместе с изменением языка, эти классические писатели в некоторых случаях перестали быть для нас авторитетными; их выражения иногда стали для нас непригодны. Ломоносов, например, допускал сравнительную степень на *-яе* (*светляе*), рекомендовал средний род для всех существительных на *-ище* (*великое домище*), полагал, что «лутче сказать *толкаючи*, нежели *толкая*», и т. п. Очень внимательный к языку Карамзин находил в свое время хорошими нетерпимые теперь формы: *домы, постеля, розница, передражнивая, ярмонка, картеча*» [572, 444]. В 1939 году Л. В. Щерба в качестве «непререкаемых классиков нашей литературы» называет в первую

очередь «Горького, Чехова, Короленко, Тургенева и Гончарова» (как показано выше, В. И. Чернышев не признает И.С. Тургенева авторитетным носителем современных языковых норм). Непосвященному читателю может показаться необычным, что Л.В. Щерба не упоминает таких известных авторов, как Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский, но ученый, предвидя это недоумение, но не разделяя слепого преклонения перед авторитетами, уточняет: «Я не без умысла назвал именно этих писателей, так как норму искать надо именно у них» [602, 10]. К сожалению, в ортологии аргументы к авторитету не редкость. Достаточно вспомнить аргумент Д. Э. Розенталя к авторитету Д. Н. Овсянико-Куликовского, выразившего возмущение формой мн. ч. адъектива в предложении *Я давно не видал мо**их** брата и сестру*, при игнорировании противоположных явлений узуса и мнений М. В. Ломоносова, Ф. И. Буслаева, В. И. Чернышева и А. А. Шахматова (см. подраздел 1.3).

Такой тип неуниверсальной аргументации, как аргумент к интуиции, или интуитивная аргументация, «*представляет собой ссылку на непосредственную, интуитивную очевидность выдвигаемого положения*» [203, 122]. Безусловно, когнитивно не вполне ясные интуитивные озарения происходить могут, но сами по себе они бездоказательны.

Не поможет в деле дифференциации грамматических вариантов и аргумент к вере, поскольку она представляет собой абсолютно ненаучное «*глубокое, искреннее, эмоционально насыщенное убеждение в справедливости какого-либо положения или концепции*» и, будучи противопоставленной знанию, «заставляет принимать какие-то положения за достоверные и доказанные без критики и обсуждения» [203, 125–126].

Важным типом неуниверсальной аргументации является аргумент к здравому смыслу. Под здравым смыслом понимают «*общее, присущее каждому человеку чувство истины и справедливости, приобретаемое с жизненным опытом*. <…> Прежде всего здравый смысл проявляется в суждениях о правильном и неправильном, годном и негодном» [203, 133]. То есть этот аргумент опирается на общепризнанные аксиологические характеристики

явлений и именно в плане общепризнанности таких оценок может считаться объективным.

В состав аргумента к здравому смыслу в качестве подтипа включается еще более важный для ортологии аргумент — аргумент ко вкусу: «Понятие вкуса существенно уже понятия здравого смысла. Вкус касается только совершенства каких-то вещей и опирается на непосредственное чувство, а не на рассуждение» [203, 135]. В лингвистике вкус соотносится с «чутьем языка» (любопытна частотная вкусовая оценка языковых явлений в терминах типа «не звучит»). В. Г. Костомаров по этому поводу пишет: «Важнейшее условие вкуса как категории речевой культуры — социальное по природе, усваиваемое каждым носителем языка в каждодневной практике, в школьном обучении, в работе над собой, в чтении и слушании лучших образцов, так называемое «чутье языка»…, т. е. набор оценок, отражающих системность языка и системность языкового развития и функционирования, общественных языковых идеалов» [241, 68]. Совершенно очевидно, что именно вкусом руководствуются кодификаторы, когда дифференцируют грамматические варианты по стилистическим признакам, в том числе как просторечные и непросторечные. Однако важно помнить о том, что индивидуальное языковое чутье может быть необъективным (об этом говорится в подразделе 1.1 и пункте 2.6.2).

Таким образом, из неуниверсальных типов аргументов в сфере дифференциации грамматических вариантов корректным может быть признан лишь аргумент ко вкусу, но только в узком — стилистическом — аспекте грамматической вариантности и при условии, что такой вкус присущ подавляющему большинству носителей языка, но выполнение этого условия требует подтверждения универсальным аргументом.

К универсальным типам аргументов относятся: 1) эмпирические: прямое эмпирическое подтверждение, или прямая эмпирическая верификация (нам этот термин кажется более приемлемым, поскольку, в отличие от термина «подтверждение», он не страдает многозначностью, далее — ПЭВ), и косвенная эмпирическая верификация; 2) теоретические: логическое обоснование (далее —

ЛО), системная аргументация, методологическая аргументация и другие [203, 75] (ниже ограничимся кратким рассмотрением лишь названных трех типов теоретической аргументации как наиболее распространенных).

ПЭВ есть подтверждение аргумента данными чувственного опыта, которые воспринимаются, то есть ощущаются и категоризируются, после чего проверяются на соответствие тезису. Это самый надежный способ убеждения в истинности идей. Разумеется, далеко не всё можно поверить этим способом. «Прямое подтверждение, — пишет А. А. Ивин, — возможно лишь в случае утверждений о единичных объектах и их ограниченных совокупностях» [203, 22–28]. Однако интересующие нас грамматические варианты, функционирующие в эмпирически очевидных контекстуальных условиях, вполне соответствуют понятию «ограниченной совокупности», из чего следует, что ПЭВ к употреблению грамматических вариантов вполне применима.

Косвенная эмпирическая верификация есть подтверждение тезиса его эмпирически достоверным следствием. «Если у человека, вошедшего в дом, запотели очки, можно с достаточной уверенностью заключить, что на улице морозно». Однако полной уверенности в этом, как в случае с ПЭВ, нет: «…человек, у которого в теплом помещении запотели очки, мог специально охладить их, скажем, в холодильнике, чтобы затем внушить нам, будто на улице сильный мороз» [203, 28–29]. Следовательно, косвенная эмпирическая верификация, нуждаясь в доказательствах, универсальна не вполне и потому применима при обосновании не доказательств, а допущений.

Из теоретических типов универсальных аргументов первым обычно называют то самое ЛО, или логическое доказательство, которое имеет самую непосредственную связь с силлогизмом и признавалось единственно возможным способом доказать свою правоту с античных времен до середины XX века (см. выше). «Логике принадлежит центральная роль в обосновании правильности наших рассуждений», — справедливо замечает Г. И. Рузавин [453, 3]. ЛО представляет собой силлогистически выводимое из посылок дедуктивное умозаключение. Именно дедуктивно выведенные заключения (*Все люди смертны*

— *Сократ человек — Следовательно, Сократ смертен*) могут быть истинными, в то время как индуктивные доказательства (*Сократ человек — Сократ философ — Следовательно, все люди философы*) могут быть прежде всего допустимыми и лишь при подтверждении их истинными дедуктивными заключениями могут считаться истинными [203, 51–57]. Разумеется, доказательство того, что все люди философы, состояться не может, так как не подтверждается дедуктивным заключением об этом, но доказательство индуктивного умозаключения *Сократ умер — Сократ человек — Следовательно, все люди смертны* реально, поскольку подтверждается соответствующим дедуктивным заключением. Из этого следует, что некорректно принижать роль коррелирующей с допущением индукции, потому что она является важным способом поиска истины и в силу этого считается вполне рациональным методом рассуждения. Как верно замечает Г. И. Рузавин, «нельзя противопоставлять дедукцию индукции, поскольку в реальном процессе научного познания они предполагают и дополняют друг друга» [453, 8].

Однако, как отмечено в подразделе 2.4, сама по себе дедукция не дает гарантии истинности заключения, обусловливая относительность логичности, если в основании силлогизма имеется ложная посылка. Ложность посылки лишь к середине XX века привлекла внимание исследователей к важности ПЭВ в процессе доказательства. Особого размаха увлечение дедуктивными логическими доказательствами с осознанно безразличным отношением к истинности посылок достигло у софистов: «Софисты осмыслили речь как искусство, подчиняющееся определенным приемам и правилам, и подчеркнули, что она далеко не всегда копирует реальность, но допускает ложь и обман. Протагор … уверял, что способен заставить слушателей в корне изменить свои убеждения по любому вопросу» [203, 10]. Сегодня древнегреческие софисты напоминают людей, азартно увлекшихся и даже заигравшихся одной — логической — стороной аргументации. Согласно справедливому замечанию И. П. Меркулова, «применительно к раннему периоду древнегреческой истории скорее всего правомерно ставить вопрос лишь о *зарождении искусства аргументации* как

своего рода «безошибочного» навыка, мастерства, которое осваивалось сугубо инструментально в процессе практического применения как часть (инструмент) словесно-магического овладения окружающей средой» [314, 154]. Умозаключения с ложными посылками (не случайно вместе с прочими намеренными ошибками называемые софизмами) выглядят логически безупречными: ср. *Мужчины любят мандарины — Сократ мужчина — Следовательно, Сократ любит мандарины*. Но посылка *Мужчины любят мандарины* ложна, поскольку здесь имеется преувеличенное обобщение, ведь на самом деле — и в этом позволяет убедиться ПЭВ — не все мужчины любят мандарины. С логической точки зрения, достаточно даже одного мужчины, не любящего мандарины, для выявления ложности указанной посылки. ЛО ясно дает понять, что в деле аргументации, как и во всем остальном, логика — не более чем совершенный инструмент, с помощью которого можно изготовить и истину, и ложь — все зависит от качества сырья, которое потенциально эмпирически верифицируемо. Силлогизм «Редкое употребление языкового явления означает его архаизацию — У-генитив (*чаю*) употребляется намного реже а-генитива (*чая*) — Следовательно, у-генитив архаизируется» включает посылку, ложность которой эмпирически верифицируется: редкое употребление языкового явления не всегда означает его архаизацию; редкость употребления может быть обусловлена нечастотной коммуникативной востребованностью.

Другим типом теоретических аргументов является аргументация системная, то есть «обоснование утверждения путем включения его в качестве составного элемента в кажущуюся хорошо обоснованной систему утверждений или теорию» [203, 75]. Можно сказать, что при такой аргументации имеется аргумент к системе, характеризующейся эмпирически верифицируемой, очевидной для всех безупречностью. Однако в языке такая системная безупречность отсутствует (иначе нормативными были бы такие языковые явления, как *ухи* и *человеки*), из чего следует, что аргументы к языковой системности ортологически надежными считаться не могут.

Наконец, третьим из известных типов теоретических аргументов является

аргументация методологическая. Поскольку метод — «*это система предписаний, рекомендаций, предостережений, образцов и т. п., указывающих, как сделать что-то*», методологическая аргументация, представляющая собой выдвижение аргумента к методу, — «*это обоснование отдельного утверждения или целостной концепции путем ссылки на тот несомненно надежный метод, с помощью которого получены обосновываемое утверждение или отстаиваемая концепция*» [203, 88–89]. Однако далеко не каждый разработанный учеными метод является «несомненно надежным» — ПЭВ позволяет в этом убедиться.

Следовательно, во всех трех случаях теоретической аргументации невозможно говорить об истинности тезиса без подтверждения его ПЭВ. ПЭВ превосходит все остальные — универсальные и неуниверсальные — типы аргументов: нет ничего надежнее чувственных данных. Именно поэтому ПЭВ является также единственным способом проверки достоверности аргументации, осуществленной любым другим способом из рассмотренных выше, универсальных и неуниверсальных, в том числе аргумента ко вкусу. Из теоретических типов универсальных аргументов наиболее надежным является ЛО, но применять его целесообразно не отдельно, а в соединении с ПЭВ — только в этом случае теоретическое и практическое (эмпирическое) единство аргументации можно считать идеальным, в том числе для обоснования правильности выявления дифференциальных признаков грамматических вариантов.

Для повышения качества дифференциации грамматических вариантов с применением данного единства его следует конкретизировать перцептивными характеристиками. Поскольку ПЭВ основывается на категоризации данных органов чувств, то есть на восприятии, важно учитывать, что оно может быть не только идеально альтернативным, но и нежелательно синкретичным или поверхностным.

Невосприятие признаков, дифференцирующих грамматические варианты, обусловливает ПЭВ, опирающуюся на данные СВ (далее ПЭВ(СВ)), и потому обеспечивает в значительной мере относительное ЛО (далее — ОЛО).

Восприятие из альтернативы признаков не того, который дифференцирует грамматические варианты, обусловливает ПЭВ, опирающуюся на данные ПВ (далее — ПЭВ(ПВ)), и потому обеспечивает в достаточной мере ОЛО.

Восприятие из альтернативы признаков того, который действительно дифференцирует грамматические варианты, обусловливает ПЭВ, опирающуюся на данные АИВ или АДВ (далее — ПЭВ(АИВ) или ПЭВ(АДВ)), и потому обеспечивает абсолютное ЛО (далее — АЛО).

Итак, мы зафиксировали три степени ПЭВ, соответствующие трем степеням восприятия: СВ, ПВ и АИВ или АДВ. Идеальным случаем аргументации, в том числе при дифференции грамматических вариантов, является единство ПЭВ(АИВ)иАЛО или ПЭВ(АДВ)иАЛО (о применении теории аргументации при дифференциации грамматических вариантов — см. также [402]).

3.5. Перцептивно-аргументационный метод дифференциации грамматических вариантов

Суть метода. Рассмотренные и сформулированные в предыдущих разделах и первых четырех подразделах настоящего раздела теоретические положения позволяют разработать метод дифференциации грамматических вариантов, который применяется в следующем, заключительном разделе исследования. Метод назван перцептивно-аргументационным потому, что в нем учтены такие понятия когнитивно-эволюционного подхода к изучению интересующей нас грамматической вариантности, как степени восприятия и типы аргументов. Основным положением этого подхода является признание ведущей роли восприятия в познании, поскольку именно восприятие обеспечивает логическое мышление данными синкретичного, поверхностного или альтернативного восприятия и тем самым обусловливает разные по качеству логические выводы-аргументы. Осознание этого положения особенно важно при дифференциации грамматических вариантов, в том числе при «нулевой» дифференциации, когда носители языка такие варианты не различают (СВ), а также при их дифференциации по поверхностно воспринятым признакам (ПВ), от которой не застрахованы не только рядовые носители языка, но и кодификаторы.

Предлагаемый нами метод предусматривает следующие действия.

Приводится аргумент, традиционно дифференцирующий рассматриваемые грамматические варианты, и определяется его тип.

Проверяется достоверность традиционного аргумента.

Если выясняется, что традиционный аргумент, дифференцирующий пару грамматических вариантов, представляет собой ПЭВ(АИВ)иАЛО или ПЭВ(АДВ)иАЛО, он признается «непротиворечивым» и примерами употребления не подтверждается.

Если выясняется, что традиционный аргумент, дифференцирующий пару грамматических вариантов, представляет собой ПЭВ(АИВ)иАЛО или ПЭВ(АДВ)иАЛО с незначительной неточностью, он признается «в целом непротиворечивым» и уточняется — в зависимости от потребности в этом — с подтверждением или неподтверждением примерами употребления, верифицирующими такое уточнение.

Если выясняется, что традиционный аргумент, дифференцирующий пару грамматических вариантов, не представляет собой ПЭВ(АИВ)иАЛО или ПЭВ(АДВ)иАЛО, то есть оказывается ПЭВ(ПВ)иОЛО (ПЭВ(СВ)иОЛО среди традиционных аргументов не встречается, что объяснимо призванием ортологии к дифференциации грамматических вариантов, а не к синкретичному их неразличению, присущему, как правило, не вполне компетентным языковым личностям), то демонстрируется «противоречие» традиционного аргумента и выдвигается «новый аргумент» — ПЭВ(АИВ)иАЛО или ПЭВ(АДВ)иАЛО, который подтверждается примерами употребления. Аргумент признаётся «новым», если в ортологических пособиях, отражающих кодификацию рассматриваемой вариантности, он отсутствует. Из этого следует, что в новом аргументе наряду с нашей могут быть отражены точки зрения других исследователей данной проблемы — некодификаторов.

В отношении грамматических вариантов с семантическими различиями и со стилистическими различиями в пределах нормы ПЭВ(АИВ) или ПЭВ(АДВ) представляет собой реализацию возможности убедиться в том, что фиксируемые

парные дифференциальные признаки регулярно подтверждаются характерными для каждого из них однословными или неоднословными контекстными показателями — носителями семантических или стилистических характеристик, которые мы по традиции называем маркерами (например, термин «маркеры разговорной речи» — при исследовании «подкорпуса кино» в НКРЯ — применяет Е. А. Гришина [147]). То есть внимание обращается на эксплицитное, эмпирически верифицируемое контекстное — позволяющее актуализировать характеристики исследуемых явлений [247, 24] — окружение, включающее маркеры той или иной семантической или стилистической характеристики. В этом заключается методологическая важность исследовательской установки: обращение к контексту как конкретному речевому явлению, в котором раскрываются семантические или стилистические характеристики изучаемых вариантов, основывается на высказанной А. А. Потебней идее единства языка и речи. Как справедливо отмечает А. С. Мельничук [311, 7–10], у В. фон Гумбольдта новая и революционная для его времени мысль о деятельностной сущности языка не была им последовательно реализована, поскольку явления языка (грамматики и словаря) и речи (практического воплощения грамматики и словаря) он все же противопоставляет, однако у А. А. Потебни абсолютно ясно сказано, что «язык есть столько же деятельность, сколько и произведение» [430, 29].

Апеллирование к маркерам представляет собой дедуктивное доказательство: от общего утверждения — к частным его подтверждениям. Данное дедуктивное доказательство подкрепляется приемом дистрибутивного анализа — субституцией, подстановкой вместо рассматриваемого варианта его оппонента при том же контекстном окружении (содержащем те же маркеры) с целью эмпирически достоверного подтверждения/неподтверждения возможности такой подстановки. Если возможность субституции данными примерами не подтверждается (метод от противного), рассматриваемый вариант и его оппонент признаются имеющими содержательное — семантическое или стилистическое — различие, которое в таком случае конкретизируется. Источник указанных

примеров — в подавляющем большинстве случаев — НКРЯ с присущими ему широкими возможностями электронного поиска. Если пример не из НКРЯ (такие примеры единичны), это оговаривается.

Маркеры могут быть первостепенными и второстепенными.

Первостепенность маркера (ПСМ) наблюдается, например (маркеры подчеркнуты), в корректности фразы *Не найден**о** <u>никак**их**</u> документ**ов*** при некорректности субституции *Не найден**ы** <u>никак**ие**</u> документ**ы**,* а также, соответственно, в корректности фразы *<u>Эт**и**</u> важн**ые** документ**ы** не найден**ы*** при некорректности субституции *<u>Эт**их**</u> важн**ых** документ**ов** не найден**о***. Причина ПСМ заключается в запрещающей субституцию семантической стабильности маркеров *никакие*: это показатель абстрактности, но никак не конкретности — и *эти*: это показатель конкретности, но никак не абстрактности. Субституция в данных примерах вряд ли возможна (как приводящая к некорректности фраз) по причине несовместимости форм со значениями конкретности и абстрактности с маркерами соответственно абстрактности и конкретности.

Второстепенность маркера (ВСМ) наблюдается во фразе *Важн**ые** документ**ы**, <u>посвященн**ые** этому вопросу</u>, не найден**ы***. В данном случае причастный оборот в определенной степени конкретизирует понятие важных документов. Следовательно, указанный оборот имеет значение конкретности и на этом основании не только может, но и должен считаться маркером конкретности *важных документов*. Однако очевидность этого маркера нельзя признать первостепенной, поскольку здесь имеется возможность субституции *Важн**ых** документ**ов**, посвященн**ых** этому вопросу, не найден**о***. В такой фразе с формами Р., привносящими значение абстрактности, поскольку этому вопросу могут быть посвящены разные, а не только конкретные важные документы, и это подтверждается возможностью органичного ввода в эту фразу абстрактного маркера, например *никаких*: *<u>Никаких</u> важн**ых** документ**ов**, посвященн**ых** этому вопросу, не найден**о**,* — причастный оборот поддается этой абстрактности и «теряет в весе конкретности», однако маркером абстрактности не становится. Из-за нестабильности конкретности, приводящей к допустимости субституции, в

конструкции с формами И. данный причастный оборот выглядит не первостепенным, а второстепенным маркером конкретности *важных документов*. Однако такая второстепенность не означает, что примеры с ВСМ следует исключить из сферы внимания как не до конца убедительные. Без таких примеров исследование выглядело бы схематично-рафинированным.

При описании дифференциации грамматических вариантов (раздел 4) примеры с первостепенными и второстепенными маркерами не разделяются на две группы, а представляются в произвольном порядке в составе эксплицитных контекстов, что призвано продемонстрировать признание ВСМ доказательной. Но в целом число более доказательных примеров с ПСМ в несколько раз превышает число менее доказательных примеров с ВСМ. Каждое объяснение узуальной характеристики грамматического варианта в эксплицитном контексте сопровождается замечанием о сомнительной вероятности субституции при ПСМ и возможности субституции, приводящей к изменению содержательной характеристики варианта, при ВСМ. Во втором случае обращение внимания на другую содержательную характеристику варианта может сопровождаться демонстрацией возможности ввода маркера такой другой характеристики.

Поскольку во многих случаях маркеры в контекстах отсутствуют, как, например, во фразах *Вчера нашим новым начальником документ**ы** не найден**ы** — Вчера нашим новым начальником документ**ов** не найден**о*** (в этих фразах первые четыре слова не являются маркерами конкретности или абстрактности документов), абсолютно значимыми эти контексты не признаются, но учитывается, что существует логически обоснованная возможность невыраженные маркеры считать подразумеваемыми, то есть присутствующими в контексте имплицитно. Такой подход является ярким проявлением индукции (см. предыдущий подраздел), которая, в отличие от дедукции, доказательным методом не является, но в науке постоянно используется. В свое время Д. Юм, критикуя индуктивное направление логики современной ему науки, весьма категорично, но совершенно обоснованно считал, что «*даже после наблюдения частого и постоянного соединения объектов у нас нет основания для того, чтобы вывести*

заключение относительно какого-нибудь объекта помимо тех, которые мы знаем из опыта» [609, 193]. М. Борн аналогичным образом полагал, что утверждение какого-либо закона, например закона «В зависит от А», постоянно выходит за пределы опыта, однако подобные утверждения высказываются везде и всегда, причем порой на основании очень скудных данных [617, 6] (в нашем случае опыт обеспечивается не имплицитностью, а эксплицитностью контекста). Об особой силе современного человека, состоящей в умении перепрыгивать от считанных крупиц информации к глобальным по своей обобщенности выводам, не без иронии пишут Э. Дж. В. Барбер и Э. М. В. Петерс [614]. Э. Уэстон считает «обобщение на основании неполной информации» одной из двух наиболее распространенных логических ошибок (второй такой ошибкой он называет «неспособность увидеть альтернативы») [548, 78–80]. Поэтому, признавая отсутствие такого опыта, как верифицируемость формальной выраженности маркеров содержательных характеристик грамматических вариантов (обеспечиваемой эксплицитностью контекста), при констатации имплицитности таких маркеров корректно не утверждать, а только индуктивно допускать такую имплицитность. При этом важно понимать, что имплицитность в языке не случайна и потому досадна, а структурно закономерна [40, 54].

Понятно, что ПЭВ имплицитности, то есть чего-то формально не выраженного, невозможна, однако своего рода ПЭВ применима и в данном случае: методом от противного. Потенциально имплицитные контексты, которые не содержат маркеров, имеющихся в эксплицитных контекстах, приводятся для ПЭВ того, что в потенциально имплицитном контексте отсутствуют другие маркеры, важные для дифференциации вариантов. Если в потенциально имплицитном контексте таких других маркеров нет, допускается, что маркеры-дифференциаторы, характерные для эксплицитных контекстов, содержатся в нем имплицитно. С позиций теории аргументации, такое индуктивное допущение является косвенной эмпирической верификацией, которая не является абсолютно доказательным способом убеждения (см. предыдущий подраздел), однако такое нестопроцентное доказательство имеет б**о**льшую научную ценность, нежели его

отсутствие. (Наше понимание терминов «эксплицитный контекст» и «имплицитный контекст» метонимично, а именно представляет собой синекдоху «часть — целое»: в контексте эксплицирован или имплицирован маркер, то есть часть контекста, — весь контекст считается эксплицитным или имплицитным. Этим наше понимание данных терминов отличается от буквального их понимания, при котором считается, что если сам контекст выражен, то он эксплицитный, а если контекст не выражен, но подразумевается, то он имплицитный [536, 238].)

Что касается АЛО дифференциации грамматических вариантов, то его абсолютность обеспечивается ненарушением универсальных логических законов, и прежде всего закона противоречия как наиболее важного из них (см. подраздел 2.4). Нарушение этих законов, и прежде всего закона противоречия, вызванное ПВ дифференциальных признаков грамматических вариантов, приводит к ОЛО такой дифференциации.

Особенности значительной части грамматических вариантов обусловливают специфику применения к их изучению рассматриваемого метода. Противопоставление исследуемых вариантов в эксплицитных и имплицитных контекстах с демонстрацией возможности субституции актуально, если, как сказано выше, межвариантные различия имеют семантический характер или характер стилистический, но в пределах нормы. Дифференциация нормативных и ненормативных грамматико-стилистических вариантов при помощи перцептивно-аргументационного метода происходит иначе. Как отмечено в предыдущем подразделе, если варианты различаются стилистически, носители языка не ориентируются на денотативные их характеристики, а полагаются на свой вкус. Поскольку аргумент ко вкусу является неуниверсальным, проверить его распространенность призвана ПЭВ, и на материале нормативных стилистических вариантов такая верификация удается. Однако если изучаемые варианты имеют стилистическое различие, выходящее за пределы нормы, то есть различаются как варианты нормативный и устаревший или просторечный, обращение к контекстным показателям бесполезно, поскольку такие показатели не обладают

дифференцирующей силой и, следовательно, маркерами считаться не могут. Обращение к контекстным показателям — маркерам актуально, когда перед носителями языка имеется выбор (осуществляемый ими, как правило, стихийно). Однако носитель архаизма или просторечия, особенно homo neglegens, как отмечено в пункте 2.6.2, не выбирает свой устаревший или просторечный вариант из существующей на самом деле альтернативы, а знает только его, не зная вариант нормативный, в силу чего он употребляет устаревший или просторечный вариант в том же контекстном окружении, в котором homo codificans и homo reflecnens употребляют вариант нормативный. Это и обусловливает в таком случае бесполезность обращения к дедуктивной доказательности маркеров в эксплицитных контекстах, включая прием субституции, и их индуктивной допустимости в имплицитных контекстах. Из этого следует, что архаичность или просторечность варианта может быть определена только путем проверки соблюдения для такого варианта каждого из трех критериев нормативности, выдвинутых Н. Н. Семенюк и представленных в подразделе 1.1: соответствия языкового явления структуре языка, массовой и регулярной воспроизводимости данного явления в ходе коммуникации, общественного одобрения и признания такого явления нормативным [467, 338].

В случаях, когда стилистические межвариантные различия — как в рамках нормы, так и с выходом за нормативные рамки — подтверждаются временн**ы**ми показателями, изучается такая характеристика, как частотность в определенное время. Это тоже своего рода маркер, но внеконтекстный, поэтому контекстные понятия эксплицитности, включая прием субституции, и имплицитности для него не актуальны.

В ряде случаев в ортологической практике наблюдается негативное последствие свойственного структурализму внимания к описательности в ущерб объяснительности. При наличии ПЭВ(АДВ или АИВ) грамматических вариантов, то есть при наличии эмпирически подтвержденного описания их употребления, а также при наличии их ПЭВ(ПВ) и неуниверсального аргумента к традиции отсутствует объяснение причины, то есть ЛО, такого употребления. При таких

обстоятельствах тип традиционного аргумента обозначается как ПЭВ(АДВ)безЛО, ПЭВ(АИВ)безЛО, ПЭВ(ПВ)безЛО и аргумент к традиции без ЛО. Если при традиционном описании типа грамматических вариантов имеет место только ПЭВ(АДВ)безЛО или ПЭВ(АИВ)безЛО (без других аргументов), то цель нового аргумента заключается не в верификации описанной тенденции дифференциации вариантов, поскольку ПЭВ, опирающаяся на АДВ или АИВ, в таких случаях уже присутствует, а в предоставлении отсутствующего в таких случаях ЛО: в виде АЛО. Поэтому эксплицитные, включая прием субституции, и имплицитные контексты с исследуемыми вариантами, а также примеры их частотности в определенное время — в таких случаях не приводятся.

Поскольку нередко в исследовательском поле восприятия наблюдается больше одной пары дифференциальных признаков, во избежание ПВ каких-либо из них в качестве дифференциальных ПЭВ и АЛО следует применять к каждому фрагменту контекста, отличающему его от похожего контекста. Это позволяет выявить закономерности контекстного окружения изучаемых вариантов и отсеять их несущественные признаки, которые могут быть поверхностно восприняты в качестве дифференциальных.

Каждый пункт, не разделяемый на подпункты, и каждый подпункт могут завершаться примечаниями, которые включают важную информацию, не отраженную в предыдущем изложении пункта или подпункта в силу закономерностей их структурной организации.

По причине ограниченности представляемого объема исследования каждый дифференциальный признак каждого типа сопровождается только двумя, тремя или четырьмя примерами эксплицитных и таким же количеством примеров имплицитных контекстов (в случае относительно большого, более двух, количества типов в одном подпункте — одним примером). Разумеется, имплицитные контексты не приводятся, если отсутствие маркеров невозможно.

Теоретические корреляции метода. Предложенный нами метод не может не опираться на положения тщательно разработанного в лингвистике метода компонентного анализа, призванного определять чаще всего семный, а также

вообще компонентный состав любой членимой на такие компоненты языковой единицы [593; 464, 111–133; 376; 564; 269; 25]. Как показывает обзор, осуществленный В. А. Звегинцевым, принципы компонентного анализа в современном их виде были ясно сформулированы в 1960–70-е годы такими американскими лингвистами, как Дж. Катц, Дж. Фодор, У. Гуденаф, Ф. Лаунсбери, У. Вайнрайх, Д. Болинджер и др.: это «описание значений словарного состава естественных языков через посредство конечного набора элементарных семантических единиц или компонентов, представление этих семантических компонентов как независимых от конкретных языков универсальных репрезентаций и интерпретация их в качестве компонентов концептуальной системы, входящей в познавательную структуру человеческого ума» [184, 8]. Первые два принципа являются традиционными, третий — демонстрирует современную лингвистическую тенденцию: связь результатов компонентного анализа с когницией. Однако, во-первых, нашей целью не является полное дробление семантики каждого грамматического варианта на составляющие — для нас достаточно выявления этим методом признаков, дифференцирующих употребление грамматических вариантов; во-вторых, важно сознавать, что таким методом выявляются любые различия между указанными вариантами — как семантические, так и стилистические. Кроме того, применение этого широко распространенного метода само по себе не гарантирует от поверхностности восприятия: первый оказавшийся в зоне исследовательского восприятия признак, различающий употребление грамматических вариантов, может оказаться ложным основанием для их категоризации. Из осознания данной опасности следует, что любой носитель языка может, а кодификатор обязан при восприятии грамматических вариантов контролировать качество этого восприятия: фиксировать поверхностность восприятия и стремиться к альтернативности восприятия (АИВ и АДВ) межвариантных различий.

Механизм предлагаемого нами изучения контекстного окружения имеет признаки дистрибутивного анализа, который представляет собой «метод исследования языка, основанный на изучении окружения (дистрибуции,

распределения) отдельных единиц в тексте и не использующий сведений о полном лексическом или грамматическом значении этих единиц». Как сказано выше, для подкрепления выявленной ориентации грамматического варианта на определенные показатели контекстного окружения — маркеры предлагаемый нами перцептивно-аргументационный метод дифференциации грамматических вариантов предусматривает субституцию — прием дистрибутивного анализа, представляющий собой подстановку вместо рассматриваемого варианта его оппонента при одном и том же контекстном окружении с целью выяснить ее возможность или невозможность. Однако в своей основе дистрибутивный анализ стремится к идентификации выявленных в тексте единиц в одном инварианте на основании отношения дополнительной дистрибуции, когда текстовые единицы никогда не встречаются в одинаковых окружениях, или отношения свободного чередования, когда текстовые единицы встречаются в одинаковых окружениях, но не имеют различий в значениях, и признаёт текстовые единицы принадлежащими разным единицам языка, если такие текстовые единицы находятся в контрастной дистрибуции, то есть встречаются в одинаковых окружениях, но имеют разные значения [513, 87–93, 203–212; 14]. Предлагаемый нами метод, напротив, предназначен не для идентификации грамматических вариантов в одном условном инварианте (см. подраздел 1.2), который в силу их регулярности и смешиваемости (см. подраздел 3.3) вполне очевиден, а для дифференциации таких инвариантов. Перцептивно-аргументационный метод дифференциации грамматических вариантов позволяет выяснить, почему текстовые единицы не встречаются в одинаковых окружениях, и подвергает сомнению «свободность чередования при отсутствии различий в значениях», поскольку контекстное окружение формируют показатели не только семантических, но и стилистических характеристик. Однако преемственность такого метода по отношению к методу дистрибутивного анализа очевидна, поскольку интерес к контекстному окружению при выявлении содержательных характеристик текстовых единиц возник именно в рамках дистрибутивного подхода.

К предлагаемому нами методу дифференциации грамматических вариантов с характерным для него вниманием к контексту содержательно близок также метод контекстологического анализа, наиболее полно представленный в трудах Н. Н. Амосовой, применявшей его при отграничении фразеологизмов от свободных и устойчивых сочетаний в английском языке, а также для контекстного различения многочисленных английских омонимов. Основу данного метода составляет определение значения «семантически реализуемого слова» при помощи контекстных показателей — маркеров, которые ученый называет «указательным минимумом», «одноэлементным или многоэлементным» [8, 28]. Отличие перцептивно-аргументационного метода дифференциации грамматических вариантов от метода контекстологического анализа в их отношении к контексту состоит в том, что предложенный нами метод, в отличие от сравниваемого, предусматривает решение в случае, когда контекст бессилен продемонстрировать различия между исследуемыми языковыми единицами. По мнению В. В. Левицкого, «контекстологический анализ, даже в столь совершенном виде, в каком он предложен Н. Н. Амосовой, не является строго формальным и не приводит на практике к однозначным результатам. Основной недостаток этого метода заключается в том, что состав контекстуальных наборов, в которых реализуется то или иное значение слова, определяется исследователем субъективно» [285, 167]. Именно поэтому в случае потенциальной, то есть субъективно определяемой, имплицитности маркеров, которые реально — только в эксплицитном контексте — различают грамматические варианты, мы используем термин «допущение».

Само по себе частичное понятийное совпадение предложенного нами метода дифференциации грамматических вариантов с методами компонентного анализа, дистрибутивного анализа и контекстологического анализа обусловливает применение понятия комплексной методики дифференциации грамматических вариантов, использующей приемы трех указанных методов. Однако привлечение к дифференциации грамматических вариантов комплексного алгоритма восприятия и аргументации, ранее для такой или других лингвистических целей

не применявшегося, позволяет говорить о перцептивно-аргументационном методе дифференциации грамматических вариантов (см. о нем также [386; 408]).

Дифференциация грамматических вариантов с применением предложенного нами метода — предприятие исключительной важности, однако по его завершении все дифференцированные грамматические варианты необходимо максимально ясно представить в виде системы, с позиций вариантности более ясной, чем система частей речи, грамматических категорий и значений (о недостатке собственно грамматической классификации грамматических вариантов — см. подраздел 1.3). Такое представление предполагает обобщение и систематизацию дифференцированных грамматических вариантов по интегральным признакам, то есть их интеграцию, поскольку лежащий в основе предложенного нами метода «компонентный анализ являет собой пример взаимозависимости процессов дифференциации и интеграции» [149, 291]. Такую интеграционную составляющую исследователи называют «компонентным синтезом», тесно связанным с компонентным анализом: «Компонентний синтез разом із компонентним аналізом є необхідним складником компонентного бачення змістовної сторони мови» [25, 52].

3.6. Семантико-стилистическая интеграция грамматических вариантов и ее понятийная основа

Возможность и необходимость семантико-стилистической интеграции грамматических вариантов. Известно, что человек не может не стремиться к интеграции (этот термин предпочтительнее термина «обобщение» как антонимически противопоставленный термину «дифференциация») любой более-менее однородной информации, которую он воспринимает. С логической точки зрения, механизм интеграции базируется на индукции — движении мысли от частного к общему (см. подраздел 2.4). Интеграция лежит в основе принципа аналогии, действие которого столь распространено в грамматике. Без интеграции невозможна категоризация, завершающая акт восприятия и формирующая интегрированные по своей сути понятия, в том числе в грамматике. Различные

соотношения научных в целом и грамматических в частности категорий (понятий) формируют их системный вид. Основанные на интеграции по общим признакам системные представления являются идеальной основой любой отрасли человеческого знания, претендующей на звание науки. Невозможно заниматься какими бы то ни было изысканиями, не выявляя «общие логические свойства, лежащие в основе различных познавательных процессов» [66, 14]. Как пишет Д. П. Горский, «обобщающая деятельность пронизывает процессы познания и мышления, создает для науки огромные преимущества, позволяющие ей более глубоко и в компактной форме отображать окружающий нас мир» [133, 202]. Не менее важной интеграция является для любого учебного материала, который может быть хорошо усвоен, лишь будучи корректно обобщенным и на основании обобщения систематизированным. Об этом дидактическом требовании известно достаточно давно (см., например, [56, 280–309]), но необходимость обобщения и систематизации учебного материала подчеркивается до сих пор [155, 117–118] (см. также [154]).

В соответствии с когнитивным требованием объяснения явлений действительности (соотносимым с первым постулатом А. Е. Кибрика — см. подраздел 2.1) необходимо понимать причину интеграции. Понимание этой причины позволяет понять предназначение интеграционной составляющей мышления, которая обеспечивается категоризацией как заключительной стадией актов восприятия.

Известно, что в эволюционном по своей сути процессе познания интеграция неизбежно следует за дифференциацией [283, 281–282; 576, 12; 526]. И. М. Соловьев в результате многолетних исследований процессов дифференциации и интеграции учебного материала у дошкольников и школьников пришел к выводу, что имеется три стадии установления детьми различий и сходств: одинаковости (в основном в дошкольном периоде, здесь применимо понятие СВ), различия (в основном в начале школьного периода, в I классе наблюдается даже так называемое «ревностное различение», в том числе при наличии интегральных признаков; это альтернативное восприятие) и сходства

(начиная с III класса; это интеграция по определенным общим признакам). При этом стадия одинаковости прекращается, а стадии различия и сходства сохраняются [503]. Автор, как и Н. И. Чуприкова [576, 12], фиксирует следование интеграции за дифференциацией, однако причину выхода познания на стадию сходства не объясняет. Л. М. Веккер говорит о тех же этапах познания в других терминах: это «первичная генерализованность» (следствие СВ), «конкретизация» (альтернативное восприятие) и «вторичное обобщение» [85, 28], но причину «вторичного обобщения» не называет. К. Ажеж связывает интеграцию с любопытством, которое как «движущая сила всякого исследования, конституированного в научное знание, стремится за различиями обнаружить сходство» [3, 45]. Однако материал подраздела 2.4 позволяет говорить о том, что обнаружение сходства, ведущее к интеграции по общим признакам, является необходимым условием запоминания информации, затрудненного ограниченностью объема человеческой памяти. Такое понимание причины интеграции обеспечивает осознание ее предназначения, состоящего, таким образом, в улучшении запоминания познаваемой информации, которая в таком случае приобретает системный вид.

На необходимость интеграции и систематизации исследуемого материала — безотносительно к стихийно интегрированной грамматике — постоянно указывают лингвисты [96, 18; 146, 192–213; 199, 30]. Соответственно важным для нас является признание возможности интеграции в сфере языковой вариантности. Соответствующее мнение находим у Л. К. Граудиной: «Можно предположить, что в закономерностях развития вариантов разных языковых уровней языка есть немало общего. Варьируются ли синтаксемы, лексемы, морфемы или фонемы — стилистические закономерности, управляющие их поведением в речи, доступны обобщению» [136, 85].

Помня о позиции В. М. Жирмунского, называвшего «систему языка» «пустой фразой», не более чем «научным постулатом», поскольку она «на самом деле обнимает множество частных систем» [178, 50], мы говорим о возможности и необходимости создания системы именно частной по отношению к языку в

целом — системы грамматических вариантов, но организованной по новому принципу. До сих пор система грамматических вариантов выглядела как их представление по языковым ярусам, внутри которых наблюдалась категоризация по частям речи, при которой в свою очередь осуществлялось деление вариантов по грамматическим категориям. О проблемах, к которым приводит такая организация материала, говорится в подразделе 1.3. С когнитивно-эволюционной точки зрения, традиционное грамматическое представление грамматических вариантов требует семантико-стилистической альтернативы, улучшающей системное представление грамматических вариантов. Данная интеграционная альтернатива, приоритет в которой имеет семантика, соответствует такой идее лингвокогнитивистики, как «примат семантики» (см. третий лингвопостулат А. Е. Кибрика в подразделе 2.1). При семантико-стилистической интеграции грамматических вариантов сведения прежде всего о семантических и, как следствие отсутствия семантической информации (см. об этом подраздел 2.2), стилистических характеристиках грамматических вариантов должны превалировать над грамматическими характеристиками принадлежности к языковому ярусу, части речи и грамматической категории.

Конечно, такая система, будучи интеграцией явлений естественного языка, не может быть симметрично-логичной. «Мир реальных объектов противится систематизации, — справедливо замечает С. А. Крылов. — Так, при попытках систематизировать языковые единицы мы постоянно сталкиваемся с наличием промежуточных, переходных, гибридных и внутренне противоречивых явлений» [257, 319]. Поэтому важной структурной особенностью демонстрации системы грамматических вариантов считаем также фиксацию центральных и периферийных вариантных явлений: как принято в таких случаях, периферийные явления представляются после центральных. Основным показателем периферийности считаем отсутствие параллельных, то есть системообразующих, видов и подвидов грамматических вариантов. Почти столетие назад, то есть задолго до появления функционально-семантического подхода А. В. Бондарко, именно таким образом представлял грамматические явления Ф. Брюно. Все

возможные во французском языке средства выражения определенности и неопределенности он рассматривал в одной, специально им посвященной главе, невзирая на тот факт, что все они относятся к разным грамматическим ярусам и категориям [67]. Разные возможности классификации языкового материала вполне соответствуют мнению С. А. Крылова, которым он завершает статью «Порядок и беспорядок с металингвистической точки зрения»: «Пока продолжают появляться лингвисты, будут появляться все новые и новые попытки систематизации языковых и метаязыковых фактов» [257, 319]. Однако нельзя не заметить, что каждая следующая систематизация лингвистического материала, исходя из известности уже существующих его систематизаций, претендует на бо**л**ьшую в сравнении с предшественницами прогрессивность. Аналогичным образом, по нашему убеждению, семантико-стилистическая интеграция грамматических вариантов прогрессивнее традиционной грамматической, поскольку способствует более качественному усвоению материала.

Необходимо отграничить наш интеграционный подход от принятого в лингвистической семантике ономасиологического. При ономасиологическом подходе исследование происходит в направлении «от вещи или явления к мысли об этой вещи, явлении и к их обозначению языковыми средствами» [266, 345] и, таким образом, не предполагает характерной для нашего подхода параллельной дифференциации и интеграции по многим признакам. В каждом отдельном случае интеграции говорить об ономасиологическом подходе можно, но в случае параллельного осуществления дифференциаций-интеграций — корректно вряд ли. Это различие и обусловливает неприменение нами термина «ономасиология» и его производных.

Корреляции грамматической вариантности с синонимией и антонимией как основа семантико-стилистической интеграции грамматических вариантов. Предшествующая интеграции дифференциация такой целостной сущности, как грамматические варианты, в нашем случае — ограниченные критериями регулярности и смешиваемости, предполагает первый, второй и следующие теоретические шаги. Очевидно, можно считать, что первым

и вторым значимыми для наших целей шагами такой дифференциации стали различения пар грамматических вариантов, во-первых, как диспозитивных и императивных, во-вторых, как имеющих семантические и стилистические различия. В ортологии диспозитивные и императивные грамматические варианты, имеющие семантические и стилистические различия, по семантическим и стилистическим признакам не группируются. Прежде чем приступить к такой группировке диспозитивных и императивных грамматических вариантов, необходимо выяснить их соотношение с категориями, для которых актуальна понятийная связь с присущими этим вариантам семантическими и стилистическими различиями, а именно с изначально лексическими категориями синонимии и антонимии, которые, в отличие от других лексических категорий, представляют собой соответственно незначительные семантические или разнообразные стилистические (синонимия) либо значительные, диаметрально противоположные, семантические (антонимия) противопоставления. Привлечение к изучению грамматических вариантов лексикологических понятий синонимии и антонимии, с традиционной точки зрения не вполне обычное, особенно в отношении антонимии, тем не менее соответствует известной идее А. Вежбицкой о том, что значения грамматических единиц можно описывать в лексикологических терминах [642] (Г. М. Зельдович в свою очередь убедительно доказывает, что к грамматике применяются также прагматические правила, которые, согласно традиционному взгляду на прагматику, характеризуют лексическое значение слова [186]). Различение понятий синонимии и антонимии и будет следующим теоретическим шагом дифференциации грамматических вариантов, предшествующей их интеграции. Поскольку из понятий синонимии и антонимии к грамматическим явлениям применялось только понятие синонимии, мы начинаем рассмотрение указанного сопоставления с известного результата такого сопоставления: грамматической синонимии.

В ходе становления русской грамматики свойственная ей, как и любой другой формирующейся грамматике, избыточность создавала множество параллельных возможностей выражения одной и той же мысли, которые чаще

всего, демонстрируя синкретизм их восприятия носителями древнерусского языка, были абсолютно синонимичными. Так, в исследовании М. Л. Ремневой говорится, что «уже в старших памятниках церковно-славянского языка русского извода формы аориста и перфекта могли употребляться в одинаковых контекстах и выражать одинаковые значения: и аорист, и перфект могли употребляться в одинаковой функции»: «в неповествовательных контекстах в памятниках книжно-литературного языка Древней Руси XIII в. аорист и перфект являлись полными грамматическими синонимами. Синонимическими отношениями связаны в литературном языке этого периода формы так называемого будущего сложного 1 — «хощю + инфинитив» и «имамъ + инфинитив», разные по происхождению, передающие различные греческие конструкции, но в книжно-литературном языке использующиеся параллельно в футуральном значении. Грамматическими синонимами являются также конструкции «да + презентная форма глагола», «да + сослагательное наклонение», употреблявшиеся в текстах высокой книжности для передачи значения цели, желания, повеления, гипотетичности». Это ранние грамматические дублеты, «для которых в процессе эволюции системы возможно либо исчезновение одной из форм, либо стабилизация обоих вариантов с последующей дифференциацией их использования» [443, 7-8] (о сосуществовании явлений «живой восточнославянской речи» и вариантных им церковнославянизмов в древнерусской деловой письменности, а также о постепенном избавлении в ней от церковнославянизмов — см. статью М. Л. Ремневой [444]). В. С. Чепель показывает, что из 45 флексий древнерусского языка в современном русском языке используются только 19 и что фонетическая длина флексий существенно сократилась: почти исчезли трехкомпонентные флексии [567]. «У давньоруській мові множина була найслабшою ланкою відмінково-флективної системи унаслідок різноманітності свого формального вираження, і саме тому флективна уніфікація торкнулася насамперед парадигми множини» [567, 32]. Е. А. Охомуш приводит большое количество примеров суффиксальной синонимии русских прилагательных в исторических повестях XVI–XVII веков, например *виновен — виноват — винный,*

жалостливый — жалостный, народный — народский, кормный — кормовой, горный — горовой [348]. В. В. Виноградов еще в 1944 году обращал внимание на то, что в «Словаре Академии Российской» (XVIII век) абсолютно синонимичными считались слова *хлестать — хлыстать, строгать — стругать, пугало — пужало, почва — пошва, пускать — пущать* [95, 46–47]. Подобные примеры находим у Р. П. Рогожниковой: *кентавр — центавр, кельты — цельты; пепел — пепл, ветер — ветр, замысел — замысл, огонь — огнь; душегуб — душегубец, женолюб — женолюбец, земледел — земледелец, самолюб — самолюбец, крохобор — крохоборец; браслет — браслетка, жилет — жилетка, жакет — жакетка; бергамотовый — бергамотный, смородиновый — смородинный, яблоневый — яблонный, малиновый — малинный; комариный — комарий, орлиный — орлий, перепелиный — перепелий, волчиный — волчий, петушиный — петуший, барсуковый — барсучий* [446, 15, 91, 95, 114, 124–127]. Однако в современном языке уцелели лишь считанные единицы из приведенных вторыми (реже — первыми), иногда не сохранились обе, еще реже обе сохранились (о дублетной вариантности в языках, находящихся на ранней стадии развития, — см. также [373, 8]).

А. М. Пешковский одним из первых обратил внимание на синонимию грамматических явлений, которую он назвал стилистической. Он указал на то, что, например, *взял на нож* и *взял ножом* имеют только грамматическое различие и потому синонимами не являются, но *швырял камни* и *швырял камнями* обладают не только грамматическим, но и стилистическим различием, то есть являются синонимами с уже не тождественными, а по причине имеющегося стилистического различия «близкими» грамматическими значениями, и пришел к выводу, что изучать надо не грамматические значения в целом, а «грамматические синонимы, т. е. значения слов и словосочетаний, близкие друг другу по их грамматическому смыслу» [367, 153]. В. Н. Ярцева, критически проанализировав понимание грамматической синонимии у А. М. Пешковского, а также у Г. И. Рихтер, И. И. Ревзина, К. А. Ганшиной и М. Н. Петерсона, А. Н. Гвоздева, М. К. Милых [611], считает, что «для выделения грамматических

синонимов необходимы сходство грамматического значения и структурная близость, следствием чего является тот факт, что грамматические синонимы не могут принадлежать к разным сферам грамматики и входят оба либо в морфологию, либо в синтаксис» [611, 33].

Исследователи обращают внимание на необходимость различения внутри неабсолютной грамматической синонимии явлений семантических и стилистических. Так, И. И. Ковтунова считает, что, например, синтаксическими синонимами можно назвать только такие сущности, различие между которыми — это различия между оттенками их грамматических значений, а также различия стилистические [231].

Л. К. Граудина уделяет серьезное внимание разграничению терминов «варианты слов» и «варианты форм» как соответственно «лексических и грамматических параллельных средств речи». Варианты слов, как и в понимании других лингвистов, например Р. П. Рогожниковой, — это разновидности одного и того же слова с тождественной семантикой и звуковым различием в неформальной части (*брег — берег, меж — между, полуночник — полунощник*), а варианты форм — это разновидности грамматической формы слова с тождественной грамматической семантикой и звуковым различием в формальной части (*секторы — сектора, обточка — обтачивание*). Л. К. Граудина считает, что варианты слов «должны рассматриваться не как варианты, а как синонимы» [136, 107]. Тем не менее в словарь «Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов», по умолчанию содержащий только грамматические варианты, Л. К. Граудина включила варианты двух типов: *сосредоточивать — сосредотачивать* и *дискутировать — дискуссировать* [138, 263–269, 427], — то есть «варианты слова», которые предложила считать не вариантами, а синонимами. Очевидно, морфонологичность «вариантов слова» с присущим ей чередованием звуков не в формальной, но все же в грамматически значимой части слова — корне не позволяет совсем «отлучить» такие варианты от морфологии, что и обусловливает включение этих смешиваемых синонимичных явлений в состав грамматических вариантов.

Существенным моментом совмещения понятий грамматических вариантов и синонимов является осознание того факта, что именно в аспекте связи с синонимией грамматические варианты могут быть только стилистическими, то есть не семантическими, синонимами. Таковы, например, варианты *сектор**а*** — *секторы, обточка — обтачивание, толкаючи — толкая*: первые варианты в этих парах являются стилистически сниженными. Такие варианты можно назвать грамматико-стилистическими синонимами.

В то же время варианты *заточка* и *затачивание* могут иметь не только позволяющее констатировать их стилистическую синонимичность стилистическое различие при процессуальном значении у обоих вариантов (*заточка* как процесс — стилистически ниже, чем *затачивание*), но и различие семантическое: *заточка* имеет и предметное значение, а *затачивание* — только процессуальное. *Прозаический* имеет относительное значение, а *прозаичный* — качественное [382; 416]. *Ждать поезд* имеет значение конкретности (определенности), а *ждать поезда* — значение абстрактности (неопределенности) [401]. Общей особенностью этих вариантов является их несинонимичность, ведь между такими вариантами нет характерных для стилистических синонимов стилистических различий и характерной для семантических синонимов смысловой близости, поскольку они резко противопоставлены другу по определенным, как и положено в грамматике — обобщенным, семантическим признакам. В данном случае приходится обратиться к другой лексико-семантической категории, которая к грамматическим явлениям еще не применялась, а именно к объединяющей явления, наиболее отчетливо — диаметрально-предельно — противопоставленные друг другу, то есть к антонимии.

Такая противопоставленность, как конкретность (определенность) — абстрактность (неопределенность), представляет собой привативную оппозицию «признак есть — признака нет». Однако понятие привативной оппозиции полностью коррелирует с понятием комплементарной антонимии в антонимической концепции Л. А. Новикова [335, 245], — следовательно, мы

имеем основания варианты, выражающие диаметрально противоположные значения, считать грамматическими антонимами.

Отчетливая противопоставленность таких значений, как, например, предметность и процессуальность, относительность и качественность, на первый взгляд, представляет собой эквиполентную оппозицию этих значений (их логическое равноправие). Однако, в отличие от классической эквиполентности, безразличной к идее общности семантического пространства для сравниваемых значений, например логически равноправных лексических значений слов *лингвистика* и *футбол*, в рассматриваемых нами случаях предметности и процессуальности, относительности и качественности наблюдается нечто среднее между эквиполентной и привативной оппозициями, небезразличное идее общности семантического пространства. Эта оппозиция не диаметрально-предельна, как при показанной выше грамматической антонимии, но так же, как при ней, комплементарно-антонимически делит семантическое пространство только на две части: если не предметность, то процессуальность и наоборот; если не относительность, то качественность и наоборот. Бинарность таких грамматических вариантов всегда достаточно контрастна и тем самым демонстрирует участие в категоризирующем познании действительности. Несложно прийти к выводу, что эти оппозиции выглядят находящимися между синонимическими и антонимическими — при большей семантической близости к последним за счет деления ими без остатка общего семантического пространства. Это дает нам основания называть противопоставленные таким образом варианты грамматическими квазиантонимами.

Итак, грамматические варианты с семантическими различиями могут быть названы грамматическими антонимами и грамматическими квазиантонимами.

Соотношение грамматико-стилистических синонимов, грамматических антонимов и квазиантонимов с такими характеристиками грамматических вариантов, как диспозитивность и императивность, выглядит так.

Грамматические варианты — стилистические синонимы могут быть:

диспозитивными, коррелирующими с АДВ: *наши бухгалтер**ы*** (нейтр.) —

*наши бухгалтер**а*** (разг.). Сосуществование таких вариантов обусловлено коммуникативной востребованностью в рамках литературного языка разных стилистических характеристик одних и тех же денотатов;

императивными, коррелирующими с АИВ: эта императивность может быть двух временн**ы**х разновидностей.

Первая разновидность наблюдается в случае, когда варианты синхронны (достаточно долго сосуществуют во времени), но один из них — в силу бескомпромиссной его неприемлемости — императивно запрещается как просторечный, например *По окончани**и** техникума он начал работать — *По окончани**ю** техникума он начал работать*.

Вторая разновидность императивности представлена случаями диахронической смены одного варианта другим, когда устаревающий вариант представляется неприемлемым в результате постепенного логико-грамматического «прозрения» носителей языка, приводящего к АИВ таких вариантов, например **Уехал начальник и его заместитель* постепенно меняется на *Уехал**и** начальник и его заместитель*, поскольку речь идет о действии двух субъектов, в силу чего сказуемое должно употребляться во мн. ч.

Что касается грамматических вариантов с семантическими различиями, то есть грамматических антонимов и квазиантонимов, то они могут быть только диспозитивными, поскольку такие заметные семантические различия могут быть у вариантов, безусловно, коммуникативно востребованных (являющихся результатом АДВ).

Соединение всех отмеченных выше характеристик грамматических вариантов позволяет — исходя из «примата семантики», третьего когнитивного постулата А. Е. Кибрика (см. подраздел 2.1), — наметить их классификацию из четырех родовых наименований, составляющих центр системы грамматических вариантов (периферийные роды грамматических вариантов, фиксируемые на основании невхождения таких вариантов по совершенно разным причинам ни в один из четырех центральных родов, — см. непосредственно в следующем разделе: в подразделах 4.5–4.7):

диспозитивные грамматические антонимы,

диспозитивные грамматические квазиантонимы,

диспозитивные грамматико-стилистические синонимы,

императивные грамматико-стилистические синонимы.

Показанные роды интегрируются по наиболее абстрактным признакам, с которых начинается процесс дифференциации и интеграции грамматических вариантов. Роды древовидно распадаются на семантические или стилистические виды. Данные виды в свою очередь могут разделяться (неразделяющиеся относятся к периферии вида) на категориально-грамматические подвиды, которые включают от одного до нескольких семантических или собственно грамматических типов. Будучи интегрированными таким образом, грамматические варианты представляют собой систему, организованную по семантико-стилистическим основаниям (в общем виде она представлена в [415]).

И в заключение настоящего подраздела и раздела 3 в целом, то есть прежде чем перейти к перцептивно-аргументационному описанию системы русских грамматических вариантов в семантико-стилистическом преломлении, считаем принципиально важным обратить внимание на статусообразующий момент такого описания. Поскольку в современной кодификации наблюдается совмещение дескрипции и прескрипции (см. подраздел 1.1), у нас есть право выбора той или иной ортологической манеры либо традиционного их совмещения. Мы выбираем объяснительную дескрипцию тенденций дифференциации и возможностей интеграции грамматических вариантов, а не прескрипцию норм их употребления потому, что, по нашему сложившемуся в ходе исследования убеждению, в связи с эволюцией языка вообще и грамматики в частности предписания нередко устаревают, при этом иногда они устаревают «не по-грамматически» быстро (например, в пункте 4.1.1 показаны два — происшедшее и наметившееся в течение последнего столетия — изменения узуальных характеристик русского партитива). «Даже наилучшая стилистическая грамматика, — замечает по этому поводу Л. К. Граудина, — во многих своих важных разделах, касающихся стилистических тонкостей языка и в особенности

нормативных оценок, уже через 30 лет не может быть воспроизведена без дополнительных, существенных переработок» [136, 27]. По этой причине при дифференциации и интеграции грамматических вариантов мы ставим во главу угла не предписания, рискующие оказаться недолговечными, а аргументы, актуальные для текущего состояния эволюции русской грамматики.

Выводы к разделу 3

В разделе 3 представлена когнитивно-эволюционная интерпретация грамматической вариантности.

Определены когнитивно-эволюционные функции грамматических вариантов: императивное упорядочение и диспозитивная достраиваемость грамматики, — а также соответствие коммуникативной потребности как условие реализации грамматическими вариантами этих функций. Дано определение грамматических вариантов, учитывающее выполнение ими таких функций: грамматические варианты — это словообразовательные, морфологические или синтаксические бинарные парадигмы, члены которых, обладая фонетическим и графическим сходством в грамматически значимой части, дифференцируются семантически или стилистически и в соответствии с коммуникативной потребностью выполняют когнитивно-эволюционные функции императивного упорядочения или диспозитивного достраивания грамматики. Констатирована логичность выполнения грамматическими вариантами таких функций.

Показаны аспектные корреляции грамматической вариантности и эволюционирующей когниции, в частности корреляция императивности и диспозитивности грамматической вариантности и альтернативного восприятия, корреляция познавательности императивно упорядочивающей и диспозитивно достраивающей функций грамматических вариантов и функций биологической многоклеточности, корреляция императивности/диспозитивности грамматических вариантов и безрезультатности/успешности категоризирующей деятельности левого полушария мозга, корреляция однокритериальности выбора грамматических вариантов и поверхностности восприятия, корреляция бинарности грамматических вариантов и поверхностности восприятия,

корреляция сходства грамматических вариантов и поверхностности восприятия, корреляция трехуровневой схемы восприятия и этапов эволюции грамматической вариантности: от синкретичного — через поверхностное — к двум видам альтернативного: императивному и диспозитивному. Коррелируя с императивной и диспозитивной разновидностями альтернативного восприятия, императивные и диспозитивные грамматические варианты находятся на высшем уровне грамматического отражения результатов восприятия и познания человеком действительности, и именно на этом теоретическом основании корректно говорить о том, что «варианты развивают язык». Можно говорить о двух аспектах применения схемы степеней восприятия: она применима к восприятию, наблюдаемому не только у носителей языка, пользующихся языком стихийно, но и у носителей языка, по роду своей деятельности призванных выявлять и объяснять носителям языка — неспециалистам различия между грамматическими вариантами, то есть лингвистов-кодификаторов.

Материал исследования — грамматические варианты — ограничен критериями регулярности и смешиваемости.

Изучение положений теории аргументации позволило позволило осознать, что наиболее веским аргументом является комбинация прямой эмпирической верификации и логического обоснования. Этот аргумент и должен применяться при кодификации различий между грамматическими вариантами, при этом эмпирическая достоверность примеров обеспечивается их принадлежностью к НКРЯ.

Разработан перцептивно-аргументационный метод дифференциации грамматических вариантов, который, имея отличия от частично сходных с ним методов компонентного анализа, дистрибутивного анализа и контекстологического анализа, конкретизирует метод компонентного анализа требованием проверки результатов первого восприятия межвариантных различий, определяет степень восприятия этих различий и предполагает определение дифференциальных признаков путем применения аргументационного единства прямой эмпирической верификации и логического обоснования.

Обоснованы возможность и необходимость семантико-стилистической, с выделением центральных и периферийных явлений, интеграции грамматических вариантов. Установлены корреляции грамматической вариантности с синонимией и антонимией как основа такой интеграции. Осуществлено соединение характеристик синонимичности и антонимичности грамматических вариантов с характеристиками их императивности и диспозитивности. В результате получены 4 центральных рода грамматических вариантов: диспозитивные грамматические антонимы, диспозитивные грамматические квазиантонимы, диспозитивные грамматико-стилистические синонимы, императивные грамматико-стилистические синонимы. Предусмотрено выявление периферийных родов на основании невхождения составляющих их вариантов ни в один из центральных родов. Роды разделяются на семантические или стилистические виды. Данные виды в свою очередь могут разделяться на категориально-грамматические подвиды, которые включают от одного до нескольких семантических или собственно грамматических типов. Для объяснения тенденций дифференциации и возможностей интеграции грамматических вариантов обоснованы выбор ортологической манеры дескрипции и отказ от ортологической манеры прескрипции, поскольку языковая эволюция доказывает, что предписание далеко не всегда сохраняет адекватность стихийно складывающемуся узусу.

Имеются предпосылки для перцептивно-аргументационного описания системы русских грамматических вариантов в семантико-стилистическом преломлении, включая тенденции дифференциации и возможности интеграции.

РАЗДЕЛ 4. ПЕРЦЕПТИВНО-АРГУМЕНТАЦИОННОЕ ОПИСАНИЕ СИСТЕМЫ РУССКИХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ В СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ: ТЕНДЕНЦИИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ

4.1. Центр системы. Род: диспозитивные грамматические антонимы

Как сказано в подразделе 3.6, данный род грамматических вариантов включает семантические бинарные оппозиции, члены которых диаметрально, то есть абсолютно антонимически, противопоставлены друг другу. Такой род грамматических вариантов является результатом альтернативно-диспозитивного восприятия (АДВ) явлений грамматики. В системе русских грамматических вариантов род представлен тремя центральными, разделенными на подвиды, и шестью периферийными, на подвиды не разделенными, видами.

4.1.1. Центр рода. Вид: диспозитивные грамматические антонимы, различающиеся как показатели конкретности и абстрактности

Понятия конкретного и абстрактного имеют важное эпистемологическое значение. Восхождение от конкретного к абстрактному — естественный путь эволюции человека, его взросления и от состояния детского к взрослому, и от первобытного к цивилизованному. Причина склонности познающего мир человека к абстрагированию кроется в его биологическом недостатке: относительно небольшом объеме памяти. Стремление к абстрагированию не может не отражаться и в языке, в стихийном создании которого столь явно проявляются невозможные без абстрагирования грамматические обобщения, переносы значений и номинации одним словом целых классов сходных явлений (см. подраздел 2.4).

У носителей языков, в особенности языков, носители которых располагают развитым абстрактным мышлением, постоянно имеется коммуникативная потребность различать конкретное и — представляемое как обобщение конкретных проявлений — абстрактное. В лингвистической традиции конкретное и абстрактное принято рассматривать в терминах определенности и

неопределенности. Однако термин «неопределенный» представляется не вполне удачным в силу его семантических особенностей: в толковых словарях *неопределенный* толкуется синонимически как ’точно не установленный, неотчетливый, неясный, ничего не выражающий’. Такое понимание свидетельствует прежде всего о неизвестности чего-либо, но никак не о его отношении к классу сходных предметов, то есть о семантике, которая наблюдается у слова *абстрактный*. Поэтому для передачи семантики обобщенности и единичности более корректными представляются термины «абстрактный» — «абстрактность» и «конкретный» — «конкретность».

Важно понимать, что носители русского языка, в котором, как и в подавляющем большинстве других славянских языков, не смогла развиться категория артикля, подсознательно стремятся приспособить к выражению семантики конкретности/абстрактности языковые средства всех уровней (см., например, [127; 218]). В настоящем пункте рассматриваются русские грамматические варианты, коэкзистенция которых обусловлена коммуникативной потребностью в выражении семантики конкретности и абстрактности.

Вид представлен десятью подвидами (см. об этом также [411]).

Морфологические варианты типа *Иван — настоящий плакса и большой чудило* или *Иван — настоящая плакса и большое чудило*. Существительные общего рода, принимающие характеристики м. и ж. или м. и ср. р.

Традиционный аргумент-1 — ПЭВ(ПВ)иОЛО (расшифровку применяемых здесь и далее аббревиатур можно увидеть не только в предыдущих двух разделах, где они вводились по мере рассмотрения соответствующих понятий, но и в специальном Списке условных сокращений на с. 11): при обозначении существ (чаще всего это лица) мужского пола существительные общего рода на *-а* иногда согласовываются и потому всегда должны согласовываться по семантической схеме «род = пол», например *эт**от** пролаза, эк**ий** здоровила, известн**ый** подлипала* [138, 99; 129, 225–226].

Противоречие-1: эмпирически достоверное непостоянство согласования по полу противоречит ортологической рекомендации только такого согласования.

Традиционный аргумент-2 — ПЭВ(АДВ)безЛО: иногда существительные общего рода на *-а* согласовываются по внешнему облику в ж. р. при обозначении лиц или особей мужского пола, например *Да ведь он — совершеннейшая тупица; бедная сирота — этот медвежонок* [138, 99; 129, 225–226].

Противоречие-2: игнорирование гендерной характеристики и ориентация только на внешнюю форму ж. р. описаны как альтернатива традиционному аргументу-1, однако отсутствует семантическое объяснение этого явления.

Традиционный аргумент-3 — ПЭВ(ПВ)иОЛО: существительные общего рода на *-ло* всегда согласуются в ср. р., поскольку «ярко выраженное окончание ср. рода требует согласования по форме, а не по смыслу», например *дразнило богово, винное подметало* [138, 99].

Противоречие-3: вопреки поверхностно воспринятой узуальной закономерности и соответствующей ортологической рекомендации существительные общего рода на *-ло* не всегда согласуются в ср. р., поскольку иногда согласуются в м. р. (примеры — см. ниже).

Новый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречий): при обозначении лиц или особей мужского пола существительные общего рода на *-а* или на *-о* согласуются в м. р. при обозначении конкретности и в ж. р. или ср. р. при обозначении абстрактности, поскольку употреблять формы ж. р. таких слов на *-а* и ср. р. на *-о* носители языка могут лишь при условии, что они абстрагируются от мужского пола в стремлении показать принадлежность к целому классу слов, интегральным признаком которых может быть только внешняя форма ж. или ср. р. Из этого следует, что гендерные и родовые характеристики, используемые маркерами конкретности и абстрактности для закрепления своей семантической информации, маркерами считаться не могут.

Эксплицитные контексты (здесь и далее — примеры из НКРЯ)

Дедуктивно доказательные примеры конкретной семантики:

Самый ***гладенький белоручка***, *самый* ***нежный неженка***, *поработав день в поте лица, так, как он никогда не работал на свободе, будет есть и черный хлеб и щи с тараканами. [Ф. М. Достоевский. Записки из мертвого дома (1862)]*. Маркер обозначает исключительность белоручки и неженки среди им подобных. Следовательно, здесь *белоручка* и *неженка* конкретны. ВСМ (здесь и далее — второстепенность маркера или маркеров): субституция с согласованием *самая гладенькая белоручка* и *самая нежная неженка* возможна при условии восприятия описываемых лиц как типичных представителей категорий белоручек и неженок.

— Я извиняюсь, вы мне дали телеграмму? — спросил Максимилиан Андреевич, мучительно думая о том, кто бы мог быть этот ***удивительный плакса****. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940)]*. Маркер указывает на необычность, то есть конкретность, описываемого плаксы. ПСМ (здесь и далее — первостепенность маркера или маркеров): субституция с согласованием *эта удивительная плакса* вряд ли возможна по причине несовместимости абстрактной семантики, выраженной таким согласованием, с ярко выраженной гендерной конкретностью семантики маркера *этот удивительный*, обусловливающего также форму м. р. *мог*, которая коррелирует с имплицитной предрасположенностью к м. р. у местоимения *кто* (при обозначении лица женского пола пришлось бы применить *кем бы могла быть эта удивительная плакса*).

...сыщик из него липовый, если даже ***такой чудило****, как Курчев, и то его обштопал. [Владимир Корнилов. Демобилизация (1969–1971)]*. Маркер представляет собой сравнение, имеющее целью показать, что это лицо отличается от других. Следовательно, здесь *чудило* — конкретное лицо мужского пола, логично обозначаемое существительным м. р. ПСМ: субституция с согласованием *такое чудило* вряд ли возможна по причине несовместимости абстрактной семантики, выраженной таким согласованием, с ярко выраженной гендерной конкретностью семантики маркера *как Курчев*, обусловливающего также форму м. р. *обштопал*.

Дедуктивно доказательные примеры абстрактной семантики:

— Как ты смеешь, невоспитанная девчонка! — сердито крикнул маленький пажик, в то время как его сестры Нини и Мери дружно испустили вопль негодования и испуга. — Ах, скажите, пожалуйста, ***какая неженка****! Велика важность — ему прическу смяли! [Л. А. Чарская. Приключения Таси (1905–1915)].* Маркеры подчеркивают распространенность, а следовательно абстрактность, ситуации нарушения прически. Реакция пажика на эту похожую на другие подобные ситуацию привела к его зачислению в категорию неженок, негативно реагирующих на такие ситуации, то есть к абстрактному пониманию пажика как неженки (аналогичным образом в НКРЯ в применении к лицам мужского пола встречаются абстрактные *балда стоеросовая / оловянная / деревянная / такая / этакая / экая / старая / пустая / порядочная / бесовская*). ВСМ: субституция с согласованием *какой неженка* возможна при условии конкретности *неженки*, которая может быть подчеркнута соответствующим маркером, например словом *необычный* или *исключительный*.

Э, да ты, кажется, чего-то плакал? Ты — ***вечная плакса****. — Вовсе я не плакал и не плакса, — отвечал я и начал расспрашивать его, что такое у них «того»… [Н. С. Лесков. Детские годы (1874)].* Маркер подчеркивает принадлежность персонажа к разряду плакс, одинаковых во все времена, из чего следует, что здесь *плакса* понимается абстрактно. ПСМ: субституция с согласованием *вечный плакса* вряд ли возможна по причине несовместимости конкретной семантики, выраженной таким согласованием, с отвлеченной от гендерной составляющей семантикой маркера *вечная*.

Помахал флажком разок-другой и отступи в сторонку: задавит тебя паровозищем, ***чудило*** *ты* ***лесное****. [Л. М. Леонов. Русский лес (1950–1953)].* Маркер указывает на принадлежность *чудила* к категории «лесных чудил». Следовательно, здесь *чудило* абстрактно. ПСМ: субституция с согласованием *чудило лесной* (из более широкого контекста, в приведенном примере не показанного, известно, что речь идет о лице мужского пола) вряд ли возможна по причине несовместимости конкретной семантики, выраженной таким

согласованием, с отвлеченной от гендерной составляющей семантикой маркера *лесное*.

Имплицитные контексты

Индуктивно допускаемые примеры конкретной семантики:

Павел Степанович грустно смотрит ему вслед. До свидания, ***милый растяпа****! Дай бог тебе мужества и удачи. [Александр Курляндский. Неудачник // «Советский экран», 1976]*. Допущение: здесь *растяпа* — не такой, как все растяпы, то есть конкретен. Маркеры абстрактного понимания *растяпы* отсутствуют.

Ну, ну, если бы я знал, что вы ***такой плакса****, я не рассказал бы Вам ни о чем! [В. И. Мозалевский. Эолина и Макарей (1913)]*. Допущение: здесь *плакса* — не такой, как все плаксы, то есть конкретен. Маркеры абстрактного понимания *плаксы* отсутствуют.

Проклявши меня за «Октябрь», в 1918 году, напечатала она в своих воспоминаниях о Блоке — по-русски, французски, немецки, венгерски, — ***какой*** *я-де* ***«дразнило» дрянной****… [Андрей Белый. Начало века (1930)]*. Допущение: дразнило — особенный, то есть конкретный. Маркеры абстрактного понимания *дразнила* отсутствуют.

Индуктивно допускаемые примеры абстрактной семантики:

Ну что ты ***такая растяпа****, Антон… будь ты сильным! [Ирина Безладнова. Дина // «Звезда», 2003]*. Допущение: Антон причисляется к абстрактному классу растяп. Маркеры конкретного понимания *растяпы* отсутствуют.

А давно ли я его считала ***дрянной плаксой****? [П. Д. Боборыкин. Жертва вечерняя (1868)]*. Допущение: «его» относят к абстрактному классу «дрянных плакс. Маркеры конкретного понимания *плаксы* отсутствуют.

А учителя не в праве даже из кабинета выставить, ибо[,] если ***это чудило*** *на улице под машину попадет, им отвечать придется. [Сегодня в топе блогов история учительницы (блог) (2008)]*. Допущение: речь идет о *чудиле*-ученике, который отличается плохим поведением и по этому признаку причисляется к абстрактному классу чудил. Маркеры конкретного понимания *чудила*

отсутствуют (указательное местоимение не всегда обеспечивает конкретность значения).

Примечание-1. В ж. р. согласование слов на *-ло* не актуально, поскольку они имеют параллельные формы на *-ла*, например *чуди**ло*** и *чуди**ла***.

Примечание-2. Следует отметить, что внутри каждой пары рассматриваемых вариантов наблюдаются количественные диспропорции, обусловленные гендерной закономерностью: многие такие слова обычно характеризуют лиц мужского пола, видимо как социально более активных, и потому количество согласований указанных слов в м. р. превышает количество их согласований в ж. р. Это такие слова, как *бродяга, брюзга, верзила, выпивоха, гуляка, здоровила, каналья, кривляка, непоседа, пройдоха, сорвиголова* и др. Есть также слова, чаще всего называющие лиц женского пола и потому согласующиеся в ж. р., но их не много, например *бестия, дурында, егоза*.

Морфологические варианты типа *новая авеню — новое авеню*. Несклоняемые существительные неопределенной родовой принадлежности, принимающие характеристики м. и ж. р. или ср. р.

Традиционный аргумент-1 — ПЭВ(ПВ)иОЛО: несклоняемые существительные одушевленные логично согласуются по семантической схеме «род = пол», например *мо**й** визави* и *мо**я** визави, больн**ой** кенгуру и больн**ая** кенгуру* [448, 94; 138, 101–102; 129, 228; 46, 100–101].

Противоречие-1: эмпирически достоверное употребление неодушевленных существительных, обозначающих представителей животного мира, в ср. р. противоречит ортологической рекомендации согласования таких слов только в м. или ж. р.

Традиционный аргумент-2 — ПЭВ(АДВ)безЛО: несклоняемые существительные неодушевленные иногда получают род обобщающего слова, например *золотая салями* (колбаса), но чаще относятся к существительным ср. р. [448, 93; 138, 102–104; 129, 228–229; 46, 101–102; 460].

Противоречие-2: представлена ориентация на род обобщающего слова или на внешнюю форму ср. р., однако отсутствует объяснение этих явлений.

Новый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречий): Несклоняемые существительные согласуются в м. или ж. р. при обозначении конкретности и в ср. р. при обозначении абстрактности, поскольку употреблять формы ср. р. таких слов носители языка могут, лишь абстрагировавшись от конкретно-родовых — гендерных и обобщенных — понятий, выраженных формами м. и ж. р., в стремлении естественным для таких слов согласованием в ср. р. показать их абстрактность.

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры конкретной семантики:

...я редко где пил ***такой мартини****. [Эдуард Лимонов. Книга воды (2002)]*. Маркер подчеркивает конкретную исключительность такого мартини. Эта конкретность выражена м. р. обобщающего слова *напиток*. ВСМ: субституция с согласованием *такое мартини* возможна при условии абстрактного, без какой-либо конкретизации восприятия мартини.

Рыба на поверку оказывается восхитительной, яблоки — тоже, а ***салями — пересоленной, переперченной, похожей на лекарство****. [Бахыт Кенжеев. Из Книги счастья (2007) // «Новый Мир», 2008].* Маркер — конкретизирующая характеристика салями, которая соотносится с формой ж. р. обобщающего слова *колбаса*. ВСМ: субституция с согласованием *салями пересоленное, переперченное, похожее на лекарство* возможна при условии абстрактного безразличия говорящего к конкретной разновидности (сорту) *пересоленного, переперченного, похожего на лекарство салями.*

В очереди к мастерской «Ремонт сумок» ***стояла кенгуру****. [Никита Богословский. Заметки на полях шляпы (1997)].* Маркер представляет собой информацию о месте ремонта предметов прежде всего женского обихода, поэтому в очереди к нему естественнее увидеть «даму», к тому же обладающую сумкой от природы (как известно, у самцов кенгуру сумки отсутствуют). Этим объясняется статусно конкретный ж. р. слова *кенгуру* в данном случае. ВСМ: субституция с согласованием *стояло кенгуру* возможна при условии абстрактного восприятия кенгуру с отвлечением от конкретной «женскости» мастерской

«Ремонт сумок» и от интереса к этой мастерской у кенгуру определенного пола.

Дедуктивно доказательные примеры абстрактной семантики:

Там, сдвинув шляпу на затылок, опрокидывают ***двойное виски****. [Сергей Довлатов. Хочу быть сильным (1985)]*. Маркер представляет традиционное действие «выпивание виски», сорт которого может быть каким угодно: это абстрактное понимание виски. ВСМ: субституция с согласованием *двойной виски* возможна при условии конкретизации разновидности или другой характеристики *виски*.

И ***салями ихнее драное****, как бумага копченая… [Александр Кабаков. Масло, запятая, холст (1987)]*. Маркер позволяет понять, что для говорящего это салями — любого вида, обобщенно-абстрактно напоминающего по вкусу копченую бумагу. ВСМ: субституция с согласованием *салями ихняя драная* возможна при конкретизации сорта или других характеристик *салями*.

У племени был тотемический предок, ***какое-нибудь кенгуру*** *или ехидна. [Валерий Панюшкин. Разбор полетов (1997) // «Столица», 1997.11.11]*. Маркер указывает на то, что это может быть *кенгуру* какого угодно пола, то есть абстрактное. ПСМ: субституция с согласованием *какой-нибудь кенгуру* или *какая-нибудь кенгуру* вряд ли возможна по причине несовместимости конкретной семантики, выраженной таким согласованием, с ярко выраженной абстрактностью семантики маркера *какое-нибудь*. Форма ср. р. слова *кенгуру*, выраженная согласованием *какое-нибудь кенгуру*, соотносится с кенгуру как с животным вообще, в то время как *какой-нибудь кенгуру* и *какая-нибудь кенгуру* соотносятся соответственно с любым самцом или любой самкой кенгуру, то есть являются более конкретными обозначениями этого животного.

Имплицитные контексты

Индуктивно допускаемые примеры конкретной семантики:

Он сел к моему компьютеру и стал пить ***свой виски****. [Андрей Геласимов. Нежный возраст (2001)]*. Допущение: имеется в виду конкретная исключительность вида и объема виски как напитка, то есть его конкретность. Маркеры абстрактного понимания *виски* отсутствуют.

Мясо не взял — только ***твердокопченую «салями» (она*** *прочнее) и сало… [Георгий Жженов. Прожитое (2002)].* Допущение: имеется в виду конкретный твердокопченый вид салями. Маркеры абстрактного понимания *салями* отсутствуют.

Пятая авеню *делит город на две части — Восток и Запад. [Илья Ильф, Евгений Петров. Одноэтажная Америка (1936)].* Допущение: речь идет о широко известной, то есть конкретной, улице. Маркеры абстрактного понимания *авеню* отсутствуют.

Индуктивно допускаемые примеры абстрактной семантики:

Я снимал тогда студию на первом сыром этаже ***25-го авеню****, плесень от туманов на обоях, корешках книг, весь крохотный садик заднего двора был обложен по забору плетями неприступной ежевики… [Александр Иличевский. Перс (2009)].* Допущение: для говорящего *25-е авеню* — место, о котором он вспоминает, отвлекшись от статуса авеню как улицы. Это абстрактное понимание *авеню*. Маркеры конкретного понимания *авеню* отсутствуют.

Я думаю, что они были просто в таком состоянии, что, если бы в тот момент им дать ***настоящее венгерское салями****, они бы тоже приняли его за вторичный продукт. [Владимир Войнович. Москва 2042 (1986)].* Допущение: речь идет о каком угодно из венгерских сортов салями. Маркеры конкретного понимания *салями* отсутствуют.

Что за манера скакать по квартире, словно ***больное кенгуру****? [Дарья Донцова. Микстура от косоглазия (2003)].* Допущение: говорящий шутливо сравнивает адресата с представителем класса «скачущих больных кенгуру». Это абстрактное, независимое от пола, понимание *кенгуру*. Маркеры конкретного понимания *кенгуру* отсутствуют.

Морфологические варианты типа *читатели ждут книг — читатель ждет книг*. Конкретные существительные мн. ч. и конкретные существительные ед. ч. в значении мн. ч.

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: Д. Э. Розенталь, не объясняя свое решение, предлагал императивное разрешение

затруднения при выборе варианта числа в данном случае: «В случае колебаний предпочтительна форма единственного числа: *Носильщики несли на* ***голове*** *корзины с овощами; Все повернули* ***голову*** *в сторону двери; Девушки закрыли* ***лицо*** *передником; Ребята ковыряли* ***вилкой*** *остывшую картошку*» [448, 116–117]. Спустя четыре десятилетия Ю. А. Бельчиков называет значение такого ед. ч. «дистрибутивным», но так же, как Д. Э. Розенталь, императивно предписывает, что форма ед. ч. слова *голова* в примере *Мальчишки повернули* ***голову*** *в сторону моря* нормативна, а форма мн. ч. — ненормативна [46, 131]. Однако очевидно, что в этих примерах вполне допустимо и мн. ч. выделенных слов, а также не выделенного Д. Э. Розенталем слова *передник*, — особенно во избежание восприятия второго, весьма комичного, смысла: одна на всех голова у носильщиков, одна голова у всех посмотревших в сторону двери или моря, одно лицо и один передник на всех девушек и одна вилка на всех ребят. Л. К. Граудина справедливо предлагает диспозитивное представление такой вариантности: конкретные существительные мн. ч., логично-естественным образом обозначающие множественность, имеют значение конкретности, а конкретные существительные ед. ч., нелогично обозначающие множественность в научных, публицистических и разговорных контекстах, имеют логичное отличие от уже имеющегося выражения значения множественности: значение абстрактности [138, 150–152] (у И. Б. Голуб, Г. Я. Солганика и Ю. А. Бельчикова — значения «собирательности», «нерасчлененности», «цельности», «массовости» [129, 229; 497, 159; 46, 129–131], которые понятию абстрактности не противоречат).

Примечание. Конкретные существительные ед. ч., обозначающие абстрактную множественность (например, ***читатель*** *ждет книг*), семантически противопоставлены также конкретным существительным ед. ч., обозначающим конкретную единичность (например, ***читатель*** *Петров ждет книг*). Но их формальное неразличение не позволяет их считать грамматическими вариантами. Это противопоставление следует считать относящимся к сфере грамматической полисемии.

Морфологические варианты пяти типов: *озабоченности — озабоченность, продажи — продажа, мощности — мощность, нефти — нефть, мафии — мафия*. Абстрактные с предметным, процессуальным, качественным значениями, вещественные и собирательные существительные мн. и ед. ч.

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: формы ед. ч. абстрактных с предметным, процессуальным, качественным значениями, вещественных и собирательных существительных имеют абстрактное значение, однако ранее невозможные, но в последние десятилетия логично развивающиеся у таких существительных формы мн. ч. конкретизируют разновидности явлений, то есть имеют конкретные значения [572, 528; 448, 117–118; 138, 154–160; 129, 230–232; 497, 159; 46, 132–134].

Примечание. Рассматриваемые существительные в форме ед. ч., обозначающие абстрактность (например, ***мафия бессмертна***), семантически противопоставлены также конкретным существительным ед. ч., обозначающим конкретность (например, ***мафия*** *нашего театра* ***бессмертна***). Но их формальное неразличение не позволяет их считать грамматическими вариантами. Это такое же, как в предыдущем подпункте, противопоставление в рамках грамматической полисемии.

Синтаксические варианты двух типов: *Он был мастер — Он был мастером, Книга будет интересна(я) — Книга будет интересной* и *Его привели пьяного — Его привели пьяным*. Формы И. и Т. существительных и прилагательных и В. и Т. прилагательных, употребляемые в функции именной части сказуемого

Традиционный аргумент-1 — ПЭВ(ПВ)иОЛО: поскольку формы И. предикативного у существительных и прилагательных (далее — И.) и В. предикативного у прилагательных (далее — В.) встречаются гораздо реже форм Т. предикативного существительных и прилагательных (далее — Т.), эти формы И. и В. устаревают [295, 564; 73, 300–304; 571, 302–303, 296, 89–132; 65, 360–366; 448, 180–181; 198, 377–378; 46, 229, 233].

Противоречие-1: эмпирически очевидно и другое: указанные формы И. и В. действительно употребляются реже форм Т., но совсем — не исчезают.

Традиционный аргумент-2 — ПЭВ(ПВ)иОЛО: формы И. и В. логично различаются: И. и В. выражают значение постоянного признака, в то время как Т. — непостоянного [448, 180; 530, 278–282; 46, 229].

Противоречие-2: На практике действие этого различительного алгоритма не подтверждается: постоянство и непостоянство признака могут обозначаться всеми тремя падежными формами (новые исследования рассматриваемых различий иногда заканчивались отчаянием: отказом от поиска инварианта — см., например, [332]).

Традиционный аргумент-3 — ПЭВ(АДВ)безЛО: указанные формы И. и В., в отличие от форм Т., логически подчеркивают сказуемое, подчеркивают его значение [448, 208–209; 129, 380; 497, 198–199]).

Противоречие-3: непонятно и никак не объясняется, в чем именно заключается указанное подчеркивание, например почему в *Он был учитель* такое подчеркивание сказуемого есть, а в *Он был учителем* — нет.

Новый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречий): Г. М. Зельдович убедительно доказывает, что И. и В. имеют значение «наблюденности» (ср. у В. А. Плунгяна описание категории эвиденциальности [377, 322] и у Е. В. Падучевой обоснование понятия «наблюдаемого» [353]), изолированности описываемой ситуации, а Т. имеет значение ее неизолированности, соотнесенности с предшествующими или последующими ситуациями [187; 186, 543–595]. Например, ситуация, описанная в *Не хочу ложиться спать одет**ый***, «мыслится говорящим как наблюдаемая, данная говорящему в (мысленном) опыте», а в ситуации, описанной фразой *Не хочу ложиться спать одет**ым***, говорящий не хочет, чтобы из-за такого варианта сна помялась его одежда [186, 572]. В статье 2007 года М. Гиро-Вебер в отношении семантики И. предикативного приходит к такому же по смыслу, немного иначе сформулированному выводу: И. выражает «доминирующий признак» и сопровождается «большей экспрессивностью», чем Т. предикативный [126, 25],

— но на статью Г. М. Зельдовича 2005 года автор не ссылается. В статье 2011 года, посвященной той же проблеме, но углубляющей и расширяющей прагматико-грамматический подход Г. М. Зельдовича грамматической семантикой, Е. Н. Никитина приходит к убедительным выводам, которые дифференцирующему алгоритму Г. М. Зельдовича не противоречат [328]. Из этого алгоритма выводится еще одно, более обобщенное противопоставление рассматриваемых вариантов. Обозначаемые И. и В. «наблюденность» и изолированность свидетельствуют о правополушарной конкретности обозначаемых этими формами объектов (например, человек не хочет спать в этой верхней одежде здесь и сейчас, не думая о последствиях и, соответственно, не рассматривая эту ситуацию во всех ее проявлениях). Следовательно, в функции именной части сказуемого рассматриваемые И. и В. имеют значение конкретности. Обозначаемые Т. «неизолированность» и «соотнесенность с другими ситуациями» свидетельствуют о левополушарной абстрактности обозначаемых этой формой объектов, поскольку неизолированность и соотнесенность объекта с другими ситуациями возможны лишь при условии успешной категоризации этого объекта как существующего во всех его проявлениях, то есть как обобщенно-абстрактного (например, представить последствия для верхней одежды сна в этой одежде получится лишь при условии представления всех возможных, а не сиюминутных характеристик верхней одежды, что реально только при условии обобщенно-абстрактного представления такой одежды). Следовательно, в функции именной части сказуемого Т. соотносит объект со всем классом подобных объектов, то есть имеет значение абстрактности (см. об этом также [396, 117–119]).

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры конкретной семантики:

Сережа с детства ***был мастер*** *на все руки, <u>единственный мужчина в доме</u> как-никак. [М. Александер. Сережа. Быль (2003) // «Вестник США», 2003.10.01]*. Маркер информирует об исключительности Сережи при сложившихся обстоятельствах, то есть о его конкретности. ПСМ: субституция с применением

формы *мастером* вряд ли возможна по причине несовместимости абстрактной семантики, выраженной такой формой, с ярко выраженной конкретностью семантики маркера *единственный мужчина в доме*.

Ветров ***был пьян***. *Пьян не по-доброму, недолюбливая даже себя в зеркале, потиравшего взмокший затылок. [Дарья Симонова. Призрак декорации (2002)]. Он же* ***был пьяный*** *в дрова, целовал, плакал — на все соглашался! [Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Книга вторая. Примус интер парэс (1998)].* В обоих случаях маркеры конкретизируют состояние опьянения. Варианты с кратким прилагательным выглядят стилистически более высокими, нежели варианты с полным прилагательным. ПСМ: субституция с применением формы *пьяным* вряд ли возможна по причине несовместимости абстрактной семантики, выраженной такой формой, с конкретностью семантики показанных маркеров.

Он трезвый-то ни разу и не приезжал, а я его ***пьяного*** *прямо* ***видеть не могу****… [Василий Шукшин. Калина красная (1973)].* Маркер показывает ситуацию, когда описываемый герой в пьяном виде стоит перед глазами, то есть является конкретным. ПСМ: субституция с применением формы *пьяным* вряд ли возможна по причине несовместимости абстрактной семантики, выраженной такой формой, с конкретностью семантики маркера *прямо видеть не могу*.

Дедуктивно доказательные примеры абстрактной семантики:

Альберт тренировал телохранителей для толстосумов, он ***был мастером*** *спорта,* ***чемпионом*** *по восточным единоборствам. [Лев Корнешов. Газета (2000)].* Маркеры показывают, что мастером и чемпионом Альберт был в тех областях, в которых имеется и много других мастеров и чемпионов. Следовательно, здесь формы *мастером* и *чемпионом* имеют абстрактное значение. ВСМ: субституция с применением форм *мастер* и *чемпион* возможна при условии уникальности Альберта как мастера спорта и чемпиона по восточным единоборствам.

Я не только никогда ***не видел*** *его* ***пьяным****, но могу по совести утверждать, что он просиживал долгие вечера над одним невыпитым бокалом. [П. Г. Курлов. Гибель императорской России (1923)].* Маркеры представляют

собой сравниваемые характеристики не-опьянения, которые свидетельствуют о том, что описываемого героя никогда не видели в пьяном состоянии ни в одной из возможных степеней опьянения. Следовательно, здесь форма *пьяным* имеет абстрактное значение. ПСМ: субституция с применением формы *пьяного* вряд ли возможна по причине несовместимости конкретной семантики, выраженной такой формой, с абстрактностью семантики показанных маркеров.

Имплицитные контексты

Индуктивно допускаемые примеры конкретной семантики:

Дядя Юра во[о]бще ***был мастер*** *золотые руки. [Борис Минаев. Детство Левы (2001)]*. Допущение: у дяди Юры были самые золотые из всех возможных в описываемой ситуации руки, то есть дядя Юра — *мастер* конкретный. Маркеры абстрактного понимания *мастера* отсутствуют.

Сам он не мог вести машину, потому что ***был пьян****. [Алексей Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга», 2009]. Большой паводок поднялся тогда от долгих дождей проливных*; *лоцман* ***был пьяный*** *да неумелый, баржи подвел к самой пристани в Черном Яру. [П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая (1875–1881)]*. Допущение: в обоих различающихся стилистически (см. выше) случаях имеется в виду конкретное состояние опьянения, эмпирически очевидное для авторов этих строк. Маркеры абстрактного понимания состояния опьянения отсутствуют.

— И тут Кладвия мне говорит, — рассказал Серега, когда Зотов его ***пьяного укладывал спать****, чтобы Таня не заметила. [Михаил Анчаров. Как Птица Гаруда (1989)]*. Допущение: имеется в виду конкретное состояние Сереги в момент его укладывания спать. Маркеры абстрактного понимания состояния опьянения Сереги отсутствуют.

Индуктивно допускаемые примеры абстрактной семантики:

Или этот конкретный автомобиль кое-чем отличался от своих собратьев. Или водитель ***был мастером****. «Жигули» даже не забуксовали. [Марианна Баконина. Девять граммов пластита (2000)]*. Допущение: водитель отнесен к абстрактному по своей сути классу мастеров вождения, то есть как мастер этот

водитель абстрактен. Маркеры конкретного понимания *мастера* отсутствуют.

Не первый раз Клим ***видел*** *его* ***пьяным****…[Максим Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 2 (1928)]*. Допущение: Клим видел его не раз именно в таком, а возможно и не совсем таком, состоянии. Следовательно, это может быть обобщенное, или абстрактное, представление о периодически пьяном знакомом Самгина. Маркеры конкретного понимания состояния опьянения отсутствуют.

Примечание. Примеры XIX — начала XX вв. часто свидетельствуют о том, что противопоставление конкретности и абстрактности в рассматриваемых случаях только намечалось, в силу чего в примерах этого периода наблюдается контекстное неразличение этих значений при общем преобладании И. и В. Последние с присущим им значением конкретности свидетельствуют о фиксации явления правым полушарием мозга. Такая фиксация закономерно является исторически более ранним явлением, чем его абстрагирование, осуществляемое левым полушарием. Здесь уместно вспомнить данные А. Н. Гвоздева о том, что его сыном предикативный И. употреблялся до 6-летнего возраста при полном отсутствии предикативного Т. (см. пункт 2.6.2). Т. с присущим ему значением абстрактности, отражаемым левым мозговым полушарием, в связи с развитием этого полушария и, как следствие, абстрактного мышления в онто- и филогенезе в настоящее время встречается чаще своих семантически конкретных оппонентов. Однако из этого не следует, что обозначающие конкретность И. и В. устаревают, поскольку — пусть и не в такой значительной мере, как раньше, — коммуникативная потребность в выражении этого значения остается, ср. эмоциональное высказывание *Ну ты был ма-а-а-стер!*, чтобы убедиться в том, что форма Т. *ма-а-астер****ом*** в таком контексте невозможна.

Синтаксические варианты двух типов: *стакан чая — стакан чаю* и *выпить чая — выпить чаю*. Конструкции существительных и глаголов с управляемыми ими формами Р. ед. ч. вещественных существительных м. р. на согласный с флексиями *-а(-я)* и *-у(-ю)*

Традиционный аргумент — ПЭВ(ПВ)иОЛО: У-генитив (*чаю*), ранее имевший значение неполного охвата объекта действием (отсюда другое его

название — партитив) [295, 561; 79, 461; 55, 212–214; 65, 201; 175, 28], сейчас повсеместно вытесняется более частотным А-генитивом (*чая*) [448, 102–104; 138, 43, 169–177; 82, 157; 129, 234; 46, 107–108].

Противоречие: Есть конструкции, в которых У-генитив А-генитивом почти не вытесняется, например *выпить чаю, квасу, коньяку*.

Новый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречия): сочетания А-генитива и управляющего им существительного со значением меры имеют значение конкретного, подчеркнутого мерой, количества вещества, а сочетания У-генитива и управляющего им глагола (который может опускаться, ср. *Чаю мне!*) имеют значение абстрактного, без фиксации меры, количества вещества [119, 92–93; 181, 44; 138, 43; 410; 407] (по свидетельству В. А. Плунгяна, партитив имеет значение неопределенного, то есть абстрактного, количества в большинстве языков [377, 178]).

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры конкретной семантики:

Чашку чаю в НКРЯ имеет 180 вхождений, а ***чашку чая*** — 204; ***бутылку коньяку*** — 63, ***бутылку коньяка*** — 132 (дата последнего обращения — 03.01.2015 г.). Маркеры обозначают конкретную меру, которая чаще подчеркивается А-генитивом;

Дедуктивно доказательные примеры абстрактной семантики:

Выпить чаю имеет 107 вхождений, ***выпить чая*** — 5; ***выпил коньяку*** — 12, ***выпил коньяка*** — 0 (дата последнего обращения — 04.01.2015 г.). Наличие маркеров, не имеющих значения меры, что означает также отсутствие маркеров со значением меры, подчеркивает абстрактность количества вещества.

Примечание-1. Поскольку отсутствие маркеров, имеющих или не имеющих значение меры, в контекстах с такими вариантами невозможно, невозможно и представление таких вариантов в имплицитных контекстах.

Примечание-2. У-генитив чаще встречается в речи, в том числе художественной, представителей предшествующего и старшего поколений, например Н. В. Гоголя, И. Ф. Анненского, М. С. Шагинян, В. В. Вересаева,

М. А. Булгакова, Е. Евтушенко, Ю. О. Домбровского, В. Гроссмана. Именно поэтому частотные и потому нередко фразеологически устойчивые сочетания, например *чашка чаю*, сопротивляются описанной тенденции дифференциации.

Примечание-3. Показательно, что, например, у И. С. Тургенева в однотипных контекстах встречаются обе формы: *приглашенье мое выпить со мною* ***чашечку чая*** *[Приложение. Конец (1850–1860)]; допил* ***стакан чаю*** *[Уездный лекарь (1848)]*. Это свидетельство того, что в XIX веке эти формы не различались.

Примечание-4. В речи носителей младшей нормы, людей в возрасте до 25-30 лет, У-генитив встречается редко. Их опросы свидетельствуют о том, что сочетания типа *выпить чая* представляются им совершенно естественными, а сочетания типа *выпить чаю* воспринимаются как архаизмы (см. об этом также [578, 16]). Это обусловливает индуктивное допущение, что в будущем логично отличающийся от обычного родительного принадлежности (А-генитива) У-генитив может из употребления выйти как подчинившейся более простой логике — грамматической аналогии с гораздо более частотным А-генетивом.

Синтаксические варианты типа *выпить чай/воду/молоко — выпить чаю/воды /молока, собрать яблоки — собрать яблок*. Конструкции глаголов с управляемыми ими формами В. и Р. ед. ч. существительных вещественных и мн. ч. существительных, имеющих значение однородной массы

Традиционный аргумент — ПЭВ(ПВ)иОЛО: В. и Р. логично различаются: В. при глаголах с общим значением «брать — давать» означает определенное количество, полный охват объекта действием, а Р. означает неполный охват объекта действием [448, 103; 138, 43; 46, 108].

Противоречие: В. означает полный охват объекта действием, но Р. не имеет значения неполного охвата объекта действием.

Новый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречия): В. при глаголах с общим значением «брать — давать» означает полный охват объекта действием, то есть имеет значение конкретности вещества как предмета, но Р., как и У-генитив (см. предыдущий подпункт), имеет значение

неопределенного, в принятой нами терминологии — абстрактного, количества.

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры конкретной семантики:

А между тем говорил себе, что нужно встать, взять кружку с приготовленным для него чаем, ***выпить чай****... [Юрий Бондарев. Горячий снег (1969)]*. Маркер представляет собой конкретную характеристику чая, в том числе количественную. ПСМ: субституция с применением формы *чаю* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики абстрактного количества, выраженной такой формой, с семантикой конкретности количества у показанного маркера.

Маленькими глотками Савелий ***выпил воду*** *до конца и поставил стакан на пол. [Виктор Доценко. Тридцатого уничтожить! (2000)]*. Маркеры называют конкретное количество воды. ПСМ: субституция с применением формы *воды* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики абстрактного количества, выраженной такой формой, с ярко выраженной семантикой конкретности количества у показанных маркеров.

— Раку, иди ***возьми*** *там свое* ***молоко****... [В. А. Обручев. Земля Санникова (1924)]*. Маркер указывает на конкретность этого молока. ПСМ: субституция с применением формы *молока* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики абстрактного количества, выраженной такой формой, с семантикой конкретности количества у показанного маркера.

— Твоя цель — ***собрать*** *все* ***яблоки*** *и перейти на следующий уровень. [Елена Павлова. вместе мы эту пропасть одолеем! // «Даша», 2004]*. Маркер обозначает конкретное количество яблок. ПСМ: субституция с применением формы *яблок* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики абстрактного количества, выраженной такой формой, с семантикой конкретности количества у показанного маркера.

Дедуктивно доказательные примеры абстрактной семантики:

— Она икнула, Илья дал ей ***выпить чаю*** *из своей чашки, и она послушно глотнула несколько раз, стуча зубами о край чашки. [Татьяна Тронина. Русалка*

для интимных встреч (2004)]. Маркер указывает на абстрактность выпитого количества чая. ПСМ: субституция с применением формы *чай* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики конкретности количества, выраженной такой формой, с семантикой абстрактности количества у маркера *глотнула несколько раз*.

На эти сбережения, которые в сумме дадут около триллиона рублей в год, можно ***купить молока, сметаны****... [А. П. Платонов. Антисексус (1926)]*. Маркер представляет собой информацию об абстрактной сумме, на которую можно купить такое же абстрактное количество молока и сметаны. ПСМ: субституция с применением форм *молоко* и *сметану* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики конкретности количества, выраженной такими формами, с семантикой абстрактности количества у показанного маркера.

Тогда он ***поел яблок*** *вдоволь. [Александр Иличевский. Матисс // «Новый Мир», 2007]*. Маркер представляет собой указание на абстрактно большое количество съеденных яблок. ПСМ: субституция с применением формы *яблоки* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики конкретности количества, выраженной такой формой, с семантикой абстрактности количества у маркера *вдоволь*.

Имплицитные контексты

Индуктивно допускаемые примеры конкретной семантики:

Поджарили *для меня* ***картошку*** *на масле, угостили капустой соленой с луком и маслом приготовленной, дважды за вечер вынудили* ***выпить чай*** *с маслом-хлебом, сахаром. [В. Н. Гельфанд. Дневники 1944–1946 гг. (1944–1946)]*. Допущение: речь идет о конкретных количествах картошки и чая. Маркеры абстрактного понимания количеств картофеля и чая отсутствуют.

Я ввел его в комнату, усадил, дал напиться… Степан машинально сел, машинально ***выпил воду****. [В. В. Вересаев. Воспоминания (1925–1935)]*. Допущение: Степану была предложена конкретная порция воды, которую он полностью выпил. Маркеры абстрактного понимания количества воды отсутствуют.

А дальше шло: ***купить яблоки****, сдать бельё в прачечную, отдать в починку сумку… [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000]*. Допущение: речь идет о конкретном количестве яблок. Маркеры абстрактного понимания количества яблок отсутствуют.

Индуктивно допускаемые примеры абстрактной семантики:

Редакция «Русской речи» — единственная, где ему предлагали сесть и ***выпить чаю****. [Александр Терехов. Бабаев (2003)]*. Допущение: количество чая не ограничивалось, то есть было абстрактным. Маркеры конкретного понимания количества чая отсутствуют.

Идя домой, он ***купил молока, хлеба*** *и* ***жареной картошки*** *и устроил настоящий пир. [Людмила Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996]*. Допущение: количество молока, хлеба и жареной картошки здесь неважно, то есть абстрактно. Маркеры конкретного понимания количеств молока, хлеба и жареного картофеля отсутствуют.

… нужно было ждать станции, чтобы ***купить молока*** *и* ***помидоров****. [Вениамин Каверин. Два капитана (1938–1944)]*. Допущение: количество молока и помидоров здесь неважно, то есть абстрактно. Маркеры конкретного понимания количеств молока и помидоров отсутствуют.

Примечание. О малопредсказуемости дальнейшей судьбы У-генитива (*выпить чаю*) — см. примечание-4 в предыдущем подпункте.

Синтаксические варианты типа *ждать/не ждать/нельзя ждать/не хотят ждать поезд/письмо/сдачу/ваши указания — ждать/не ждать/нельзя ждать/не хотят ждать поезда/письма/сдачи/ваших указаний*. Конструкции глаголов без выражения и с выражением при них отрицания и управляемых ими форм В. и Р. ед. и мн. ч. конкретных неодушевленных существительных

Традиционный аргумент главный — ПЭВ(ПВ)иОЛО: имеется тенденция к логичному вытеснению зависимого В. в отрицательных конструкциях более частотным зависимым Р. [138, 43–47].

Противоречие главное: нечастотный, но коммуникативно востребованный зависимый В. в отрицательных конструкциях не вытесняется Р.

Традиционный аргумент частный-1 — ПЭВ(ПВ)иОЛО: после глаголов, обозначающих стремление к достижению цели, типа *ждать* Р. имеет значение неопределенности (точнее, абстрактности), а В. — определенности (точнее, конкретности) [138, 42–43].

Противоречие частное-1: этот аргумент имеет не частный, а общий, присущий и отрицательным конструкциям, характер.

Традиционный аргумент частный-2 — ПЭВ(ПВ)иОЛО: после типов *не ждать, нельзя ждать, не хотят ждать* Р. подчеркивает отрицание и потому обусловливается наличием в контексте слов, в составе которых имеется отрицательная частица, например *никто, ничто, никакой, ничей, ни один, ни… ни…*, а В. употребляется при ослаблении отрицания зависимыми словами, например *не ждать, нельзя ждать, не хотят ждать* *<u>этот</u>* *поезд* [448, 236–240; 138, 43–47; 129, 392; 46, 290–291].

Противоречие частное-2: описанные единицы важны не как усиливающие или ослабляющие отрицание (см. ниже новый аргумент).

Традиционный аргумент частный-3 — ПЭВ(ПВ)иОЛО: Р. в таких случаях свойствен разговорной речи [138, 43–47].

Противоречие частное-3: Р. в таких случаях свойствен не только разговорной речи.

Новый аргумент общий — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречий): во всех рассмотренных случаях независимо от стилистических характеристик В. имеет значение конкретности, а Р. — абстрактности, поскольку все указанные и другие подобные им уточнители являются маркерами семантики конкретности или абстрактности. В частности, под понятие абстрактности подводятся предлагаемые Е. В. Падучевой для рассматриваемых сочетаний с Р. значения ‘объект не существует’ и ‘объект отсутствует в поле зрения’ (= не существует в поле зрения) [351; 46, 289–292; 401].

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры конкретной семантики:

Сижу на работе один, ***жду*** *<u>заказанный</u>* ***разговор*** *<u>с Москвой</u> и смотрю на*

эту кривую. [Владимир Губарев, Леонид Исаев. Академик Александр Исаев: о чём шумит русский лес? // «Наука и жизнь», 2008]. Маркеры представляют собой конкретную характеристику телефонного разговора. ПСМ: субституция с применением формы *разговора* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики абстрактности, выраженной такой формой, с семантикой конкретности у маркеров *заказанный* и *с Москвой*.

Испанский суд ***не дал разрешение*** *врачам на это. [Лев Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001)]*. Маркер подчеркивает конкретность разрешения. ВСМ: субституция с применением формы *разрешения* возможна при условии отсутствия конкретных характеристик разрешения.

Каждый континент, каждый район со своим рельефом и полезными ископаемыми индивидуальны, неповторимы; ***золото*** *Забайкалья* ***нельзя искать*** *теми же методами, что и древнейшее золото на земле — африканское. [Т. Моисеева. Забайкальское золото ищут снова // «Химия и жизнь», 1966]*. Маркеры указывают на конкретность забайкальского золота. ПСМ: субституция с применением формы *золота* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики абстрактности, выраженной такой формой, с семантикой конкретности у показанных маркеров.

Поскольку все свойства вещества имеются в молекуле, в Марксовом выдуманном человеке имеются все свойства того класса, к которому принадлежит человек, Маркс ***не хочет понять диалектику****: человек выше класса, коллектива, человек — такая частица вещества, которая больше самого вещества, ибо человек есть и вещество и вместилище божественного духа. [Семен Липкин. Записки жильца (1962–1976)]*. Маркер раскрывает содержание упоминаемой здесь диалектики, то есть конкретизирует ее. ПСМ: субституция с применением формы *диалектики* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики абстрактности, выраженной такой формой, с семантикой конкретности у показанного маркера.

Дедуктивно доказательные примеры абстрактной семантики:

Лежу на раскладушке и, подобно своему герою Чонкину (*говорят, писатели*

повторяют судьбы героев), ***жду нападения*** *отовсюду*. *[Владимир Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру (1976)]*. Маркер указывает на возможность нападения с разных сторон, то есть разных нападений, что свидетельствует об абстрактности слова *нападение*. ПСМ: субституция с применением формы *нападение* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики конкретности, выраженной такой формой, с семантикой абстрактности у маркера *отовсюду*.

Звания камер-юнкера и камергера впредь ***не давали*** *никакого* ***чина*** *и считались только отличиями*. *[Ю. Н. Тынянов. Пушкин (1935–1943)]*. Маркер представляет собой кванторную характеристику «отрицание любого, какого бы то ни было», то есть имеет абстрактное значение. ПСМ: субституция с применением формы *чин* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики конкретности, выраженной такой формой, с ярко выраженной семантикой абстрактности у маркера *никакого*.

…советские мастера искусств ***не могут создать*** *ничего* ***первоклассного****… [Юрий Елагин. Укрощение искусств (1952)]*. Маркер представляет собой кванторную характеристику «отрицание всего, что бы то ни было», то есть имеет абстрактное значение. ПСМ: субституция с применением формы *первоклассное* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики конкретности, выраженной такой формой, с ярко выраженной семантикой абстрактности у маркера *ничего*.

Обыватель захватывает все права и ***не хочет знать*** ***никаких обязанностей***. *[П. А. Сорокин. Заметки социолога. Об обывателе и обывательщине // «Воля народа», 1917]*. Маркер подчеркивает, что обыватель избегает любых обязанностей, которые, таким образом, понимаются абстрактно. ПСМ: субституция с применением формы *обязанности* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики конкретности, выраженной такой формой, с ярко выраженной семантикой абстрактности у маркера *никаких*.

Имплицитные контексты

Индуктивно допускаемые примеры конкретной семантики:

А кто нагадал свадьбу, пусть ***ждёт*** *зимнюю свадебную* ***пору****. [Тверской Иван Купала // «Народное творчество», 2004]. [В. Н. Гельфанд. Дневники 1944–1946 гг. (1944–1946)].* Допущение: для говорящего зимняя свадебная пора — время конкретное. Маркеры абстрактного понимания *поры* отсутствуют.

Сначала Спивакова долго не выпускали на фестиваль, ***не давали визу****. [Сати Спивакова. Не всё (2002)].* Допущение: имеется в виду конкретный документ. Маркеры абстрактного понимания *визы* отсутствуют.

Они попадают в долговую зависимость от финансистов немногих промышленно развитых стран и ***не могут создать*** *достойные* ***условия*** *существования. [Основы социальной концепции Русской православной церкви // «Альфа и Омега», 2000].* Допущение: речь идет о хорошо представляемых, то есть конкретных, условиях. Маркеры абстрактного понимания *условий* отсутствуют.

Я не хотела в этом участвовать. Я ***не хочу знать подробности*** *криминала. Я шепчусь с мальчишками. [Галина Щербакова. Моление о Еве (2000)].* Допущение: речь идет о конкретных проявлениях криминала. Маркеры абстрактного его понимания отсутствуют.

Индуктивно допускаемые примеры абстрактной семантики:

Одновременно идёт работа над компакт-диском. ***Жду*** *его* ***выхода*** *с нетерпением. [Родион Щедрин: «Даже самый очарованный странник всегда стремится в Россию» (2002) // «Культура», 2002.03.25].* Допущение: событие «выход компакт-диска» для говорящего не является представляемым в подробностях, то есть это событие абстрактно. Маркеры конкретного понимания *выхода* отсутствуют.

А все потому, что капитан Феодосийского порта прогнал Столярова, ***не дал разрешения*** *на стоянку, взбешенный самой идеей одиночных кругосветок… [Александр Иличевский. Перс (2009)].* Допущение: речь идет о разрешении в принципе, не имеющем строго определенной формы, то есть о разрешении абстрактном. Маркеры конкретного понимания *разрешения* отсутствуют.

Но я никогда ***не прошу*** *с родственников* ***денег*** *за реанимацию вперед. За реанимацию* ***нельзя просить денег****, это… — Святое*? *[Валерий Панюшкин.*

Склиф (1997) // «Столица», 1997.05.27]. Допущение: говорящий имеет в виду не конкретную сумму, а деньги в общем, то есть понимает деньги абстрактно. Маркеры конкретного понимания *денег* отсутствуют.

Не знаю и ***не хочу знать перипетий*** *их личных отношений, знаю и видел воочию, какими бывали рядом и как ценили друг друга два любимых поэта и как выделяли особым почтением третьего из них — Бориса Слуцкого. [Вениамин Смехов. Театр моей памяти (2001)]*. Допущение: речь идет о любых возможных перипетиях этих личных отношений, то есть *перипетии* здесь понимаются абстрактно. Маркеры конкретного понимания *перипетий* отсутствуют.

Примечание. Наблюдения над контекстами НКРЯ показывают, что в нем преобладают примеры абстрактной семантики, что объясняется постепенно сформировавшейся коммуникативной потребностью абстрактно мыслящих носителей языка в выражении такой семантики. Тем не менее потребность в различении конкретного и абстрактного тоже можно считать вполне прогрессирующей, ибо только не позже XIX века часто встречается не ориентированное на различение конкретного и абстрактного употребление Р. после отрицания даже при наличии маркеров конкретности: *Отчего же они* ***не могут создать*** *<u>своей самостоятельной агрономической</u>* ***науки****? [А. Н. Энгельгардт. Письма из деревни (1872–1887 гг.). Письмо первое (1878)]*. Такое «бездумное» употребление Р. после отрицания подтверждается и относящимися к тому же времени примерами Р. одушевленных существительных ж. р.: ***Не увидеть Анеты*** *я не мог… [А. И. Герцен. Сорока-воровка (1846)]*. Сегодня такой Р. невозможен (о нем как о «пережитке» сообщает и Е. В. Падучева [351, 31]).

Синтаксические варианты двух типов: *документы не сохранились — документов не сохранилось* и *исключения не предусмотрены — исключений не предусмотрено*. Личная с И. подлежащего и безличная с Р. дополнения отрицательные конструкции со спрягаемой формой глагола или кратким страдательным причастием

Традиционный аргумент-1 — ПЭВ(ПВ)безЛО: в таких отрицательных

конструкциях именительный падеж имеет значение конкретности [138, 54–58].

Противоречие-1: значение Р. как члена вариантной оппозиции и, как следствие, логика межвариантного различия объяснений не имеют.

Традиционный аргумент-2 — ПЭВ(ПВ)иОЛО: Р. обусловливается наличием в контексте слов *ни один, никакой*, а И. употребляется в случае, если имеются зависимые слова (*слабый* ***шум не доносился***) [138, 56–57] (тот же аргумент можно видеть в предыдущем подпункте).

Противоречие-2: упомянутые слова важны не сами по себе, а как маркеры той или иной семантики (см. новый аргумент).

Новый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречий): в таких случаях И. имеет значение конкретности, но с уточнением: значение конкретности активного субъекта, — в то время как Р. выражает значение абстрактности пассивного субъекта (о причине использования термина «пассивный субъект» — см. в примечании-1). Как показано и в предыдущем подпункте, под понятие абстрактности подводятся предлагаемые Е. В. Падучевой для рассматриваемых сочетаний с Р. значения «несуществования» и «наблюдаемого отсутствия» (= наблюдаемого несуществования) [353; 352; 523; 401].

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры конкретной семантики:

…служба в монастыре проходит в церкви Мартиниана, где ***росписи*** *практически* ***не сохранились*** (*кроме крохотного фрагмента*)*… [Ольга Кабанова. Испытание фресками. Ферапонтовский музей в канун юбилея (2002) // «Известия», 2002.08.05]*. Маркеры представляют собой характеристики, указывающие на конкретность росписей. ВСМ: субституция с применением форм *росписей* и *не сохранилось* возможна при условии абстрактного понимания росписей, которое может быть подчеркнуто маркерами типа *никаких*.

На бумагу ложатся именно те ***слова, которые не находились****. [Григорий Фукс. Двое в барабане // «Звезда», 2003]*. Маркер — указатель конкретности слов. ПСМ: субституция с применением форм *слов* и *не находилось* вряд ли возможна

по причине несовместимости абстрактной семантики, выраженной такими формами, с ярко выраженной конкретностью семантики показанного маркера.

Маркировка предупреждает потребителя о том, что пока ***не получены*** *окончательные* ***доказательства*** *безопасности данного конкретного продукта… [коллективный. Генетически модифицированные организмы: наука и жизнь // «Наука и жизнь», 2008].* Маркеры представляют собой характеристики конкретности доказательств. ВСМ: субституция с применением форм *доказательств* и *не получено* возможна при условии абстрактного понимания *окончательных доказательств безопасности данного конкретного продукта*, которое может быть подчеркнуто маркером типа *никаких*.

Но как бы то ни было, ***нормативные документы****, необходимые для налаживания связи отдельных удостоверяющих центров через государственный орган,* ***пока не приняты****. [Владислав Кулаков. Нотариусы электронной коммерции // «Computerworld», 2004].* Маркер — характеристика конкретности документов. ВСМ: субституция с применением форм *нормативных документов* и *не принято* возможна при условии абстрактного понимания описанных *нормативных документов*, которое может быть подчеркнуто маркером типа *никаких*.

Дедуктивно доказательные примеры абстрактной семантики:

…никаких ***картинок****, никаких* ***изображений*** *от этого пребывания* ***не сохранилось*** *в памяти. [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000].* Повторяющийся маркер представляет собой отрицательный квантор общности, то есть имеет абстрактное значение и указывает на абстрактность картинок и изображений. ПСМ: субституция с применением форм *картинки, изображения* и *не сохранились* вряд ли возможна по причине несовместимости конкретной семантики, выраженной такими формами, с ярко выраженной абстрактностью семантики маркера *никаких*.

Во время выездных сессий окружных судов в отдалённых уездах нередко приходилось прибегать к повторной жеребьёвке, поскольку из 12 членов жюри ***не находилось*** *ни* ***одного****, кого можно было бы назначить старшиной присяжных,*

который по закону должен быть грамотным. [Александр Афанасьев. Суд присяжных в России // «Отечественные записки», 2003]. Маркер подчеркивает кванторную всеобщность некачественности потенциальных старшин присяжных, то есть их абстрактность. ПСМ: субституция с применением форм *ни один* и *не находился* вряд ли возможна по причине несовместимости конкретной семантики, выраженной такими формами, с ярко выраженной абстрактностью семантики маркера *ни*.

В текущем году ***не выделено*** *ни* ***копейки****. [Ирина Кравцова. Безопасные условия проживания никто не гарантирует (2003) // «Петербургский Час пик», 2003.09.03].* Маркер представляет собой кванторную характеристику отрицания какого бы то ни было наличия денег, то есть имеет абстрактное значение. ПСМ: субституция с применением форм *ни одна копейка* и *не выделена* вряд ли возможна по причине несовместимости конкретной семантики, выраженной такими формами, с ярко выраженной абстрактностью семантики маркера *ни*.

…Представитель Кувейта заявил, что пока ***не принято*** *никаких* ***решений*** *о судьбе террористов… [Вадим Сидур. Памятник современному состоянию (1973–1974)].* Маркер — отрицательный квантор общности, свидетельствующий об абстрактности решений. ПСМ: субституция с применением форм *решения* и *не приняты* вряд ли возможна по причине несовместимости конкретной семантики, выраженной такими формами, с ярко выраженной абстрактностью семантики маркера *никаких*.

Имплицитные контексты

Индуктивно допускаемые примеры конкретной семантики:

К сожалению, ни ***фотографии****, ни* ***чертежи*** *быстрого селектора* ***не сохранились****. [В. В. Шилов. Ванневар Буш (2004) // «Информационные технологии», 2004.11.29].* Допущение: имеются в виду не хоть какие-нибудь, а конкретные фотографии и чертежи быстрого селектора. Маркеры абстрактного их понимания отсутствуют.

…и не мучило разъедающее угрызение совести, что бывало дома в пустые дни, когда ***не находились точные фразы*** *на измаранном листе бумаги. [Юрий*

Бондарев. Берег (1975)]. Допущение: речь идет о конкретных точных фразах (признак точности не гарантирует конкретности: возможны какие угодно точные фразы). Маркеры абстрактного понимания *фраз* отсутствуют.

Штраф *за неправильное решение* ***не предусмотрен****… [Георгий Евсеев. Наш спорт (2004) // «64 — Шахматное обозрение», 2004.10.15]*. Допущение: имеется в виду штраф за такое решение не какой-нибудь из возможных, а конкретный.

Объяснения *между ними были* ***не приняты****, да и обсуждать интимные стороны жизни они не умели и не хотели. [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000]*. Допущение: речь идет о конкретных объяснениях. Маркеры абстрактного понимания *объяснений* отсутствуют.

Индуктивно допускаемые примеры абстрактной семантики:

Впрочем, и парижскую историю оспаривают эрудиты, ибо прямых письменных ***актов не сохранилось****. [Эдуард Лимонов. У нас была Великая Эпоха (1987)]*. Допущение: не сохранилось никаких прямых письменных актов, которые в таком случае понимаются абстрактно. Маркеры конкретного понимания *объяснений* отсутствуют.

И он думал, напрягал мозг, а ***выхода не находилось****. [Василь Быков. Бедные люди (1998)]*. Допущение: речь идет о каком угодно выходе, который в таком случае понимается абстрактно. Маркеры конкретного понимания *выхода* отсутствуют.

Все здания, в которых располагаются военкоматы, нуждаются в ремонте, ***денег*** *на который из областного бюджета в этом году* ***не выделено****. [Сергей Кужилин. Военкоматы выполняют 35 задач (2002) // «Дело» (Самара), 2002.04.18]*. Допущение: речь идет о любой сумме денег, то есть о деньгах абстрактных. Маркеры конкретного понимания *денег* отсутствуют.

Это решать Черномырдину и нам всем, пока ***такого решения не принято****. [Владимир Рыжков, Дмитрий Камышев. Владимир Рыжков: никто ничего не будет экономить // «Коммерсантъ-Власть», 1999]*. Допущение: речь идет о

любом решении такого рода, то есть решении абстрактном. Указательное местоименное прилагательное *такой* не обеспечивает конкретность решения, когда речь идет о разных видах последнего. Другие реальные и потенциальные маркеры конкретного понимания *решения* в данном случае отсутствуют.

Примечание-1. Форма Р. существительного в безличной конструкции является субъектной, однако не такой активной, как форма И. при непереходном глаголе. По причине отсутствия активности агенса в безличных конструкциях мы называем форму Р. в таких конструкциях не «генитивным субъектом», как это принято (см., например, [353; 352, 351]), а выраженным формой Р. «пассивным субъектом».

Примечание-2. С рассматриваемой в настоящем подпункте проблемой связана еще одна, интересующая лингвистов достаточно давно. Это проблема установления разрешений и запретов на употребление описанной выше отрицательной безличной конструкции с генитивом (подробнее об этом, в том числе библиографию по данному вопросу, — см. в статье Е. В. Падучевой [352]). Проанализированная выше вариантность этой генитивной конструкции и конструкции номинативной для исследователей данной проблематики не является главной — см., например, фрагмент: «…узус допускает вариативность; в современном языке происходит экспансия номинатива, который часто вытесняет семантически законный генитив: (1.2) а. *Договоренность* не достигнута ≈ *Договоренности* не достигнуто; (1.3) а. *Приказ* не отдан ≈ *Приказа* не отдано» [352, 88]. В настоящем подпункте нами было показано, что различие между такими вариантами не «допускается узусом», а коммуникативно востребовано носителями языка как семантическое противопоставление конкретности и абстрактности. Кроме того, вряд ли правомерно говорить об «экспансии номинатива», часто вытесняющего генитив, именно в современном русском языке, в котором, по собранным Т. Б. Радбилем в достаточном количестве сведениям, напротив, наблюдается «экспансия безличности», являющаяся прямым показателем отсутствия активности агенса [438, 322–323] (см. об этом также пункты 4.3.4 и 4.7.2).

Синтаксические варианты типа *пропустил урок из-за болезни — пропустил урок по болезни*. Конструкции с формами существительных Р. ед. ч., управляемыми предлогом *из-за*, и Д. ед. ч., управляемыми предлогом *по*, в значении внутренней причины

Традиционный аргумент — ПЭВ(ПВ)иОЛО: формы существительных Р. ед. ч., управляемые предлогом *из-за*, и Д. ед. ч., управляемые предлогом *по*, различаются значениями более четкого указания внутренней причины и менее четкого указания такой причины за счет более четкого указания повода или основания [138, 67–68].

Противоречие: согласно данным толковых словарей основание есть причина, объясняющая поведение, поступки и т. п., а повод есть случай, являющийся основанием чего-либо, поэтому можно считать, что *причина*, *основание* и *повод* — синонимы, имеющие различия, недостаточные для объяснения семантического отличия *по болезни* от *из-за болезни*: понятие внутренней причины неясно противопоставлено понятиям повода или основания, поскольку значения *по болезни* и *из-за болезни* могут толковаться с использованием слов *причина, повод, основание*.

Новый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречия): в значении внутренней причины формы существительных Р. ед. ч., управляемые предлогом *из-за*, и Д. ед. ч., управляемые предлогом *по*, различаются значениями конкретности (ср. с «более четким указанием» в традиционном аргументе) и абстрактности (ср. там же с «менее четким указанием») внутренней причины.

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры семантики конкретности внутренней причины:

Но оба раза он вынужден был вернуться на родину: *в первый раз из-за бури, а во второй —* ***из-за болезни*** *глаз. [Анна Егорова. Франциск Ассизский // «Пятое измерение», 2003]*. Маркер представляет собой информацию, конкретизирующую болезнь как причину возвращения на родину во второй раз. ПСМ: субституция с применением формы *по болезни* вряд ли возможна по причине несовместимости

семантики абстрактности внутренней причины, выражаемой такой формой, с конкретностью семантики внутренней причины у маркера *глаз*.

Резкий сбой почерка и чернил я обнаружил только на 38-м листе, где ***из-за ошибки*** *в расположении рисунков пришлось вырезать 4/5 листа уже готового текста, и новый текст между новых рисунков был написан самим художником. [Андрей Никитин. Поиски и находки: Тайны Радзивиловской летописи // «Знание — сила», 2003]*. Маркер представляет собой информацию, конкретизирующую ошибку художника как причину вырезания 4/5 листа. ПСМ: субституция с применением формы *по ошибке* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики абстрактности внутренней причины, выражаемой такой формой, с конкретностью семантики внутренней причины у маркера *в расположении рисунков*.

В Германии некачественный аудит подразделяют на две группы: произошедший ***из-за небрежности*** *аудитора в работе; возникший вследствие преднамеренных с его стороны правонарушений. [Европейский форум бухгалтеров (2003) // «Бухгалтерский учёт», 2003.06.16]*. Маркер конкретизирует небрежность аудитора. ПСМ: субституция с применением формы *по небрежности* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики абстрактности внутренней причины, выражаемой такой формой, с конкретностью семантики внутренней причины у маркера *аудитора в работе*.

Дедуктивно доказательные примеры семантики абстрактности внутренней причины:

Ах, он брал отпуск ***по болезни****, у него что-то с желудком, гастриты, язвы? [Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970)]*. Маркер позволяет понять, что конкретная болезнь говорящему неизвестна. Следовательно, причина отпуска выражается абстрактно. ВСМ: субституция с применением формы *из-за болезни* возможна при условии конкретизации упомянутой *болезни*.

Так, ***по ошибке*** *родился,* ***по ошибке*** *жил — всё* ***по ошибке****. [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001]*. Маркеры позволяют понять, что ошибка как причина «всего» намеренно не

конкретизируется, то есть абстрактна. ПСМ: субституция с применением формы *из-за ошибки* вряд ли возможна по причине несовместимости конкретности внутренней причины, выражаемой такой формой, с невыраженностью конкретности, то есть абстрактностью, такой причины у показанных маркеров.

Нет, не сохранил не только в силу каких-то причин, но и ***по небрежности***, ***по дикости***, *да, да,* ***по нецивилизованности***. *[Виктор Розов. Удивление перед жизнью (1960–2000)]*. Маркер представляет собой абстрактное по своему содержанию, включающее лексическое выражение квантора общности, соотносительное противопоставление указанным *небрежности*, *дикости* и *нецивилизованности*, которые в таком случае, будучи сопоставленными с абстрактным показателем *каких-то причин*, тоже понимаются абстрактно. ВСМ: субституция с применением форм *из-за небрежности*, *из-за дикости*, *из-за нецивилизованности* возможна при условии конкретизации таких *небрежности*, *дикости* и *нецивилизованности*.

Имплицитные контексты

Индуктивно допускаемые примеры семантики конкретности внутренней причины:

Тем более что, поскольку он ***из-за болезни*** *большую часть времени проводит дома, у него остаётся всё меньше и меньше школьных друзей, если они вообще имелись. [Алевтина Луговская. Если ребенок боится ходить в школу (2002)]*. Допущение: речь идет о конкретной болезни ребенка как конкретной причине его проблем. Маркеры абстрактного понимания *болезни* отсутствуют.

Какое же право имели вы ***из-за ошибки*** *так испугать нас? [С. А. Савинкова. Годы скорби // «Былое», 1906]*. Допущение: речь идет о конкретной ошибке как конкретной причине описанного испуга. Маркеры абстрактного понимания *ошибки* отсутствуют.

Дорога, большей частью мощеная и проложенная еще испанцами в величественном стиле, ***из-за небрежности*** *или умышленно построена таким образом, что даже при езде шагом страшно трясет. [Ф. П. Врангель. Дневник путешествия из Ситхи в Санкт-Петербург через Мексику (13 октября 1835 г. —*

22 мая 1836 г.) (1836)]. Допущение: речь идет о конкретной небрежности как причине того, что дорога построена именно так. Маркеры абстрактного понимания *небрежности* отсутствуют.

Индуктивно допускаемые примеры семантики абстрактности внутренней причины:

Освобождённого от работы ***по болезни*** *никто не может заставить работать... [В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961)]*. Допущение: болезнь не конкретизирована, то есть болезнь как причина невозможности заставить работать абстрактна. Маркеры конкретного понимания *болезни* отсутствуют.

Кто-то их ***по ошибке*** *положил не на тот стол. [Андрей Геласимов. Рахиль (2004) // «Октябрь», 2003]*. Допущение: речь идет об ошибке без конкретизации, из чего следует, что ошибка как причина помещения «их» не на тот стол абстрактна. Маркеры конкретного понимания *ошибки* отсутствуют.

Большинство советских жертв погибли как классовые противники режима, причем погибли они, как правило, не ***по злому умыслу****, а* «***по халатности***» *или* «***по небрежности***» *— Москве было попросту наплевать на то, что миллионы крестьян голодают на спецпоселении. [Хайнс-Хайнрих Хольте, Павел Полян. Гитлер и Сталин: с кем же жить лучше, с кем веселей? (2003) // «Неприкосновенный запас», 2003.07.16]*. Допущение: речь идет о злом умысле, халатности и небрежности как об абстрактных причинах гибели большинства советских жертв. Маркеры конкретного понимания *злого умысла, халатности* и *небрежности* в данном случае отсутствуют.

Примечание-1. Обращает на себя внимание тот факт, что существительные, которые в сочетаниях с предлогом *по* имеют значение абстрактности внутренней причины, с аксиологической точки зрения, чаще всего являются отрицательно-оценочными. При ПВ можно увидеть исключение из этой закономерности в случае с конструкциями *по доброте* (чаще всего *душевной*) и *по молодости*, однако АДВ контекстных показателей позволяет понять, что данные конструкции часто употребляются соответственно для упрека в ненужной

доброте или рядом с характеристикой отрицательных последствий молодости, то есть в конечном счете тоже имеют отрицательную оценку, ср. *...они могли,* ***по доброте*** *душевной, разболтать новость, феерическую по масштабам. [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998]* или *Когда я* ***по молодости*** *вздумал заняться фотоискусством, Тамаре хватило года, чтобы убедить меня в моей бездарности. [Олег Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008)]*. Иногда, впрочем, эти конструкции встречаются как устойчивые (фразеологизированные) сочетания без отрицательной коннотации, ср. *...я думала, люди это* ***по доброте душевной*** *делают, а не за «спасибо» [Кошки форева! (2008)]; Поэтому я тоже попытался рисовать, но из этого, конечно, ничего не получилось, хотя Володя* ***по доброте своей*** *усердно мне помогал. [Александр Городницкий. «И жить еще надежде» (2001)]; Ладный Серёга с вполне себе пристойной пока* ***по молодости*** *фигурой… [Татьяна Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)]*. Очевидно, преобладание указанной выше отрицательной оценочности можно объяснить преобладанием такой оценочности при обозначении причины в целом: потребность говорить о причине возникает в основном в случае констатации чего-то негативного — с целью гносеологически важного преодоления негатива, в то время как о причинах позитивности, в зоне которой, как известно (и об этом говорилось в подразделе 1.1), пребывает и аксиологическое понятие нормы [616, 10–11; 24, 12; 17, XXXVI–XXXVII], потребности говорить нет.

Примечание-2. В контекстах XIX и начала XX века рассматриваемые сочетания с предлогом *по* часто употребляются в значении конкретной внутренней причины в сопровождении соответствующих маркеров, например *Но и он не обратил внимания на весть о солдатчине, хотя это сделал единственно* ***по безалаберности*** *своего характера. [Н. Г. Помяловский. Очерки бурсы (1862)]; …женщины ежеминутно вскакивали, спохватываясь о вещах, которые,* ***по безалаберности*** *их жизни, находились в разных углах... [А. С. Грин. Джесси и Моргиана (1928)]*. Невозможность таких сочетаний в современном узусе объясняется тем, что современные носители языка такие сочетания с предлогом

по, неосознанно противопоставляя семантически конкретным сочетаниям с предогом *из-за*, употребляют как семантически абстрактные.

Примечание-3. Эти же отрицательно оценочные сочетания с предлогом *по*, имеющие значение абстрактности внутренней причины, как отмечено В. А. Ицковичем [138, 67], сравнительно немногочисленны, например возможны *по близорукости, по злобе*, но невозможны **по страху, *по грипну, *по аппендициту*. Это свидетельствует не только об избирательном закреплении устойчивости подобных конструкций в абстрактом значении (ср. невозможность **по страху*), но и о том, что в этом значении логично закрепляются слова прежде всего с абстрактной семантикой. Именно поэтому возможно абстрактное *по болезни* (неважно, какой), но невозможны конкретные **по грипну, *по аппендициту, *по головной боли, *по кашлю, *по радикулиту* и т. п. Понятно, что такие конкретные обозначения причины употребляются только с предлогом *из-за* и не нуждаются в конкретизирующих, в данном случае — семантически избыточных, маркерах (см. об этом также [387; 413]).

4.1.2. Центр рода. Вид: диспозитивные грамматические антонимы, различающиеся как показатели партитивности и цельности

Значения чего-либо количественного, воспринимаемого состоящим из частей или цельным, коммуникативно востребованы. Этой востребованностью цельное восприятие отличается от описанного в пункте 2.6.1 синкретичного восприятия, являющегося негативным фактором познавательной деятельности. Потребность в значении цельности количества людей и животных реализована даже в специальном классе существительных с собирательными значениями, например *народ, коллектив, табун, стая*, которые к концу XVII века стали координироваться (согласовываться) со сказуемым в форме ед. ч., что в свою очередь знаменовало утверждение более высокого уровня грамматического абстрагирования, чем это было в случаях употребления форм мн. ч. глагола в сочетаниях с собирательными существительными и до сих пор сохраняется в диалектах [158, 138–144; 577, 152]. Среди грамматических вариантов наблюдаются три подвида, выражающих оба эти значения. При этом в процессе

познания действительности — с расширением границ познанного — происходит преодоление первоначальных ограничений, но пока лишь в сфере одушевленности. Очевидно, такая избирательность объяснима динамичностью объектов восприятия, называемых одушевленными именами. Динамичность заметнее статичности. Динамичные объекты быстрее статичных воспринимаются то партитивными, то цельными (о рассматриваемых здесь грамматических вариантах см. также [388]).

Морфологические варианты двух типов: *три подруги, пять зайцев — трое подруг, пятеро зайцев*. Количественные и собирательные числительные при обозначении количества лиц женского пола и количества животных

Традиционный аргумент-1 — аргумент к традиции без ЛО: собирательные числительные недопустимы при одушевленных существительных ж. р. и названиях взрослых животных [448, 139–140; 129, 262–264; 46, 190–195] (о долгом существовании такого предписания — см. [138, 357]).

Противоречие-1а: при указанных словах собирательные числительные возможны всё чаще.

Противоречие-1б: отсутствует объяснение отмеченной избирательности.

Традиционный аргумент-2 — ПЭВ(АДВ)безЛО: собирательные числительные при одушевленных существительных ж. р. и названиях животных наблюдаются всё чаще [138, 357–358].

Противоречие-2: описано узуальное несоответствие традиционному аргументу-1, однако отсутствует объяснение этого несоответствия.

Новый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречий): собирательные числительные при одушевленных существительных ж. р. и названиях животных наблюдаются всё чаще потому, что с расширением восприятия, а следовательно и знаний (познанного), характеристики рода и принадлежности к животному миру не являются достаточными основаниями для невосприятия каких-либо количеств людей и животных цельными или партитивными. Однако нельзя не заметить, что семантика цельности конструкций с собирательными числительными не поддерживается формами ед. ч. в

сочетаниях с адъективами и глаголами, которые имеют в таких случаях формы мн. ч., например *Трое неразлучных подруг любят читать*. Данный факт позволяет говорить о семантике лишь относительной цельности конструкций с собирательными числительными.

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры партитивной семантики:

*Однажды, под вечер, **три подруги** гуляли в саду*: *Лодка с Розкой ходили по дорожкам между кустов одичавшей малины, а Паша, забравшись в кусты и собирая уцелевшие ягоды, громко грызла огурец. [Максим Горький. Городок Окуров (1909)].* Маркер представляет собой информацию о воспринимаемых действиях каждой из подруг, а значит, и о партитивности их количества. ПСМ: субституция с применением собирательной формы *трое* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики цельности, выраженной такой формой, с семантикой партитивности показанного маркера.

*Актриса Терентьева пригласила его танцевать, потом еще кто-то — **пять женщин** с ним танцевали. [Лидия Смирнова. Моя любовь (1997)].* Маркер свидетельствует об очередности приглашения героя произведения разными женщинами, количество которых, таким образом, воспринимается партитивно. ПСМ: субституция с применением собирательной формы *пятеро* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики цельности, выраженной такой формой, с семантикой партитивности показанного маркера.

*Но больше мне подходило полотно, где **два лебедя** плывут по голубому озеру навстречу друг другу. [Людмила Гурченко. Аплодисменты (1994–2003)].* Маркеры, обозначающие движение лебедей на встречных курсах, подчеркивают партитивность этого количества лебедей. ПСМ: субституция с применением собирательной формы *двое* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики цельности, выраженной такой формой, с семантикой партитивности показанного маркера.

*Отец, рассказывал он, собрал с окрестных деревень **девять медвежат**, где выкупив их, где выпросив. [В. Орлов. Неведомые тропы. Дядька тверских*

медвежат // «Вокруг света», 1994]. Маркеры свидетельствуют о поочередном собирании медвежат, количество которых в таком случае воспринимается партитивно. ПСМ: субституция с применением собирательной формы *девятерых* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики цельности, выраженной такой формой, с семантикой партитивности показанных маркеров.

Дедуктивно доказательные примеры относительно цельной семантики:

Он замучил наших девушек принципиальным отрицанием каждого мало-мальски красивого платьица, которое им удавалось купить вскладчину — одно на ***четверых обитательниц*** *комнаты общежития, и уверял, что красиво только то, что необходимо и полезно. [Л. А. Кассиль. Дело вкуса (1964)]*. Маркеры указывают на количество обитательниц как на одно целое. ПСМ: такая субституция с применением количественной формы *четырех* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики партитивности, выраженной такой формой, с семантикой цельности показанных маркеров.

У мамы было ***пятеро сестер****... [Наталья Бестемьянова и др. Пара, в которой трое (2000–2001)]*. Маркер подчеркивает факт существования сестер как одного целого. ВСМ: субституция с применением количественной формы *пять* возможна при условии партитивности количества сестер, подкрепленной соответствующим маркером, например *которые по очереди ее навещали*.

Она все вытерпела, чтобы спасти своих братьев, ***семерых диких лебедей****. [Юрий Вяземский. Про девочку Настю и злую Невидимку (1986)]*. Маркер представляет собой признак, по которому лебеди объединены в одно целое. ПСМ: субституция с применением количественной формы *семь* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики партитивности, выраженной такой формой, с семантикой цельности маркера *спасти своих братьев*, ведь такое спасение распространяется на всех братьев.

В контракте говорилось, что Главное управление государственными цирками СССР приобретает для артиста Запашного В. М. ***пятерых тигров****, прошедших первичную обработку. [Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь*

(1998–2004)]. Маркеры подчеркивают факт приобретения для одного артиста тигров, объединенных по признаку прохождения ими первичной обработки, что свидетельствует о цельном восприятии их количества. ВСМ: субституция с применением количественной формы *пять* возможна при условии восприятия партитивности этих тигров, например в случае поочередного их приобретения и поочередной первичной обработки.

Имплицитные контексты

Индуктивно допускаемые примеры партитивной семантики:

Яна пригласила ***двух подруг*** *из прежней жизни и отца с матерью. [Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010]*. Допущение: подруги приглашены по очереди, то есть их количество воспринимается партитивно. Маркеры цельного понимания количества подруг в данном случае отсутствуют.

Меня ввели в камеру, где сидели ***четыре женщины****. [О. Л. Адамова-Слиозберг. Путь (1948–1960)]*. Допущение: женщины восприняты партитивно. Маркеры цельного понимания количества женщин отсутствуют.

Перед домом был большой луг, спускавшийся до озера, и на озере всегда плавали ***два лебедя****. [А. В. Левицкая. Воспоминания (1943)]*. Допущение: эти лебеди воспринимались не как одно целое, то есть партитивно. Маркеры цельного восприятия количества лебедей в данном случае отсутствуют.

У подножия лестницы гостей встречали чучела медведицы и ***трех медвежат*** (*убитых в окрестностях замка*) *с подносами для дарений. [Михаил Песин. Замок Шереметева (2002) // «Биржа плюс свой дом» (Н. Новгород), 2002.08.12]*. Допущение: медвежата восприняты партитивно. Маркеры цельного восприятия количества медвежат в данном случае отсутствуют.

Индуктивно допускаемые примеры относительно цельной семантики:

Все три ***модели*** *были в белых сабо, и* ***двоим*** *эти самые сабо были катастрофически малы. [Елизавета Козырева. Дамская охота (2001)]*. Допущение: речь идет о восприятии двух из этих трех моделей как одного целого. Маркеры партитивного восприятия этих двух моделей отсутствуют.

И недаром: *в прошлом году еще* ***четверо девушек*** *из ее бригады получили*

полное среднее образование… [Н. Дьяченко. Всеобщее обязательное среднее // «Человек и закон», 1979]. Допущение: девушки восприняты как одно целое. Маркеры партитивного восприятия количества девушек отсутствуют.

А Пиюся сумел из травы искалечить пулями ноги ***двоим лошадям****, и они пали позади отряда… [А. П. Платонов. Чевенгур (1929)]*. Допущение: эти лошади восприняты как одно целое, противопоставленное тем, кто не пал. Маркеры партитивного восприятия количества лошадей в данном случае отсутствуют.

У меня была медведица-жена и ***трое медвежат****, ласковых и игривых. [Л. А. Чарская. Фея в медвежьей берлоге (1912)]*. Допущение: медвежата восприняты как одно целое. Маркеры партитивного восприятия количества медвежат в данном случае отсутствуют.

Синтаксические варианты типа *ряд/большинство/несколько/сто/более ста/около тысячи сотрудников курят — ряд/большинство/несколько/сто/более ста/около тысячи сотрудников курит*.

Формы мн. и ед. ч. сказуемого при подлежащем, выраженном количественно-именным сочетанием

Традиционный аргумент (как объединение множества частных аргументов) — ПЭВ(ПВ)иОЛО: ед. ч. сказуемого возможно благодаря: ед. ч. слов *ряд, большинство*, пассивности подлежащего или сказуемого, близости сказуемого к подлежащему, препозиции сказуемого, совместности действия подлежащих, указанию сказуемым на факт наличия, существования, стремлению обратить внимание на количество, названное в подлежащем, а также книжности; мн. ч. сказуемого возможно благодаря: наличию при словах *ряд, большинство* постпозитивного определительного оборота с главным словом — причастием или прилагательным, а также однородных зависимых существительных в форме мн. ч., удаленности сказуемого от подлежащего, активности подлежащего или сказуемого, раздельности действий подлежащих, выражению сказуемого кратким прилагательным, постпозиции подлежащего, а также разговорности [119, 223–226; 448, 196–200; 138, 33–39; 129, 374–377; 497, 191–193; 46, 237–246].

Противоречие (обобщение): указанные факторы и неравнозначны, и

отчасти пребывают в отношениях взаимной зависимости: во-первых, при таких факторах, как ед. ч. слов *ряд, большинство*, препозиция или постпозиция сказуемого, стремление обратить внимание на количество, названное в подлежащем, краткость сказуемого-прилагательного, книжность или разговорность, допускается употребление обеих форм числа сказуемого, что свидетельствует о неуниверсальности этих факторов; во-вторых, такие факторы, как не имеющийся или имеющийся при словах *ряд, большинство* постпозитивный определительный оборот с главным словом — причастием или прилагательным, а также не имеющиеся или имеющиеся неоднородные зависимые существительные в форме мн. ч., являются маркерами совместности или раздельности действия подлежащих, а также фактов наличия, существования либо активности подлежащего или сказуемого, указанных в качестве отдельных факторов ед. или мн. ч.; в-третьих, такие факторы, как близость сказуемого к подлежащему или удаленность от него, являются показателями наличия или отсутствия указанных и других возможных маркеров ед. или мн. ч. Логическим следствием описанной асистемности в представлении дифференцирующих факторов является отсутствие единого критерия дифференциации рассматриваемых вариантов числа сказуемого.

Новый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречия): формы ед. и мн. ч. сказуемого при подлежащем, выраженном количественно-именным сочетанием, различаются как показатели цельности и партитивности количества, выраженного управляемым существительным (такое понимание с применением терминов «целое», «единое», «совокупность» и «обособленное», «самостоятельное», «расчлененное» в отдельных случаях можно видеть соответственно в [119, 224; 497, 193–194; 46, 240]), что подтверждается соответствующими маркерами, в том числе указателями совместности или раздельности действия и пассивности или активности, не делающими или делающими заметным (воспринимаемым) количество, выраженное управляемым существительным (см. также [403]). Поскольку в рассматриваемых конструкциях семантика цельности подтверждается формами ед. ч. сочетающихся с ними

глаголов, есть основания считать такую цельность абсолютной (семантика относительной цельности описана в предыдущем подпункте).

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры партитивной семантики:

Целый ***ряд компаний*** *— «АвтоВАЗ», ОАО «Иркутское авиационное производственное объединение» (ИАПО) и другие* ***обкатывают*** *механизмы заимствования на вексельных программах. [Юлия Ефимова. Облигация векселю не помеха (2002) // «Финансовая Россия», 2002.09.19].* Маркер представляет собой перечисление частей описываемого ряда компаний. ПСМ: субституция с применением формы *обкатывает* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики цельности, выраженной такой формой, с семантикой партитивности показанного маркера.

Большинство тех*, кто ранее жил в других местах,* ***приехали*** *с родителями в 1994–1997 гг. или 2000–2001 гг…. [Ю. Ф. Флоринская, Т. Г. Рощина. Жизненные планы выпускников школ из малых городов (2004) // «Человек», 2005].* Маркер указывает на множественность составляющих большинство, то есть на партитивность большинства. ПСМ: субституция с применением формы *приехало* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики цельности, выраженной такой формой, с семантикой партитивности показанного маркера.

И однажды в его камеру ***вошли*** *сразу* ***несколько человек****: начальник тюрьмы, надзиратель, светловолосый молодой врач интеллигентного вида, похожий на молодого Хомякова, и прокурор Мячин. [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978)].* Маркер представляет собой перечисление тех, кто вошел, которые, таким образом, воспринимаются партитивно. ПСМ: субституция с применением формы *вошло* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики цельности, выраженной такой формой, с семантикой партитивности показанного маркера.

Дедуктивно доказательные примеры абсолютно цельной семантики:

Но в зале ***сидело*** *только* ***несколько студентов*** *и вдалеке, в тени возле двери,* ***четверо офицеров****… [Владимир Корнилов. Демобилизация (1969–1971)].*

Маркеры подчеркивают факторы, затрудняющие восприятие раздельности количества: неподвижность и трудноразличимость. Поэтому количество студентов, как и выраженное собирательной формой числительного количество офицеров, воспринимается как одно целое. ВСМ: субституция с применением формы *сидели* возможна при условии восприятия партитивности как общего количества студентов и офицеров, так и, что проще, студентов и офицеров как двух групп, находящихся в зале на достаточном расстоянии друг от друга.

Для уменьшения дерева перебора при глубокой рекурсии ***рассматривается*** *только* ***два варианта****... [Комплекс алгоритмов и программ расчета гильотинного раскроя // «Информационные технологии», 2004].* Маркер представляет собой отграничение этих двух вариантов от остальных, реальных или возможных, благодаря чему эти два варианта воспринимаются как одно целое. ВСМ: субституция с применением формы *рассматриваются* возможна при условии восприятия партитивности этих вариантов.

И если в мире в 2002 г. ***было вакцинировано около 1,5 млрд человек****, то в России за этот же период* ***было сделано более 100 млн прививок****, из них* ***5 млн человек было привито*** *против кори, краснухи и ЭП. [В. В. Зверев, Н. В. Юминова. Проблемы кори, краснухи и эпидемического паротита в Российской Федерации (2004) // «Вопросы вирусологии», 2004.05.03].* Маркеры представляют собой обозначения двух пространственно-временных единств, на фоне которых количество вакцинированных и количество прививок воспринимаются как цельные. ВСМ: субституция с применением форм *были вакцинированы* и *были привиты* возможна при условии восприятия партитивности количеств вакцинированных людей и сделанных прививок.

Имплицитные контексты

Индуктивно допускаемые примеры партитивной семантики:

Несколько *уважаемых* ***членов*** *Совета по национальной стратегии* ***предпочли*** *от документа публично отречься. [Иосиф 115. Власть «делом» занимается (2003) // «Совершенно секретно», 2003.08.09].* Допущение: речь идет об отречении каждого из нескольких членов, количество которых, таким образом,

воспринимается партитивно. Маркеры цельного восприятия количества членов Совета в данном случае отсутствуют.

Кружился снег, на мягких лапах плавно скользили зайцы, и ***сто*** *рыжих* ***лампочек освещали*** *это торжество. [Сергей Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969–1981)].*Допущение: имеется в виду свет каждой лампочки отдельно, то есть количество ламп воспринимается партитивно. Маркеры цельного восприятия такого количества отсутствуют.

Британская компания Sage CRM Solutions, входящая в группу компаний Sage Group, — крупный поставщик программного обеспечения для управления бизнесом; *её продуктами* ***пользуются около 6 тыс. предприятий****. [Павел Куприянов. Sage повернулась к России лицом // «Computerworld», 2004].* Допущение: эти 6 тысяч предприятий воспринимаются партитивно. Маркеры цельного восприятия количества предприятий в данном случае отсутствуют.

Индуктивно допускаемые примеры абсолютно цельной семантики:

С начала космической эры ***более двадцати космических аппаратов работало*** *в окрестности, в атмосфере и на поверхности планеты. [обобщенный. Вступление к статье Д. Титова // «Наука и жизнь», 2006].* Допущение: имеется в виду констатация факта такой работы, выполненной совокупностью космических аппаратов. Маркеры партитивного восприятия количества космических аппаратов в данном случае отсутствуют.

… известно уже ***около тысячи*** *рентгеновских двойных* ***систем*** *в нашей и ближайших галактиках. [А. М. Черепащук. Поиски чёрных дыр // «Вестник РАН», 2004]].* Допущение: констатируется факт известности таких систем в их цельной совокупности. Маркеры партитивного восприятия количества рентгеновских двойных систем в данном случае отсутствуют.

Ряд предприятий сокращает *настоящие или будущие риски проверенным способом — с помощью диверсификации производства. [Новогодние бизнес-рецепты (2004) // «Континент Сибирь» (Новосибирск), 2004.12.17].* Допущение: количество предприятий воспринимается как одно целое. Маркеры партитивного восприятия количества предприятий в данном случае отсутствуют.

Синтаксические варианты типа *план по производству автомобилей — план производства автомобилей, центр по подготовке специалистов — центр подготовки специалистов*. Конструкции существительного, управляющего процессуальным Д. с предлогом *по*, и существительного, управляющего процессуальным Р. беспредложным

Традиционный аргумент — ПЭВ(ПВ)иОЛО: конструкции существительного, управляющего процессуальным Р. беспредложным, и существительного, управляющего процессуальным Д. с предлогом *по*, различаются как имеющие конкретное и общее значение процесса, названного управляемым существительным [138, 58–61].

Противоречие: термины «конкретное значение» и «общее значение» могут быть поняты как конкретное значение и абстрактное значение, что не соответствует реальному алгоритму различения таких конструкций (см. новый аргумент).

Новый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречия): конструкции существительного, управляющего процессуальным Р. беспредложным, и существительного, управляющего процессуальным Д. с предлогом *по*, различаются как показатели цельности и партитивности процесса, названного управляемым существительным. Поскольку управляющие существительные в исследуемых конструкциях могут выступать в разных падежных формах, а сказуемое может быть только при форме И., характеристики абсолютной и относительной цельности для таких конструкций не актуальны.

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры партитивной семантики:

Несколько недовыполнен ***план по производству*** *<u>синтетических смол, шелка искусственного для корда, трансформаторов силовых, кирпича строительного, сборного железобетона, хлопчатобумажных тканей, радиоприемников и радиол, синтетических моющих средств, добычи торфа топливного</u>. [Твердая поступь пятилетки (1966) // «Сельская газета», 1966.10.22]*. Маркер представляет собой перечисление предметов, способы

производства которых разнятся. Следовательно, речь идет о производственном плане, разделенном на виды. ПСМ: субституция с применением сочетания *план производства* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики цельности, выраженной таким сочетанием, с семантикой партитивности показанного маркера.

...кроме чисто военных занятий мы строили учебный ***центр по подготовке*** *подводников... [Л. З. Зорин. Морская платформа судьбы Владимира Вовка (2004) // «Газовая промышленность», 2004.07.28].* Маркер называет моряков, которые, как известно, неоднородны по функциям, выполняемым ими на подводной лодке, то есть представляет собой партитивную информацию. ВСМ: субституция с применением сочетания *цент подготовки* возможна при условии невосприятия разнофункциональности подводников, то есть восприятия их цельности.

Дедуктивно доказательные примеры цельной семантики:

Ничего не мешало нам выполнить и первоначальный ***план производства*** *— почти одиннадцать тысяч автомобилей в 2003 году. [Дмитрий Федечкин. Вячеслав Несчастный: «Производства должны прийти к выпуску конечного продукта» (2004) // «Уральский автомобиль» (Миасс), 2004.01.17].* Маркер подчеркивает производство одного вида продукции, то есть демонстрирует ситуативную цельность этого плана. ПСМ: субституция с применением сочетания *план по производству* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики партитивности, выраженной таким сочетанием, с семантикой цельности показанного маркера.

...мы должны обратиться в Информационный ***центр подготовки*** *празднования 850-летия Москвы. [Рустам Арифджанов. Великое татаро-монгольское шествие (1997) // «Столица», 1997.07.15].* Маркер представляет собой информацию об одном — цельном — явлении, которым занимается центр. ВСМ: субституция с применением сочетания *центр по подготовке* возможна при восприятии партитивности указанного празднования, например восприятии его как процесса, состоящего из некоего количества этапов.

Имплицитные контексты

Индуктивно допускаемые примеры партитивной семантики:

Доказано уже, что за сутки у нас в мозгу должно произойти определенное число «сновидческих» разрядов, мозг как будто стремится выполнить ***план по производству*** *сновидений. [Владимир Леви. Искусство быть собой (1973)].* Допущение: речь идет о производственном планировании не о одного и того же сновидения, а сновидений разного содержания, то есть такой план воспринимается партитивно. Маркеры цельного восприятия такого плана отсутствуют.

В Твери сформирован учебный ***центр по подготовке*** *личного состава для участия в миротворческой операции в Косово. [Александр Чуйков. Паркетный маневр. Анатолий Квашнин зашел с запада (2001) // «Известия», 2001.08.22].* Допущение: военнослужащие, входящие в такой личный состав, могут принадлежать к разным родам войск и иметь разные военные специальности. Маркеры цельного восприятия такого центра отсутствуют.

Индуктивно допускаемые примеры цельной семантики:

…ничего хорошего из этого не получилось, ***план производства*** *материала был сорван. [А. Д. Сахаров. Воспоминания (1983–1989)].* Допущение: речь идет о производстве материала одного вида, то есть производство понимается цельно. Маркеры партитивного восприятия такого плана отсутствуют.

При сомнительных доходах от этого они получат массу лишних проблем: ведь необходимо будет создавать ***центр подготовки*** *кадров, организовывать систему контроля за качеством блюд и уровнем обслуживания. [Евгения Ленц. Рыба в виде птицы (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.01.30].* Допущение: речь идет о кадрах одного профиля, что свидетельствует о цельности такой подготовки. Маркеры партитивного восприятия такого центра отсутствуют.

Примечание. В тех случаях, когда управляемое процессуальное существительное имеет семантику разовости или направленности действия только на один объект, семантически партитивная конструкция с предлогом *по* вряд ли возможна, что лишний раз подтверждает доказательность нового

аргумента. Так, в НКРЯ имеется 36 вхождений сочетания *план побега* и 10 вхождений сочетания *план завоевания* (Германии, Сибири, мира и т. п.), но нет ни одного вхождения **план по побегу* и **план по завоеванию* (дата последнего обращения — 06.01.2015).

4.1.3. Центр рода. Вид: диспозитивные грамматические антонимы, различающиеся как абсолютно процессуальные и относительно процессуальные

Значения абсолютной и относительной процессуальности у обозначающих процессы существительных и некоторых глаголов по-своему достраивают грамматику, являясь коммуникативно востребованными. Очевидно, в процессе познания и обозначения действительности носители русского языка подсознательно приходят к пониманию, что процессуальность должна поддаваться некоторому градуированию, чтобы можно было точнее отражать окружающие явления. Вид представлен двумя подвидами.

Словообразовательные варианты трех типов: *упаковывание — упаковка, активирование — активация, осмысливание — осмысление.*

Отглагольные существительные, имеющие процессуальное значение, с суффиксом *-анij-* и суффиксами *-к-, -ацij-, -енij-*

Традиционный аргумент — ПЭВ(ПВ)иОЛО: в каждой паре суффиксальных существительных таких словообразовательных типов, как *упаковывание — упаковка, активирование — активация, осмысливание — осмысление*, варианты могут различаться значениями процессуальности и (при отдалении от глагольности) предметности и оба могут иметь процессуальное значение [138, 379–386, 422–424].

Противоречие: если варианты существительных указанных типов имеют одно — процессуальное — значение, то логично постараться обнаружить их более тонкое семантическое или, при его отсутствии, стилистическое различие [592, 423; 136, 85], однако такая попытка не предпринята.

Новый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречия): суффиксальные существительные с процессуальным значением таких

словообразовательных типов, как *упаковывание — упаковка, активирование — активация, осмысливание — осмысление*, различаются как абсолютно процессуальные и обозначающие не столько процессуальность в идеале, в ее протяженности во времени, сколько процессуальность как факт, в ее безразличии к протяженности во времени, то есть относительно (фактически) процессуальные. Важно уточнить, что запрет на употребление абсолютно процессуального варианта с его заменой на относительно (фактически) процессуальный вариант может обусловливаться требованием устранения семантической избыточности: плеонастического повтора семы абсолютной процессуальности, имеющейся в значении другого слова (других слов) в данном контексте. От семантического содержания предметности и соответственно стилистической характеристики разговорности вторых в этих парах вариантов мы пока абстрагируемся — см. о них ниже примечания 3 и 4.

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры семантики абсолютной процессуальности:

Провайдеры ... оптимально организуют своими силами и средствами с привлечением фирм-партнеров <u>такие взаимосвязанные логистические</u> <u>операции, как</u> ***этикетирование, упаковывание, пакетирование*** *товаров, их* ***транспортирование****, <u>погрузку, выгрузку, сортировку</u>,* ***складирование, комплектование*** *и* ***разукомплектование, фасование****, <u>взвешивание, управление</u> запасами, учет, отчетность,* ***страхование****, <u>охрану</u> товара, таможенное <u>оформление и экспедирование</u>. [Нам пишут (2003) // «Логистика», 2003.09.22].* Первый маркер представляет собой указание на последующее перечисление процессов. Маркеры *погрузку, выгрузку, сортировку* безвариантны (в НКРЯ есть примеры *сортирования* только *семян*). *Взвешивание, управление, охрана* (*охранение* имеет предметное значение), *оформление* и *экспедирование* показаны как маркеры потому, что тоже безвариантны. Благодаря первому маркеру и на фоне следующих маркеров исследуемые слова, обозначая протяженность действия во времени, выглядят абсолютно процессуальными. ПСМ: субституция

с применением вариантов *этикетировка*, *упаковка*, *пакетировка, транспортировка*, *складировка*, *комплектовка*, *разукомплектовка*, *фасовка*, *страховка* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики относительной (фактической) процессуальности, выраженной такими вариантами, с семантикой абсолютной процессуальности у показанных маркеров.

Активирование *обычно проводят в два этапа… [А. В. Корюкин. Защита для защитника // «Химия и жизнь», 1985]*. Маркер представляет собой информацию, которая может уточнять только процессы. Следовательно, вариант *активирование* имеет абсолютно процессуальное значение. ПСМ: субституция с применением варианта *активация* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики относительной (фактической) процессуальности, выраженной таким вариантом, с семантикой абсолютной процессуальности у маркера *проводят в два этапа*.

*Описываемый эксперимент продолжается несколько секунд (в крайнем случае минут), **осмысливание** и обсуждение результатов — несколько дольше. [В. Файнберг. Новый метод хроматографии // «Химия и жизнь», 1969]*. Маркеры — в сравнении и непосредственно — указывают на длительность (при сравнении) и обозначают длительность (непосредственно) процесса, выраженного вариантом *осмысливание*, который, таким образом, имеет абсолютно процессуальное значение. ПСМ: субституция с применением варианта *осмысление* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики относительной (фактической) процессуальности, выраженной таким вариантом, с семантикой абсолютной процессуальности у показанных маркеров.

Дедуктивно доказательные примеры семантики относительной (фактической) процессуальности:

*В течение следующего дня шла лихорадочная работа по **упаковке** вещей, почти исключительно рукописей и книг. [Л. Д. Троцкий. Моя жизнь (1929–1933)]*. Маркер представляет собой обозначение процесса, уточнение которого абсолютно процессуальным существительным было бы семантически избыточным (см. об этом выше, в новом аргументе). Следовательно, здесь

уточняющее существительное *упаковка* имеет значение не протяженности во времени, а фактичности процесса, то есть значение относительной (фактической) процессуальности. ПСМ: субституция с применением варианта *упаковыванию* вряд ли возможна по причине несовместимости (плеонастичности) семантики абсолютной процессуальности, выраженной таким вариантом, с семантикой абсолютной процессуальности у маркера *шла лихорадочная работа по*.

Это направление возглавила замечательный ученый и превосходный человек Дора Ильинична Лейпунская, которая впоследствии очень много сделала для того, чтобы нейтронная ***активация*** *стала подспорьем для решения геологических задач. [Корни радиометрии скважин (Из воспоминаний) (2002) // «Геоинформатика», 2002.03.20].* Маркер представляет собой информацию о том, причиной чего мог стать факт процесса, а не процесс в его протяженности во времени. Следовательно, здесь вариант *активация* имеет значение относительной (фактической) процессуальности. ВСМ: субституция с применением сочетания *нейтронное активирование стало* возможна при важности семантики абсолютной процессуальности, которая может быть подчеркнута соответствующим маркером, например *постоянно осуществляемое*.

Тем самым крайности, характерные для нынешнего дня, порождают крайности в ***осмыслении*** *«того, что было»… [Владимир Дегоев. Два века войны и мира на Кавказе // «Звезда», 2003].* Маркер *крайности* может характеризовать процесс как факт, а не как протяженность во времени: у протяженного во времени действия только одна направленность, которую невозможно трактовать как крайность. ПСМ: субституция с применением варианта *осмысливание* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики абсолютной процессуальности, выраженной таким вариантом, с семантикой относительной (фактической) процессуальности, характеризующейся крайностями, которые подчеркнуты соответствующим маркером.

Имплицитные контексты

Индуктивно допускаемые примеры семантики абсолютной процессуальности:

Судя по всему, там шли последние приготовления к штурму куста сирени: звякали флаконы, шуршали коробки для ***упаковывания*** *бабочек, доносились страшные вопросы и ещё более ужасные ответы. [Валерий Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)].* Допущение: бабочек следует упаковывать бережно, то есть в течение какого-то времени. Поэтому автор применил абсолютно процессуальное существительное. Маркеры относительной (фактической) процессуальности варианта *упаковывание* отсутствуют.

Физиологическое влияние радоновых вод сводится, в основном, к ***активированию*** *функций организма. [Таубе П., Руденко Е. Радон // «Химия и жизнь», 1967].* Допущение: речь идет о процессе, действию которого подвергаются функции организма. Следовательно, вариант *активирование* имеет абсолютно процессуальное значение. Маркеры относительной (фактической) процессуальности варианта *активирование* отсутствуют.

Исследование более полного ряда и теоретическое ***осмысливание*** *вариации свойств в пределах этого ряда являлось задачей проекта. [Игорь Овчинников, Юрий Галяметдинов. Магнитные жидкие кристаллы на основе координационных соединений // «Российский химический журнал», 2001].* Допущение: речь идет о теоретическом процессе, а не его факте. Следовательно, вариант *осмысливание* имеет абсолютно процессуальное значение. Маркеры относительной (фактической) процессуальности варианта *осмысливание* отсутствуют.

Индуктивно допускаемые примеры семантики относительной (фактической) процессуальности:

В 1993 г. компания CRYOVAC впервые открыла офис в Москве с целью поставки на российский рынок современного оборудования и систем по ***упаковке*** *продуктов питания… [Компания CRYOVAC — 10 лет работы на российском рынке (2004) // «Мясная индустрия», 2004.04.26].* Допущение: здесь уточняющее существительное *упаковка* имеет значение не протяженности во времени, а фактичности процесса, то есть значение относительной (фактической) процессуальности. Маркеры абсолютной процессуальности варианта *упаковка* отсутствуют.

Активация *воздуха представляет опасность при выходе нейтронов 10 в десятой степени с и выше. [Радиационная безопасность при геологоразведочных работах (2000) // «Геоинформатика», 2000.12.01].* Допущение: имеется в виду представляющий опасность факт процесса, а не его протяженность во времени. В таком случае вариант *активация* имеет значение относительной (фактической) процессуальности. Маркеры абсолютной процессуальности варианта *активация* отсутствуют.

Такое эмпирическое знание и теоретическое ***осмысление*** *привело его к очень общему и в то же время практическому выводу*: *[Геннадий Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода (2004)]*. Допущение: имеется в виду такой же факт процесса, как и эмпирическое знание, а не протяженность процесса во времени. В таком случае вариант *осмысление* имеет значение относительной (фактической) процессуальности. Маркеры абсолютной процессуальности варианта *осмысление* отсутствуют.

Примечание-1. Отмеченные Л. П. Катлинской (в том числе со ссылкой на наблюдения других авторов) высокая узуальная частотность вариантов типов *упаковка, активация, осмысление* в сравнении с их оппонентами, а также преобладающее употребление названных типов вариантов в профессиональной и научной (добавим также — официально-деловой) сферах можно объяснить. Во-первых, коммуникативная потребность в обозначении фактичности процесса в ходе отраженного в языке познания возникает намного чаще, чем такая же потребность в обозначении абсолютной процессуальности. Во-вторых, чаще всего потребность в обозначении фактичности процесса возникает в профессиональной, научной и официально-деловой сферах потому, что в сравнении с разговорной и художественной речью именно они отличаются особой приверженностью к фактам.

Примечание-2. Безусловно, имеются факты употребления более экономных вариантов типов *упаковка, активация, осмысление* — особенно последних двух — в стилистически не сниженных контекстах и в абсолютно процессуальном значении, например: *...на определенной стадии заболевания*

начинается *их* ***активация****. [Т. А. Корчевая, Е. Кудрявцева. О розе с железными шипами // «Наука и жизнь», 2007]* (начинаться может только нечто протяженное, то есть абсолютно процессуальное); *...подобное* ***осмысление*** *должно происходить в младших классах. [В. А. Успенский. К преподаванию математики в начальной школе (1966)]* (происходить может только всегда протяженный во времени процесс). Но они не настолько многочисленны и в целом не настолько подвержены закреплению за определенными сферами (например, вариант *активация* в абсолютно процессуальном значении повсеместно используется в современной научной речи), чтобы нейтрализовать отмеченную нами тенденцию.

Примечание-3. Как отмечено в традиционном аргументе, достаточно часто вторые варианты в парах типа *упаковывание — упаковка, активирование — активация, осмысливание — осмысление* настолько далеко отдаляются от глагольности, что получают исключительно предметные значения — см. об этом пункт 4.2.2.

Примечание-4. Некорректно упускать из виду, что варианты типа *упаковывание — упаковка* в процессуальном значении могут иметь стилистическое различие: первый вариант нейтрален, второй разговорен. Однако на фоне присущих вариантам типа *упаковка* (в процессуальном значении) стилистических характеристик профессиональности, научности и официальности характеристика разговорности нейтрализуется и, если не исчезает совсем, то не привлекает настолько большого внимания, чтобы быть описанной в отдельном (под)пункте.

Словообразовательные варианты типа *прочитать — прочесть*.

Приставочные глаголы СВ со звуковыми различиями в корне

Традиционные аргументы — частные ПЭВ(АДВ)безЛО и ПЭВ(ПВ)безЛО: глагол *прочитать* «наиболее употребителен»; *прочесть* предпочитает формы инфинитива и настоящего времени; варианты с корнем -*чт*- «более естественны» в будущем времени, а с корнем -*чит*- — «в пов. наклонении в заданиях к упражнениям в учебных пособиях»; глаголы с приставками *на-*, *до-* и *под-* употребляются только с корнем -*чит*-; в узусе наблюдаются устойчивые

сочетания типа *почту за честь, сочту за любезность, не сочтите за труд* [138, 427–429].

Противоречия частные: то, что глагол СВ *прочесть* встречается «в настоящем времени», очевидная опечатка; в будущем времени возможны оба варианта.

Противоречие общее: не выявлен существующий универсальный критерий дифференциации этих вариантов.

Новый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречий): варианты типа *прочитать* и *прочесть* различаются как абсолютно процессуальные и относительно (результативно) процессуальные. Результат наблюдается в обоих случаях, но при абсолютной процессуальности процесс его достижения важен, а при относительной (результативной) процессуальности — нет.

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры семантики абсолютной процессуальности:

Но ***прочитайте*** *их* *медленно, нараспев — и вы услышите, как звучит музыка слов и звуков*: *Ветер его на восток над долинами гонит… [Николай Алексеевич Заболоцкий // «Трамвай», 1990]*. Маркер подчеркивает, что результат чтения достигается процессуально, поэтому здесь вариант *прочитайте* имеет абсолютно процессуальное значение. ПСМ: субституция с применением варианта *прочтите* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики относительной (результативной) процессуальности, выраженной таким вариантом, с семантикой абсолютной процессуальности у показанного маркера.

Я ***сосчитала***: *было* *девять щенков и мать, черная гладкошерстная дворняга с полустоячими ушами*. *[Людмила Лаврова. Лишние (1999) // «Дружба народов», 1999.07.15]*. Маркер представляет собой названия сущностей, к которым был применен процесс счета, поэтому здесь вариант *сосчитала* имеет абсолютно процессуальное значение. ПСМ: субституция с применением варианта *сочла* (в значении счета) вряд ли возможна по причине несовместимости

семантики относительной (результативной) процессуальности, выраженной таким вариантом, с семантикой абсолютной процессуальности, подчеркнутой перечислительностью показанного маркера.

Дедуктивно доказательные примеры семантики относительной (результативной) процессуальности:

Пользуясь этой таблицей, ***прочти*** *зашифрованную пословицу. [Г. Алимов. Кроссворд Мурзилки // «Мурзилка», 1999].* Маркер позволяет понять, что в задании говорится не о процессе, а о достижении его результата: понимания пословицы в целом виде, обеспеченном ее зашифрованностью. Поэтому здесь вариант *прочти* имеет относительно (результативно) процессуальное значение. ПСМ: субституция с применением варианта *прочитай* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики абсолютной процессуальности, выраженной таким вариантом, с семантикой относительной (результативной) процессуальности, подчеркнутой семантической цельностью маркера *зашифрованную пословицу*.

И ***зачел*** *письмо читательницы*: «*Я подпишусь на ваш журнал только тогда, — писала успешная дама, — когда* ***прочту*** *в нем хоть что-то мне интересное». [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008].* Маркер представляет собой информацию о двух важных для говорящего и пишущей результатах двух процессов чтения: о результативности озвучивания содержания короткого письма успешной дамы для говорящего и о результативности прочтения хоть чего-то интересного для пишущей. Поэтому здесь варианты *зачел* и *прочту* имеют относительно (результативно) процессуальное значение. ПСМ: субституция с применением вариантов *зачитал* и *прочитаю* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики абсолютной процессуальности, выраженной такими вариантами, с семантикой относительной (результативной) процессуальности у показанных маркеров.

Имплицитные контексты

Индуктивно допускаемые примеры семантики абсолютной процессуальности:

— Когда они в Думе ***прочитают*** *этот первый пункт, они будут смеяться. [Про нежность (1997) // «Столица», 1997.06.10].* Допущение: речь идет о внимательном чтении пункта, то есть о его процессе. В таком случае вариант *прочитают* имеет абсолютно процессуальное значение. Маркеры относительной (результативной) процессуальности варианта *прочитают* отсутствуют.

Кстати, а что это вы там ***сосчитали*** *на компьютере для Каматэра, если не секрет, конечно*? *[Александр Пятигорский. Древний Человек в Городе // «Октябрь», 2001].* Допущение: речь идет о результате, достигнутом в процессе счета. В таком случае вариант *сосчитали* имеет абсолютно процессуальное значение. Маркеры относительной (результативной) процессуальности варианта *сосчитали* отсутствуют.

Индуктивно допускаемые примеры семантики относительной (результативной) процессуальности:

Прочти *их, сынок*; *ты поймешь, что значила Первая мировая, какое потрясение произвела в умах*: *[Александр Архангельский. 1962. Послание к Тимофею (2006)].* Допущение: речь идет о желаемой говорящим результативности процесса чтения. В таком случае вариант *прочти* имеет относительно (результативно) процессуальное значение. Маркеры абсолютной процессуальности варианта *прочти* отсутствуют.

Зачесть *в срок отбытия наказания время предварительного пребывания под стражей с 10 февраля 1977 года. [Ванда Белецкая. Судьба и совесть // Библиотека «Огонек», 1989].* Допущение: время предварительного пребывания под стражей в сроке отбытия наказания учитывается не как процесс с присущей ему длительностью, а как посчитанный результат. В таком случае вариант *зачесть* имеет относительно (результативно) процессуальное значение. Маркеры абсолютной процессуальности варианта *зачесть* отсутствуют.

Примечание-1. Можно объяснить часть явлений, справедливо отмеченных в традиционной аргументации. Варианты с корнем -*чит*- употребляются «в пов. наклонении в заданиях к упражнениям в учебных пособиях» потому, что задания типа *прочитайте текст* предусматривают вдумчивое, процессуальное прочтение

таких текстов, ведь задания к таким упражнениям касаются каких-то моментов содержания текста. Глаголы с приставками *на-*, *до-* и *под-* употребляются только с корнем *-чит-* потому, что предполагают процессы достижения результатов. В устойчивых сочетаниях *почту за честь, сочту за любезность* наблюдается результативность без подчеркнутого внимания к процессуальности.

Примечание-2. В текстах XIX века глаголы типа *прочесть* часто употребляются в абсолютно процессуальном, а не относительно (результативно) процессуальном значении, ср. пушкинское *Иль* ***перечти*** *«Женитьбу Фигаро»*, тип контекста, в котором сегодня встречается только глагол *перечитать*. Это свидетельство того, что, в отличие от предков, современные носители языка подсознательно различают варианты *перечесть* и *перечитать* в соответствии с предложенным в настоящем подпункте критерием (об этом типе вариантов речь идет также в [389]).

4.1.4. Периферия рода. Вид: словообразовательные варианты трех типов: *организационный — организаторский, туристический — туристский* и *просветительный — просветительский*. Прилагательные с суффиксами *-онн-* — *-ск-*, *-ическ-* — *-ск-* и *-н-* — *-ск-*, различающиеся как выражающие отношение к неодушевленности и одушевленности

Традиционный аргумент — ПЭВ(ПВ)иОЛО: прилагательные с суффиксами *-онн-*, *-ическ-* и *-н-* обозначают признак, относящийся к предмету, а прилагательные с суффиксом *-ск-* — признак, относящийся к лицу [138, 403–405, 407–410, 414–416].

Противоречие: традиционная автономность разделов языкознания, в данном случае словообразования и морфологии, привела к тому, что грамматические явления с одинаковой семантикой номинированы разными терминами, некоторые из которых, а именно словообразовательные, не вполне удачны по причине их многозначности: предмет, например в сочетании *предмет внимания*, может обозначать живое существо (одуш.), а лицо может быть и юридическим, то есть не обязательно живым (неодуш.), поэтому морфологические термины «одушевленность» и «неодушевленность», а также

слова, от них производные, в данном случае представляются более корректными.

Новый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречия): прилагательные с суффиксами *-онн-*, *-ическ-* и *-н-* выражают отношение к неодушевленности, а прилагательные с суффиксом *-ск-* — к одушевленности (см. также [382]).

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры семантики неодушевленности:

Это чисто ***организационный вопрос*** *— надо прийти к общему знаменателю, определить, все ли поддерживают идею, кто участвует, кто организует турнир. [Сергей Смагин. Мы хотим перемен (2004) // «64 — Шахматное обозрение», 2004.05.15]*. Маркер указывает на то, что речь идет о вопросе организации турнира, то есть явления, обозначенного неодушевленным существительным. ПСМ: субституция с применением варианта *организаторский* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики одушевленности, выраженной таким вариантом, с семантикой неодушевленности у показанного маркера.

Сепульведа — известный ***туристический центр****, на полторы тысячи жителей тридцать пять ресторанов! [Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009)]*. Маркер подчеркивает, что речь идет о центре туризма, явлении, обозначенном неодушевленным существительным. ПСМ: субституция с применением варианта *туристский* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики одушевленности, выраженной таким вариантом, с семантикой неодушевленности у показанного маркера.

Вы же говорите, что пришли в зону и сразу начали интенсивный ***воспитательный процесс****. [Сергей Татаренков. «Будете петь и ходить строем» (2002) // «Дело» (Самара), 2002.03.19]*. Маркеры указывают на прохождение процесса воспитания, явления, обозначенного неодушевленным существительным. ПСМ: субституция с применением варианта *воспитательский* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики одушевленности, выраженной таким вариантом, с семантикой неодушевленности у маркеров.

Дедуктивно доказательные примеры семантики одушевленности:

В душе и интеллекте Ирины Михайловны, несомненно, присутствует тот неистовый и удачливый ***организаторский порыв****, который был свойствен всем выдающимся женщинам в Российском государстве. [Москва-промсити (2003) // «Строительство», 2003.01.27].* Маркеры представляют собой информацию о порыве организатора-человека (одуш.). ПСМ: субституция с применением варианта *организационный* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики неодушевленности, выраженной таким вариантом, с семантикой одушевленности у показанных маркеров.

Туристский продукт *— право на тур, предназначенное для реализации туристу [И. Зыкова, К. Филатов. Особенности защиты прав потребителей при оказании туристических услуг (2004) // «Адвокат», 2004.12.01].* Маркер представляет собой информацию о предназначении тура для туриста (одуш.). ПСМ: субституция с применением варианта *туристический* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики неодушевленности, выраженной таким вариантом, с семантикой одушевленности у показанного маркера.

Трудно представить себе детский сад без рояля, а его ***воспитательский персонал*** *без человека грамотного в отношении музыки. [Б. П. Плюснин-Кронин. Новый этап (1925)].* Маркер представляет собой предложно-падежную конструкцию одушевленных существительных. ПСМ: субституция с применением варианта *воспитательный* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики неодушевленности, выраженной таким вариантом, с семантикой одушевленности у показанного маркера.

Имплицитные контексты

Индуктивно допускаемые примеры семантики неодушевленности:

В завершении [очевидно, *в завершение*. — С. П.] *конференции* ***организационный комитет*** *заверил собравшихся, что такое же мероприятие состоится в следующем году… [«Хай тек 2004» в Санкт-Петербурге (2004) // «Вестник авиации и космонавтики», 2004.06.30].* Допущение: речь идет о комитете по организации конференции, явлении, характеризующемся

неодушевленностью. Маркеры отношения к одушевленности у варианта *организационный* отсутствуют.

Такой ***туристический продукт*** *не менее, а зачастую и более дорог, чем тот, который относится к разряду* comfortable. *[Евгения Ленц. Экзотика — это мы! (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.01.30].* Допущение: речь идет о продукте туризма (неодуш.), то есть о содержании этого продукта, а не о его предназначении. Маркеры отношения к одушевленности у варианта *туристический* отсутствуют.

«*Мы стремимся к тому, — подчеркнул министр образования, — чтобы вместе с Русской Православной Церковью кардинально повысить* ***воспитательный потенциал*** *нашего общества в целом. [XII Международные Рождественские образовательные чтения (2004) // «Журнал Московской патриархии», 2004.02.23].* Допущение: речь идет о потенциале воспитания (неодуш.), а не воспитателя (одуш.). Маркеры отношения к одушевленности у варианта *воспитательный* отсутствуют.

Индуктивно допускаемые примеры семантики одушевленности:

Между тем апофеозовцы, наоборот, ускорялись и усиливали ***организаторский напор****. [Ольга Славникова. Бессмертный. Повесть о настоящем человеке (2000–2001) // «Октябрь», 2001].* Допущение: речь идет о напоре организаторов-людей (одуш.), а не организационного процесса (неодуш.). Маркеры отношения к неодушевленности у варианта *организаторский* отсутствуют.

Туристский каталог *— реализовывался департаментом самостоятельно на бюджетные средства отрасли. [Гид по России (2002) // «Туринфо», 2002.04.16].* Допущение: каталог — для туристов (одуш.), а не для туризма (неодуш.). Маркеры отношения к неодушевленности у варианта *туристский* отсутствуют.

Он не знал, что делать, или же просто не сумел проявить свой прекрасный ***воспитательский опыт****. [Г. Г. Белых, А. И. Пантелеев. Республика ШКИД (1926)].* Допущение: речь идет об опыте воспитателя (одуш.), а не об опыте

воспитания (неодуш.). Маркеры отношения к неодушевленности у варианта *воспитательский* отсутствуют.

Примечание. Прилагательные, которые еще сравнительно недавно могли считаться не имеющими описываемых суффиксальных вариантов, например только *волюнтарист**ск**ий, субъективист**ск**ий, импрессионист**ск**ий* (одуш. и «поневоле», но часто неодуш.) и только *монополист**ическ**ий, националист**ическ**ий, империалист**ическ**ий* (неодуш. и «поневоле», но часто одуш.) [138, 408], по данным НКРЯ, уже имеют не признанные ранее варианты: *волюнтарист**ическ**ий, субъективист**ическ**ий, импрессионист**ическ**ий* (неодуш.) и *монополист**ск**ий, националист**ск**ий, империалист**ск**ий* (одуш.). Это свидетельство системной достраиваемости грамматики словообразовательными вариантами в соответствии с коммуникативной потребностью в дополнительном выражении семантики одушевленности или неодушевленности.

4.1.5. Периферия рода. Вид: словообразовательные варианты типа *двусторонний — двухсторонний*. Сложные прилагательные с усеченным и неусеченным Р. числительного *два* в качестве первой основы, различающиеся как показатели количества не больше и потенциально больше двух

Традиционный аргумент — ПЭВ(АДВ)безЛО: в одном сочетании оба варианта встречаться не могут, например *двустороннее воспаление легких*, но *двухсторонние переговоры*; в таких сочетаниях, как *двустороннее воспаление легких* и *двубортный пиджак* основа *дву-* не имеет свойств числительного, поскольку невозможны сочетания *трех*(*четырех-* и т. д.)*бортный пиджак* и *трех*(*четырех-* и т. д.)*стороннее воспаление легких* [138, 435–438].

Противоречие: результаты этих совершенно точных наблюдений не объяснены действием силлогизма, до выведения которого остается только один шаг.

Новый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречия): варианты с *дву-*, где числительное по происхождению — утраченная как отдельно, не в составе слоформы, употребляемая форма Р.–М. дв. ч. *дъвою*, а

затем, видимо под влиянием форм существительных (типа *столу, жену*), *дъвоу* [207; 571, 233; 65, 254, 258; 134, 268; 198, 322–324], логично употребляются в случаях, когда речь идет не более чем о двух сущностях; варианты с *двух-*, где числительное по происхождению — развившаяся после утраты дв. ч. с XIV–XV в., вероятно под влиянием форм прилагательных (*красных*) и ближайших по порядку счета числительных (*трех* и *четырех*), форма Р.–М. мн. ч. *дъвоух* [198, 323–324], логично употребляются в случаях, когда сущностей может быть и больше двух (см. также [385]). Так, взятые из НКРЯ сочетания *двуспальная кровать, двусоставное предложение, двуликий Янус, двустворчатые двери* позволяют убедиться в том, что кровать трехспальной, предложение трехсоставным, Янус трехликим и двери трехстворчатыми — быть не могут (разумеется, *трех-* — это по меньшей мере, поскольку можно говорить и о *четырех-, пяти-, шести-* и т. д.). В то же время взятые из НКРЯ сочетания *двухэтажный дом, двухсторонний камин, двухкопеечная монета, двухчасовой перерыв* позволяют убедиться в том, что дом может иметь больше двух этажей, камин — больше двух сторон, монета может быть достоинством больше чем в две копейки, а перерыв — продолжительностью больше двух часов.

Примечание-1. Тот факт, что вариантность обнаружилась только у основ, являющихся застывшим Р. числительного *два*, можно объяснить гносеологической важностью числительного *два*, восходящей к тем временам, когда имевший две (как 1 + 1) руки, ноги, ноздри, два глаза, уха и т. д. человек довольствовался системой счета «*один, два* и неопределенное *много*», что отразилось в первоначальной системе трех грамматических чисел: единственного, двойственного и множественного (обзор подобных явлений — см. в [396, 69–71]).

Примечание-2. Имеющиеся в НКРЯ примеры из произведений XIX и даже первой трети XX веков свидетельствуют о том, что рассматриваемые варианты носителями языка часто не различались. Ср. употребления с *дву-* на месте современного *двух-* и наоборот: *Он живет в* ***двуэтажном*** *деревянном доме… [В. М. Головнин. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе в 1817, 1818 и 1819 годах флота капитаном Головниным (1822)]; Подъехал*

двуместный *отлогий фаэтон с открытым верхом. [П. Д. Боборыкин. Китай-город (1882)]; Вчера же заказал себе модную одежу, как теперь носят: светло-синий* ***двухбортный*** *с золотыми пуговицами фрак, к нему воротник черный бархатный, стоячий; исподнее черное. [Б. А. Садовской. Из бумаг князя Г. (1909)]; Одетый в длиннополый* ***двухбортный*** *сюртук, короткий жилет с бисерной часовой цепочкой и шейный платочек с бантом, Кольцов скромно сидел в уголке и восторженными глазами смотрел на Пушкина. [Н. Ашукин. Алексей Васильевич Кольцов, его жизнь и песни (1923)]; — сказал малый в сапогах бутылками, в* ***двухбортном*** *пиджаке. [П. С. Романов. Значок (1925)]; И рассказывал ... о зеркалах, обрамленных гроздьями полированного винограда; о монументальном дядьке в* ***двухбортном*** *мундире с красным воротником… [Анатолий Мариенгоф. Бритый человек (1929)].* Современное семантическое различение таких вариантов носителями языка является доказательством эволюции их восприятия и, как следствие, логичности мышления.

4.1.6. Периферия рода. Вид: морфологические варианты типа *обессилею — обессилю*. Глаголы на *-еть* и *-ить* с накоренным ударением, различающиеся как непереходные и переходные

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: глаголы на *-еть* непереходны, то есть обозначают действие, направленное на субъекта такого действия (*обессилеть* — «лишиться сил»), а глаголы на *-ить* переходны, то есть обозначают действие, направленное на объект такого действия (*обессилить* — «лишить кого-либо сил») [138, 294–297].

4.1.7. Периферия рода. Вид: синтаксические варианты типа *по окончании — после окончания*. Конструкции форм П. ед. ч., управляемых предлогом *по*, и Р. ед. ч., управляемых предлогом *после*, существительных со значением окончания чего-либо, различающиеся значениями ‘только в момент окончания’ и ‘не только в момент окончания, но и в любой следующий за окончанием момент’

Традиционный аргумент — ПЭВ(ПВ)иОЛО: рассматриваемые конструкции семантических различий не имеют; конструкции с предлогом *по*

употребляются в основном в деловой и газетной речи и имеют тенденцию к сокращению, а конструкции с предлогом *после* не сокращаются [138, 62–63; 46, 304–305].

Противоречие: между рассматриваемыми конструкциями с предлогами *по* и *после* имеется семантическое различие (см. новый аргумент).

Новый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречия): конструкции с предлогом *по* имеют значение ‘только в первый следующий за окончанием момент’, а конструкции с предлогом *после* имеют значение ‘не только в момент окончания, но и в любой следующий за окончанием момент’ (см. также [404]).

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры семантики ‘только в первый следующий за окончанием момент’:

А пресс-конференции ***по окончании*** *не будет только потому, что* <u>*сразу после*</u> ***Олимпийского собрания*** <u>*руководители поедут в аэропорт*</u>*… [Андрей Митьков. Олимпийский комитет готовится к отставкам (2002) // «Известия», 2002.06.13]*. Маркеры представляют собой информацию о первом следующем за окончанием собрания моменте, в который пресс-конференция состояться не могла. ВСМ: субституция с применением варианта *после окончания* возможна, но семантически она будет менее точной, чем конструкция с предлогом *по*.

Пока первая гарантия не захлопнулась, банк BNP все время подтверждал мне, что деньги на месте, а ***по истечении года*** <u>*они исчезли в одну минуту*</u> *на покрытие обязательств по гарантии банка. [Артем Тарасов. Миллионер (2004)]*. Маркер представляет собой информацию о первом следующем за истечением года моменте исчезновения денег. ПСМ: субституция с применением варианта *после истечения* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики ‘не только в первый следующий за окончанием момент’, выраженной таким вариантом, с семантикой ‘только в первый следующий за окончанием момент’ у показанного маркера.

По прибытии, <u>*едва вылезли из машины*</u>*, Рубахин и Вовка-стрелок вместе*

со своим пленным тут же отбились в сторону. [Владимир Маканин. Кавказский пленный (1995)]. Маркер подчеркивает первый следующий за прибытием момент. ПСМ: субституция с применением варианта *после прибытия* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики ‘не только в первый следующий за окончанием момент’, выраженной таким вариантом, с семантикой ‘только в первый следующий за окончанием момент’ у показанного маркера.

Дедуктивно доказательные примеры семантики ‘не только в первый следующий за окончанием момент’:

Их освобождали не ранее чем через два-три года ***после окончания*** *исследовательских* ***работ****... [Екатерина Унжанова. Семнадцать лет на благо вражеского отечества // «Отечественные записки», 2003].* Маркер представляет собой информацию о том, что освобождение происходило не в первый следующий за окончанием работ момент. ПСМ: субституция с применением варианта *по окончании* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики ‘только в первый следующий за окончанием момент’, выраженной таким вариантом, с семантикой ‘не только в первый следующий за окончанием момент’ у показанного маркера.

...взыскать с них начисленные пени можно только в течение шести месяцев ***после истечения срока****, отведенного на их добровольную уплату. [Пени не вечны (2004) // «Учет, налоги, право», 2004.08.03].* Маркер представляет собой информацию о том, что такое взыскание можно осуществлять не только в первый следующий за истечением указанного срока момент. ПСМ: субституция с применением варианта *по истечении* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики ‘только в первый следующий за окончанием момент’, выраженной таким вариантом, с семантикой ‘не только в первый следующий за окончанием момент’ у показанного маркера.

Теперь информация о каждой партии прибывшего на терминал груза предоставляется в электронном виде таможне уже через несколько минут ***после прибытия****. [Панорама (2003) // «Логистика», 2003.09.22].* Маркер свидетельствует о том, что такая информация предоставляется не в первый

следующий за прибытием момент. ПСМ: субституция с применением варианта *по прибытии* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики ‘только в первый следующий за окончанием момент’, выраженной таким вариантом, с семантикой ‘не только в первый следующий за окончанием момент’ у показанного маркера.

Имплицитные контексты

Индуктивно допускаемые примеры семантики ‘только в первый следующий за окончанием момент’:

По окончании репетиции *мне надо было идти в школу за старшими дочерьми... [Сати Спивакова. Не всё (2002)].* Допущение: идти за дочерьми нужно было в первый следующий за окончанием репетиции момент. Маркеры семантики ‘не только в первый следующий за окончанием момент’ у варианта *по окончании* отсутствуют.

Договор прекращает свое действие ***по истечении 180 дней*** *с даты получения другой Стороной такого уведомления. [Договор между РФ и Мексиканскими соединенными штатами (2004)].* Допущение: прекращение действия договора происходит в первый следующий за истечением указанного срока момент. Маркеры семантики ‘не только в первый следующий за окончанием момент’ у варианта *по истечении* отсутствуют.

Постановление межпланетного совета от пятого февраля 2117 года номер тринадцать-бис обязывает всех мусорщиков ***по прибытии*** *на базу предъявлять допуск на право управления транспортным средством. [Павел Михненко. Мусорщик // «Наука и жизнь», 2009].* Допущение: указанное предъявление допуска должно происходить в первый следующий за прибытием на базу (за окончанием перелета) момент. Маркеры семантики ‘не только в первый следующий за окончанием момент’ у варианта *по прибытии* отсутствуют.

Индуктивно допускаемые примеры семантики ‘не только в первый следующий за окончанием момент’:

После окончания *оберхофского* ***этапа*** *корреспондент "Известий" позвонил главному тренеру сборной России Александру Голеву. [Андрей Митьков.*

Такие сладкие надежды. Итоги четвертого этапа Кубка мира (2002) // «Известия», 2002.01.14]. Допущение: речь идет о звонке или в первый, или не в первый следующий за окончанием названного этапа момент. Маркеры семантики ‘только в первый следующий за окончанием момент’ у варианта *после окончания* отсутствуют.

Он избирается тайным голосованием из числа судей КС сроком на три года с правом повторного избрания ***после истечения*** *первого* ***срока****. [Судебная система // «Отечественные записки», 2003]*. Допущение: такое повторное избрание возможно не только в первый следующий за истечением указанного срока момент. Маркеры семантики ‘только в первый следующий за окончанием момент’ у варианта *после истечения* отсутствуют.

В январе ***после прибытия аятоллы Хомейни в Иран, краха режима шаха*** *добыча нефти снизилась до 500 тыс. баррелей в день. [Егор Гайдар. Гибель империи (2006)]*. Допущение: добыча нефти снизилась или в первый, или не в первый следующий за указанными прибытием и крахом момент. Маркеры семантики ‘только в первый следующий за окончанием момент’ у варианта *после прибытия* отсутствуют.

Примечание. Примеры НКРЯ свидетельствуют о том, что в предшествующие столетия описываемое семантическое различие только намечалось, в силу чего было возможно употребление формы П. ед. ч., управляемого предлогом *по*, в значении ‘не только в момент окончания, но и в любой следующий за окончанием момент’, например: *Наконец, спустя несколько дней* ***по прибытии*** *Александровом ко храму Юпитера, доехал туда и философ. [Д. И. Фонвизин. Каллисфен (1788)]*.

4.1.8. Периферия рода. Вид: синтаксические варианты типа *пропустил урок из-за болезни матери — пропустил урок по болезни*. Конструкции форм существительных Р. ед. ч., управляемых предлогом *из-за*, и Д. ед. ч., управляемых предлогом *по*, различающиеся значениями внешней причины и внутренней причины

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО:

формы существительных Р. ед. ч., управляемые предлогом *из-за*, и Д. ед. ч., управляемые предлогом *по*, различаются значениями внешней причины и внутренней — исходящей от субъекта действия — причины [138, 67–68], например *Самолет* (субъект действия) *вылетел с опозданием* ***из-за ошибки*** *диспетчера* (внешняя причина опоздания) и *Преподаватель* (субъект действия) ***по ошибке*** (своей, то есть по внутренней причине) *поставил оценку на другой странице зачетной книжки*.

Примечание. Алгоритм дифференциации вариантов типа *из-за болезни — по болезни* в случаях, когда оба имеют значение внутренней причины, описан в пункте 4.1.1.

4.1.9. Периферия рода. Вид: синтаксические варианты типа *льготы ветеранам — льготы для ветеранов*. Конструкции управляемых существительными беспредложной с Д. и с предлогом *для* и Р. форм существительных, различающиеся значениями реального и потенциального адресования

Традиционный (в целом непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: управляемые существительными беспредложная с Д. и с предлогом *для* и Р. формы существительных различаются значениями адресования, иногда соотносимого с идеей «реального осуществления», и предназначения, иногда соотносимого с идеей «потенциальной возможности» [210, 92–95]. В настоящее время можно говорить о преобладании различия между такими вариантами по признакам реальности и потенциальности. Поскольку в толкование слова *предназначение* входят семы ‘адресование’ и ‘возможность принятия или неприятия адресованного’, адресование и предназначение можно различать как реальное адресование (*льготы ветеранам*) и потенциальное адресование (*льготы для ветеранов*).

Примечание. Примеры НКРЯ позволяют заметить, что за последние десятилетия количество управляемых форм с предлогом *для* и Р. значительно уменьшилось. Это объясняется тем, что эти формы, обладая значением потенциального адресования, коммуникативно менее востребованы, чем формы

со значением реального адресования, однако изначально эти формы с предлогом *для* и Р. от форм с Д. беспредложным носителями языка не отличались. Так, сочетание *для меня непонятно* имеет в НКРЯ 21 вхождение, при этом все они относятся к произведениям в основном XIX и отчасти первой трети XX века, а *мне непонятно* — 144 вхождения, и они в основном современны (дата последнего обращения — 09.01.2015 г.). Это свидетельство постепенного лексико-грамматического упорядочения русского языка в общем процессе его перцептивно-логической эволюции.

4.2. Центр системы. Род: диспозитивные грамматические квазиантонимы

Как сказано в подразделе 3.6, образуемая квазиантонимами бинарная оппозиция не диаметрально-предельна, как при показанной в предыдущем подпункте грамматической антонимии, но так же, как при ней, весьма контрастно делит семантическое пространство только на две взаимообусловливающие части, что понятийно приближает их к антонимам (а не синонимам). Такой род грамматических вариантов, как и предыдущий, является результатом альтернативно-диспозитивного восприятия (АДВ) явлений грамматики. В системе русских грамматических вариантов род представлен двумя центральными, разделенными на подвиды, и двумя периферийными, на подвиды не разделенными, видами.

4.2.1. Центр рода. Вид: диспозитивные грамматические квазиантонимы — прилагательные, различающиеся как относительные и качественные

Как известно, понятия относительности и качественности являются наиболее универсальными характеристиками прилагательных, представляя собой грамматическое закрепление двух ступеней познания человеком действительности: первую ступень — называния признака по принадлежности к мотивирующему слову (ступень относительности) и вторую ступень — обозначения признака как эмпирически достоверного свойства, присущего характеризуемому предмету, с возможностями градации и интенсификации,

предоставленными альтернативным восприятием (ступень качественности). Не случайно относительные прилагательные при наличии коммуникативной потребности в этом могут становиться качественными (см. об этом [97, 175–178]), достигая таким образом второй (высшей) ступени адъективного развития. Тем не менее противопоставление значений относительности и качественности прилагательных тоже остается коммуникативно востребованным, что не препятствует смешению таких прилагательных. Именно фактор смешения вынуждает кодификаторов включать это широко известное грамматическое противопоставление в ортологические пособия.

Вид представлен тремя подвидами.

Словообразовательные варианты двух типов: *минималистический — минималистичный* и *гуманистический — гуманный*. Прилагательные с суффиксами *-ическ- — -ичн-* и *-ическ- — -н-*

Традиционный аргумент — ПЭВ(ПВ)иОЛО: прилагательные с суффиксом *-ическ-*, которых к началу XIX века насчитывалось лишь несколько десятков, имеют относительное значение, а прилагательные с суффиксом *-ичн-*, развившиеся позже, имеют качественное значение; в настоящее время насчитывается более двухсот пар прилагательных с этими суффиксами (в ряде случаев вместо суффикса *-ичн-* выступает суффикс *-н-*) [138, 410–414].

Противоречие: относительность прилагательных с суффиксом *-ическ-* семантически не конкретизирована, хотя это и возможно, и необходимо для отграничения двух рассматриваемых типов вариантов от вариантов типа *минималист**ск**ий — минималист**ичн**ый* (см. следующий подпункт).

Новый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречия): прилагательные с суффиксом *-ическ-* имеют значение отношения к неодушевленности, а прилагательные с суффиксами *-ичн-* и (если традиционно не закрепился вариант с *-ичн-*) *-н-* имеют качественное значение (см. также [382]).

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры семантики отношения к неодушевленности:

Отчасти и потому что в последний год Москва вполне однозначно проводит прозападный ***прагматический*** *внешнеполитический* ***курс****, который трудно заподозрить в неких неоимперских устремлениях по отношению к Восточной Европе. [Георгий Бовт. И на Тихом океане свой окончим мы поход?. О чем говорили на 12-м Экономическом форуме в Кринице (2002) // «Известия», 2002.09.10]*. Маркеры подчеркивают, что внешнеполитический курс Москвы характеризуется приверженностью (отношением) демонстрируемого им прагматизма к западным политическим традициям (неодуш.). ПСМ: субституция с применением варианта *прагматичный* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики качественности, выраженной таким вариантом, с семантикой отношения к неодушевленности у показанных маркеров.

Минималистическая *по стилю* ***спальня*** *хозяев напоминает царство Снежной Королевы. [Юрий Королев. Фантом оперы. Либретто для московской квартиры (2002) // «Мир & Дом. City», 2002.01.15]*. Маркеры подчеркивают, что спальня имеет только или в основном белый цвет, то есть ее стиль имеет отношение к оперирующему малым количеством средств выражения минимализму (неодуш.). ПСМ: субституция с применением варианта *минималистичный* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики качественности, выраженной таким вариантом, с семантикой отношения к неодушевленности у показанных маркеров.

Здесь возможно и необходимо поставить развитие научно-технического прогресса под ***гуманистический контроль****, учитывать все негативные процессы воздействия человека на природу, Универсум, свой мир, рассматривая это движение как целостное действие человеческого Разума. [Владимир Горбачев. Концепции современного естествознания (2003)]*. Маркер представляет собой экспликацию идей гуманизма (неодуш.). ПСМ: субституция с применением варианта *гуманистичный* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики качественности, выраженной таким вариантом, с семантикой отношения к неодушевленности у показанного маркера.

Дедуктивно доказательные примеры семантики качественности:

Самый старший и ***прагматичный*** *из нас Андрей Подрябинников разрезал пополам пластиковую бутылку и заизолировал конец трекинговой палки, чтобы обмануть атмосферное электричество. [В. Полеванов. К истокам Амура в «страну непобедимых» // «Наука и жизнь», 2008].* Первый маркер — доказательство допускающей градацию качественности характеризуемого им прилагательного, второй маркер представляет собой конкретизацию информации о прагматичности Андрея как о его качестве. ПСМ: субституция с применением варианта *прагматический* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики отношения к неодушевленности, выраженной таким вариантом, с семантикой качественности у показанных маркеров.

Но и более ***минималистичным****: с точки зрения формы ему нужно совсем немного. [Евгений Гусятинский. О маньяках и кризисе // «Русский репортер», № 37 (215), 22 сентября 2011, 2011].* Первый маркер — свидетельство градуальности, присущей качественности. Второй маркер подчеркивает некое качество формы, полное проявлений минимализма. ПСМ: субституция с применением варианта *минималистический* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики отношения к неодушевленности, выраженной таким вариантом, с семантикой качественности у показанных маркеров.

— В действительности ***гуманный закон*** *был бы самой доброй, самой полезной защитой прав человека. [А. М. Несмеянова. Оподление (2003) // «Советская Россия», 2003.01.15].* Маркер представляет собой информацию о желательных для закона качественных характеристиках гуманизма. ПСМ: субституция с применением варианта *гуманистический* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики отношения к неодушевленному явлению, выраженной таким вариантом, с семантикой качественности у показанного маркера.

Имплицитные контексты

Индуктивно допускаемые примеры семантики отношения к неодушевленности:

С помощью ***прагматических правил*** *на основе морфологического и*

семантического анализа предложений проводится прагматический разбор фрагментов текста по предложениям: *[В. Н. Дудецкий. Организация данных в системе понимания текста на естественном языке (2000) // «Геоинформатика», 2000.06.01]*. Допущение: речь идет о правилах, имеющих отношение к прагматике (неодуш.). Маркеры семантики качественности у варианта *прагматический* отсутствуют.

Нанизанные на единую связующую нить ***минималистического замысла****, сады-жемчужины Хэм Хауса являются одним из лучших примеров английского космополитизма в садовом искусстве*. *[Мария Ожерельева. Садовый спектакль Хэм Хауса в пяти действиях (2003) // «Ландшафтный дизайн», 2003.09.15]*. Допущение: замысел имеет отношение к минимализму (неодуш.). Маркеры семантики качественности у варианта *минималистический* отсутствуют.

Генрих Манн: «*Пусть знает Советский Союз, какой* ***гуманистический пример*** *подает он миру*. *[Мария Чегодаева. Соцреализм: Мифы и реальность (2003)]*. Допущение: речь идет о примере гуманизма (неодуш.). Маркеры семантики качественности у варианта *гуманистический* отсутствуют.

Индуктивно допускаемые примеры семантики качественности:

Россия сегодня демонстрирует ***прагматичный подход*** *к выставкам вооружений*. *[Михаил Дмитриев, Анатолий Докучаев. Россия — кузница оружия (2003) // «Воздушно-космическая оборона», 2003.08.15]*. Допущение: речь идет о качестве подхода, полном проявлений прагматизма. Маркеры семантики отношения к неодушевленности у варианта *прагматичный* отсутствуют.

Правда, чего у «*Моцарта*» *не отнять, так это прекрасного* ***минималистичного браузера***. *[Максим Швейц. Моцарт, играющий в Apple // «Русский репортер», № 37 (215), 22 сентября 2011, 2011]*. Допущение: речь идет о качестве браузера, полном проявлений минимализма. Маркеры семантики отношения к неодушевленности у варианта *минималистичный* отсутствуют.

А заодно проиллюстрирует ваш принцип ***гуманного отношения*** *к животным*. *[Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998–2004)]*. Допущение: речь идет о полном гуманизма отношении, то есть о качестве этого

отношения. Маркеры семантики отношения к неодушевленности у варианта *гуманный* отсутствуют.

Примечание. Вариант *минималистический*, быть может пока, менее частотен, чем описанный в следующем подпункте вариант *минималистский*, который нередко выступает в значении отношения к неодушевленности, то есть в значении варианта *минималистический*, а вариант *прагматический* нередко встречается в качественном значении: *Отказ от гипотезы однородности человеческого капитала, принятой в экономической науке, носит* <u>*весьма*</u> ***прагматический характер****. [Евгений Сабуров. Страницы Евгения Сабурова. Homo oeconomico-politicus (2003) // «Неприкосновенный запас», 2003.11.11]* (маркер — интенсификатор *весьма* характеризует качественные прилагательные, не относительные). Однако эти факты не умаляют корректность рассмотрения тенденции противопоставления вариантов типа *минималистический — минималистский* (или *туристический — туристский*) как выражающих отношение к неодушевленности и одушевленности (см. пункт 4.1.3 и следующий подпункт настоящего пункта) и не нивелируют возможность противопоставления вариантов типа *прагматический — прагматичный* как выражающего отношение к неодушевленности и качественного.

Словообразовательные варианты типа *минималистский — минималистичный*. Прилагательные с суффиксами *-ск-* — *-ичн-*

Традиционный аргумент — ПЭВ(ПВ)иОЛО: прилагательные с суффиксом *-ск-* обозначают признак, относящийся к лицу, а прилагательные с суффиксом *-ичн-* имеют качественное значение [138, 407–410].

Противоречие: относительность прилагательных с суффиксом *-ск-* семантически конкретизирована, но не в полной мере: конкретизирована в не вполне удачных терминах словообразования, не совпадающих с терминами морфологии (см. об этом пункт 4.1.3).

Новый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречия): суффикс *-ск-* обеспечивает прилагательным значение отношения к одушевленности, а суффиксы *-ичн-* и *-н-* — качественное (см. также [382]).

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры семантики отношения к одушевленности:

Вчерашние «сверхиндустриалисты» сегодня испугались большевистских темпов развертывания индустрии и, пасуя перед трудностями нашего хозяйственного роста, перешли на ***минималистские позиции*** *правых капитулянтов. [А. Маймин. Путь побед (1930) // «Известия», 1930.11.07].* Маркер подчеркивает, что речь идет о позициях минималистов (одуш.). ПСМ: субституция с применением варианта *минималистичные* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики качественности, выраженной таким вариантом, с семантикой отношения к одушевленности у маркера *правых капитулянтов*.

Лучшим доказательством, что он умел «быть как все», может служить вполне ***реалистский****, приближающийся к Серову,* ***портрет*** *Арцыбушева. [С. К. Маковский. Врубель и Рерих (1921)].* Маркер свидетельствует об отношении манеры исполнения указанного портрета к манере исполнения портретов художника Серова (одуш.). ПСМ: субституция с применением варианта *реалистичный* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики качественности, выраженной таким вариантом, с семантикой отношения к одушевленности у маркера *приближающийся к Серову*.

Можете считать меня мизантропо-психопатом с маниакально- ***аутистскими наклонностями****, но я никого не обманываю... [http://www.stihi.ru/avtor/zverjonih].* Маркер свидетельствует о том, что указанные наклонности предполагаются у автора (одуш.). ПСМ: субституция с применением варианта *аутичными* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики качественности, выраженной таким вариантом, с семантикой отношения к одушевленности у показанного маркера.

Дедуктивно доказательные примеры семантики качественности:

Декорации минималистичны*, эффект лубка — безграничен. «Демьян» идет чуть больше часа, а радует потом почти месяц. [Алексей Мокроусов. Как*

апрель, так стуки в дверь? Это я, твоя капель! (2002) // «Домовой», 2002.04.04]. Маркер обозначает противоположность минимализма, позволяющую понять, что речь идет о минимализме декораций как об их качестве. ПСМ: субституция с применением варианта *минималистские* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики отношения к одушевленности, выраженной таким вариантом, с семантикой качественности у показанного маркера.

*Его подход, пожалуй, <u>более</u> **реалистичный** — <u>статус Каспия может быть определен лишь при согласии всех пяти участников процесса</u>, на Иран же туркменские колебания мало действуют, точно так же как и двусторонние успехи России, Казахстана и Азербайджана. [Екатерина Григорьева. Модифицированный саммит. Туркменбаши надеется поделить Каспийское море (2002) // «Известия», 2002.01.09]*. Первый маркер подчеркивает присущую качественным (не относительным) прилагательным градуальность степеней сравнения, второй маркер раскрывает качественное содержание подхода, полного реализма. ПСМ: субституция с применением варианта *реалистский* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики отношения к одушевленности, выраженной таким вариантом, с семантикой качественности у показанных маркеров.

*Умный родитель умудрился направить <u>бессмысленную компьютерную активность</u> своего **аутичного сына** в полезное русло. [Саша Бородин. Клады интернета (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.07.14]*. Маркер обозначает качественное проявление аутизма описываемого ребенка. ПСМ: субституция с применением варианта *аутистского* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики отношения к одушевленности, выраженной таким вариантом, с семантикой качественности у показанного маркера.

Имплицитные контексты

Индуктивно допускаемые примеры семантики отношения к одушевленности:

*Затем делались прыжки от **минималистских** к **максималистским** планам. [А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг (1958–1973)]*. Допущение: речь

идет о планах лиц — минималистов и максималистов (одуш.). Маркеры семантики качественности у вариантов *минималистские* и *максималистские* отсутствуют.

С ним любили, встретившись в кабачке, поговорить о серьезных предметах знаменитейшие доктора и ***реалистского****, и* ***номиналистского*** *толка. [М. А. Алданов. Девятое термидора (1921)].* Допущение: речь идет о характеристиках докторов — реалистов и номиналистов (одуш.). Маркеры семантики качественности у вариантов *реалистский* и *номиналистский* отсутствуют.

Слова ***«аутистский спектр»*** *охватывают богатейшее разнообразие типов поведения, не просто нарастание симптомов от малозаметных к ярковыраженным, а трёхмерный мир, отдельные «точки» которого с таким же трудом поддаются определению, как сама человеческая личность. [Эндрю Соломон об аутизме // http://elena-v-kuzmina.blogspot.com/2008/09/esquire-2008.html].* Допущение: речь идет о спектре, имеющем отношение к аутистам (одуш.). Маркеры семантики качественности у варианта *аутистский* отсутствуют.

Индуктивно допускаемые примеры семантики качественности:

Архитектура и цвет *павильона исключительно* ***минималистичны****... [Мария Игнатьева. Тед Смайт: «Хочу принести в сад брызги океана…» (2002) // «Ландшафтный дизайн», 2002.07.15].* Допущение: речь идет о полном минимализма качестве архитектуры и цветовых решений. Маркеры семантики отношения к одушевленности у варианта *минималистичны* отсутствуют.

Несколько индивидуальных занятий помогут вам разобраться в собственных желаниях, приоритетах, ценностях, позволят выстроить ***реалистичный план*** *достижения желаемого будущего. [Как преодолеть кризис в карьере? (2004)].* Допущение: речь идет о полном реализма качестве плана. Маркеры семантики отношения к одушевленности у варианта *реалистичный* отсутствуют.

Кречмер, давший подробное описание шизоидных личностей именно в этом

смысле, указывает, что неуклюжий, ***аутичный*** *и как будто тупой с виду* ***юноша****, бесцельно проводящий свои молодые годы, вдруг может выпустить томик стихотворений с нежнейшими настроениями. [В. А. Гиляровский. Психиатрия. Гл. 30–40 (1935)].* Допущение: речь идет о полном аутизма качестве юноши. Маркеры семантики отношения к одушевленности у варианта *аутичный* отсутствуют.

Словообразовательные варианты типа *американо-российский* — *американско-российский*. Сложные прилагательные с двумя равноправными основами с суффиксом -*ск*- и без суффикса в предшествующей основе, имеющие значение национально-территориальной принадлежности

Традиционный аргумент — ПЭВ(ПВ)иОЛО: прилагательные с двумя равноправными основами, имеющие и не имеющие в предшествующей основе суффикс -*ск*-, в современном русском языке представляют собой достаточно пеструю в лексико-семантическом отношении картину, в которой отчетливо выделяется большая и постоянно пополняемая группа прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности. Однако алгоритм выбора суффиксального или бессуффиксального варианта в данной группе не предлагается (см. [516]). Единственным достижением в этой области ортологии является констатация: выбор таких вариантов обусловлен их структурными особенностями или традицией [138, 405–406].

Противоречие: в объяснении дифференциации рассматриваемых вариантов отсутствует представление о едином механизме дифференциации таких вариантов, хотя однокритериальная тенденция их различения на самом деле намечается (см. новый аргумент).

Новый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречия): признавая, что узуальные характеристики рассматриваемых вариантов достаточно далеки от состояния окончательного закрепления, считаем необходимым обратить внимание на постепенное формирование следующей тенденции их дифференциации: варианты без суффикса в предшествующей основе имеют относительное (в неодушевленном и одушевленном аспектах)

значение, а прилагательные с суффиксом -*ск*- в предшествующей основе имеют качественное значение (см. также [416]). Поскольку указанный алгоритм дифференциации таких вариантов на данном этапе их употребления нельзя признать универсальным и во многих случаях данные варианты выглядят абсолютно взаимозаменяемыми, прием субституции к ним не применяется.

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры семантики относительности:

А месяц спустя, когда народный гнев утих, депутаты дружно ратифицировали ***американо-российский договор*** *о СНП. [Дмитрий Чернов. Конец думской лихорадки // «Время МН», 2003]*. Маркер обозначает явление — стратегические наступательные потенциалы — которое может быть объектом договоренностей Америки (США) и России, отношение к которым (а не качество которых) и выражает прилагательное.

Ожидается, что центральным документом предстоящего российско-японского саммита станет «План действий», который японский премьер назвал маршрутной картой, призванной «содействовать взаимному росту позитивного влияния ***японо-российского сотрудничества*** *во всех областях и развивать в дальнейшем двусторонние отношения в целом». [В мире (2003) // «Дагестанская правда» (Махачкала), 2003.01.10].* Маркеры, называющие аспекты сотрудничества Японии и России, указывают на отношения этих стран, поэтому прилагательное *японо-российский* имеет значение отношения к сотрудничеству Японии и России, а не его качества.

Дедуктивно доказательные примеры семантики качественности:

Когда я вам описывал мечту Биларди и сборы их в Россию, то пообещал рассказать полную правду о том, как происходит ***американско-российское усыновление****… [Игорь Свинаренко. Сиротская история (1997) // «Столица», 1997.11.24]*. Маркер, представляющий собой информацию о возможности разных степеней познания такого типа усыновления, позволяет понять, что прилагательное означает не принадлежность (отношение) усыновления к Америке и России, а эмпирически очевидное свойство, присущее такому

усыновлению, характеризует усыновление как осуществляемое по американско-российскому образцу, то есть имеет качественное значение.

Качественное значение подобных прилагательных наблюдается в искусственных (созданных нами) примерах, допускающих интенсификацию и степени сравнения: *Очень* ***американско-российский*** *вид противостояния наблюдается в отношениях Израиля и Палестины* (вариант *американо-российский*, на наш взгляд, здесь вряд ли возможен); *Вполне* ***французско-канадское*** *исполнение можно услышать в опере «Notre Dame de Paris»* (вариант *франко-канадское*, очевидно, здесь невозможен).

Имплицитные контексты

Индуктивно допускаемые примеры семантики относительности:

Операцию решено считать ярким примером ***американо-российского сотрудничества*** *в борьбе с терроризмом. [Владимир Абаринов. На кончике «Иглы» (2003) // «Совершенно секретно», 2003.08.09].* Допущение: речь идет о сотрудничестве Америки (США) и России, а прилагательное имеет значение отношения к этим странам. Маркеры семантики качественности у варианта *американо-российского* отсутствуют.

Во всяком случае, призыву "надо!" ***японо-российские отношения*** *подчиняются плохо. [Борис Дмитриев. Ни пяди назад // «Коммерсантъ-Власть», 1998].* Допущение: речь идет об отношениях Японии и России, а прилагательное имеет значение отношения к этим странам. Маркеры семантики качественности у варианта *японо-российские* отсутствуют.

Другое индуктивное доказательство: в НКРЯ в разных падежах вариантное сочетание с относительным значением *американо-российские отношения* (то есть отношения Америки и России) имеют 5 вхождений, а вариантное сочетание *американско-российские отношения* — только одно; вариантное сочетание с относительным значением *американо-российский договор* (то есть договор Америки и России) имеет 2 вхождения, а вариантное сочетание *американско-российский договор* не имеет ни одного вхождения (дата последнего обращения — 12.01.2015 г.). Из этого может следовать допущение, что варианты с

суффиксом -*ск*- в первой основе в сочетаниях, производных от названий стран, употребляются редко или не употребляются вовсе потому, что проявляют тенденцию к отсутствию частотной в таких сочетаниях семантики относительности по причине постепенного приобретения семантики качественности.

Примечание-1. Поскольку показанная нами тенденция дифференциации таких вариантов только намечается, считаем корректным воздержаться от приведения индуктивно допускаемых примеров семантики качественности у рассматриваемых прилагательных с суффиксом -*ск*- в первой основе.

Примечание-2. Важно отметить факты абсолютного неразличения рассматриваемых вариантов в текстах XIX и начала XX веков. Возможно, наблюдаемое в последние десятилетия относительное уменьшение числа таких фактов свидетельствует о корректности фиксации описанной здесь дифференцирующей тенденции. С эволюционно-эпистемологической точки зрения, не вполне удачная попытка найти универсальный критерий различения столь проблемных вариантов прогрессивнее ее отсутствия.

4.2.2. Центр рода. Вид: диспозитивные грамматические квазиантонимы, различающиеся как процессуальные и предметные

Процессуальность отглагольных существительных общеизвестна. Однако такая их характеристика, как статусная предметность имен существительных, приводит к семантическому отрыву отглагольных существительных от мотивировавших их глаголов и закреплению за такими существительными предметных значений. Тем не менее в процессе познания действительности, сопровождаемого процессами коммуникации и накопления знаний, носители языка испытывают потребность и в предметности, и в процессуальности отглагольных существительных. Вид представлен двумя подвидами.

Словообразовательные варианты трех типов: *упаковывание — упаковка, активирование — активация, осмысливание — осмысление.*

Отглагольные существительные с суффиксом -*анij*- и суффиксами -*к*-, -*ацij*-, -*енij*-

Традиционный (в целом непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: носители языка могут использовать суффиксальные различия отглагольных существительных для дифференциации их как обозначающих: процессуальность — это существительные трех типов: *упаковывание, активирование* и *осмысливание*, и предметность — существительные трех типов, соотносительных с первыми тремя типами: *упаковка, активация* и *осмысление* [138, 379–386, 422–424]. Л. П. Катлинская не пишет прямо, что варианты типа *осмысление* имеют предметное значение, но оно выводится из слов автора: «Процесс ликвидации видовой соотносительности имен действия на *-(е)ние* исторически был связан с ослаблением их глагольности. В исторической эволюции языка отмечается тенденция к семантическому отходу имени от соответствующего глагола» [138, 424]. Очевидно, что ослабление глагольности имени, или, что то же, отход имени от глагола, может привести такое имя к обозначению не только относительной (фактической) процессуальности (см. пункт 4.1.3), но и предметности.

Синтаксические варианты типа *контроль за чем — контроль над чем*. Конструкции форм Т. существительных, управляемых существительными со значением надзора при помощи предлогов *за* и *над*

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: при помощи предлога *за* существительные со значением надзора управляют существительными со значением процесса (***наблюдение за расходованием*** *денежных средств*), а при помощи предлога *над* существительные со значением надзора управляют существительными со значением предмета (***контроль над тарифами***) [138, 73].

4.2.3. Периферия рода. Вид: словообразовательные варианты типа *внештатный — нештатный.* Прилагательные с префиксами *вне-* и *не-*, различающиеся значениями ‘выходящий за пределы чего-либо’ и ‘не имеющий отношения к чему-либо’

Традиционный аргумент-1 — ПЭВ(ПВ)иОЛО: варианты прилагательных с префиксами *вне-* и *не-* имеют одно значение, «осуществляемый или

находящийся за пределами того, что названо мотивирующим словом», и потому различаются стилистически: варианты с *вне-* употребляются в письменно-канцелярской и терминологической сферах речи; вариант с *не-* — «преимущественно в разговорной» [138, 433].

Противоречие-1: варианты прилагательных с префиксами *вне-* и *не-* имеют не одно значение и потому стилистические характеристики не являются для них основными.

Традиционный аргумент-2 — ПЭВ(ПВ)безЛО: прилагательные с *вне-* образуются регулярно; «однокоренные с ними образования с приставкой *не-* имеют другое значение» [138, 433].

Противоречие-2а: признание «другого значения» у прилагательных с *не-* противоречит признанию одного и того же значения у прилагательных с *вне-* и *не-* (см. традиционный аргумент-1).

Противоречие-2б: не указано, какое именно «другое значение» имеют прилагательные с *не-*.

Новый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречий): варианты с префиксом *вне-* имеют значение ’выходящий за пределы чего-либо’, а варианты с префиксом *не-* являются выразителями классического кванторного отрицания «не-1» [57] и потому имеют значение ’не имеющий отношения к чему-либо’ (см. также [385]).

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры семантики выхода за пределы чего-либо:

И все же, проработав полтора года в команде Собчака, Медведев предпочел перейти в режим ***внештатного*** *сотрудничества и вернулся на кафедру… [коллективный. Медведевская хватка // «Русский репортер», № 18 (18), 4–11 октября 2007, 2007].* Маркеры представляют собой информацию о том, что Медведев работал в команде Собчака, в сопоставлении с которой становится ясно, что затем Медведев вышел за пределы этой команды. ПСМ: субституция с применением варианта *нештатного* вряд ли возможна по причине

несовместимости семантики отсутствия отношения к чему-либо, выраженной таким вариантом, с семантикой выхода за пределы чего-либо у показанных маркеров.

...ему нужна консультация по бухгалтерской отчетности, услуга может быть выполнена во ***внеурочное*** *от банковских обязанностей время. [Валериан Скворцов. Сингапурский квартет (2001)]*. Маркер позволяет понять, что речь идет о времени, выходящем за границы времени исполнения банковских обязанностей. ПСМ: субституция с применением варианта *неурочное* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики отсутствия отношения к чему-либо, выраженной таким вариантом, с семантикой выхода за пределы чего-либо у показанного маркера.

Дедуктивно доказательные примеры семантики отсутствия отношения к чему-либо:

Ситуация выглядит настолько ***нештатной****, что найти безоговорочное её разрешение в многостраничных талмудах регламентов турнира и футбольных правил невозможно. [Андрей Левых. Беккенбауэр снова забивает России. УЕФА назначает переигровку матча «Тироль» — «Локомотив» (2001) // «Известия», 2001.08.24]*. Маркеры позволяют понять, что сложившаяся ситуация не имеет никакого отношения к тому, что написано в регламентах и правилах, поскольку имеет значительные отличия от написанного там. ПСМ: субституция с применением варианта *внештатной* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики выхода за пределы чего-либо, выраженной таким вариантом, с семантикой отсутствия отношения к чему-либо у показанных маркеров.

Домой шли долго, перекапывал редкий теплый дождик, пахло пылью и тополиными листиками, ***неурочное*** *время для отпуска, начало мая, самое томительное время. [Людмила Петрушевская. Найди меня, сон (1998–1999)]*. Маркер представляет собой слишком абстрактную информацию, чтобы ее можно было счесть имеющей временн**ы**е пределы: разные люди предпочитают или имеют возможность взять отпуск в разное время года. Следовательно, можно

говорить о том, что описываемый период отношения к отпуску не имеет. ПСМ: субституция с применением варианта *внеурочное* вряд ли возможна по причине несовместимости семантики выхода за пределы чего-либо, выраженной таким вариантом, с семантикой отсутствия отношения к чему-либо, подчеркнутой ориентированным на кванторное отрицание «не-1» маркером *для отпуска*.

Имплицитные контексты

Индуктивно допускаемые примеры семантики выхода за пределы чего-либо:

Я обошел все таллиннские редакции. Договорился о ***внештатной*** *работе. Взял интервью у какого-то слесаря. [Сергей Довлатов. Компромисс (1981–1984)]*. Допущение: речь идет о работе, выполняемой работником, не входящим в редакционный штат. Маркеры семантики отсутствия отношения к чему-либо у варианта *внештатной* отсутствуют.

Потом уехали на заседание Политбюро, которое неожиданно и во ***внеурочное*** *время собралось в субботу. [Олег Гриневский. Восток — дело тонкое (1998)]*. Допущение: речь идет о заседании, не вписавшемся в обычный распорядок заседаний. Маркеры семантики отсутствия отношения к чему-либо у варианта *внеурочное* отсутствуют.

Индуктивно допускаемые примеры семантики отсутствия отношения к чему-либо:

А человек только радирует: я жив и, если надо, справлюсь с любой ***нештатной*** *ситуацией. [Сергей Солоух. Одна любовь, один проект // «Октябрь», 2003]*. Допущение: все ситуации предусмотреть невозможно, поэтому речь идет о любой ситуации, не имеющей отношения к представляемым. Маркеры семантики выхода за пределы чего-либо у варианта *нештатной* отсутствуют.

Строили его на артельных началах в ***неурочное*** *время, из бросовых материалов. [В. К. Кетлинская. Мужество (1934–1938)]*. Допущение: речь идет о времени, не предусмотренном для строительства, но в то же время не предусмотренном для чего-то другого, имеющего конкретный характер, а

следовательно, имеющего пределы. Маркеры семантики выхода за пределы чего-либо у варианта *неурочное* отсутствуют.

Примечание. Семантические характеристики выхода за пределы чего-либо и отсутствия отношения к чему-либо могут показаться похожими лишь при первом, поверхностном, восприятии, при котором создается впечатление, что, например, *нештатный*, как и *внештатный*, означает ‘выходящий за пределы штата’, или, что то же, ‘не входящий в состав штата’. Более глубокое, альтернативное, восприятие этих вариантов позволяет заметить, что вариант *нештатный* не имеет семантики вхождения или невхождения в пределы чего-либо: «вне» может быть только то, что бывает и «в», то есть ‘пребывание в’ является презумпцией семантики *вне* (и наоборот), в то время как семантика *не-1* имеет презумпцию кванторного существования ‘нечто просто есть, не более того’. Вариант *нештатный* безразличен к семантике вхождения или невхождения в пределы чего-либо, поскольку обычным кванторным способом отрицает штатность, никак не увязывая это отрицание с ее пределами.

4.2.4. Периферия рода. Вид: синтаксические варианты типа е*хать поездом — ехать на поезде*. Конструкции беспредложной с Т. и с предлогом *на*, управляющим П., форм существительных, обозначающих средства передвижения, различающиеся значениями ‘способ передвижения с использованием механического, самоходного общественного транспорта’ и ‘средство передвижения’

Традиционный (в целом непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: беспредложная с Т. и с предлогом *на*, управляющим П., формы существительных, обозначающих средства передвижения, при глаголах перемещения в пространстве различаются значениями «способ передвижения с использованием механического, самоходного транспорта» и «средство передвижения» [138, 71–72]. Значение беспредложной с Т. формы требует небольшого, но существенного уточнения: ‘способ передвижения с использованием механического, самоходного общественного транспорта’, поскольку только таким, общественным механическим, самоходным,

транспортом — *автобусом, троллейбусом, трамваем, поездом, самолетом, теплоходом* и т. п. — можно *куда-либо добраться*. **Добраться куда-либо машиной, мотоциклом, моторной лодкой*, и т. п., то есть транспортным средством механическим, самоходным, но не общественным, узуально невозможно.

4.3. Центр системы. Род: диспозитивные грамматико-стилистические синонимы

Как сказано в главе 3.6, данный род грамматических вариантов включает бинарные оппозиции, члены которых противопоставлены другу по стилистическому признаку в рамках литературного языка, то есть они различаются как лексическо-стилистические синонимы, оставаясь при этом сущностями грамматическими. Такой род грамматических вариантов, как и предыдущие два, является результатом альтернативно-диспозитивного восприятия (АДВ) явлений грамматики. В системе русских грамматических вариантов род представлен пятью центральными, разделенными на подвиды, и восемью периферийными, на подвиды не разделенными, видами.

4.3.1. Центр рода. Вид: диспозитивные грамматико-стилистические синонимы, различающиеся как нейтральные и разговорные

Оппозиции, члены которых дифференцируются как нейтральные и разговорные, хорошо известны в сфере лексической стилистики. Распространение подобных оппозиций в сфере грамматики свидетельствует об их коммуникативной востребованности. Грамматические средства с разговорной окраской вполне уместны в ситуации непринужденного общения.

Вид представлен девятью подвидами.

Словообразовательные варианты типа *слесарничать — слесарить*. Глаголы с суффиксами *-нича-* и *-и-*, образованные от одушевленных существительных

Традиционный аргумент-1 — ПЭВ(ПВ)иОЛО: глаголы, производные от названий профессий, не имеющих суффикса *-ник*, типа *слесарничать — слесарить*, «лишены, как правило, стилистических примет» [138, 425].

Противоречие-1: такие варианты глаголов могут быть образованы не только от названий профессий, ср. *обезьянничать — обезьянить*.

Противоречие-2: глагольные варианты этого типа иногда могут образовываться существительных, не имеющих суффикса -*ник*, ср. *шкодничать — шкодить*.

Противоречие-3: глагольные варианты указанного типа в последние десятилетия все чаще обнаруживают закрепление стилистических характеристик (см. новый аргумент).

Традиционный аргумент-2 — аргумент к традиции без ЛО: «в глагольных парах с семантическим компонентом оценочности», типа *бродяжничать — бродяжить*, «употребляются разные варианты» [138, 425].

Противоречие-2: глагольные варианты указанного типа, семантика которых включает оценку, в последние десятилетия тоже все чаще имеют закрепленные стилистические характеристики, что в данном случае не зафиксировано и, как следствие, не объяснено.

Новый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречий): глагольные варианты, упомянутые в обоих традиционных аргументах, различаются как стилистически нейтральные и разговорные.

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры стилистической нейтральности:

В свое время среди физиков лебедевской школы установилось мнение, что физик-экспериментатор обязательно должен <u>владеть ремеслами</u>: должен <u>уметь</u> ***слесарничать****, <u>обладать навыками плотника</u> и должен <u>уметь паять стекло</u>. [А. С. Предводителев. Из воспоминаний о В. В. Шулейкине (1964–1973)]*. Маркеры представляют собой сочетания стилистически не сниженных слов, в одном ряду с которыми *слесарничать* выглядит нейтральным. ПСМ: субституция с применением варианта *слесарить* вряд ли возможна по причине несовместимости стилистической разговорности, характеризующей такой вариант, со стилистической нейтральностью у показанных маркеров.

Милиционер не унимался: все равно ***бродяжничать*** *<u>не положено</u>! [Герман Садулаев. Бич Божий (2010) // «Знамя», 2008]*. Маркер представляет собой

официальную словоформу (с кванторным отрицанием «не-1»), рядом с которой глагол *бродяжничать* в обычной ситуации не может быть разговорным и потому выглядит нейтральным. ПСМ: субституция с применением варианта *бродяжить* вряд ли возможна по причине несовместимости стилистической разговорности, характеризующей такой вариант, со стилистической несниженностью у показанного маркера.

Дедуктивно доказательные примеры стилистической разговорности:

Слесарить, *значит, можешь маленько, — сказал Парамонов. — Могу, могу, — охотно подтвердил кочегар. [В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961)]*. Маркеры — разговорное вводное и разговорное наречие — указывают на разговорность контекста, в котором гармонично разговорным является и глагол *слесарить*. ПСМ: субституция с применением варианта *слесарничать* вряд ли возможна по причине несовместимости стилистической нейтральности, характеризующей такой вариант, со стилистической разговорностью у показанных маркеров.

*— **Бродяжить** сейчас — дело пустое, — назидательно промолвил дядя Егор, — себе дороже обходится. [Александр Чаковский. Блокада (1968)]*. Маркеры представляют собой разговорные сочетания, рядом с которыми глагол *бродяжить* естественным образом разговорен. ПСМ: субституция с применением варианта *бродяжничать* вряд ли возможна по причине несовместимости стилистической нейтральности, характеризующей такой вариант, со стилистической разговорностью у показанных маркеров.

Имплицитные контексты

Индуктивно допускаемые примеры стилистической нейтральности:

*Константин Эдуардович хорошо **столярничал, слесарничал**, был отличным токарем. [А. Л. Чижевский. Вся жизнь (1959–1961)]*. Допущение: в таком стилистически неоднородном контексте (ср. вежл. *Константин Эдуардович* и нейтр.-разг. *был отличным токарем*) глаголы *столярничал* и *слесарничал* выглядят стилистически нейтральными.

*Он работал когда-то в одной из роскошных гостиниц Парижа, разливая вино в погребе, а потом спился и стал **бродяжничать** и теперь, на склоне лет,*

находил, что так гораздо лучше. [Гайто Газданов. Ночные дороги (1939)]. Допущение: среди слов разговорных (*спился*), книжных (*на склоне лет*) и остальных, нейтральных, *бродяжничать* выглядит стилистически нейтральным.

Индуктивно допускаемые примеры стилистической разговорности:

По сей день Козлов ***слесарит*** *в депо. [Владимир Чивилихин. Про Клаву Иванову (1964)].* Допущение: несмотря на стилистически несниженное *по сей день* (книжн.-высок.), *слесарит* выглядит словом разговорным.

Если бы эта страна была побольше хоть бы раз в десять, я бы ***бродяжил*** *здесь весь остаток дней, думал АЯ. [Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)].* Допущение: несмотря на стилистически разные показатели контекста (разг. *была побольше хоть бы раз в десять* и книжн.-высок. *весь остаток дней*), *бродяжил* выглядит словом разговорным.

Примечание-1. Если стилистическая характеристика глагола на *-ить* такова, что он может употребляться только в ситуации непринужденного общения, например *хулиганить, балагурить*, то его вариант на *-ничать*, например *хулиганничать, балагурничать*, как правило, не образуется в силу отсутствия коммуникативной потребности в нем в иных, кроме разговорной, сферах общения. Поэтому такие глаголы выглядят просторечными в случаях, когда носитель просторечия употребляет их в стремлении показаться более культурным человеком, ср., например: *— Всякий пьяный, — визгливо начал Рубашкин, — будет здесь* ***хулиганничать****… [Илья Ильф, Евгений Петров. Золотой теленок (1931)]; Здесь вам не это самое. Здесь мы никому* ***хулиганничать*** *не позволим. Здесь и не таким рога обламывали. [Владимир Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1969–1975)].*

Примечание-2. В текстах XIX и начала XX веков рассматриваемые варианты глаголов смешивались особенно часто, чего не наблюдается в последние десятилетия. Это свидетельство того, что, в отличие от предшественников, современные носители языка подсознательно различают такие варианты стилистически.

Словообразовательные варианты типа *научно — по-научному*.

Суффиксальные и префиксально-суффиксальные качественные наречия

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: варианты суффиксальных качественных наречий типа *научно* в языке присутствуют давно и являются стилистически нейтральными; варианты префиксально-суффиксальных качественных наречий типа *по-научному* начали образовываться с середины XIX века и стали отличаться от уже имеющихся вариантов типа *научно* разговорностью [138, 430–432].

Словообразовательные варианты двух типов: *она секретарь — она секретарша, она врач — она врачиха*. Бессуффиксные и суффиксальные, с суффиксами *-ш-* и *-их-*, существительные, обозначающие женские соответствия к мужским названиям лиц

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: из вариантов, обозначающих женские соответствия к мужским названиям лиц, бессуффиксные формы, например *секретарь, врач*, стилистически нейтральны, а формы с суффиксами *-ш-* и *-их-* разговорны [138, 137–138; 46, 95–97].

Примечание-1. Как известно, в силу исторических причин на протяжении многих веков социальная роль женщины сводилась к присмотру за детьми и ведению домашнего хозяйства. Вне дома работали только мужчины, и это приводило к тому, что названия должностей и профессий постепенно появлялись и закреплялись только в м. р. Однако с появлениям и планомерным утверждением социального института эмансипации регулярно стала возникать потребность в обозначении женских соответствий к мужским названиям лиц. В рассматриваемых в настоящем подпункте случаях такие особые обозначения приобрели разговорный характер при сохранении стилистической нейтральности «мужских» форм. В других случаях у носителей языка возникла коммуникативная потребность в нейтральной характеристике особых, суффиксальных, обозначений женских соответствий к мужским названиям лиц и в официальности «мужских» форм — см. об этом пункт 4.3.4.

Примечание-2. В отношении отдельных слов с суффиксами *-ш-* и *-их-* иногда наблюдаются субъективные ортологические оценки. Так, Ю. А. Бельчиков, не приводя доказательств, считает, что слова *докторша* и *врачиха* являются просторечными [46, 95–97]. Но в таком случае у образованных

носителей языка — homo reflectens не возникало бы желания употреблять эти слова в ситуациях непринужденного общения, в которой часто наблюдаются слова разговорные. Однако указанные носители языка, прежде всего писатели, именно в таких ситуациях эти слова употребляют: в НКРЯ только в И. *докторша* имеет 253 вхождения, а *врачиха* — 249 (дата последнего обращения — 15.01.2015 г.), причем в подавляющем большинстве случаев не для характеристики речи персонажей — носителей просторечия. Следовательно, это слова разговорные.

Морфологические варианты типа *тракторы — трактора*. Существительные м. р. на твердый согласный в И. мн. ч. и только неодушевленные в В. мн. ч.

Традиционный (в целом непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: происходящие от форм дв. ч. «формы на *-а* имеют обычно разговорную и профессиональную окраску…». Формы на *-и(-ы)* стилистически нейтральны [448, 109–112; 138, 160–167; 129, 232–233; 497, 159–160; 46, 103–108]. По всей видимости, профессиональная окраска форм на *-а* не является главной по отношению к их разговорности, поскольку эти формы становились прежде всего показателями перехода от признака нейтральности к признаку разговорности, отхода, который проще и надежнее осуществлять в обособленных от широкой коммуникации, относительно закрытых сферах, например в сфере профессиональной. В таком случае профессиональная сфера есть не более чем место, где утверждение разговорности происходит успешнее.

Морфологические варианты типа *к празднику 8-го марта — к празднику 8-е марта*. Числительные даты в Р. ед. ч. и И. ед. ч.

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: в литературном письменном языке употребляется форма Р. числительного даты, например *с праздником 8-го марта*; в разговорной речи — форма И. числительного даты, например *с праздником 8-е марта* [138, 262–263].

Примечание. Возможно, в не столь уж отдаленном будущем, как это часто случается с разговорными явлениями, выглядящими вполне логичными, формы И. числительного даты станут стилистически нейтральными, вытеснив в таких случаях Р. (еще В. В. Виноградов считал, что «форма родительного времени

представляет собою синтаксический идиоматизм», и называл ее «архаизмом» [97, 151]). Такие факты уже имеются. Например, И. числительного даты употребляется ежедневно при написании текущей даты на доске в школе [138, 262]. Кроме того, и это не менее важно с точки зрения логики, И. позволяет избежать омонимии в случаях типа *Мы поздравляем Вас с праздником 8-го марта*. Здесь непонятно, что имеется в виду под *8-го марта*: известный женский праздник или дата поздравления с каким-то другим праздником.

Морфологические варианты пяти типов: *чисти — чисть, порти — порть, морщи — морщь, корчи — корчь, нянчи — нянчь*. Глаголы, основы которых оканчиваются на сочетания *ст, рт, рщ, рч, нч*, в форме повелительного наклонения 2-го л. ед. ч.

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: глаголы, основы которых оканчиваются на сочетания *ст, рт, рщ, рч, нч*, в форме повелительного наклонения 2-го л. ед. ч., например *чисти — чисть, порти — порть, морщи — морщь, корчи — корчь, нянчи — нянчь*, различаются как нейтральные и разговорные [572, 565; 448, 163–164; 138, 270–271; 129, 318; 46, 210].

Морфологические варианты типа *машет — махает, помашем — помахаем*. Формы настоящего и будущего времени непродуктивных глаголов на *-ать(ся)* со звуковыми различиями в основе

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: формы настоящего и будущего времени непродуктивных глаголов на *-ать(ся)*, например *машет — махает, помашем — помахаем*, различаются как нейтральные и разговорные [448, 156–157; 138, 286–289; 129, 317; 46, 204–205].

Примечание. Как сказано в [138, 283–292], рассматриваемым непродуктивным глаголам (их около 40) «искони свойственны формы с чередованием согласного основы: *брызгать — брызжет, двигать(ся) — движет(ся)*», *махать — машет, хныкать — хнычет* и др., однако под воздействием многочисленных глаголов продуктивного класса типа *бегать — бегает, играть — играет* еще с XVIII века у изначально непродуктивных

глаголов стали появляться продуктивные формы без чередования согласного в основе, например *брызгает, двигает(ся), махает, хныкает*. Их конкуренция с непродуктивными формами привела к двум путям развития событий: 1) некоторые непродуктивные и продуктивные формы несистемным образом лексикализировались, то есть достаточно непредсказуемо разошлись в лексических значениях, например *брызжет* = ‘выбрасывает мелкие частицы жидкости’, а *брызгает* — ‘опрыскивает, окропляет жидкостью’, движется = ‘перемещается’, а двигается = ‘совершает движения, оставаясь на месте’, и потому не могут считаться интересующими нас регулярными грамматическими вариантами; 2) другие непродуктивные и продуктивные формы, например *машет — махает, захнычет — захныкает*, получили описанное выше (до примечания) регулярное стилистическое различие. Однако нельзя исключить, что в будущем именно эти, стилистически дифференцируемые варианты — при отсутствии коммуникативной потребности в таком их различении — будут нейтрализованы в продуктивном типе, как это уже произошло с такими изначально непродуктивными глаголами, как *глотать, икать, лобзать, рыкать*, теперь имеющими лишь формы *глотает, икает, лобзает, рыкает*.

Морфологические варианты типа *более сухое место — место посуше*. Аналитические и синтетические формы сравнительной степени прилагательных в функции определения

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: аналитические формы сравнительной степени прилагательных в функции определения, например *более сухое место* и *нет человека более противного*, стилистически нейтральны, а синтетические формы сравнительной степени в той же функции, например *место посуше* и *нет человека противнее*, разговорны [448, 125–126; 138, 320–324; 129, 248; 46, 154–158].

Морфологические варианты типа *скорее — скорей*. Синтетические формы сравнительной степени прилагательных и наречий на *-ее* и *-ей*

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: синтетические формы сравнительной степени прилагательных и наречий с

продуктивным суффиксом *-ее* и его редуцированным вариантом *-ей* различаются как нейтральные и разговорные. «В устной речи интеллигенции, — отмечает Л. К. Граудина, — одна форма с *-ей* приходится примерно на 12 форм с *-ее*…» [138, 329–330] (см. также [46, 154–155]).

Примечание. Предположение о том, что формы сравнительной степени прилагательных и наречий на *-ей* могут употребляться — независимо от стилистических характеристик — в случаях относительно большой длины слова, например *вдумчивей, капризней, свирепей* [138, 330], примерами НКРЯ почти не подтверждается: в неразговорных (в основном) контекстах *вдумчивей* имеет 3 вхождения, *вдумчивее* — 15; *капризней* — 6 (2 из устной речи персонажей-неинтеллигентов), *капризнее* — 15; *свирепей* — 15 (2 из устной речи персонажей-неинтеллигентов), *свирепее* — 55 (дата последнего обращения — 16.01.2015 г.).

4.3.2. Центр рода. Вид: диспозитивные грамматико-стилистические синонимы, различающиеся как современные нейтральные и устаревающие высокие

Как известно, языковые явления очень редко устаревают внезапно. Это возможно в случаях кардинальных социальных потрясений, например революций, меняющих жизненный уклад и лексику, обозначающую его реалии. В большинстве случаев, прежде всего имеющих отношение к грамматике, языковые явления устаревают постепенно. При этом, устаревая, они чаще всего приобретают коммуникативно востребованную высокую стилистическую окраску, дифференцируясь таким образом от диспозитивно сосуществующих с ними стилистически нейтральных вариантов.

Именно такие пары грамматических явлений объединены в настоящем виде, представленном шестью подвидами.

Словообразовательные варианты типа *тамбовец — тамбовчанин*. Существительные с суффиксами *-ец-* и *-анин-*, обозначающие лиц по территориальной принадлежности

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: существительные, обозначающие лиц по территориальной или национальной

принадлежности, образованные при помощи суффиксов *-ец* и *-(ч)анин*, в случае их вариантности различаются стилистически: как современные нейтральные и устаревающие высокие [138, 386–398].

Словообразовательные варианты типа *по-дружески — дружески*. Префиксально-суффиксальные и суффиксальные формы качественных наречий на *-ски*, образованных от основ — названий лиц

Традиционный аргумент-1 — ПЭВ(ПВ)иОЛО: по мнению Л. П. Катлинской, поскольку «уже в XIX в. произошло окончательное разграничение значения приставочной и бесприставочной модели на *-ски*…» (префиксальные образования «невозможны от прилагательных, не выделяющих в своей основе существительные — названия лица», то есть возможны только: *издевательски*, но не **по-издевательски* от *издевательский, наплевательски*, но не **по-наплевательски* от *наплевательский*), «большинство наречий этого типа не вступает в отношения свободного варьирования. Так, качественные наречия, соотносительные с именами собственными, возможны только в приставочной форме: *по-наполеоновски, по-шекспировски, по-карамзински…*» [138, 429–430].

Противоречие-1: по данным НКРЯ, бесприставочные наречия на *-ски*, соотносительные с именами собственными, встречаются и в XX веке, из чего следует, что в XIX веке окончательного семантического разграничения приставочной и бесприставочной моделей на *-ски* еще не произошло.

Традиционный аргумент-2 — ПЭВ(ПВ)иОЛО: некоторые из наречий на *-ски* остаются вариантными: «*зрительски — по-зрительски, отечески — по-отечески, дружески — по-дружески* и т. д. … В большинстве случаев употребление одного из вариантов наречия лексически закреплено: *зверски голодный, дружески подмигнуть, по-хозяйски рассчитывать, по-детски обидеться* и т. д.» [138, 430].

Противоречие-2: по данным НКРЯ, в этих же «лексически закрепленных» сочетаниях возможны и оппоненты показанных вариантов. Следовательно, дифференциация этих вариантов не может быть сведена к их лексической закрепленности.

Новый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречий): префиксально-суффиксальные и суффиксальные формы качественных наречий на *-ски*, образованных от основ — названий лиц, различаются стилистически: как современные нейтральные и устаревающие, но иногда коммуникативно востребованные высокие (см. также [417]).

Примеры сравнения частотности в определенное время стилистической современной нейтральности и устаревающей «высокости»

Современная нейтральность изучаемых префиксально-суффиксальных и устаревающая «высокость» суффиксальных наречий на *-ски* вполне очевидны (временные показатели подчеркнуты). Ср., с одной стороны, *Спектакль Аллы Бабенко, психологически утонченный,* ***по-чеховски*** *целомудренный, по-современному нервный, украсил бы любой фестиваль. [Чеховские круги (2003) // «Театральная жизнь», 2003.11.24]; На фоне других советских детских фильмов «Отроки» смотрелись почти* ***по-шекспировски****. [коллективный. Космос как идея // «Русский репортер», № 18 (18), 4–11 октября 2007, 2007]; Он был* ***по-пушкински*** *щедр на сюжеты и обладал удивительным бесстрашием исследователя. [Александр Городницкий. «И жить еще надежде» (2001)]; Жгунов уже* ***по-дружески*** *подмигнул: — Во-первых, ты в армии разведчиком срочную служил и в саперном деле должен понимать. [Владимир Черкасов. Черный ящик (2000)]; — Еще бы, — по-доброму,* ***по-сестрински*** *отвечает ей Верочка… [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008]; Такие первоклассники ведут себя* ***по-детски*** *непосредственно и учатся неровно [Алевтина Луговская. Если ребенок боится ходить в школу (2002)]*, а также словосочетания: ***по-женски*** *победно* (А. Варламов); ***по-женски*** *длинные волосы* (А. Иличевский); ***по-женски*** *аккуратно* (А. Рубанов); ***по-женски*** *наблюдательная* (С. Данилюк); ***по-женски*** *нежная кожа* (Л. Улицкая); ***по-женски*** *милая бабушка* (А. Мишарин); ***по-женски*** *мудра* (Ю. Трифонов); ***по-женски*** *властно* (В. Аксенов); ***по-женски*** *привлекательные особы* (Ю. Даниэль); ***по-женски*** *беззащитная* (В. Липатов); *его* ***по-женски*** *безмускульные руки* (В. Кожевников); о голосе: *звучал* ***по-женски*** (К. Воробьев) — и, с другой

стороны, ***Чеховски*** *деликатно, меткими полунамеками, А. П. повествовал мне о своих житейских невзгодах... [И. Л. Леонтьев-Щеглов. Из воспоминаний об Антоне Чехове (1904–1911)]; У Пушкина мы увидели* ***шекспировски*** *сложную и в то же время кристально-ясную лермонтовскую трагедию — ожившую здесь в третий раз, и надолго. [Я. Л. Варшавский. Третье рождение «Маскарада» (1939.01.25) // «Советское искусство». № 12 (592), 1939]; Говорил спокойно, без рисовки,* ***пушкински*** *ясным языком, с солдатской вежливостью отвечая на вопросы: «Так точно, никак нет». [Н. С. Гумилев. Записки кавалериста (1914–1915)]; — Хорошо поешь, парень, —* ***дружески*** *подмигнул он, — отец научил? [Г. М. Марков. Строговы. Кн. 2 (1936–1948)]; Иногда, успокоив Н***, я радовался детскому выражению ее просветлевшего лица, на котором вспыхивали двумя огнями глаза; и улыбка так* ***сестрински*** *проникала в душу...» [Андрей Белый. Начало века (1930)]; Что-то* ***детски*** *наивное должно быть в этой смерти. [В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961)]*, а также словосочетания ***женски*** *нежная забота* (И. Ефремов); ***женски*** *белая грудь,* ***женски*** *красивые глаза,* ***женски*** *белая рука* (М. Шолохов), ***женски*** *обиделась* (А. Платонов); ***женски*** *ласковые глаза* (М. Горький); *волосы,* ***женски*** *висевшие вдоль щек* (И. Бунин); ***женски*** *счастлива* (А. Чехов); ***женски*** *визгливое «караул»* (А. Левитов); о мужчине: ***женски*** *нежен* (И. Тургенев).

Примечание-1. Обращает на себя внимание тот факт, что в современном узусе современные нейтральные, то есть префиксально-суффиксальные, наречия в основном встречаются при глаголах и в меньшей степени при прилагательных и наречиях, в то время как устаревающие высокие, то есть суффиксальные, наречия, напротив, чаще встречаются при прилагательных и наречиях, нежели при глаголах. Это свидетельствует о том, что при глаголах процесс устаревания беспрефиксных наречий происходит быстрее, и такая «приглагольная» тенденция объяснима частеречной естественностью такого процесса: прежде всего наречие имеет значение признака обозначаемого глаголом действия («ad + verbum»).

Примечание-2. Имеются и современные примеры употребления сочетания *дружески подмигнул*, что действительно свидетельствует об отмеченной

Л. П. Катлинской (см. выше) лексикализации некоторых сочетаний, однако показанная выше возможность сочетания *по-дружески подмигнул* свидетельствует о неабсолютном характере такой лексикализации.

Морфологические варианты двух типов: *весной — весною* и *мной — мною, которой — которою*. Существительные ж. р. на *-а, -я* и личные или относительные местоимения в Т. ед. ч.

Традиционный (в целом непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: односложные окончания Т. ед. ч. у существительных на *-а* и относительных и личных местоимений являются современными и стилистически нейтральными; двусложные окончания этих форм постепенно и с разной скоростью устаревают; при этом формы с двусложным окончанием у таких местоимений чаще наблюдаются в письменной речи, а у существительных «употребление форм с двусложным окончанием стилистически не дифференцировано» [138, 191–192, 342–344; 129, 234–235]. Л. К. Граудина замечает, что двусложные окончания у существительных на *-а* «распространены в стихах, так как отвечают требованиям ритма и рифмы» [138, 191–192, 342–344]. Но этот факт как раз дает основания считать такие формы существительных стилистически высокими.

Примечание-1. Двусложные окончания у местоимений быстрее устаревают у местоимений относительных, например форма *которою* в НКРЯ наблюдается у М. Булгакова, Б. Пастернака, А. Солженицына, но не позже, а формы личных местоимений *мн**ою**, н**ею**, соб**ою**, тоб**ою*** встречаются до сих пор — при большей распространенности первых двух.

Примечание-2. Иногда двусложные формы позволяют избежать омонимии форм, например лучше употребить *сделано* ***ею*** (что и рекомендуется Л. К. Граудиной без объяснения [138, 343]) во избежание омонимии творительного и дательного падежей, имеющейся в *сделано* ***ей***.

Морфологические варианты двух типов: *вырежь — вырежи; ослабь — ослаби, закупорь — закупори*. Глаголы с ударяемой приставкой *вы-*, имеющие накоренное ударение в бесприставочном виде, и глаголы, имеющие основы

на губной или сонорный, в форме повелительного наклонения 2-го л. ед. ч.

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: в формы повелительного наклонения 2-го л. ед. ч. на согласный и на *-и* глаголов с ударяемой приставкой *вы-*, имеющих накоренное ударение в бесприставочном виде, и глаголов, имеющих основы на губной или сонорный, различаются как современные нейтральные и устаревающие высокие [448, 163–164; 138, 271–272; 129, 318; 46, 210].

Синтаксические варианты двух типов: *по пять — по пяти, по несколько — по нескольку*. Конструкции неизменяемой и изменяемой форм количественных числительных начиная с *пять* и неопределенно-количественных числительных с предлогом *по* в дистрибутивном значении

Традиционный (в целом непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: неизменяемая и изменяемая формы количественных числительных начиная с *пять* в конструкциях с предлогом *по* в дистрибутивном значении, по мнению В. А. Ицковича (считающего что в *по пять* имеет место управление В. числительного), различаются как современные нейтральные и устаревающие высокие; такие же формы в том же значении неопределенно-количественных числительных, по мнению Л. К. Граудиной (считающей, что в *по пять* и *по несколько* — несклоняемые формы числительных), испытывая влияние конструкций типа *по пять*, распространены в устной речи, но всё же «очень редко встречаются … в письменной речи» [138, 64–65, 363–364]. В настоящее время можно говорить о том, что количество конструкций типа *по несколько* именно в письменной речи в десятки раз превышает количество конструкций типа *по нескольку*. По данным НКРЯ, в котором отражены в основном примеры письменной речи, в контекстах 1990-х и 2000-х годов *по нескольку* имеет 19 вхождений, а *по несколько* только за период 2000-х годов встречается 198 раз (дата последнего обращения — 17.01.2015 г.).

Синтаксические варианты типа *между соснами — между сосен*. Конструкции форм Т. и Р. мн. ч., управляемых предлогом *между*

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО:

формы Т. и Р. мн. ч., управляемые предлогом *между*, различаются как современные нейтральные и устаревающие высокие [138, 76].

4.3.3. Центр рода. Вид: диспозитивные грамматико-стилистические синонимы, различающиеся как официальные и разговорные

Хорошо известно, что русская грамматика не отличается абсолютной регулярностью употребления ее форм. Исторически сложилось так, что русские грамматические значения не всегда получают формальное выражение. В случаях коммуникативной востребованности в грамматике закрепляются диспозитивные варианты выраженности и невыраженности определенных грамматических значений с определенными стилистическими характеристиками.

В данном случае это характеристики официальности и разговорности, которые представлены в двух подвидах.

Морфологические варианты типа *решение ВАК — решение ВАКа*. Несклоняемые и склоняемые инициальные, звукового характера, аббревиатуры на согласный

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: «Большинство аббревиатур этого типа изменяются по падежам в разговорной речи и часто не склоняются в письменной…» [138, 238–240; 46, 143–146]. Противопоставленная разговорной речи письменная речь воспринимается прежде всего как официальная, но склоняемые и несклоняемые аббревиатуры этого типа могут встречаться и в стилистически нейтральных контекстах. Следовательно, чем выше степень официальности или разговорности — тем выше вероятность употребления соответственно несклоняемого или склоняемого варианта.

Примечание. О родовых вариантах таких аббревиатур — см. пункт 4.3.10.

Синтаксические варианты типа *известный математик Ковалевская — известная математик Ковалевская*. Конструкции атрибутивов с существительными м. р. ед. ч. И., называющими лиц по роду деятельности, в применении к лицам женского пола

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: Л. К. Граудина закрепила положение, намеченное Д. Э. Розенталем как

фрагментарное [448, 215]: «В письменной строго официальной или нейтрально-деловой речи принята норма согласования по внешней форме определяемого существительного: *выдающийся математик Софья Ковалевская…*». «В разговорной речи преобладает согласование по смыслу: *…бывшая премьер-министр* Маргарет Тэтчер…» [138, 134–136] (о том же говорится в [129, 387–388; 46, 264]).

Примечание. Образование таких вариантов обусловлено социально-историческими причинами. Как было сказано в пункте 4.3.1, в течение веков социальная роль женщин сводилась к присмотру за детьми и домашним хозяйством, и это зеркально привело к тому, что названия профессий и должностей закреплялись как названия мужские. Состоявшаяся в целом эмансипация выдвинула коммуникативную потребность в обозначении в прошлом сугубо мужских профессий как женских. Узус пошел по пути обозначения женскости согласованием атрибутивов в ж. р. Однако другая коммуникативная потребность — в различении официальности и разговорности — обусловила появление рассматриваемых вариантов (см. также [396, 126]).

4.3.4. Центр рода. Вид: диспозитивные грамматико-стилистические синонимы, различающиеся как нейтральные и официальные

Оппозиция вариантов со стилистическими характеристиками нейтральности и официальности в силу привативной социальной значимости сферы официальности на фоне межстилевой универсальной нейтральности, безусловно, коммуникативно востребована. В семантико-стилистической типологии русских грамматических вариантов эта оппозиция представлена пятью подвидами.

Словообразовательные варианты типа *она журналистка/учительница/поэтесса — она журналист/ учитель/поэт* и морфологические варианты типа *она заведующая — она заведующий*. Суффиксальные, с суффиксами *-к-*, *-ниц-* и *-есс-*, и бессуффиксные существительные (первый тип) и субстантивированные адъективы с флексиями ж. и м. р. (второй тип) — женские соответствия

к мужским названиям лиц

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: в случае какой-либо официальности — деловой, научной, публицистической — при обозначении женщин используется форма м. р., при отсутствии указанной официальности — ж. р. названия лица, выраженного существительным или субстантивированным адъективом [448, 97; 138, 137–150; 129, 224–225; 46, 97–100].

Примечание. Образование таких вариантов обусловлено социально-историческими причинами, описанными в пункте 4.3.1. Отличие состоит лишь в том, что в случаях, представленных в настоящем подпункте, коммуникативная потребность, обусловившая появление рассматриваемых вариантов, состоит в различении официальности и нейтральности.

Морфологические варианты типа *в республике Болгарии — в республике Болгария, в городе Ниамете — в городе Ниамет*.

Склоняемые и несклоняемые иноязычные географические названия на *-а* и на согласный в функции приложения

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: иноязычные географические названия на *-а* и на согласный в функции приложения при коммуникативной потребности показать стилистическую нейтральность (немаркированность) часто склоняются, поскольку, имея такие финали, подчиняются русской системе склонения; однако при коммуникативной потребности показать официальность они не склоняются, и эта тенденция — в сравнении с преимущественным их склонением в XIX веке — в XX веке усилилась [448, 222–224; 138, 206–210; 129, 385–387; 497, 203–205; 46, 266–268] (см. также [419]).

Примечание-1. Нет сомнений в том, что в настоящее время указанная тенденция является такой же сильной, как в XX веке. Как известно, исследователи видят в этом склонность русской грамматики к аналитизму, причины такой склонности не объясняя. Ее можно было бы объяснить развитием абстрактного мышления носителей русского языка, но такое развитие не

обязательно приводит к аналитизму грамматики. Во-первых, стремление к аналитизму изначально флективно-падежной грамматики, ведущее к отказу от склонения, возможно лишь при условии закрепления порядка слов (иначе неизбежны коммуникативные неудачи), но о таком закреплении в русском языке, с присущей ему «привычкой» логически выделять на письме в конце фразы любое знаменательное слово, говорить преждевременно. Во-вторых, стремлением к аналитизму невозможно объяснить, почему рассматриваемое несклонение наблюдается только в функции приложения, вне этой функции не встречаясь. На наш взгляд, в данном случае приходится говорить о стремлении не столько к аналитизму: он применительно к русской грамматике воспринимается поверхностно, — сколько к точности передачи названия в официальной ситуации, где ошибки крайне нежелательны. О том, как подобные варианты могу различаться по признаку освоенности, известности и неосвоенности, неизвестности, — см. пункт 4.4.2.

Примечание-2. То, что указанное различие касается только иноязычных названий, условно. Если бы Россия была республикой, а не Российской Федерацией, то в официальной ситуации был бы вполне возможен пример в **Республике Россия*, равно как в *Республике Украина* и *Республике Беларусь*: *В конкурсе приняли участие 64 предприятия мясной и птицеперерабатывающей промышленности из 16 регионов России, а также два предприятия из **Республики Беларусь**, три предприятия из **Республики Украина** и одно предприятие из Чехии. [Мясоперерабатывающие предприятия на ярмарке «ПРОДЭКСПО–2004» (2004) // «Мясная индустрия», 2004.05.24]* (стоит обратить внимание на то, что в указании государственного статуса здесь нуждаются бывшие республики СССР и ЧССР, но не Россия и не Чехия).

Синтаксические варианты типа *после окончания, в тот же момент — по окончании, в тот же момент*. Конструкции форм Р. ед. ч., управляемых предлогом *после*, и П. ед. ч., управляемых предлогом *по*, имеющие значение «в момент окончания»

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: при

совпадении конструкций типа *после окончания* и *по окончании* в значении ‘после’, то есть без уточнения того, насколько ‘после’, первая конструкция употребляется в стилистически нейтральной ситуации, а вторая — «главным образом в деловой и газетной речи» [138, 62–63].

Примечание. О семантической дифференциации этих конструкций — см. пункт 4.1.7.

Синтаксические варианты двух типов: *просит предоставить убежище — просит о предоставлении убежища; просьба предоставить убежище — просьба о предоставлении убежища*. Конструкции глаголов или существительных, подчиняющих инфинитив или отглагольное существительное

Традиционный (в целом непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: по мнению В. А. Ицковича, рассматриваемые здесь конструкции с зависимым инфинитивом или существительным встречаются соответственно в разговорной и деловой речи [138, 84]. Однако очевидно, что такие конструкции с зависимым инфинитивом встречаются и в стилистически нейтральных контекстах, ср.: *В обращении, подписанном генеральным директором предприятия Евгением Узиловым, содержится* ***просьба предоставить*** *«Куйбышевнефти» отсрочку по платежам в федеральный бюджет. [Андрей Гаврюшенко. Дело. 1992–2002 (2002) // «Дело» (Самара), 2002.04.11]; Участники войны имеют* ***право отдыхать*** *в летнее время... [График отпусков (1988) // «Труд», 1988.12.31].*

Примечание. Понятие стилистической нейтральности — по происхождению лексическое. Нейтральную лексику называют также «межстилевой», «стилистически немаркированной» [555, 246–247], и это означает, что такие слова «употребляются в любой ситуации, в любом типе речи» и «составляют основное ядро лексики» [594, 151]. Эти же характеристики вполне применимы к явлениям грамматической вариантности, однако ортологи-грамматисты чаще обращают внимание на стилистическую маркированность грамматических вариантов, иногда фиксируя ее и там, где корректнее говорить о

стилистической немаркированности. Такому повышенному вниманию есть объяснение. Очевидно, что в процессе дифференциации проще (такая простота коррелирует с ПВ) противопоставляются явления заметные, контрастные, прежде всего диаметрально противоположные, например официальность и разговорность, а не официальность и нейтральность. Однако из этого не следует гносеологическая невозможность более тонкой дифференциации, обеспечиваемой АДВ.

Синтаксические варианты трех типов: *продукцию выпускают — продукция выпускается, продукцию выпустили — продукция выпущена, не выделили лимита — не выделено лимита*. Неопределенно-личные и безличные конструкции

Традиционный (в целом непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: По справедливому мнению Л. К. Граудиной, обозначающие деятеля глагольной формой 3 л. мн. ч. неопределенно-личные конструкции, не выражая связь действия с конкретным деятелем, всё же обозначают б**о**льшую связь действия с деятелем, чем совсем не включающие обозначение деятеля безличные конструкции. При этом конструкции неопределенно-личные «характерны для устной непринужденной речи», а безличные чаще встречаются в стилистически строгом, научном и деловом, контекстном окружении [138, 302–307]. В. А. Ицкович обращает внимание на вариантность конструкций типа *не выделили лимита — не выделено лимита* [138, 57–58]. В обоих вариантах наблюдается семантика абстрактности объекта, описанная в пункте 4.1.1, однако стилистическое различие между этими вариантами — то же, что между описанными Л. К. Граудиной неопределенно-личными и безличными конструкциями.

«Устную непринужденную речь» как стилистическую характеристику неопределенно-личных конструкций не следует абсолютизировать, поскольку они не менее часты в стилистически нейтральном употреблении, ср.: *…художественную* ***продукцию выпускают*** *малыми сериями… [М. Кривич, О. Ольгин. Кофеварка по-еревански // «Химия и жизнь», 1982]; После того как в*

Институте физпроблем на основе этого документа ***подготовили*** *математическое задание, его* ***переправили*** *в Институт прикладной математики, где работала группа А. Н. Тихонова. [Геннадий Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода (2004)]* (см. примечание к предыдущему подпункту). Современную высокую частотность употребления безличных конструкций, которая свидетельствует о пассивности агенса, отмечает Т. Б. Радбиль [438, 322–323] (об этом говорится также в пунктах 4.1.1 и 3.7.2). Однако очевидно, что не менее часто употребляются и неопределенно-личные конструкции. Вопрос о том, почему неопределенно-личные конструкции чаще встречаются в устной и стилистически нейтральной речи, а безличные в официальной, требует специального изучения.

4.3.5. Центр рода. Вид: диспозитивные грамматико-стилистические синонимы, различающиеся как нейтральные и книжно-высокие

Оппозиция вариантов со стилистическими характеристиками нейтральности и «высокой книжности», так же как описанная в предыдущем пункте оппозиция вариантов стилистически нейтральных и официальных, по-своему, эстетически, тоже является коммуникативно востребованной. В демонстрируемой типологии русских грамматических вариантов эта оппозиция представлена тремя подвидами.

Морфологические варианты двух типов: ***Иван сдержаннее Петра — Иван более сдержан, чем Петр; Иван ведет себя сдержаннее других — Иван ведет себя более сдержанно, чем другие*****. Синтетические и аналитические формы сравнительной степени прилагательных в функции сказуемого (первый тип) и наречий в функции обстоятельства (второй тип)**

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: синтетические и аналитические формы сравнительной степени прилагательных в функции сказуемого и наречий в функции обстоятельства различаются внутри каждого типа как нейтральные и книжно-высокие [448, 125–126; 138, 320–324; 129, 248; 46, 154–158].

Примечание. О различии между такими синтетическими и аналитическими

формами сравнительной степени, связанном с их употреблением в разных синтаксических функциях, — см. пункт 4.5.1.

Синтаксические варианты типа *дом, который построил Джек — дом, построенный Джеком*. Придаточные определительные предложения с союзным словом *который* и причастные обороты

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: придаточные предложения с союзным словом *который* и причастные обороты различаются как стилистически нейтральные и книжно-высокие [295, 496; 448, 273–275; 129, 418; 497, 225–227].

Синтаксические варианты двух типов: *когда подписываете обращение, помните о последствиях — подписывая обращение, помните о последствиях; когда решение принято, можно приступать к работе — приняв решение, можно приступать к работе*. Обстоятельственные придаточные предложения и деепричастные обороты: с причастиями и деепричастиями настоящего и прошедшего времени

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: обстоятельственные придаточные предложения и деепричастные обороты различаются как стилистически нейтральные и книжно-высокие [448, 273–274, 281–282; 129, 418–419; 497, 228–229].

4.3.6. Периферия рода. Вид: словообразовательные варианты типа *Харьковская область — Харьковщина*. Словосочетания и суффиксальные существительные — названия областей, различающиеся как нейтральные и разговорные или публицистические

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: существительные с суффиксом *-щин-/-чин-* — названия областей благодаря активному их использованию, в целях экономии, в языке средств массовой информации перестали считаться просторечными, и сейчас словосочетания и суффиксальные существительные — названия областей различаются как стилистически нейтральные и разговорные или публицистические [138, 398–400].

Примечание. Очевидно, что разговорные или публицистические формы

всё же редко образуются для обозначения областей столичных — по причине стихийного к таким областям пиетета. Так, варианты *Московщина* (в значении области, а не Московского государства) и *Ленинградчина* (равно как и неправильный *Ленинградщина*) в НКРЯ отсутствуют (дата последнего обращения — 19.01.2015 г.). Однако Л. П. Катлинская один пример употребления варианта *Ленинградчина* приводит: «…через 4 года — по истечении срока полномочий избранных в 1996 г. губернаторов Петербурга и *Ленинградчины* — состоятся выборы главы их объединенной администрации (НГ. 1996. 14 сент.)» [138, 399].

4.3.7. Периферия рода. Вид: словообразовательные варианты типа *Гаврилович — Гаврилыч, Андреевич — Андреич*. Формы мужских отчеств с суффиксами *-ович-/-евич-* и *-ич-(-ыч-)*, различающиеся как книжно-/официально-высокие и устно-разговорные

Традиционный (в целом непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: уже более ста лет формы мужских отчеств, образованные при помощи суффиксов *-ович/-евич* и *-ич*, различаются как книжно- и официально-высокие и устно-разговорные [572, 531; 138, 324]. Однако некоторые из таких форм не всеми носителями языка, включая лингвистов, воспринимаются одинаково. Например, Р. И. Аванесов крайне негативно относился к форме *Никитович*, называя ее «неправильной и уродливой» [2, 227–228]. Тем не менее форма *Никитович*, очевидно по аналогии с обширной группой отчеств на *-ович*, встречается в стилистически нейтральном или близком к этому статусу контекстном окружении: *Приглядел Иван* ***Никитович*** *в городке одного парня — Василия Акимова, грузчиком работает. [Татьяна Лотис. Режиссер из Диканьки // «Огонек». № 5, 1970, 1970]*. В таком же окружении, но гораздо чаще, чем форма *Никитович*, встречается форма *Никитич*: *Здесь стажировался дипломат Александр* ***Никитич*** *Кельчевский, который до недавнего времени был французским консулом в Петербурге. [Георгий Хабаров. «Бати-иезуиты» — исход из Медона (2003) // «Совершенно секретно», 2003.09.01]. А в советские паспорта вписывают отчество «****Никитович****», тем не менее по правилам русского языка следует говорить «****Никитич****», так же как «Ильич». [Марианна*

Баконина. Школа двойников (2000)]. Более того, форма *Никитович* носителям языка даже не всегда известна, в силу чего форму *Никитич* они считают единственно возможной и потому допустимой во всех случаях: *...были супругами и величали друг друга по имени-отчеству, она его — Владислав* ***Никитич****, он ее — Алевтина Марковна (в отличие от демократической Москвы чопорный Ленинград всегда обожал формальности). [Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009)]*. Из этого следует, что процесс дифференциации между формами *Никитич* и *Никитович* не завершен, но форма *Никитич* количественно преобладает.

4.3.8. Периферия рода. Вид: словообразовательные варианты типа *кандидатская диссертация — кандидатская*. Сочетания прилагательного с существительным и субстантивированные прилагательные, различающиеся как официальные и разговорные или публицистические

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: сочетания прилагательного с существительным и субстантивированные прилагательные противопоставляются как официальные и разговорные или публицистические. Употребление субстантивированных прилагательных не ограничивается сферой разговорной речи: оно весьма распространено в публицистике [138, 330–336].

Примечание. Как и в случаях, описанных в двух последних подпунктах пункта 4.3.4, относительная полярность стилистических характеристик не препятствует употреблению обоих этих вариантов в стилистически нейтральном контекстном окружении: *В 1961 г. он защитил* ***кандидатскую диссертацию*** *и проработал в Институте 43 года. [Вся жизнь среди зеленой музыки (2004) // «Лесное хозяйство», 2004.10.19]. Впрочем, Оля все-таки вела по преимуществу оседлый образ жизни и, не торопясь, писала* ***кандидатскую*** *(что-то о докембрийских комплексах Балтийского щита по результатам сверхглубокого бурения)... [Павел Крусанов. Другой (2001) // «Нева», 2004]*.

4.3.9. Периферия рода: словообразовательные варианты типа *свойственен — свойствен*. Краткие формы на *-ен* и *-енен* прилагательных м.

р. на -*енный* с накоренным ударением, различающиеся как современные и устаревающие

Традиционный аргумент — ПЭВ(ПВ)иОЛО: уточняя с современных позиций мнение Д. Э. Розенталя о том, что в кратких формах прилагательных м. р. на -*енный* происходил переход от первоначальной, старославянской, формы на -*ен* к форме на -*енен*, после чего наблюдается возврат к форме на -*ен*, «в чем можно видеть частный случай проявления характерной для современной эпохи тенденции к экономии языковых средств» [448, 124–125] (о современном преобладании форм на -*ен* пишет и Ю. А. Бельчиков [46, 151–152]), Л. К. Граудина замечает следующую закономерность: форма на -*ен* наблюдается у прилагательных с накоренным ударением типа *свойственный — свойствен*, а форма на -*енен* — у прилагательных с ударением на суффиксе типа *несомненный — несомненен*. [138, 318–319]. В таком механизме есть своя, хотя и относительная, логика: ударение на суффиксе прилагательного на -*енный* может создавать впечатление, что в краткой форме у такого прилагательного отсутствует обычная для кратких прилагательных с накоренным ударением клитичная финаль -*ен*, — следовательно, такую финаль следует нарастить. Единственным исключением из этого правила, тоже по-своему логичным, является сохранение финали -*ен* у кратких прилагательных с накоренным ударением, если они принадлежат к прилагательным «высокого стиля», например «…*благословен* мастер, достигший вершины мастерства» [138, 319].

Противоречие: указанная логика является относительной, поскольку обосновываемое ею различие не имеет ни семантического, ни стилистического характера, а следовательно, такая логика не застрахована от воздействий других, возможно более простых, логических оснований. Таким основанием становится современная тенденция к выравниванию финалей кратких прилагательных по одному типу, и рекомендация финали -*ен* для кратких прилагательных с накоренным ударением вступает в противоречие с указанной — акцентно-структурной, но не более востребованной семантической или стилистической — закономерностью.

Новый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречия): под влиянием аналогичной структуры кратких прилагательных с ударением на суффиксе, имеющих финаль *-енен* даже при такой их характеристике, как «высокий стиль», оставаясь коммуникативно невостребованными как имеющие акцентно-структурное отличие от кратких прилагательных с ударением на суффиксе, краткие прилагательные с накоренным ударением тоже всё чаще имеют финаль *-енен*.

Примеры сравнения кратких прилагательных с накоренным ударением, различающихся финалями *-ен* и *-енен*, по критериям их частотности в определенное время

Согласно данным НКРЯ (почти все примеры — из художественной литературы и публицистики; дата последнего обращения — 24.01.2015 г.):

в 1980-е *свойствен* имеет 19 вхождений, *свойственен* — 10;

в 1990-е *свойствен* — 12, *свойственен* — 6;

с 2000 года *свойствен* — 38, *свойственен* — 38.

Соотношения 19 : 10 и 12 : 6 показывают, что вариант *свойствен* еще вдвое частотнее своего оппонента до 2000 года. Однако соотношение 38 : 38 с 2000 года свидетельствует о тенденции резкой интенсификации употребления варианта *свойственен*, не обусловленной никакими семантическими, стилистическими и акцентно-структурными условиями по причине коммуникативной их невостребованности. В этом случае аналогия, как абсолютно прямолинейная — формальная, без учета содержания, — логика, неизменно берет свое.

Ср. также в НКРЯ частотно-временн**о**е соотношение форм таких кратких прилагательных с накоренным ударением, как частотные *естествен* — *естественен* и нечастотные *безнравствен* — *безнравственен*:

в 1980-е: *естествен* — 8, *естественен* — 2; *безнравствен* — 1, *безнравственен* — 2;

в 1990-е: *естествен* — 16; *естественен* — 13; *безнравствен* — 3, *безнравственен* — 2;

с 2000 года: *естествен* — 26, *естественен* — 34; *безнравствен* — 0,

безнравственен — 2.

Краткие прилагательные «высокого стиля» тоже всё чаще употребляются с финалью *-енен*, например *дерзновен* — 1, *дерзновенен* — 4; *незабвен* — 1, *незабвенен* — 8 вхождений (всего в НКРЯ). Высокая частотность форм естественным образом, как и в случае с устойчивостью частотных фразеологизмов, препятствует их унификации по непривычной для носителей языка в таких словах финали *-енен*, однако она появляется и здесь. Так весьма частотная форма *благословен* в НКРЯ имеет 359 вхождений, однако имеется и два вхождения формы *благословенен*.

Все эти факты не менее красноречиво свидетельствуют о тенденциозной унификации кратких форм прилагательных м. р. на *-енный* с накоренным ударением по финали *-енен*.

Примечание. Логичность описанной здесь «унификации по аналогии» не абсолютна, поскольку при АДВ таких вариантов признак акцентно-структурного их различения и признак возможности унификации имеют одинаковые — не вполне убедительные — значимости, ибо никак не связаны с коммуникативно-востребованными семантическими или стилистическими различиями. По причине неабсолютной логичности устаревания вариантов с финалью *-ен* мы не можем их признать вариантами, устаревающими логично, описанными нами в пункте 4.4.1.

4.3.10. Периферия рода. Вид: морфологические варианты типа *ЖЭК решил — ЖЭК решила, НАТО заявило — НАТО заявила*. Аббревиатуры с родовой принадлежностью, которая определяется по внешнему облику или по роду стержневого слова, различающиеся как современные нейтральные и устаревающие официальные

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: при несовпадении внешней формы и рода стержневого слова (такое совпадение можно видеть в примерах *МХАТ* — театр, *ПТА* — противотанковая артиллерия) наблюдается такая закономерность: «Если аббревиатуры часто употребляются, становятся более или менее привычными, соответствующее полное наименование забывается, аббревиатуры отрываются от него, приобретая свойства

цельнооформленного грамматического независимого слова с иной родовой характеристикой» [138, 110–116] (см. также [46, 137–140]), например *ЖЭК решил, само НАТО*. Всё реже встречающиеся варианты типа *НАТО приняла решение* воспринимаются уже как архаично-высокие.

Примечание. Отрыв внешней формы аббревиатуры от ее содержания (уступку поверхностности восприятия лишь одного из двух аспектов) невозможно признать абсолютно логичным, поскольку он противоречит гносеологически важной ценности единства дифференцируемых формы и содержания. Однако в силу распространенности такого относительно логичного отрыва у ортологов нет другого выхода, кроме как кодифицировать это торжество формы над содержанием. Аналогичный отрыв наблюдается у первых, воспринимаемых в качестве морфем частей составных слов *типа генерал-лейтенанту, премьер-министра, горе-критиком* [138, 110–116].

4.3.11. Периферия рода. Вид: морфологические варианты типа *самый важный — важнейший*. Аналитические и синтетические формы превосходной степени прилагательных, различающиеся как нейтральные и экспрессивные

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: превосходная степень, выраженная аналитической формой с *самый*, является стилистически нейтральной; превосходная степень, выраженная синтетической формой с суффиксом *-ейш-*, «экспрессивно окрашена» [448, 126–127; 138, 326–329; 129, 248].

Примечание. Ю. А. Бельчиков экспрессивность синтетической формы превосходной степени прилагательных не отмечает, ограничиваясь упоминанием таких общеизвестных ее характеристик, как высокая и предельная степени качества [46, 158–159]. Если это и традиционный аргумент, то хронологически предшествующий показанному выше, поэтому в настоящее время он вряд ли может быть признан актуальным.

4.3.12. Периферия рода. Вид: морфологические варианты типа *наиболее важный — важнейший*. Аналитические и синтетические формы

превосходной степени прилагательных, различающиеся как книжно-высокие и экспрессивные

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: превосходная степень, выраженная аналитической формой с *наиболее*, является книжно-высокой; превосходная степень, выраженная синтетической формой с суффиксом *-ейш-*, «экспрессивно окрашена» [448, 126–127; 138, 326–329; 129, 248] (см. также примечание к предыдущему пункту).

4.3.13. Периферия рода. Вид: морфологические варианты типа *самый важный — наиболее важный*. Аналитические формы превосходной степени прилагательных, различающиеся как нейтральные и книжно-высокие

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: превосходная степень, выраженная аналитической формой с *самый*, стилистически нейтральна; превосходная степень, выраженная аналитической формой с *наиболее*, является книжно-высокой [138, 326–329].

4.4. Центр системы. Род: императивные грамматико-стилистические синонимы

Как сказано в подразделе 3.6, данный род грамматических вариантов включает бинарные оппозиции, члены которых противопоставлены другу по стилистическому признаку, то есть они различаются как лексическо-стилистические синонимы, оставаясь при этом сущностями грамматическими. Однако, в отличие от диспозитивных вариантов — грамматических антонимов, грамматических квазиантонимов и грамматико-стилистических синонимов (подразделы 4.1–4.3), они представляют собой пары, один член которых нормативен, а второй либо демонстрирует эволюционную тенденцию к обоснованному выходу из состава нормативных грамматических средств, либо уже ненормативен, но вполне частотен в речи определенных носителей. Такой род грамматических вариантов, в отличие от трех предыдущих, является результатом альтернативно-императивного восприятия (АИВ) явлений грамматики (см. об этом также [395]). В системе русских грамматических

вариантов род представлен пятью центральными, разделенными на подвиды, и тремя периферийными, на подвиды не разделенными, видами.

4.4.1. Центр рода. Вид: императивные грамматико-стилистические синонимы, различающиеся как логичные современные и нелогичные устаревающие

Этот вид императивных грамматико-стилистических синонимов объединяет бинарные оппозиции, члены которых противопоставлены по признаку современной логичности — устаревающей нелогичности (под нелогичностью условимся понимать логичность, относительную в очень высокой степени). Вид представлен шестнадцатью подвидами. Это самый большой по числу подвидов вид грамматических вариантов, который благодаря своей характерной особенности — отрицанию нелогичных грамматических явлений — является наиболее убедительным доказательством логического прогресса русской грамматики, обусловленного прогрессом восприятия и, как следствие, мышления носителей русского языка.

Словообразовательные варианты типа *хромсодержащий* — *хромосодержащий*. Сложные прилагательные с основой, состоящей из основ неодушевленного существительного м. р. или любого существительного ж. р. на согласный и управляющего им причастия, без интерфикса и с интерфиксом

Традиционный (в целом непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО: тот факт, что сложные прилагательные с основой, состоящей из основ существительного м. или ж. р. на согласный и управляющего им причастия, всё чаще употребляются без интерфикса, например *хромсодержащий* вместо *хромосодержащий*, объясняется «тенденцией к грамматическому лаконизму, к экономии языковых средств» [138, 406–407]. Традиционный аргумент не уточняет, почему тенденция к экономии не распространяется на сложения с первой частью — основой существительного ж. р. на -*а*, например *водоотталкивающий* (в сложениях с первой частью — основой ср. р. флексии прямых падежей совпадают с интерфиксами -*о*- и -*е*-, например

золотодобывающий, полезащищающий (такое слово тоже встречается, наряду с *полезащитный*), поэтому вариантность здесь отсутствует). Если обратить внимание на тот факт, что в рассматриваемых сложениях в качестве второй основы выступают формы причастий от переходных глаголов, по сути управляющие первой основой, то становится понятно, что управляемая первая часть должна принимать форму В. Основам неодушевленных существительных м. р. и любых существительных ж. р. на согласный принимать такую форму не приходится, поскольку у них формы И. и В. совпадают в форме нулевой. В основах существительных ж. р. на *-а* управление причастием не приводит к отмене интерфикса, поскольку их управляемые формы имеют ненулевые флексии, которые — при таком управлении без интерфикса — не исчезают, ср. *водоотталкивающий* и **водуотталкивающий*. Когда причастие управляет формой с нулевой флексией, новая флексия закономерно не появляется — раньше вместо нее появлялся интерфикс, но сейчас он в этом случае не употребляется, ср. *хромосодежащий* и *хромсодержащий*. Это непоявление новой флексии при исчезнувшем интерфиксе оказывается ценным и логичным с позиций языковой экономии. Интерфикс экономно-логично исчезает только там, где под воздействием управления на его месте не возникает нового звука. Это необходимое, на наш взгляд, уточнение экономности ее логичной причиной.

Примечание-1. Некоторые достаточно частотные, прежде всего в своих сферах, терминологические сложные прилагательные с первыми частями — основами на согласный именно в силу их частого употребления сохраняют интерфикс, например *слогообразующий, жаропонижающий*.

Примечание-2. Действие закона экономии в рассматриваемых случаях подтверждается и тем, что аналогичное отсутствие интерфикса наблюдается у «некоторых сложений с прилагательным в качестве опорного компонента: *кремнийорганический, хлоругольный, хлоруксусный, хлорсеребряный, фторацетатный, фторбензольный* и т. п.» [138, 407], — но и в этих примерах первые части сложений представляют собой основы неодушевленных существительных м. р. на согласный: *кремний, хлор, фтор*. Это тоже

подтверждает идею большей предрасположенности к неизменности таких существительных по причине формальной невыраженности их флексий в прямых падежах.

Словообразовательные варианты типа *изготовлять — изготавливать*. Глаголы НСВ, образованные при помощи суффиксов *-а- (-я-)* и *-ыва- (-ива-)*

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО: формы с суффиксом *-ыва- (-ива-)*, обладающие «ярко выраженным значением кратности», в силу узкой семантической специализации являются не столь коммуникативно востребованными, как более универсальные формы с суффиксом *-а- (-я-)*, которые могут иметь значения и фактичности, и кратности. Поэтому узкоспециализированные формы с суффиксом *-ыва- (-ива-)* логично выходят из употребления, а новые формы образуются по универсальной модели с суффиксом *-а- (-я-)*, например *выявлять, утеплять, укреплять* [138, 420–422].

Примечание-1. Как справедливо замечает Л. П. Катлинская, формы с кратным суффиксом *-ыва- (-ива-)* не вытеснялись формами с *-а- (-я-)* лишь в том случае, если последние «обладали стилистическим оттенком торжественности: *вскармливать (вскормлять), вспенивать (воспенять), выпроваживать (выпровождать)*…» [138, 420–421]. Такая «занятость места» формой с другой стилистической характеристикой приводила к тому, что соотносительная с ней форма с кратным значением начинала выражать значение не только кратности, но и стилистически нейтральной фактичности. Однако как невелико количество «стилистически торжественных» глаголов с суффиксом *-а- (-я-)*, невелико и количество соотносительных с ними изначально только кратных, а затем и фактических глаголов с суффиксом *-ыва- (-ива-)*.

Примечание-2. Описанный в традиционном аргументе алгоритм дифференциации является результатом пересмотра предыдущего ортологического предписания Л.П. Катлинской: «формы с суф. *-а* более разговорны, с *-ыва* — более книжны» [137, 315]. Во втором издании этого словаря, исправленном и дополненном, на которое мы и считаем естественным

ориентироваться, это предписание отсутствует. Однако оно повторяется (с соответствующей ссылкой) в учебнике И. Б. Голуб 2007 года [129, 319], то есть в восьмом издании учебного пособия 1997 года, что может ввести пользователей в заблуждение относительно актуальности данного предписания.

Словообразовательные варианты двух типов: *мок — мокнул* и *промок — промокнул*. Формы прошедшего времени бесприставочных и приставочных глаголов на *-нуть*, без суффикса и с суффиксом *-ну-*

Традиционный (непротиворечивый) аргумент (для первого типа) — ПЭВ(АИВ)иАЛО: в отличие от Д. Э. Розенталя и И. Б. Голуб, считающих, что формы с суффиксом *-ну-* архаизируются как неэкономные [448, 168; 129, 316], Л. К. Граудина более обоснованно полагает, что такие формы прошедшего времени бесприставочных глаголов НСВ на *-нуть*, как *мок*, употребляются всё чаще потому, что в формах типа *мокнул* суффикс *-ну-*, который в глаголах СВ имеет значение «мгновенности, однократности действия», отличается «функциональной ненагруженностью», из чего логически следует отсутствие потребности в таком семантически и стилистически «пустом» суффиксе в этих случаях [138, 280–281].

Традиционный аргумент-1 (для второго типа) — ПЭВ(ПВ)иОЛО: неэкономные суффиксальные формы типа *промокнул* вытесняются экономными бессуффиксными формами типа *промок* [448, 168; 129, 316].

Противоречие-1: причина указанного вытеснения состоит не в стремлении к экономии (см. ниже новый аргумент).

Традиционный аргумент-2 (для второго типа) — ПЭВ(АИВ)безЛО: бессуффиксная форма типа *промок*, в отличие от архаичной суффиксальной формы *промокнул*, считается «нормой современного русского языка» [138, 282–283].

Противоречие-2: отсутствует объяснение архаизации суффиксальной формы типа *промокнул*.

Новый аргумент (для второго типа) — ПЭВ(АИВ)иАЛО (разрешение

противоречий): такие формы прошедшего времени приставочных глаголов СВ на *-нуть*, как *промок*, употребляются всё чаще потому, что в формах типа *промокнул* значение СВ уже выражено префиксом, из чего логически следует отсутствие потребности в суффиксе, значение которого избыточно дублирует значение префикса.

Словообразовательные варианты двух типов: *мокнувший — мокший, мокнувши — мокши; промокший — промокнувший, промокши — промокнувши*. Формы причастий прошедшего времени и деепричастий от бесприставочных и приставочных глаголов с накоренным ударением, с суффиксом *-ну-* и без него

Традиционный аргумент-1 — ПЭВ(АИВ)иОЛО: формы с суффиксом *-ну-* устаревают как неэкономные [448, 172; 129, 316].

Противоречие-1: устаревают формы только СВ, и причина указанного устаревания состоит не в стремлении к экономии (см. ниже новый аргумент).

Традиционный аргумент-2 — ПЭВ(АИВ)безЛО: причастия прошедшего времени и деепричастия от бесприставочных глаголов с накоренным ударением, употребляемые с суффиксом *-ну-*, например *мокнувший* и *мокнувши*, являются современными, а варианты без суффикса, например *мокший* и *мокши*, являются устаревшими; причастия прошедшего времени и деепричастия от приставочных глаголов с накоренным ударением, употребляемые без суффикса *-ну-*, например *промокший*, *промокши*, являются современными, а варианты, имеющие этот суффикс, например *промокнувший* и *промокнувши*, являются устаревшими [138, 307–312, 317].

Противоречие-2. Тенденция устаревания одних и сохранения других указанных вариантов отмечена совершенно справедливо, ибо она подтверждается ПЭВ. Однако отсутствует объяснение причины столь явной тенденции.

Новый аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО (разрешение противоречий): причастия прошедшего времени и деепричастия от бесприставочных глаголов НСВ с накоренным ударением, употребляемые с суффиксом *-ну-*, например *мокнувший* и *мокнувши*, являются логичными современными по причине

отсутствия префикса, которое позволяет сохранить среднюю длину русского слова в три слога (о средней длине русского слова и ее соотношении с требованием благозвучности русской речи — см. [129, 160]); соответственно варианты, этому условию не удовлетворяющие, например *мокший* и *мокши*, являются нелогичными устаревающими. Причастия прошедшего времени и деепричастия от приставочных глаголов с накоренным ударением, употребляемые без суффикса *-ну-*, например *промокший*, *промокши*, являются логичными современными по причине наличия префикса, которое обеспечивает среднюю длину русского слова в три слога, и по причине отсутствия потребности в суффиксе, значение которого избыточно дублирует значение префикса (см. в предыдущем подпункте о логичных современных вариантах типа *промок* и нелогичных устаревающих вариантах типа *промокнул*); соответственно варианты, этому условию не удовлетворяющие, например *промокнувший* и *промокнувши*, являются нелогичными устаревающими.

Примечание. Очевидно, что отмеченная в предыдущем подпункте семантическая и стилистическая «пустота» суффикса *-ну-* в глаголах НСВ не играет никакой роли для рассматриваемых здесь бесприставочных вариантов, поскольку этот суффикс является строительным материалом для сохранения — в целях благозвучия речи — средней длины русского слова.

Словообразовательные варианты двух типов: *увидев — увидя, увидевшись — увидясь; нахмурив — нахмуря, нахмурившись — нахмурясь*. Формы деепричастий СВ от продуктивных глаголов на *-еть(ся)* и *-ить(ся)*

Традиционный аргумент-1 — аргумент к традиции без ЛО: «В современном языке суффиксы отдельных деепричастий сов. вида с мягким согласным перед конечным гласным основы вариантны (*увидев — увидя, заметив — заметя, нахмурив — нахмуря, оставив — оставя* и т. п.). Варианты с суф. *-я-* особенно употребительны у деепричастий с возвратной частицей *-сь*: *встретясь, простясь, притаясь, ознакомясь* и т. п.» [138, 312–313].

Противоречие-1а: на самом деле в современном языке варианты с суффиксом *-я-* не имеют той степени употребительности, которая им

приписывается в традиционном аргументе.

Противоречие-1б: отсутствует попытка объяснить причину отмеченной вариантности.

Традиционный аргумент-2 — ПЭВ(АИВ)безЛО: варианты деепричастий с суффиксом *-я-* «устарели и сохраняются преимущественно в устойчивых фразеологических сочетаниях», например ***скрепя*** *сердце,* ***сломя*** *голову* [448, 173].

Противоречие-2: тенденция архаизации деепричастий с суффиксом *-я-* отмечена справедливо, поскольку подтверждается ПЭВ этого явления, однако отсутствует объяснение причины такого устаревания.

Новый аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО (разрешение противоречий): в настоящее время можно говорить о том, что формы деепричастий СВ от продуктивных глаголов на *-еть(ся) и -ить(ся)* всё реже образуются с суффиксом *-я-*, поскольку современные носители языка, в отличие от своих предшественников, живших в XVIII–XIX веках, стихийно предпочитают логичный способ образования этих деепричастий с сохранением суффиксов глаголов — *-е-* или *-и-* — нелогичному способу их образования с несвойственным таким глаголам суффиксом *-я-* (от *увид**е**ть* и *нахмур**и**ть* логичнее формы деепричастий *увид**е**в* и *нахмур**и**в*, нежели *увид**я*** и *нахмур**я***).

Примеры деепричастий СВ с суффиксами *-е-* и *-и-* с указанием их частотности в определенное время:

в НКРЯ частотное деепричастие *увидев* встречается в 3242 документах, в которых имеет 8998 вхождений, а возвратная форма *увидевшись* встречается в 28 документах, в которых имеет 32 вхождения.

В НКРЯ нечастотное деепричастие *нахмурив* встречается в 212 документах, в которых имеет 284 вхождения, а возвратная форма *нахмурившись* встречается в 262 документах, в которых имеет 427 вхождений.

Хронологически примеры распределяются равномерно (дата последнего обращения — 26.01.2015 г.).

Примеры деепричастий СВ с суффиксом *-я-* с указанием их частотности в определенное время:

В НКРЯ деепричастие *увидя* встречается в 765 документах, в которых имеет 1779 вхождений (дата последнего обращения — 27.01.2015 г.). Из них деепричастие *увидя* включают: в 2009–2011 годах — 0 документов, в 2008-м — 1 (автор — Л. Аннинский), в 2007-м — 1 (автор — Ю. Чайковский), в 2005–2006-м — 1 (форум), в 2004-м — 0, в 2003-м — 4, в 2002 — 5. Деепричастие *увидясь* встречается в 8 документах, в которых имеет 10 вхождений (дата последнего обращения — 27.01.2015 г.). Это документы 1934, 1930, 1874, 1852, 1822, 1798, 1778, 1752 годов.

В НКРЯ нечастотная форма *нахмуря* встречается в 22 документах, в которых имеет 28 вхождений, а возвратная форма *нахмурясь* встречается в 168 документах, в которых имеет 315 вхождений; подавляющее большинство этих вхождений составляют примеры XIX и первой половины XX веков, в частности после 1960-х годов имеется чуть более 40 (из 315) вхождений формы *нахмурясь* (дата последнего обращения — 27.01.2015 г.).

Примечание. Суффикс *-я-* более логичен при образовании деепричастий в случаях, когда основа глагола не имеет суффиксов *-е-* и *-и-*, например форм деепричастий СВ *подойдя* от *подойти*, *принеся* от *принести*, а также форм деепричастий НСВ *бегая* от *бегать*, *делая* от *делать*, которые сменили устаревшие формы деепричастий с суффиксом *-(в)ши*, за исключением форм СВ с возвратной частицей *-сь* (*подойдя* вместо *подошедши*, *делая* вместо *делавши*, но с сохранением *сделавшись*) [138, 313–316].

Морфологические варианты трех типов: *есть устриц — есть устрицы, изучать бацилл — изучать бациллы, воспринимать персонажа — воспринимать персонаж*. Названия морских продуктов, микроорганизмов и лиц-субститутов в Р. и В.

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО: в отличие от Ю. А. Бельчикова, отмечающего всё более частое употребление таких вариантов в «одушевленной» форме Р., но не объясняющего причину этого явления [46, 294–297], Л. К. Граудина справедливо-логично полагает, что колебания Р. и В. обусловлены неопределенностью витального статуса таких

названий в языковом сознании говорящих, но постепенно одушевляется все живое и все, напоминающее живых существ [138, 47–49]. Выбор одушевленного (Р.) или неодушевленного (В.) статуса номинации зависит от качества восприятия носителями языка окружающего мира. Этим качеством обусловливается та или иная глубина познания: если восприятие альтернативно и, как следствие, познание глубоко — названия малоизвестных морских продуктов, микроорганизмов и лиц-субститутов являются одушевленными (Р.); если восприятие поверхностно и, как следствие, познание неглубоко — такие названия являются неодушевленными (В.). История развития категории одушевленности/неодушевленности есть история постепенного логичного одушевления существительных, которые обозначают живых существ и явления, напоминающие живых существ. Вначале, в «Русской правде» (XI век), одушевленными были названия только свободных мужчин (не рабов, а также не женщин, не детей, не животных), с XII века по XIV век одушевленными становятся названия всех взрослых людей — мужчин, с XV века одушевляются названия женщин, с конца XVII — детей и животных [571, 173–177; 65, 222–225; 198, 283–286; 134, 215–219; 301; 561, 168–176; 514, 122–126]. Сегодня можно говорить о том, что этой тенденцией в целом преодолена неодушевленность явлений живых и явлений, напоминающих живых существ. Постепенно носители языка предпочитают одушевлять названия морских продуктов, микроорганизмов и лиц-субститутов, например *видеть устриц, бацилл, персонажа*, а их неодушевленность, например *А я так люблю* ***крабы*** (слова Жени Лукашина из знаменитого фильма Эдьдара Рязанова), сегодня выглядит нелогичным архаизмом.

Морфологические варианты двух типов: *в Сватово — в Сватове, в Рощино — в Рощине, в Гродно — в Гродне, возле Яремче — возле Яремча; у Ивана Петренко — у Ивана Петренки, у Петра Самойло — у Петра Самойла*. Несклоняемые и склоняемые существительные — топонимы на *-ов(о), -ёв(о), -ев(о), -ин(о), -ын(о), -о* и *-е*; фамилии на *-ко* и *-о*, не совпадающие с именами нарицательными

Традиционный (в целом непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО: в отличие от Д. Э. Розенталя и Ю. А. Бельчикова, отмечающих усиление тенденции несклонения таких номинаций (только на примере фамилий), но не объясняющих его причину [448, 99–101; 46, 123–124], другие исследователи полагают: носители младшей нормы не склоняют эти номинации потому, что считают их неизменяемость удобной «с точки зрения точности» [572, 513; 138, 198–200, 217–220]. Очевидно, что несклонение таких названий позволяет избежать омонимии форм: *в Сватове* может быть понято как форма П. от И. *Сватово, Сватов* и *Сватова*; *в Рощине* — от И. *Рощино, Рощин* и *Рощина; в Гродне* — от И. *Гродно* и *Гродна*; *возле Яремча* — от И. *Яремче* и *Яремча; у Петренки* может быть понято как форма Р. от И. *Петренко* и *Петренка; у Самойла* — от И. *Самойло, Самойл* и *Самойла*. Именно такие омоформы могут рассматриваться как причина указанного стремления к точности, обусловливающего несклонение рассматриваемых названий и фамилий (см. также [419]).

Примечание. Л. К. Граудина наряду с несклонением фамилий в «официальной письменной речи» рекомендует: «2) в разговорной литературной речи допустимы и склоняемые варианты: *был у Немченки, обратился к Никитенке, операция Устименке удалась* и т. д.» [138, 198–200, 219]. Тем самым признаётся то ПВ русским человеком одной лишь известной ему формы на *-ка* при невосприятии неизвестной ему формы на *-ко*, о котором Я. К. Грот писал еще в 1873 году и которое сегодня признать допустимым означает то же, что признать допустимым относительно логичное ПВ чего-либо современными носителями русского языка, живущими на полтора столетия позже Я. К. Грота и его современников (приводим слова Я. К. Грота в современной транслитерации): «Это фамильныя имена малороссийскаго происхождения на *ко*. Так как окончание это в мужеском роде почти совершенно чуждо уху великорусса, то он до сих пор все еще не знает, как ему поступать с такими именами. В обиходном произношении он давно обратил и это кончание в *ка*, с которым и склоняет их как имена женской формы: *у Пащенки, к Марченке, с Шевченкой*» [508, 121].

Морфологические варианты двух типов: *из Камня-Каширского — из Камень-Каширского, в Потсдаме-Бабельсберге — в Потсдам-Бабельсберге; в Вильнёве-на-Берлюретте — в Вильнёв-на-Берлюретте.* Склоняемые и несклоняемые первые части сложносоставных топонимов «город-городской»/«город-город» и «город-на-реке»

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО: склоняемые и несклоняемые первые части сложносоставных топонимов «город-городской», «город-город» и «город-на-реке» различаются как логичные современные (логично дифференцированные) и нелогичные устаревающие (нелогично недифференцированные), например *в Петропавловске-Камчатском* (вместо *в Петропавловск-Камчатском*), *в Потсдаме-Бабельсберге* (вместо *в Потсдам-Бабельсберге*), *во Франкфурте-на-Майне* (вместо *во Франкфурт-на-Майне*) [138, 204–205, 215].

Примечание. Некоторые типы таких топонимов не вариантны, поскольку — по определенным, но не указанным ортологами причинам — имеют несклоняемую первую часть. Во-первых, это топонимы с первой частью типа *Спас-, Соль-, Усть-* и т. п., например *в Спас-Клепиках, из Соль-Вычегодска, за Усть-Илимом* [138, 204]. Вероятно, первые части таких названий при восприятии синкретично сливаются с их вторыми частями потому, что в силу их односложности воспринимаются как дополнительные слоги, а не как отдельные слова-названия. Во-вторых, как правило, не вариантны топонимы с первой частью ср. р., например *из Лосино-Островской* [138, 204–205]. Однако известно, что топонимы среднего рода сами по себе тоже в основном не склоняются (в НКРЯ мы обнаружили 13 вхождений Р. *Орехова-Зуева*, дата последнего обращения — 29.01.2015 г.). В-третьих, могут не склоняться обе части малоизвестных сложносоставных топонимов в функции приложения, «особенно когда внешняя форма названия и род обобщающего слова не совпадают», например в селе *Слобода-Комаровцы, от станции Шарапово-Охота* [138, 204–205]. Очевидно, это несклонение первой или второй части объяснимо не столько дискомфортом параллельного склонения названий разного рода — и числа, — сколько

стремлением к точности передачи нового для носителя языка названия, ведь сначала желательно усвоить начальную форму такой номинации. В-четвертых, могут не склоняться первые части иноязычных сложносоставных топонимов «город-город», например *из Алма-Аты, в Буэнос-Айресе* [138, 215]. Это можно объяснить невосприятием — прежде всего на слух — таких первых, незнакомых, частей как отдельных названий. См. также [419].

Морфологические варианты четырех типов: *у Ивана Дурново — у Ивана Дурнова, к доктору Живаго — к доктору Живаге, за Андреем Черных — за Андреем Черныхом, от Саши Подоприворота — от Саши Подопривороты*.

Несклоняемые и склоняемые русские мужские фамилии — застывшие падежные формы Р. ед. ч., Р. мн. ч., В. мн. ч.

Традиционный аргумент-1 — аргумент к традиции без ЛО: «образованные из падежных форм» фамилии типа *Дурново, Живаго* не склоняются «в связи с грамматической нормой», фамилии, «образованные из словосочетаний переходного глагола с существительным в вин. падеже мн. числа типа *Забейворота, Намнибока, Протриглаза* и под. …, естественно, не склоняются» [448, 100; 138, 225, 231; 46, 123–124].

Противоречие-1: фамилии указанных типов действительно не склоняются, но отсутствует объяснение причины этого несклонения.

Традиционный аргумент-2 — ПЭВ(ПВ)иОЛО + ПЭВ(АИВ)безЛО: «образованные из падежных форм» фамилии типа *Черных* «имеют все основания для склонения — и последовательно не склоняются» [138, 228–229].

Противоречие-2а: очевидно, что упомянутые «все основания для склонения» фамилий типа Черных — преувеличение: имеется лишь одно основание для их склонения — конечный согласный, но имеется и более серьезное основание для их несклонения (см. ниже новый аргумент).

Противоречие-2б: несклонение таких фамилий отмечено правильно, но отсутствует объяснение причины этого несклонения.

Новый аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО (разрешение противоречий): фамилии типа *Дурново, Живаго* представляют собой застывшие формы Р. ед. ч.,

фамилии типа *Черных* — застывшие формы Р. мн. ч., а фамилии типа *Подоприворота* — застывшие формы В. мн. ч., управляемые переходным глаголом. Несмотря на то что эти формы являются застывшими и в первом и третьем типах имеют смещенное ударение, именно их формальная флективность не позволяет носителям языка к одной падежной флексии — застывшей, но в некоторой степени еще воспринимаемой — добавлять еще одну падежную флексию, создавая таким образом логическое противоречие двух флексий у одного существительного. Стихийное стремление предупредить такое противоречие и обусловливает все более частое логичное несклонение фамилий указанных типов (см. также [419]).

Примечание. Из указанных типов фамилий в НКРЯ можно встретить склоняемость фамилий на *-ых*, однако она крайне редка. Так, склоняемость фамилии известного поэта *Крученых* наблюдается в речи лишь нескольких авторов: А. Чудакова, Г. Брониславского, В. Смехова, В. Катаняна, Ю. Олеши, Л. Чуковской, Вс. Иванова, Л. Гинзбург, Г. Эфрона, Г. Иванова, А. Мариенгофа (29 вхождений; дата последнего обращения — 02.02.2015 г.). Большинство этих авторов относятся к носителям «старшей нормы», которая в современном узусе не закрепилась: в несклоняемом виде фамилия *Крученых* наблюдается в НКРЯ в десятки раз чаще, чем в склоняемом.

Морфологические варианты типа *сам факт — самый факт, само управление — самое управление, саму норму — самоё норму*. Краткие и полные формы В. ед. ч. определительных местоимений *сам, само, саму* и *самый, самое, самоё*

Традиционный аргумент — ПЭВ(ПВ)безЛО: «формы *сам* и *самый* не смешиваются», поскольку за формами В. *самый, самое, самую* постепенно закрепилось «значение превосходной степени (предельности меры)», а за формами В. *сам, само, саму* — значение «уточнения места, времени, подчеркивания определенности объекта при неодушевленных существительных» (определительное значение); соответственно форма В. ср. р. *самое* и — особенно интенсивно — выпадающая из традиционной парадигмы склонения форма В. ж.

р. *самоё* устаревают. Век назад В. И. Чернышев считал «необычными» «народные винительные падежи: *всеё, одноё, тоё*» — и констатировал, что *самоё* более принято, чем *саму*, хотя и последнее встречается в печати». Д. Э. Розенталь и Ю. А. Бельчиков характеризуют вариант *самоё* как устаревающий книжный. Л. К. Граудина предлагает считать форму *самоё* «традиционной книжной» [572, 544; 448, 150; 138, 336–339; 46, 175].

Противоречие-1: традиционная книжность формы *самоё* противоречит ее современному неупотреблению (см. ниже новый аргумент).

Противоречие-2: отсутствует объяснение причины устаревания вариантов *самый, самое* и *самоё*.

Новый аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО (разрешение противоречий): в НКРЯ форма ср. р. *самое* в определительном значении в документах XX–XXI веков почти не встречается. «Традиционная книжная» форма *самоё* в составе фразеологизма *самоё себя* имеет 417 вхождений, а форма *саму* в составе сочетания *саму себя* имеет 183 вхождения, однако с 2000 года *самоё себя* имеет 54 вхождения, а *саму себя* — 90 вхождений (дата последнего обращения — 03.02.2015 г.). То есть фразеологизм *самоё себя*, который должен отличаться особой устойчивостью, имеет почти вдвое меньшую частотность за последние полтора десятилетия, чем идущее ему на смену сочетание *саму себя*. Следовательно, можно говорить о том, что форма ср. р. *самое* в определительном значении логично (и, конечно, стихийно) выводится носителями языка из употребления во избежание смешения ее с формой ср. р. *самое* в значении превосходной степени, а форма *самоё* даже в составе фразеологизма логично перестает употребляться как противоречащая традиционной парадигме склонения адъективов ж. р.

Синтаксические варианты двух типов: *директор пришла — директор пришел, директор опытна — директор опытен*. Конструкции сказуемых — глаголов в форме прош. вр. и кратких прилагательных с подлежащими — существительными м. р., называющими лиц по роду деятельности, в применении к лицам женского пола

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО: в отличие от Д. Э. Розенталя, писавшего, что координация (у автора — «согласование», что нельзя признать абсолютно неверным — см. об этом [554, 151–154]) подлежащего и сказуемого, выраженного глаголом в форме прош. вр., в случаях, когда речь идет о лицах женского пола, в разговорной речи «все чаще» происходит в форме ж. р., например *секретарь записала на прием* [448, 203] (это мнение разделяют также Г. Я. Солганик и Ю. А. Бельчиков [497, 195–196; 46, 253]), Л. К. Граудина справедливо полагает, что «эти сочетания прочно вошли в обиход литературной речи» [138, 127–133]. Логичная координация в форме ж. р. при обозначении лиц женского пола все чаще наблюдается и в ортологически не описанных случаях выражения сказуемого кратким прилагательным, например *директор опытна* (см. также [396, 126]).

Синтаксические варианты типа *английский и французский языки — английский и французский язык, этот и тот параграфы — этот и тот параграф*. Формы мн. и ед. ч. субстантива при однородных атрибутивах

Традиционный аргумент — ПЭВ(АИВ)безЛО: если Д. Э. Розенталь писал о том, что форма мн. ч. субстантива при однородных атрибутивах, например *английский и французский языки*, «подчеркивает наличие нескольких предметов» [448, 217–219] (и эту простую мысль поддерживают И. Б. Голуб, Г. Я. Солганик и Ю. А. Бельчиков [129, 385; 497, 202; 46, 269–273]), то Г. А. Иванова обращает внимание на то, что эта форма в тех же сочетаниях наблюдается всё чаще [138, 152–154], то есть постепенно преодолевает форму ед. ч. в сочетаниях, в которых раньше считалась возможной только такая форма (см. примечание).

Противоречие: отсутствует объяснение такого изменения в сфере согласования.

Новый аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО(разрешение противоречия): всё чаще наблюдаемое согласование субстантива с однородными атрибутивами в форме мн. ч. является примером исторического преодоления ПВ, при котором

принималась во внимание связь лишь тех атрибутива и субстантива, которые находятся в позиции непосредственного соприкосновения, и не принималась во внимание связь этого же субстантива с другим атрибутивом, не находящимся в позиции непосредственного соприкосновения с субстантивом, но однородным другому атрибутиву, в том же словосочетании. Это свидетельство воздействия на язык мышления, логичность которого исторически прогрессирует, поскольку обеспечивается «взрослой» альтернативностью восприятия в альтернативно-императивной его разновидности (см. также [392; 396, 126]).

Примечание. Все исследователи отмечают, что существительное при однородных атрибутивах имеет только форму ед. ч., если однородные определения при существительном находятся в противительных отношениях: *Война началась* ***не в сорок первом, а в тридцать девятом году*** *(К. Симонов. Живые и мертвые)* (это бесспорно), и если форма мн. ч. ему не свойственна: *От горячих бревен, от пересушенных кровель… от жаркого* ***конского и человечьего дыхания****, подымавшегося сюда снизу слитною горячею волной,… струились волны жара (Д. Балашов. Великий стол)*. В отношении второго условия следует заметить, что современная тенденция к логичному, коммуникативно востребованному развитию форм мн. ч. у существительных, ранее ее не имевших, тоже постепенно берет свое (см. пункт 4.1.1). Так, показанное в примере, приведенном Л. К. Граудиной, существительное — всегда ед. ч. — *дыхание* в НКРЯ имеет 42 вхождения в форме *дыханий*, 2 — в форме *дыханиям*, 11 — *дыханиями* и 1 — *дыханиях* (дата последнего обращения — 05.02.2015 г.).

Синтаксические варианты типа *дикие гусь и утка — дикий гусь и утка, мои отец и мать — мой отец и мать*. Формы мн. и ед. ч. препозитивного атрибутива при однородных субстантивах

Традиционный аргумент — ПЭВ(ПВ) и аргумент к авторитету или традиции без ЛО: Д. Э. Розенталь, ссылаясь на мнение Д. Н. Овсянико-Куликовского, а И. Б. Голуб, ссылаясь на мнения Д. Н. Овсянико-Куликовского и Д. Э. Розенталя, считают ед. ч. атрибутива при однородных субстантивах, например *дикий гусь и утка, мой отец и мать*, нормой, если понятно, что

атрибутив относится к обоим субстантивам, но при этом обращают внимание на то, что в официально-деловом и научном стилях в таких сочетаниях следует употреблять атрибутив в форме мн. ч., «чтобы исключить разночтения». Такое же понимание нормативности рассматриваемых атрибутивов при том же стилистическом условии Г. Я. Солганик и Ю. А. Бельчиков считают традиционно сложившимся [341, 29; 448, 220–221; 129, 384–385; 497, 202–203; 46, 273–274].

Противоречие-1: аргументы к авторитету и традиции, наименее убедительные из всех возможных даже среди неуниверсальных аргументов (см. подраздел 3.4), являются яркими свидетельствами ПВ, поскольку в данном случае вне поля зрения авторов остались противоречащие их рекомендациям противоположные мнения по этому вопросу М. В. Ломоносова, Ф. И. Буслаева, В. И. Чернышева и А. А. Шахматова, приведших немало примеров формы мн. ч. атрибутива при однородных субстантивах, причем вовсе не в текстах официально-делового и научного стилей [295, 554; 79, 450; 572, 591–592; 580, 304].

Противоречие-2: из приведенного аргумента следует, что в разговорных, публицистических и художественных контекстах «разночтения», обусловленные формой ед. ч. атрибутива при однородных субстантивах, вполне приемлемы, с чем согласиться невозможно, как и с любой коммуникативно не востребованной двусмысленностью.

Противоречие-3: отсутствует объяснение согласования атрибутива в форме ед. ч., то есть только с ближайшим субстантивом.

Новый аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО (разрешение противоречий): форма мн. ч. атрибутива при однородных субстантивах всё чаще встречается в случаях, когда атрибутив представляет собой качественное прилагательное, например *красивые/пугливые/вкусные гусь и утка; Из нее получаются* ***вкусные кефир и простокваша****, особенно полезные в пожилом возрасте. [обобщенный. Не жиром единым... // «Наука и жизнь», 2007]*. Постепенно логизируются и сочетания атрибутивов — относительных прилагательных и других атрибутивов, имеющих относительную семантику, с однородными субстантивами. Это важно

отметить потому, что именно фраза *Я давно не видал* ***моих брата и сестру***, то есть пример логичного, в форме мн. ч., согласования атрибутива с однородными субстантивами, вызвала в 1907 году эмоциональную реакцию Д. Н. Овсянико-Куликовского, запечатленную в высказывании, которое приводится Д. Э. Розенталем и И. Б. Голуб в качестве описанного нами выше аргумента к авторитету: «Это не по-русски и режет ухо» [341, 29]. Представленные факты логизации свидетельствуют о прогрессе восприятия у носителей русского языка до степени АИВ, обеспечивающей абсолютную логичность согласования в таких сочетаниях (см. также [392; 393; 396, 126]).

Примеры сравнения частотности употребления в определенное время при однородных субстантивах форм мн. и ед. ч. атрибутивов с относительным значением

Я решил, что в этот день их будет сразу же три: *русский язык*, ***сербские язык и литература, чешские язык и литература***. *[Александр Морозов. Прежние слова (1985–2001) // «Знамя», 2002]*. Хотя частотное сочетание *русск**ий** язык и литература* (в НКРЯ только в И. наблюдается 14 вхождений на 07.02.2015 г.) именно по причине высокой частотности не трансформируется в сочетание **русск**и**е** язык и литература*, однако всё чаще трансформируется в более громоздкое, но логичное *русск**ий** язык и русск**ая** литература*: в НКРЯ имеется 7 вхождений этого сочетания в разных падежах (дата последнего обращения — 08.02.2015 г.).

*...**старшие брат и сестра** заспорили, должны ли мы радоваться чужому успеху… [Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000]*. Ср. с примером более чем 80-летней давности из книги Л. Троцкого: ***Старший брат и сестра** прибывали на Рождество из своих школ. [Л. Д. Троцкий. Моя жизнь (1929–1933)]*.

В НКРЯ (дата последнего обращения — 11.02.2015 г.) сочетание *мо**и** отец и мать* имеет 32 вхождения в разных падежных формах (из них 8 после 2000 года и лишь 4 до 1900 года), а сочетание *мо**й** отец и мать* имеет 42 вхождения в разных падежных формах (из них самое позднее 1995 года и 32 до 1900 года, что в целом коррелирует с категоричностью мнения Д. Н. Овсянико-Куликовского).

Примечание-1. Согласование постпозитивного атрибутива с однородными субстантивами безвариантно: оно наблюдается только в форме мн. ч. *мать и отец мои*, что абсолютно логично. Однако важно помнить, что так было не всегда. Например, у М. В. Ломоносова в середине XVIII века можно видеть форму ед. ч. атрибутива в постпозиции к однородным субстантивам: *брат и сестра мо**я*** [295, 554]. Следовательно, нелогичное согласование препозитивного атрибутива с однородными субстантивами в форме ед. ч., которая свидетельствует о ПВ носителями языка лишь ближайшего субстантива, закономерно преодолевается в такой ситуации согласованием в форме мн. ч.

Примечание-2. Аналогичная ситуация наблюдается при координации сказуемого с однородными подлежащими — см. следующий подпункт, а также сказуемого с сочетанием И. и Т. общности — см. подраздел 1.3.

Синтаксические варианты типа *работают мастер и ученик — работает мастер и ученик*. Формы мн. и ед. ч. препозитивного сказуемого при однородных подлежащих

Традиционный (в целом непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО: пересматривая утвержденное Д. Э. Розенталем «общее правило позиции», гласящее, что при однородных подлежащих препозитивное сказуемое имеет форму ед. ч., а постпозитивное — мн. ч. [448, 209–211] (это мнение разделяют также И. Б. Голуб, Г. Я. Солганик и Ю. А. Бельчиков [129, 377–379, 497, 198; 46, 246–250], В. А. Ицкович, вне зависимости от позиции сказуемого, опираясь на большое количество современных примеров, констатирует: «В рассматриваемом типе преобладает форма мн. числа сказуемого, что связано с общей тенденцией к согласованию по смыслу сказуемого с подлежащим» [138, 39–40]. Такая логичная тенденция, как и в случаях, описанных в предыдущем подпункте, вполне объяснима прогрессом восприятия у носителей русского языка до степени АИВ, обеспечивающей абсолютную логичность координации в числе сказуемого и однородных подлежащих в таких сочетаниях (см. также [392; 393; 396, 119–121]).

Примечание-1. Координация постпозитивного сказуемого с однородными

подлежащими в настоящее время безвариантна: она наблюдается только в форме мн. ч. *мать и отец пришл**и***, что абсолютно логично. Однако следует помнить о том, что, например, М. В. Ломоносов в середине XVIII века считал ед. ч. сказуемого в постпозиции к однородным подлежащим вполне допустимым: *взгляды, рѣчь и учтивость часто обольща**е**т* [295, 556]. Следовательно, нелогичная координация препозитивного сказуемого с однородными подлежащими в форме ед. ч., которая, как и в случае, описанном в предыдущем подпункте, ранее была свидетельством ПВ носителями языка лишь ближайшего подлежащего, закономерно преодолевается в такой ситуации координацией в форме мн. ч.

Примечание-2. Механизм координации препозитивного сказуемого с однородными подлежащими идентичен механизму согласования атрибутива с однородными субстантивами — см. предыдущий подпункт. Но, в отличие от употребления препозитивных атрибутивов, при употреблении препозитивных сказуемых, прежде всего глагольных, в координации с однородными подлежащими ПВ лишь ближайшего слова в синтагме можно считать в целом преодоленным (лишь в ряде случав, в том числе в произведениях известных писателей, такое ПВ еще встречается). Очевидно, это можно объяснить большей грамматико-семантической значимостью (фразообразующей предикативностью) глагола в сравнении с атрибутивами, обладающими функцией определения.

Синтаксические варианты типа *все, кто работает — все, кто работают*. Формы ед. и мн. ч. сказуемого при подлежащем — местоимении *кто* в придаточном предложении, относящемся в составе главного предложения к определительному местоимению *все* во всех его падежных формах

Традиционный аргумент — ПЭВ(АИВ)безЛО: в подавляющем большинстве случаев, в более чем 96%, в современном узусе наблюдается форма единственного числа сказуемого при местоимении *кто* в придаточном предложении, относящемся в составе главного предложения к определительному местоимению *все* во всех его падежных формах, из чего логично следует, что

форма множественного числа сказуемого в таких случаях почти устарела [138, 40; 46, 256–257].

Противоречие: абсолютно верно зафиксированная закономерность употребления формы ед. ч. и неупотребления формы мн. ч. сказуемого в рассматриваемых случаях (согласно данным НКРЯ (дата последнего обращения — 14.02.2015 г.) с 2008 года *все, кто + сказуемое в ф. ед. ч.* имеет 108 вхождений, *все, кто + сказуемое в ф. мн. ч.* — 2) не сопровождается ее объяснением (необходимым АЛО).

Новый аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО (разрешение противоречия): взаимодействие общеизвестной имплицитной (формально не подтвержденной) предрасположенности местоимения *кто* к семантике единичности (ср. невозможность **кто пришли?*) и кванторности местоимения *все*, из которой следует возможность семантического его представления состоящим из *каждый*, приводит к почти абсолютной семантической эквивалентности *все, кто* и *каждый, кто* (различие между ними — соответственно в движении мысли от абстрактного к конкретному и наоборот) и обусловливает форму ед. ч. сказуемого в конструкции *все, кто + сказуемое*, например *все, кто работает*. Конструкции с формой мн. ч. сказуемого в таких случаях, например *все, кто работают*, можно признать устаревающими логично, поскольку носители языка, стихийно учитывая предрасположенность *кто* к единичности, логично выбирают предоставляемую квантором *каждый* возможность согласования в форме ед. ч. и несогласования в форме мн. ч. (см. также [421, 396, 122–124]).

Примечание. В предшествующие несколько десятилетий количественное соотношение рассматриваемых конструкций примерно то же, что с 2008 года (см. «противоречие»), — при немного большем количестве конструкций с формой мн. ч. сказуемого. При этом обращает на себя внимание одна особенность: в одном и том же произведении одного писателя середины XX века (то же наблюдается и у писателей более ранних) встречаются обе формы числа сказуемого в рассматриваемых конструкциях при явном преобладании формы ед. ч. Так, у А. Солженицына в одном произведении видим: *...заворочались и стали поспешно*

одеваться все, кто ещё не ***встал****. [Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)]; — Все, кто справа* ***стоят*** *и дрова в руках, — брось дрова направо! [Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)]*. И в другом произведении автора наблюдается то же: *Давно заснули все, кто* ***спорил****, кто* ***упоминался*** *в старых примечаниях, — все, кто* ***думал*** *иначе строить социализм. [Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1–25 (1968) // «Новый Мир», 1990]; А вот мне говорят — нэт больше нэдовольных, все, кто* ***голосуют*** *на выборах за[,] — всэ довольны. [Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1–25 (1968) // «Новый Мир», 1990]*. У некоторых писателей середины XX века в изучаемых нами конструкциях (в примерах НКРЯ) мы обнаружили только мн. ч. сказуемого, которое сейчас здесь почти не встречается. Так, у В. Гроссмана в одном и том же произведении находим: *А Чуйков вернулся в свой блиндаж, и автоматчик, стоявший у входа, и порученец в сенцах, и явившийся по вызову начальник штаба гурьевской дивизии, — все, кто* ***вскочили****, заслышав тяжёлую походку Чуйкова, увидели, что командарм расстроен. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)]; И, всё дробясь и дробясь, уже рождалось добро в круге секты, расы, класса, все, кто* ***были*** *за замкнутой кривой, уже не входили в круг добра. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)]*. Та же закономерность наблюдается у Г. Газданова: *Значит, мы все ошибались, все, кто ее* ***видели*** *хотя бы раз. [Г. А. Газданов. Пробуждение (1966)]; У нее было впечатление, что она смотрит издалека, чужими и холодными глазами на то, что все, кто ее* ***знали****, назвали бы ее жизнью… [Г. А. Газданов. Пробуждение (1966)]*. Писатель рубежа XX и XXI веков А. Терехов оказался единственным современным автором, в одном произведении которого на фоне нескольких употреблений формы ед. ч. сказуемого в рассматриваемых конструкциях встретилась форма мн. ч. сказуемого в такой конструкции, ср.: *Все, кто* ***знают*** *меня другим и на кого я должен работать, засыпают. [Александр Терехов. Каменный мост (1997–2008)]; Сандлер еще вспомнил: после тюрьмы Шахурин написал бумагу о своих ступеньках в ад. Все, кто* ***читал****, заливались слезами. [Александр Терехов. Каменный мост (1997–*

2008)]; — Все, кто ее ***знал****, уже давно на том свете. [Александр Терехов. Каменный мост (1997–2008)]; Я люблю смотреть на Кремль, как и все, кто* ***вырос*** *в наших местах… [Александр Терехов. Каменный мост (1997–2008)]; — Все, кто* ***бросает*** *своих детей, — не женщины! [Александр Терехов. Каменный мост (1997–2008)]*. Приведенные примеры позволяют убедиться в том, что по состоянию на середину XX века, и даже сегодня, в языковом сознании некоторых носителей еще не сформировалось логичное различение форм ед. и мн. ч. сказуемого в исследуемых конструкциях. Однако этим незначительным исключением лишь подтверждается логичность современного устаревания такого нелогичного мн. ч. сказуемого, обусловленная эволюцией восприятия и, как следствие, мышления носителей русского языка.

Синтаксические варианты типа *по нем, по нас, по вас — по нему, по нам, по вам*. Конструкции форм П. и Д. личных местоимений *он, мы, вы,* управляемых предлогом *по*

Традиционный (непротиворечивый) аргумент-1 — ПЭВ(АИВ)иАЛО: «На протяжении XIX–XX вв. идет не завершившийся до настоящего времени процесс уподобления падежа местоимений падежу существительных в подобных конструкциях», например именная конструкция *по Ивану* замещается местоименной конструкцией с логичной формой Д. *по нему*, а не устаревшей конструкцией с нелогичной формой П. *по нём* [138, 65] (то же можно видеть в [448, 236]).

Традиционный аргумент-2 — ПЭВ(ПВ)безЛО: «Местоимения *мы, вы* продолжают выступать в описываемых построениях в форме предл. падежа: Из окна *по нас* стреляли (К. Паустовский)… Формы *по нам, по вам* еще нельзя считать литературной нормой, хотя они встречаются в печати: Ударили *по нам* с чердака из пулемета (В. Дягилев)…» [138, 66] (то же видим в [448, 236]).

Противоречие-1: формы *по нам, по вам* в настоящее время уже можно считать литературной нормой.

Противоречие-2: отсутствует объяснение описанной «неуступчивости» нелогичных форм *по нас, по вас*.

Новый аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО (разрешение противоречий): логичные формы *по нам, по вам* постепенно вытесняют нелогичные формы *по нас, по вас*. Замедленность этого вытеснения объясняется дейктичностью местоимений *мы* и *вы*. В их значениях содержатся отсылки к участникам речевого акта: личное местоимение 1-го лица *мы* содержит отсылку к говорящему (говорящим), личное местоимение 2-го лица *вы* — к слушающему(слушающим) [256]. При такой непосредственной коммуникации, когда участники общаются, номинируя друг друга посредством специальных, дейктических, местоимений *мы* и *вы*, замещаемое существительное обычно не употребляется, поскольку создает семантическую избыточность: собеседник эмпирически очевиден без называния его имени. Указанное неупотребление замещаемого местоимением 1-го или 2-го лица мн. ч. существительного и приводит, на наш взгляд, к тому, что местоимения *мы* и *вы* часто не принимают в сочетании с предлогом *по* формы *по нам, по вам*, а сохраняют архаичные *по нас, по вас*. Однако преодоление ПВ нормальности форм *по нас, по вас* при нормальности *по Ивану* приводит к АИВ этих форм: всё более частому употреблению логичных форм *по нам, по вам* (см. также [409]).

Примеры сравнения частотности употребления в определенное время форм *по нам, по вам* и *по нас, по вас*

В НКРЯ (дата последнего обращения — 17.02.2015 г.):

по нам имеет 110 вхождений (из них 27 после 2000 года и 12 до 1900 года);

по нас имеет 176 вхождений (из них 3 после 2000 года, 28 с 1950 до 2000 года, 51 с 1900 до 1950 года и 94 до 1900 года);

по вам имеет 37 вхождений (из них 22 после 2000 года и 2 до 1900 года);

по вас имеет 210 вхождений (из них 6 после 2000 года, 66 с 1950 до 2000 года, 49 с 1900 до 1950 года и 89 до 1900 года).

4.4.2. Центр рода. Вид: императивные грамматико-стилистические синонимы, различающиеся как более логичные и менее логичные

Этот вид императивных грамматико-стилистических синонимов объединяет бинарные оппозиции, члены которых противопоставлены по признаку большей или меньшей логичности. Бо́льшая и меньшая логичность таких синонимов —

показатели б**о**льшей и меньшей их нормативности и, следовательно, характеристики стилистические. Нельзя сказать, что такая б**о**льшая логичность абсолютна: она тоже логична относительно, но в несколько большей, что вполне очевидно, степени, чем относительная логичность второго грамматико-стилистического синонима.

Вид представлен тремя подвидами, то есть количеством подвидов, которое в сравнении с шестнадцатью подвидами предыдущего вида невелико. Однако именно это небольшое количество (3) не очень контрастно противопоставленных вариантов на фоне большого количества весьма контрастно противопоставленных вариантов (16) красноречиво свидетельствует о том, что носители языка стихийно-логично стремятся к большей контрастности противопоставления грамматических вариантов, нежели большая и меньшая логичность.

Морфологические варианты типа *с Игорем Чижонком — с Игорем Чижонок*. Склоняемые и несклоняемые русские мужские фамилии, совпадающие с именами нарицательными

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО: мужские фамилии, совпадающие с именами нарицательными, например *Волк, Моль, Чижонок*, как оканчивающиеся на согласный, вполне логично склонять как обычные существительные м. р. на согласный. Стремление, особенно ярко выраженное у носителей таких фамилий, отличать последние от имен нарицательных, с которыми эти фамилии совпадают, тоже по-своему логично, но все же в меньшей степени, чем их склонение в полном соответствии с закономерностями русской грамматики [138, 224–228; 46, 124–127].

Морфологические варианты двух типов: *в Осаке — в Осака, в городе Ниамете — в городе Ниамет; к Лурии — к Лурия, у режиссера Акиры Куросавы — у режиссера Акира Куросава*. Склоняемые и несклоняемые иноязычные географические названия и фамилии на *-а*

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО: склоняемые и несклоняемые иноязычные географические названия и фамилии не в функции приложения, например *в Осаке — в Осака* и *к Лурии — к Лурия*, и в

функции приложения, например *в городе Ниамете — в городе Ниамет* и *у режиссера Акиры Куросавы — у режиссера Акира Куросава*, различаются как более логичные (освоенные, известные) и менее логичные (освоенные, известные) [138, 210–215, 229–233].

Примечание. Как показано в пункте 4.3.4, эти же склоняемые и несклоняемые варианты могут различаться как нейтральные и официальные. Следовательно, в сфере дифференциации этих вариантов наблюдаются две параллельные тенденции.

Морфологические варианты типа *Джоном Малкиным — Джоном Малкином, Майклом Дудиковым — Майклом Дудиковом*. Иноязычные фамилии на клитичные *-ин* и *-ов* в Т. ед. ч.

Традиционный (в целом непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО: иноязычные фамилии на клитичные *-ин* и *-ов* в Т. ед. ч. согласно традиции должны иметь окончание *-ом*, например *Дарвином, Чаплином, Джоном Берлином*, в отличие от русских фамилий на *-ин* и *-ов*, которые в Т. ед. ч. имеют окончание *-ым*, например *Пушкиным, Лесковым*. Однако «критерий для разграничения заимствованных («иностранных») и незаимствованных фамилий неморфологический, а само разграничение идет на интуитивном уровне и проводится носителями русского языка. К сожалению, ничего более точного в отношении этих фамилий предложить нельзя» [138, 222–223]. Такой критерий по-своему логичен и заслуживает названия «русской грамматической катаканы», поскольку позволяет отличать заимствованные фамилии на *-ин* и *-ов* от таких же русских фамилий [7; 419, 32], но русская грамматическая система склонения по аналогии всё чаще распространяется на такие иностранные фамилии, например форма *Дарвиным* имеет 5 вхождений, *Чаплиным* — 22 вхождения (дата последнего обращения — 18.02.2015 г.). Б**о**льшая логичность указанного распространения аналогии подтверждается следующим важным аспектом данной проблемы. В. К. Лебедев справедливо обращает внимание на то, что соблюдение традиционного правила в настоящее время затруднено: «Современный мир глобален, люди все более свободно переезжают из одной страны в другую, имеют

двойное гражданство, уезжают и возвращаются…» [279]. Из этого следует, что если, к примеру, отец с фамилией на *-ин* или *-ов* — иностранец, приехавший в Россию, то его фамилия в Т. ед. ч. должна иметь окончание *-ом*, но фамилия его родившегося и выросшего в России сына в Т. ед. ч. должна иметь окончание *-ым*, что, разумеется, крайне некомфортно. Поэтому распространение окончания *-ым* на формы Т. ед. ч. иностранных фамилий на *-ин* и *-ов* выглядит более логичным, чем сохранение «русской грамматической катаканы».

4.4.3. Центр рода. Вид: императивные грамматико-стилистические синонимы, различающиеся как экономные современные и неэкономные устаревающие

Этот вид императивных грамматико-стилистических синонимов объединяет бинарные оппозиции, члены которых противопоставлены по признаку современной экономности и устаревающей неокономности. Как известно, действие универсального закона экономии, характеризующееся логичным вытеснением неэкономного явления экономным явлением с той же семантической и/или стилистической характеристикой, проявляется в тех случаях, когда между такими явлениями отсутствуют семантические и/или стилистические различия. Вид представлен двумя подвидами, то есть еще меньшим, чем в предыдущем виде, количеством подвидов, которое свидетельствует о том, что к такому малосодержательному различию, как экономность/неэкономность, носители языка закономерно прибегают нечасто.

Словообразовательные варианты типа *достичь — достигнуть*. Бессуффиксная и с суффиксом *-ну-* формы инфинитива некоторых глаголов на *-чь* и *-нуть*

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО: экономные формы на *-чь*, изначально возникшие в разговорной речи, всё чаще употребляются вместо относительно громоздких форм на *-нуть* [138, 276–277]. Экономная форма превалирует над неэкономной формой потому, что между ними не выработано семантическое и/или стилистическое различие, и в данном аспекте такое превалирование выглядит вполне логично.

Морфологические варианты типа *дядь — дядей, барж — баржей, клавиш — клавишей*. Формы Р. мн. ч. существительных с основой на мягкий согласный, *ж* или шипящий

Традиционный (в целом непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО: у существительных с основой на мягкий согласный, *ж* или шипящий «заметна тенденция к выравниванию основы под влиянием многочисленной и частотной группы существительных жен. рода с ярко выраженным противопоставлением форм им. падежа (с окончанием -*а*) и род. мн. (без окончания)», например *дядь, барж, клавиш* [138, 184–188] (ту же закономерность, без объяснения причин, фиксировал Д. Э. Розенталь [448, 114–115]; Ю. А. Бельчиков в некоторых случаях фиксирует одинаковую нормативность таких вариантов, например *граблей — грабель, свечей — свеч* [46, 120]). Очевидно, что такое выравнивание не стало бы возможным без выгоды, предоставляемой происходящей при этом экономией произносительных усилий. И в данном случае наблюдается определенный прогресс. Так, век назад В. И. Чернышев свидетельствовал, что колеблются формы *петель* и *петлей*, *свеч* и *свечей*, *сплетен* и *сплетней* [572, 516], из каждой пары которых сегодня сохранился лишь один вариант. Л. К. Граудина пишет, что в равной мере употребляются формы Р. мн. ч. *клавиш* и *клавишей* [138, 185], но в НКРЯ (дата последнего обращения — 18.02.2015 г.) *клавиш* имеет 201 вхождение, а *клавишей* — 51. Соотношение других форм Р. мн. ч. чаще всего говорит о том же прогрессе: *коленей* — 157, *колен* — 2627 (включая нечасто встречающиеся переносные значения); *вафель* — 21, *вафлей* — 0; *ходулей* (только эта форма рекомендована ортологами [138, 186]) — 7, *ходуль* — 5; *барж* — 242 (из них 33 — после 2000 года), *баржей* — 38 (почти все примеры — до 1974 года, самый поздний — 1989 года: из произведения В. Астафьева).

Примечание. Важно отметить, что данный процесс дифференциации не всегда односторонен (*будней* — 277, *буден* — 44) и не всегда завершен (*граблей* — 32, *грабель* — 29) (дата последнего обращения — 18.02.2015 г.). Бесспорно и следующее наблюдение: «Окончание -*ей* закрепилось в словах с основой,

оканчивающейся двумя или тремя согласными: *буклей, бредней, поршней, левшей, лыжней, ноздрей, распрей, чукчей*. Очевидно, прежде всего потому, что появление беглого гласного в сочетаниях *вш, здр, спр, кч* и под. непривычно» [138, 185]. Но эти исключения лишь подтверждают описанную тенденцию.

4.4.4. Центр рода. Вид: императивные грамматико-стилистические синонимы, различающиеся как традиционно нейтральные и традиционно просторечные

Этот вид императивных грамматико-стилистических синонимов объединяет бинарные оппозиции, члены которых противопоставлены по признаку традиционной нейтральности или просторечности. Именно в этой сфере кодификаторы иногда склонны, игнорируя такие критерии нормативности языковых явлений, как массовая и регулярная воспроизводимость таких явлений в ходе коммуникации и общественное одобрение и признание их нормативными [467, 338], необоснованно идти навстречу носителям просторечия, объявляя разговорными, а следовательно нормативными, явления традиционно просторечные, то есть ненормативные, хотя эти носители — homo neglegens — к таким движениям навстречу абсолютно безразличны (о парадоксах коммуникации homo codificans, homo reflectens и homo neglegens при оценке просторечности или нормативности языковых явлений — см. пункт 2.6.2).

Базирующаяся на ПВ необоснованность признания просторечных явлений, наблюдаемых в том числе в официальной и научной речи, разговорными верифицируется неупотреблением этих просторечных явлений в разговорных контекстах. Это можно признать важным доказательством их ненормативности на том общеизвестном основании, что в ситуации непринужденного общения носители языка употребляют не стилистически высокие, а разговорные варианты, и если признать какое-то явление разговорным, то его логично встретить именно в такой ситуации, однако здесь оно не встречается. В то же время явление просторечное, как известно, может обнаружиться в любом нормативном контексте любой стилистической направленности, однако из этого не следует нормативность такого явления. Вид представлен семью подвидами.

Словообразовательные варианты типа *стандартизировать* — *стандартизовать* и производного от него типа *стандартизированный* — *стандартизованный*. Глаголы и производные от них прилагательные, образованные при помощи суффиксов *-изирова-* и *-изова-*

Традиционный аргумент — ПЭВ(ПВ)иОЛО: варианты с суффиксом *-изирова-* стилистически выше вариантов с суффиксом *-изова-*, которые более естественны в устной речи [448, 167–168; 138, 416–419; 129, 319], то есть разговорны, а следовательно, нормативны.

Противоречие: варианты с суффиксом *-изирова-* в стилистическом отношении являются не более высокими, чем признаваемые разговорными варианты с суффиксом *-изова-*, которые в свою очередь не являются разговорными (см. новый аргумент).

Новый аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО (разрешение противоречия): варианты с суффиксом *-изирова-* являются нормативными, а варианты с суффиксом *-изова-* — просторечными. Это подтверждается частотным употреблением вариантов с суффиксом *-изирова-* в разговорных контекстах, где согласно традиционному аргументу должен наблюдаться вариант с суффиксом *-изова-*, и весьма нечастотным употреблением варианта с суффиксом *-изова-* в неразговорных контекстах, где согласно традиционному аргументу должен наблюдаться вариант с суффиксом *-изирова-* (ниже — примеры из НКРЯ; дата последнего обращения — 19.02.2015 г.).

Примеры употребления нормативных вариантов с суффиксом *-изирова-*

Вариант *стандартизировать* (во всех формах) имеет 28 вхождений, например *В современном IT-производстве все большее число компаний старается* ***стандартизировать*** *свою деятельность. [С. А. Иншаков. Обзор ресурсов технического писателя в Интернет (2004) // «Информационные технологии», 2004.01.26]*, в том числе в разговорно-публицистических контекстах: *Я как художник обязан защитить его от государства. Государство любит* ***стандартизировать****. Государство любит всех, кто ниже его. [Георгий*

Бурков. Хроника сердца (1953-1990)]; Они полагали, что республика из экономических соображений ***стандартизирует*** *все и вся. [Я. Ларри. Страна счастливых (1931)]*;

инфинитив *ароматизировать* имеет 3 вхождения, в том числе в разговорно-публицистическом контексте: *Затем* ***ароматизировать*** *ванилином или мелко смолотым и просеянным через частое ситечко кардамоном. [Полезные советы // «Истории из жизни», 2004]*;

инфинитив *военизировать* имеет 5 вхождений в том числе в разговорно-публицистическом контексте: *Мы должны, военизировавшись сами внутри партии, партию немножко подтянуть и* ***военизировать*** *рабочий класс Советского Союза. [К. Ворошилов. К войне, которую навязывают империалисты, Советский Союз будет готов. Речь тов. Ворошилова на XV Московской губпартконференции (1927) // Гудок, 1927.01.16]*.

Во всех приведенных примерах согласно традиционному аргументу должны были употребляться варианты *стандартизовать, ароматизовать, военизовать*, но употребляются варианты с суффиксом -*изирова*-, которые, таким образом, являются не более высокими, чем варианты с суффиксом -*изова*-, а нормативными.

Примеры употребления просторечных вариантов с суффиксом -*изова*-

Вариант *стандартизовать* (в разных формах) имеет 9 вхождений в четырех документах (из них в одном наблюдается 6 вхождений и в остальных трех — по одному). В разговорных контекстах этот вариант не обнаружился, однако в указанном небольшом количестве он встречается, к примеру, в научных контекстах, в которых гораздо чаще наблюдается вариант *стандартизировать*: *Элементы* ***стандартизуют*** *17.08.2004. В рамках Международной электротехнической комиссии сформирована рабочая группа по стандарту, который обеспечит взаимозаменяемость топливных элементов питания и картриджей для них. [Элементы* ***стандартизуют*** *(2004) // «Computerworld», 2004.07.30]; Интернет создал глобальную систему обмена информацией, всемирная паутина WWW* ***стандартизовала*** *поиск и доставку документов, Грид*

же является следующим революционным этапом в развитии высоких технологий — стандартизации и глобализации использования всех видов компьютерных ресурсов. [Вычислительная инфраструктура для прикладных задач — будущее и настоящее (2004) // «Геоинформатика», 2004.06.30].

Инфинитивы *ароматизовать* и *военизовать* в примерах НКРЯ отсутствуют.

Весьма нечастотное употребление вариантов с суффиксом *-изова-* в стилистически разных контекстах на фоне частотного употребления в этих контекстах варианта с суффиксом *-изирова-* свидетельствует о том, что значительное число носителей языка никогда не употребляют варианты с суффиксом *-изова-*, в том числе в ситуации устного непринужденного общения, как зафиксировано в традиционном аргументе. Эти факты являются достаточным основанием для признания вариантов с суффиксом *-изова-* просторечными.

Примечание. Было бы некорректно не отметить, что относительно небольшая часть рассматриваемых глаголов закрепилась с суффиксом *-изова-*, например *деморализовать, демобилизовать, нормализовать, пастеризовать*. Такие не имеющие вариантов исключения подтверждают общую тенденцию распространения вариантов с суффиксом *-изирова-* в качестве нормативных. Однако и указанная в настоящем примечании небольшая часть вариантов с суффиксом *-изова-* постепенно вытесняется оппонентами с более частотным суффиксом, например всё чаще встречается вариант *(де)мобилизировать*.

Морфологические варианты типа *напои — напой*. Глаголы, имеющие после корневой гласной ударяемую финаль *-ить*, в двух формах повелительного наклонения 2-го л. ед. ч.

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО: у глаголов, имеющих после корневой гласной ударяемую финаль *-ить*, форма повелит. накл. 2-го л. ед. ч. на *-и*, например *дои, крои*, является нормативной, а на *-й*, например *дой, крой*, — просторечной [448, 163; 138, 269–270; 46, 211–212].

Морфологические варианты типа *зажжет — зажгет*. Формы настоящего времени глаголов на *-чь* с чередованием согласных в основе

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО: «Спряжение у этих глаголов в литературном языке происходит по следующему типу: ед. ч. — 1 л. *жгу, волоку*; 2 л. *жжешь, волочешь*; 3 л. *жжет, волочет*; мн. ч. — 1 л. *жжем, волочем*; 2 л. *жжете, волочете*; 3 л. *жгут, волокут*. На базе диалектного употребления в просторечье действует тенденция к выравниванию основы по исходной форме 1-го лица — жгет, волокет, вытекет, испекем и т. д.…» [138, 292-294].

Примечание. Трудно не заметить, что просторечные формы с присущим им сохранением звуковой неизменности основы по-своему логичны, как по-своему логично произносительное удобство литературных, нормативных форм. Еще В. И. Чернышев называл народные формы типа *жгешь, жгет* малограмотными, но обращал внимание на то, что они образуются по тому же принципу, что и грамотные *ткешь, ткет* [572, 562]. В данном случае особенно оправданно применение к такой нормативности термина «традиционная».

Морфологические варианты типа *бережу — бередю, молочу — молотю, пылесошу — пылесосю, лажу — лазю/лазию*. Формы 1-го л. ед. ч. настоящего времени глаголов на *-ить* с основой на *д, т, с, з*

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО: в формах 1-го л. ед. ч. настоящего времени глаголов на *-ить* с основой на *д, т, с, з* согласно литературной норме происходит чередование согласных: *бередить — бережу, молотить — молочу, пылесосить — пылесошу, лазить — лажу*. Отсутствие такого чередования является диалектно-просторечным [138, 297–302] (в данном случае актуален текст примечания из предыдущего подпункта).

Морфологические варианты пяти типов: *из тридцати восьми — из тридцать восьми, из двухсот тридцати восьми — из двести тридцати восьми, около полумиллиона — около полмиллиона, шестьюдесятью — шестидесятью, шестьюстами — шестистами*. Формы склонения частей составных и сложных числительных

Традиционный аргумент — ПЭВ(ПВ)иОЛО: все части составных и сложных числительных склоняются «в строгой письменной речи»; в устной

разговорной речи первые части таких числительных можно не склонять [448, 135; 138, 349-350, 351–356, 362–363] (примеры см. в названии подпункта). И. Б. Голуб, отмечая разговорность несклонения первых частей таких числительных, считает, что она недопустима в литературной речи, то есть придерживается той небесспорной точки зрения, что разговорность нелитературна так же, как просторечие [129, 267].

Противоречие: в устной разговорной речи многие образованные носители языка — homo reflectens и, конечно, homo codificans (см. пункт 2.6.2) склоняют все части составных и сложных числительных. Если бы указанное несклонение первых частей числительных было явлением разговорным, то образованные носители языка не склоняли бы эти части в ситуации непринужденного общения и склоняли бы в строгой письменной речи, однако homo reflectens и homo codificans склоняют первые части составных и сложных числительных в любой ситуации. Следовательно, традиционная рекомендация не склонять первые части таких числительных в ситуации непринужденного общения противоречит нежеланию этих носителей языка выполнять такую рекомендацию и потому противоречит таким критериям признания языкового явления нормативным, как массовая и регулярная воспроизводимость такого явления в ходе коммуникации и общественное одобрение и признание его нормативным [467, 338].

Новый аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО (разрешение противоречия): возможно, в будущем указанные первые части числительных действительно перестанут склоняться всеми носителями языка, но в настоящее время — во избежание противоречия критериям языковой нормативности — приходится признать нормативными варианты числительных со склонением всех их частей и просторечными варианты числительных с несклонением первых их частей (решительное неприятие несклонения первых частей таких числительных, когда они находятся перед определяемым словом, можно видеть у Г. Я. Солганика и Ю. А. Бельчикова [497, 167; 46, 183–184]). В противном случае придется пересматривать критерии нормативности, в чем нет иной целесообразности, кроме ортологического стремления опережать развитие событий.

Синтаксические варианты типа *две/три/четыре новые книги — две/три/четыре новых книги*. Формы И. и Р. прилагательного в конструкциях числительных *два, три, четыре* с существительными ж. р.

Традиционный аргумент-1 — ПЭВ(ПВ)иОЛО: Д. Э. Розенталь и В. А. Ицкович, критикуя своих (в решении этого вопроса) предшественников И. И. Давыдова и А. М. Пешковского, надуманно предлагавших связывать употребление этих вариантов соответственно с категориями одушевленности/неодушевленности и качественности/количественности, предложили акцентологическое различие: Р. прилагательного при определяемом существительном предпочитается в случае, если в И. это существительное имеет другое ударение, например *три высоких гор**ы***, потому что *высокие г**о**ры* (ударение смещается), но *две большие к**о**мнаты*, потому что *большие к**о**мнаты* (ударение константно) [448, 215–216; 138, 40–41].

Противоречие-1: такая рекомендация противоречит узусу: указанная акцентная закономерность не имеет решающего значения, поскольку возможны сочетания типа *две/три/четыре высокие горы* (НКРЯ это подтверждает — см. [578, 23–28]).

Традиционный аргумент-2 — ПЭВ(ПВ)иОЛО: Ю. А. Бельчиков, признавая правильность именительного падежа прилагательного в конструкциях типа *2, 3, 4 новые книги*, но не находя других грамматических аргументов, фиксирует стилистическое различие между рассматриваемыми сочетаниями, относя варианты типа *2, 3, 4 новы**х*** (вместо *новы**е***) *книги* к разговорной речи [46, 259–260].

Противоречие-2: в разговорной речи многие образованные носители языка — homo reflectens и, конечно, homo codificans (см. пункт 2.6.2) в таких сочетаниях форму И. прилагательного используют гораздо чаще формы Р. прилагательного. Если бы рекомендуемый Р. был явлением разговорным, то носители языка применяли бы его в ситуации непринужденного общения и не применяли бы в строгой письменной речи, однако homo reflectens и homo codificans такой Р. прилагательного применяют не настолько часто, чтобы можно было говорить о

тенденции (см. об этом также [243]). Следовательно, традиционная рекомендация употреблять Р. прилагательного после числительных *два/три/четыре* при существительных ж. р. в ситуации непринужденного общения противоречит нередкому нежеланию этих носителей языка выполнять такую рекомендацию и потому противоречит таким критериям признания языкового явления нормативным, как массовая и регулярная воспроизводимость такого явления в ходе коммуникации и общественное одобрение и признание его нормативным [467, 338].

Новый аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО (разрешение противоречий): Возможно, в будущем форма Р. прилагательного в таких случаях станет повсеместной, но в настоящее время — во избежание противоречия критериям языковой нормативности — приходится признать нормативными формы И. и просторечными формы Р. в таких случаях. Если этого не сделать, придется пересмотреть критерии нормативности, в чем нет иной целесообразности, кроме, как мы отметили в предыдущем подпункте, ортологического стремления опережать развитие событий.

Синтаксические варианты типа *после окончания, в тот же день — по окончанию, в тот же день*. Конструкции форм Р. ед. ч., управляемых предлогом *после*, и Д. ед. ч., управляемых предлогом *по*, имеющие значение «в первый следующий за окончанием момент»

Традиционный аргумент — ПЭВ(ПВ)иОЛО: Ю. А. Бельчиков считает варианты типа *по окончанию* в указанном значении архаичными, а *по окончании* — современными [46, 304].

Противоречие: по данным НКРЯ, даже в XVIII и XIX вв. варианты типа *по окончании* во много раз превосходили варианты типа *по окончанию*, что нивелирует утверждение об архаичности вариантов типа *по окончанию* и современности вариантов типа *по окончании*. Тот факт, что оба варианта встречаются, например, у А. С. Пушкина, свидетельствует о неразличении этих вариантов даже таким тонким стилистом русского языка. Однако и у А. С. Пушкина заметно преобладают варианты типа *по окончании*.

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО: по обоснованному мнению В. А. Ицковича, форма Р. ед. ч., управляемого предлогом *после*, например *после окончания, в тот же день*, является нормативной, а форма Д. ед. ч., управляемого предлогом *по*, например *по окончанию, в тот же день*, — просторечной [138, 62–63].

4.4.5. Центр рода. Вид: императивные грамматико-стилистические синонимы, различающиеся как современные нейтральные и устаревающие просторечные

Как известно, устаревающие языковые, в том числе грамматические, явления чаще воспринимаются носителями языка как стилистически высокие (см. пункт 4.3.2), однако в настоящем пункте показаны те немногочисленные случаи, когда устаревающие грамматические варианты воспринимаются не как стилистически высокие, а как просторечные, поскольку при их восприятии образованные носители языка — homo codificans, homo reflectens — испытывают эмоции скорее негативные, нежели позитивные или нейтральные. На первый взгляд, позитивное или негативное отношение к устаревающими явлениям — при отсутствии эмпирически очевидных, лежащих на поверхности причин — можно объяснить только исторической случайностью. Однако следует заметить, что «случайность» позитивного/негативного отношения к устаревающему языковому явлению обусловливается наличием/отсутствием коммуникативной потребности в таком явлении как стилистически высоком средстве. Если такая потребность отсутствует, явление воспринимается как ненужное, то есть в целом негативное, просторечное. Очевидно, отсутствие данной потребности может быть обусловлено семантической конкретностью существительных, представленных в настоящем пункте: вряд ли возможно возникновение потребности в стилистической «приподнятости» таких конкретных обозначений, как *ущелья, полотенца, угли*. Однако объяснить, почему архаизировались именно такие грамматические варианты, а не их оппоненты, можно только исторической случайностью.

Вид представлен тремя подвидами.

Морфологические варианты типа *ущелий — ущельев*.

Существительные на *-ье* в двух формах Р. мн. ч.

Традиционный (в целом непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО: В. И. Чернышев век назад отмечал, что эти формы параллельно употребляются «в образованном языке», кроме форм *воскресеньев* и *терниев* [572, 514]. Однако сегодня можно утверждать, что церковнославянская по происхождению, а следовательно стилистически более высокая, форма Р. мн. ч. с флексией *-ий* постепенно вытесняет народный, а следовательно стилистически более низкий, аналог с флексиями *-ьев/-иев* и становится таким образом единственно возможной и стилистически уже не маркированной [138, 188–190; 46, 120–121]. Например, по данным НКРЯ (дата последнего обращения — 20.02.2015 г.): *ущельев* имеет 10 вхождений, *ущелий* — 272; *угодьев* — 18, *угодий* — 403, *предгорьев* — 6, *предгорий* — 116. Это объясняется отсутствием потребности в стилистическом различении форм существительных с такой конкретной семантикой. Архаизация именно народной, а не церковнославянской формы выглядит исторической случайностью. Нет достаточных оснований утверждать, что доминирование церковнославянской, изначально стилистически высокой формы обусловлено большим к ней «уважением», нежели к народной форме.

Примечание. Отдельные слова сохранили прежнюю форму: *платьев, устьев, подмастерьев, лохмотьев, разводьев, отребьев* и др. [448, 115; 138, 189; 46, 121], что полностью подтверждается примерами НКРЯ (дата последнего обращения — 22.02.2015 г.): *платьев* — 574 вхождения, *платий* — 3; *верховьев* — 177, *верховий* — 28 (но только у современных авторов); *низовьев* — 94, *низовий* — 22 (тоже лишь у современных авторов); *устьев* — 93, *устий* — 8; *подмастерьев* — 97, *подмастерий* — 6; *лохмотьев* — 116, *лохмотий* — 1; *разводьев* — 9, *разводий* — 8; *отребьев* — 4, *отребий* — 1. Эти данные эмпирически достоверно противоречат выводу Ю. А. Бельчикова о том, что формы *верховьев* и *верховий*, *низовьев* и *низовий* являются одинаково нормативными [46, 120].

Морфологические варианты типа *полотенец — полотенцев, зеркалец — зеркальцев*. Существительные на *-це* в двух формах Р. мн. ч.

Традиционный (в целом непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО: «Большинство существительных, сохранивших значение уменьшительных форм, в род. мн., как и все существительные ср. рода на *-е*, принимают нулевую форму *-ец*…», а не народную форму *-ев*, которая чаще наблюдается лишь в нескольких словах, например *болотцев, деревцев, оконцев* [138, 190–191] (ту же тенденцию и те же исключения из нее отмечают Д. Э. Розенталь и Ю. А. Бельчиков [448, 115; 46, 121]). Однако в НКРЯ (дата последнего обращения — 23.02.2015 г.) уже есть 3 современных вхождения формы *болотец*, 13 вхождений формы *деревец* и 9 вхождений формы *оконец*, что позволяет говорить о постепенном логичном (по аналогии) преодолении таких исключений. В целом указанная тенденция, как и в случае, описанном в предыдущем подпункте, объясняется отсутствием потребности в стилистическом различении форм существительных с такой конкретной семантикой. Но, в отличие от описанного в предыдущем подпункте, утверждение в Р. мн. ч. уменьшительных форм с флексией *-ец*, а не их народных аналогов с флексией *-ев* объясняется влиянием весьма распространенной аналогии флексий указанных выше «всех существительных ср. рода на *-е*».

Морфологические варианты типа *дяди — дядья* и *угли — уголья*. Несобирательные и собирательные формы мн. ч. существительных

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО: Собирательные формы существительных, например *дядья, уголья, шилья, волдырья* устаревают, то есть вытесняются несобирательными формами, например *дяди, угли, шила, волдыри* [138, 167–169]. Очевидно, это происходит потому, что коммуникативная потребность называть обозначаемые такими словами явления в собирательном значении, то есть в значении эмпирически воспринимаемой ситуативной их совокупности, возникает крайне редко, в силу чего такая потребность реализуется несобирательной формой, так как на восприятие семантики это никак не влияет. Например, если о нескольких стоящих

возле дома дядях/дядьях их племянник скажет, что это его *дяди*, а не *дядья*, никакой коммуникативной неудачи быть не может.

Примечание. «Собирательную форму с окончанием *-ья* принимает сравнительно небольшое число существительных муж. рода», например *крючья, колья, гроздья* [138, 167–168].

4.4.6. Периферия рода. Вид: словообразовательные варианты трех типов: *подойдя — подошедши, подъехав — подъехавши; замерев — замерши, заперев — заперши, затерев — затерши*. Формы деепричастий от глаголов движения с основой на согласный и на гласный и от глаголов с формантами *-мереть, -переть, -тереть*, различающиеся как современные и устаревающие

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО: в отличие от Д. Э. Розенталя, отмечавшего тенденцию архаизации неэкономных деепричастий с суффиксом *-ши*, но признававшего формы *замерев — замерши, заперев — заперши, затерев — затёрши, простерев — простёрши* равноправными [448, 173], Л. К. Граудина констатирует, что формы деепричастий от глаголов движения с основой на согласный и на гласный и от глаголов с формантами *-мереть, -переть, -тереть*, с суффиксами *-я-* и *-в-*, например *подойдя, подъехав, замерев, заперев, затерев*, являются современными, а формы тех же деепричастий с суффиксом *-ши*, например *подошедши, подъехавши, замерши, заперши, затерши*, все больше архаизируются [138, 313–317] (это мнение разделяет И. Б. Голуб [129, 326]). Поскольку отрицательных эмоций такие архаизмы не вызывают, было бы некорректным считать их просторечными. Л. К. Граудина оговаривает два исключения (см. примечания).

Примечание-1. «Исключения составляют основы на задненебный: *зажегши, остригши, испекши* и др. и деепричастия от некоторых глаголов движения (… *унесши*)» [138, 316].

Примечание-2. «Варианты на *-ши-* сохраняются в деепричастиях от возвратных глаголов на *-ереть*: *опершись, отершись, подпершись, упершись* (в бока)…» [138, 317].

4.4.7. Периферия рода. Вид: морфологические варианты двух типов: *мой домишко — мое домишко, мой домишко — моя домишка* и *мой домище — мое домище, мой домина — моя домина*. Существительные с суффиксами уменьшительности и увеличительности, имеющие различные родовые характеристики, различающиеся как разговорные и просторечные

Традиционный (в целом непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО: в отличие от Д. Э. Розенталя (см. об этом ниже), Л. К. Граудина абсолютно логично полагает, что существительные с суффиксами субъективной оценки, придающие таким существительным разговорный характер, имеют род производящего существительного, например *мой домишко, мой домище, мой домина*, а ориентация рода существительного на флексии другого рода, например *мое домишко, моя домишка, мое домище, моя домина*, является просторечным отклонением от нормы [138, 97–98]. Д. Э. Розенталь считал такое отклонение явлением разговорным [448, 92], но тогда пришлось бы считать варианты типа *мой домишко, мой домище, мой домина* не разговорными, а стилистически нейтральными, что действительности не соответствует. Остается уточнить, что ненормативность изменения рода поддерживается тем, что такие суффиксы уменьшительности и увеличительности не меняют денотативную соотнесенность этих существительных. Так, *домишко, домишка, домище* и *домина* — это прежде всего *дом*, то есть обобщенное название определенных сооружений, обозначаемых существительным м. р., поскольку суффиксы субъективной оценки, не будучи связанными с таким денотатом, не могут влиять на его родовую характеристику.

4.4.8. Периферия рода. Вид: Синтаксические варианты типа *поступил в вуз по окончании школы — поступил в вуз по окончанию школы*. Конструкции форм П. и Д. ед. ч., управляемых предлогом *по*, имеющие значение «в первый следующий за окончанием момент», различающиеся как официальные и просторечные

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АИВ)иАЛО: формы П. ед. ч., управляемые предлогом *по*, имеющие значение «в первый

следующий за окончанием момент», например *по окончании*, являются официальными, а формы Д. ед. ч., управляемые предлогом *по* с тем же значением, например *по окончанию*, являются просторечными [138, 62–63].

Примечание. О том, что Ю. А. Бельчиков считает варианты типа *по окончанию* в указанном значении архаичными, а *по окончании* — современными, и о противоречивости такого убеждения — см. пункт 4.4.4.

4.5. Периферия системы. Род: диспозитивные функционально-синтаксические стилистически нейтральные варианты, различающиеся как употребляемые в разных синтаксических функциях или при словах, выполняющих разные синтаксические функции

Данный — периферийный по отношению к центру системы русских грамматических вариантов — род включает два вида бинарных оппозиций, члены которых противопоставлены другу не по семантическому, в том числе лексико-грамматическому, или стилистическому критерию, подобному описанным выше, а по критериям исключительно грамматическим: по выполняемой синтаксической функции и по согласованию со словами, выполняющими разные синтаксические функции. Указанная исключительность и обусловливает отнесение двух этих видов к периферии системы русских грамматических вариантов, описанной выше в семантико-стилистическом преломлении.

4.5.1. Вид периферийного рода: синтаксические варианты типа *Он активнее; Он ведет себя активнее — Он более активный человек.* Синтетические и аналитические формы сравнительной степени наречий и прилагательных, различающиеся как употребляемые в функциях сказуемого, обстоятельства и функции определения

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: синтетические формы сравнительной степени прилагательных наблюдаются в функциях сказуемого, например *он активнее*, такие же формы наречий — в функции обстоятельства, например *он ведет себя активнее*, в то время как аналитические формы сравнительной степени прилагательных употребляются в

функции определения, например *он более активный человек* [138, 320–324].

Примечание. О стилистическом различии синтетических и аналитических форм сравнительной степени прилагательных в функции сказуемого и наречий в функции обстоятельства — см. пункт 4.3.5.

4.5.2. Вид периферийного рода: синтаксические варианты типа *пять домов, построенные месяц назад — пять домов, построенных месяц назад*. Формы И. и Р. мн. ч. причастий при конструкциях числительного начиная со слова *пять*, управляющего существительным, различающиеся согласованием с числительным, управляющим дополнением, и с дополнением, управляемым числительным

Традиционный (непротиворечивый) аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: по аналогии с объяснением Д. Э. Розенталя: «*первые пять рядов* — определение относится ко всему сочетанию; *пять первых рядов* — определение относится только к существительному» [448, 213] — можно говорить о том, что в *пять домов, построенн**ые** месяц назад* причастие согласуется с числительным — подлежащим или дополнением, управляющим дополнением, а в *пять домов, построенн**ых** месяц назад* причастие согласуется с управляемым числительным дополнением — в зависимости от коммуникативной потребности в подчеркивании той или иной синтактико-смысловой значимости: в данном случае — строительства домов или определенного количества домов.

4.6. Периферия системы. Род: грамматические варианты, непоследовательно различающиеся или не различающиеся императивно или диспозитивно

Это наибольший, представленный шестью видами, род из периферийных по отношению к центру системы русских грамматических вариантов. Его особенность состоит в неопределенности логики дифференциации грамматических вариантов, что для каждого такого вида обусловлено одновременным альтернативным восприятием по меньшей мере двух грамматических возможностей употребления таких вариантов при отсутствии

очевидного приоритета одной возможности перед другой. Наличие таких видов грамматических вариантов свидетельствует о потенциальной бесконечности грамматической эволюции.

4.6.1. Вид периферийного рода: морфологические варианты двух типов *на крюке — на крюку, в дыме — в дыму* и *в отпуске — в отпуску, на холоде — на холоду*. Существительные м. р. на твердый согласный в форме П. ед. ч., управляемой предлогами *в* и *на*, которые различаются либо как нейтральные и разговорные, либо как нейтральные и просторечные

Традиционный (неопределенный) аргумент — ПЭВ(АДВили АИВ)иОЛО: В. И. Чернышев век назад писал: «Некоторое, хотя очень нерешительное, влияние на употребление формы предложного падежа имеет определение, именно определяемые формы чаще имеют окончание -*е*, чем -*у*. Мы употребляем, например: *на берегу* и *на самом береге*; *на ветру* и *на сквозном ветре*, *в году* и *в прошлом годе*…» [572, 503]. Однако очевидно, что в этих случаях — даже в сочетании с определением — закрепились формы с -*у*. Л. К. Граудина констатирует: «Исследователи отмечают, что в современном литературном языке заметна общая тенденция к сокращению круга слов, принимающих окончание -*у*» [138, 194]. Однако еще Д. Э. Розенталь писал, что вопреки этой тенденции «распространенные ранее формы *на бале, на береге, в лесе, в саде* и др., несомненно, устарели, что свидетельствует о воздействии разговорной речи» [448, 108–109]. Многие формы по-прежнему сосуществуют, различаясь при этом стилистически: или как нейтральные и разговорные, например *на крюке — на крюку, в дыме — в дыму*, или как нейтральные и просторечные, например *в отпуске — в отпуску, на холоде — на холоду* [138, 193–198; 46, 109–113].

4.6.2. Вид периферийного рода: морфологические варианты типа *кед — кеда, перифраз — перифраза*. Существительные на твердый согласный основы — м. р. с нулевым окончанием и ж. р. с окончанием -*а*, изначально не имеющие семантических и стилистических дифференциальных признаков, но затем различающиеся как слова, либо императивно вытесняющие друг

друга, либо диспозитивно вырабатывающие семантическую или стилистическую специализацию

Традиционный (неопределенный) аргумент — ПЭВ(АИВилиАДВ)иОЛО: В. И. Чернышев отмечал, что таких колеблющихся в роде форм стало гораздо меньше, чем раньше, и тенденция вытеснения одного варианта другим вполне очевидна: «…*авантюр* (редко) и *авантюра*, *амальгам* (редко) и *амальгама*, *антилоп* (старинное) и *антилопа*, *апогей* и *апогея* (редко)…» [572, 522]. Действенность этой тенденции подтверждается и сегодня. Из примерно 34 000 русских существительных вариантными в роде остаются не более 100 пар. В этих парах происходит либо императивное вытеснение одних вариантов другими по причине коммуникативной невостребованности различий между ними, например *канистра* вместо *канистр*, *мангуст* вместо *мангуста*, либо семантическая или стилистическая их дифференциация, например *катаракт* (водопад большой ширины, пороги на реке, техприбор) и *катаракта* (болезнь хрусталика глаза); *рельс* (нейтр.) — *рельса* (разг.); *жираф* (нейтр.) — *жирафа* (прост.) [448, 90–92; 138, 86–93; 129, 227–228; 46, 93]. Говорить о преобладающей тенденции дифференциации в этой группе вариантов в настоящее время невозможно.

4.6.3. Вид периферийного рода: морфологические варианты двух типов: *граммов — грамм* и *шпротов — шпрот*. Формы с флексией *-ов* и нулевой флексией Р. мн. ч. существительных (для одушевленных также В. мн. ч.) м. р. на твердый согласный или pluralia tantum, либо не имеющие семантических и стилистических различий, либо императивно вытесняющие друг друга, либо диспозитивно вырабатывающие стилистическую специализацию

Традиционный (неопределенный) аргумент — ПЭВ(АИВилиАДВ)иОЛО: существительные м. р. на твердый согласный в форме Р. мн. ч. либо сосуществуют без семантического или стилистического противопоставления, например *черемисов — черемис*, либо императивно вытесняют друг друга, например *армян* вместо *армянов*, но *гуцулов* вместо *гуцул*,

либо различаются стилистически, например *граммов* (нейтр.) — *грамм* (разг.) [448, 114; 138, 177–184; 129, 233; 46, 113–117].

Примечание. Ортологи-кодификаторы пытаются обнаружить семантическое или стилистическое различие между вариантами типа *черемисов — черемис* и не могут его обнаружить потому, что его действительно нет, а не потому, что они это различие не воспринимают, поэтому СВ в традиционном аргументе, равно как и в традиционных аргументах следующих трех пунктов, показывать некорректно. Непостоянство дифференциации/недифференциации таких вариантов подтверждается тем, что в ряде случаев кодифицированная императивность такой вариантности противоречит узусу, поскольку варианты, кодифицированные как неупотребляемые, на самом деле употребляются. Так, в НКРЯ (дата последнего обращения — 24.02.2015 г.) императивно кодифицированный как единственно правильный вариант *шпрот* имеет 64 вхождения, а императивно запрещенный вариант *шпротов* встречается 10 раз, причем у таких известных авторов, как И. Бунин, Ю. Олеша, Г. Эфрон, В. Астафьев, П. Санаев, В. Аксенов; императивно кодифицированный как неправильный вариант *бурятов* имеет 15 вхождений, причем у одного и того же автора в одном и том же произведении встречаются обе формы В. мн. ч. этого слова: ср. *Полгода он шатался по степи и тайге, расспрашивал о чем-то кочевых* ***бурят****, ставил на деревьях непонятные знаки. [Андрей Геласимов. Разгуляевка (2008)]* и *Говорили же, надо брать с собой* ***бурятов****! [Андрей Геласимов. Разгуляевка (2008)]*. В то же время в группе названий овощей и фруктов типа *помидоров — помидор* и группе названий военных типа *солдатов — солдат*, по данным НКРЯ, изученным С. О. Савчук, намечается достаточно четкая стилистическая дифференциация этих вариантов соответственно как книжно-письменных — разговорных (первый тип) и современных — устаревающих (второй тип) [461], что дает основания надеяться на четкость стилистической дифференциации во всей этой парадигме в будущем.

4.6.4. Вид периферийного рода: морфологические варианты типа *дискутировать — дискуссировать*. Заимствованные глаголы с разными

согласными в корне, не имеющие семантических или стилистических дифференциальных признаков

Традиционный (неопределенный) аргумент — ПЭВ(АДВ)безЛО: вариантность согласного в корнях заимствованных глаголов с суффиксом *-ирова-* объясняется двумя вариантами их происхождения: глаголы первого варианта происхождения являются прямыми заимствованиями, например *дискутировать* от нем. *diskutieren* или фр. *discuter*; глаголы второго варианта происхождения являются производными от заимствованных имен, например *дискуссировать* от *дискуссия*. Каждый из вариантов по-своему логичен, степень логичности этих вариантов равновелика, семантических и стилистических различий они не обнаруживают, — следовательно, имеются все основания считать такие варианты «одинаково нормативными» [138, 427], то есть абсолютно синонимичными, а значит, относительно недолговечными. В будущем следует ожидать дифференциации таких вариантов по некоему, скорее всего стилистическому, критерию.

4.6.5. Вид периферийного рода: морфологические варианты типа *сосредоточивать — сосредотачивать*. Глаголы НСВ на *-ывать (-ивать)*, не имеющие семантических и бесспорных для всех носителей языка стилистических дифференциальных признаков

Традиционный (неопределенный) аргумент — ПЭВ(АДВилиАИВ)иОЛО: глаголы НСВ на *-ывать (-ивать)* испытывают колебания из-за влияния двух акцентно-звуковых аналогий. Во-первых, имеется влияние акцентно-звуковой аналогии структурно похожих глаголов НСВ, в корнях которых на протяжении XIX и особенно XX века проявлялась необъяснимая тенденция к замене *-о-* на *-а-*, например состоявшиеся образцы типа *затр**а**гивать* вместо устаревшего *затр**о**гивать* влияют на употребление *сосредот**а**чивать, обусл**а**вливать, растам**а**живать* вместо *сосредот**о**чивать, обусл**о**вливать, растам**о**живать*. Во-вторых, имеется влияние акцентно-звуковой аналогии соотносительных форм СВ, например состоявшиеся образцы типа *упр**о**чивать* вместо *упр**а**чивать* на том основании, что в корне глагола СВ

упрочить имеется *-о-* ударное, влияют на употребление *сосредот**о**чивать, обусл**о**вливать, растам**о**живать* вместо *сосредот**а**чивать, обусл**а**вливать, растам**а**живать* [448, 166–167; 138, 263–269; 129, 318–319; 46, 217–220]. Каждый из вариантов по-своему логичен, степень логичности этих вариантов равновелика, семантических различий они не обнаруживают. Попытки кодификаторов четко зафиксировать стилистические характеристики таких вариантов, в том числе признать их «равноправными», как предлагает Ю. А. Бельчиков в отношении вариантов *огор**о**шивать — огор**а**шивать, обусл**о**вливать — обусл**а**вливать, усл**о**вливаться — усл**а**вливаться* [46, 220], вряд ли можно признать корректными с позиций соответствия критерием нормативности. Некоторые носители языка, особенно homo reflectens, считают варианты *огор**а**шивать, обусл**а**вливать, усл**а**вливаться, сосредот**а**чивать, растам**а**живать* просторечными, предпочитая в качестве нормативных варианты *огор**о**шивать, обусл**о**вливать, усл**о**вливаться, сосредот**о**чивать, растам**о**живать*. Но, поскольку такое мнение разделяют не все носители языка, нет оснований относить такие варианты к императивным грамматико-стилистическим синонимам.

4.6.6. Вид периферийного рода: синтаксические варианты типа *те, кто работает — те, кто работают*. Формы ед. и мн. ч. сказуемого при подлежащем — местоимении *кто* в придаточном предложении, относящемся в составе главного предложения к указательному местоимению *те* в И. и неодушевленном В., не имеющие семантических или стилистических дифференциальных признаков

Традиционный (неопределенный) аргумент — ПЭВ(АДВ)безЛО: формы ед. и мн. ч. сказуемого при подлежащем — местоимении *кто* в придаточном предложении, относящемся в составе главного предложения к указательному местоимению *те* в И. и неодушевленном В. [138, 40], обусловлены влиянием либо семантической единичности местоимения *кто*: в этом случае наблюдается ед. ч. сказуемого (*те, кто работа**е**т*), — либо грамматической множественности местоимения *те*: в этом случае наблюдается мн. ч. сказуемого (*те, кто работа**ю**т*). Каждый из этих вариантов числа сказуемого по-своему

логичен. Степень логичности этих вариантов равновелика, ибо указательное местоимение *те* не кванторно, как определительное местоимение *все*, и потому семантически единичное *кто* не может «видеть» *те* состоящим из кванторов «каждый», веско обусловливающих ед. ч. сказуемого в сочетаниях типа *все, кто работает* (см. пункт 4.4.1). Семантических и стилистических различий такие варианты не обнаруживают (см. об этом также [396, 125]).

4.7. Периферия системы. Род: диспозитивные грамматико-стилистические синонимы — варианты нормативные и варианты ненормативные, но потенциально заполняющие лакуны русской грамматики

Неповторимая для настоящей классификации грамматических вариантов особенность этого небольшого, представленного только двумя видами, периферийного рода состоит в том, что вторые члены его вариантных оппозиций в настоящее время не являются нормативными. Тем не менее эта ненормативность может стать более частотной, поскольку такие непривычные варианты могут оказаться коммуникативно востребованными как логичные и экономные заполнители лакун русской грамматики. Поскольку традиционная грамматика такую вариантность не признаёт, отсутствуют и традиционные аргументы дифференциации вариантов. Однако объективное существование таких видов грамматических вариантов является несомненным свидетельством грамматической эволюции.

4.7.1. Вид периферийного рода: словообразовательно-морфолого-синтаксические варианты двух типов: *человек, который увидит это — человек, увидящий это; человек, которого мы увидим — человек, увидимый нами*. Придаточные предложения с союзным словом *который* и сказуемым — глаголом СВ и причастные обороты с ненормативным действительным или страдательным причастием СВ будущего времени, различающиеся как нейтральные и потенциально книжно-высокие

Недавно выдвинутый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: М. Н. Эпштейн

обращает внимание на то, что в русской грамматике, несмотря на ортологическое непризнание такого явления нормативным, ощущается озвученная еще В. Г. Шершеневичем в 1920 году коммуникативная потребность в причастиях будущего времени. М. Н. Эпштейн при помощи многочисленных примеров, взятых не только из склонной к словотворчеству поэзии, доказывает, что русская грамматическая, и прежде всего словообразовательная, система обладает достаточным арсеналом средств для образования действительных и страдательных причастий будущего времени: «Не только поэзии, но и речи в целом не хватает причастий будущего времени, тем более что современный язык предоставляет готовые грамматические формы для их образования. Те же самые суффиксы *-ущ- (-ющ-), -ащ- (-ящ-)*, которые служат для образования причастий настоящего времени, могут использоваться и для образования [действительных. — С. П.] причастий будущего времени, — но уже от глаголов совершенного вида (*сделать, суметь, увидеть, прочитать*...). <…> Нет никаких оснований считать, что причастие ***успЕющий*** или ***испОлнящий*** звучат [точнее, звучит. — С. П.] менее естественно в русском языке, чем ***успевАющий*** или ***исполнЯющий***. Итак, причастия будущего времени образуются при помощи суффиксов *-ущ-, -ющ-* (для глаголов 1-го спряжения) и *-ащ-, -ящ-* (для глаголов 2-го спряжения) от глаголов совершенного вида, от основы настоящего и будущего времени». В то же время «страдательные причастия будущего времени (***сделаемый, достижимый***) образуются от глаголов совершенного вида посредством суффиксов *-ем-* и *-им-* по той же модели, что и страдательные причастия настоящего времени образуются от глаголов несовершенного вида. <…> Итак, вопреки запретам нынешней грамматики, причастия будущего времени органичны для русского языка, и только консервативная лингвистическая модель, она же мораль, мешает пользоваться ими. Я прошу составителей школьных и вузовских учебников, всех нормативных пособий и справочников пересмотреть это правило и включить причастия будущего времени в соответствующий раздел грамматики. Это будет всего лишь констатацией факта: «Причастия в русском языке имеют формы настоящего, прошедшего и будущего времени». Тем самым грамматика

приблизится к реальным возможностям языка и будет работать на более полное использование этих возможностей» [604]. Очевидно, что такая уходящая корнями в первобытное восприятие лингвистическая универсалия, как позднее утверждение форм будущего времени [330, 535], в соответствии с принципами эволюции мышления и языка постепенно преодолевается и в будущем, возможно не очень отдаленном, действительные и страдательные причастия будущего времени станут нормативными явлениями русской грамматики. Если действительные и страдательные причастия будущего времени в русском языке утвердятся, они станут диспозитивными грамматическими вариантами — грамматико-стилистическими, а именно книжно-высокими, синонимами стилистически нейтральных вариантов — придаточных предложений с союзным словом *который* и глаголом СВ, то есть образуют пары, достраивающие русскую грамматику в соответствии с коммуникативной потребностью в таком стилистическом различии, уже реализованном в противопоставлении таких же придаточных и причастий настоящего и прошедшего времени.

4.7.2. Вид периферийного рода: морфолого-синтаксические варианты типа *сделай так, чтобы я поплавала — поплавай меня*. Описательные конструкции, вынужденно компенсирующие непереходность глаголов, и ненормативно переходные глаголы, различающиеся как громоздкие и потенциально экономные

Недавно выдвинутый аргумент — ПЭВ(АДВ)иАЛО: М. Н. Эпштейн, отмечая факт непереходности (по сути — не глагольности, а атрибутивности) двух третей русских глаголов и объясняя причину этого явления социально-исторически сложившейся неразвитостью субъектно-объектных, в том числе имущественных, отношений (об этих и других проявлениях безынициативности «русских» подробно пишет А. Вежбицкая [84, 33–88]), приходит к следующим выводам: «Преобладание непереходности в русском языке способствует становлению **непереходного мировоззрения**, для которого вещи случаются, происходят, движутся сами собой. Это мир, в котором нечто пребывает в себе или движется само по себе, но ничем не движется и ничего не движет. <…> На

протяжении многих веков своей истории русский язык впадал в непереходность. Ряд глаголов, употреблявшихся как переходные, впоследствии перешли в разряд непереходных. Раньше говорили: *воевать врага, править народ, работать сапоги* (сейчас такое словоупотребление сохранилось у художников: «работать вещь, картину, скульптуру»). Многие непереходные глаголы образовались посредством возвратного постфикса *-ся* от переходных, которые постепенно вышли из употребления. Раньше в языке были глаголы **бороть, каять, сомневать, отчаивать, трудить** (у А. С. Грибоедова в речи Чацкого: «Чтоб не трудить себе ума...»); но их вытеснили соответствующие непереходные глаголы с постфиксом *-ся*. И вот уже люди трудятся, но никого и ничего не **трудят**. Общаются, но никого не **общают**. Улыбаются, но не **улыбают**. Каются, но не могут никого **каять**. Гордятся и сомневаются, борются и ленятся, стремятся и отчаиваются — но никого не **гордят** и не **сомневают**, не **борют** и не **ленят**, не **стремят** и не **отчаивают**» [605]. Непереходность большинства русских глаголов естественно признать рудиментом того первобытного восприятия окружающего мира, в котором все происходит само собой, поскольку наделено мистической (то есть непознаваемой) силой, которой человек противостоять не в состоянии. Отсутствие инициативы и ответственности — результат невосприятия выгоды, предоставляемой инициативностью и возможностью действовать не по привычному шаблону, то есть в целом результат восприятия поверхностного (см. пункт 2.6.2). «Однако у русской грамматики, — пишет М. Н. Эпштейн, — есть достаточный запас гибкости, чтобы вырвать свою глагольную систему из этого оцепенения непереходности, оживить каждый непереходный глагол его переходной функцией, переводящей действие от субъекта на объект». Автор приводит достаточное количество ненормативных с современной точки зрения употреблений из разговорной, жаргонной и детской речи, например ***Его ушли;*** *Кто за девушку платит, тот* ***ее*** *и* ***танцует****; Его нет дома, пошел* ***гулять собаку****; Я* ***тебя отдохну****; Ты* ***меня заблудил****; Папа,* ***поплавай меня****; Стал* ***меня скучать; Прыгни шарик*** [605], чтобы можно было говорить о том, что в современном русском языке наметилась тенденция коммуникативно

востребованного заполнения такой лакуны русской грамматики, как подавляющая непереходность глаголов. Общепризнанные закономерности когнитивной эволюции человека и неразрывно связанного с когницией языка являются свидетельством того, что в будущем, насколько отдаленном — неизвестно, тенденция развития переходности ранее непереходных или утративших переходность глаголов может стать грамматической реальностью. Если такие пока ортологически не признанные переходные глаголы в русском языке утвердятся, они станут более экономными, чем описательные конструкции, вынужденно компенсирующие непереходность глаголов. Естественно предположить, что такие описательные конструкции, не будучи коммуникативно востребованными, будут императивно вытеснены экономными и потому коммуникативно востребованными переходными глаголами.

Примечание. Эволюционная перспектива показанной М. Н. Эпштейном тенденции развития переходности русских глаголов может быть поставлена под сомнение. Дело в том, что такие зафиксированные А. Вежбицкой особенности русского менталитета, как «подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания», «ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена», «склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности», «недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица, стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь, как контролера событий» [84, 34], не только по-прежнему актуальны — эти демонстрирующие поверхностность восприятия тенденции усиливаются. Т. Б. Радбиль, проанализировав большое количество речевых примеров, представляет «совсем иную картину»: «Несмотря на свою определенную активность, процесс «развития переходности» в современной русской речи по степени своей распространенности не может идти ни в какое сравнение с обратным процессом «экспансии безличности или пассивно-возвратности». Инновационные тенденции в русской грамматике показывают значительное расширение сферы применимости пассивно-возвратных и безличных

конструкций, особенно по отношению к концептуализации ситуаций или психических состояний, которые требуют по логике активного «присутствия» агенса» [438, 322–323]. Получается, что упомянутая автором «экспансия безличности или пассивно-возвратности» препятствует развитию переходности русских глаголов (о современной распространенности безличных конструкций речь идет также в пунктах 4.1.1 и 4.3.4). Трудно согласиться с З. К. Тарлановым в том, что «безличное предложение — это одно из языковых средств, иллюстрирующих магистральную линию развития человеческой мысли от конкретного к обобщенному» [523, 32], поскольку такая обобщенность отражает первоначальную стадию восприятия действительности агенсом, синкретично не отделяющим себя от этой имеющей самостоятельную активность действительности и поверхностно связывающим свою судьбу с проявлениями именно такой, внешней по отношению к нему активности (см. пункты 2.6.1 и 2.6.2). Не случайно А. Вежбицкая и Т. Б. Радбиль говорят о злоупотреблении этой обобщенностью, свидетельствующем о пассивности, несамостоятельности агенса, которая в безличных конструкциях подчеркивается многими русскими лингвистами, например А. Н. Гвоздевым («неосознанность, непроизвольность, безотчетность») [119, 208], Е. С. Скобликовой («результат действий неопределенной совокупности стихийных сил» [484, 115], В. В. Бабайцевой и Л. Ю. Максимовым («действие в отрыве от деятеля, как стихийный процесс») [496, 101], М. А. Шелякиным («неосознанность, неизвестность, стихийность») [585, 114], А. В. Петровым («неактивность субъекта») [365, 58–59]. Очевидно, что по причине усиления описанных А. Вежбицкой и Т. Б. Радбилем тенденций продемонстрированные М. Н. Эпштейном факты развития переходности русских глаголов логично воспринимать с весьма сдержанным оптимизмом.

Выводы к разделу 4

В разделе 4 осуществлено перцептивно-аргументационное описание системы русских грамматических вариантов в семантико-стилистическом преломлении. Систематизированы и описаны регулярные и смешиваемые русские грамматические варианты.

В центре системы они различаются:

диспозитивные грамматические антонимы — значениями конкретности и абстрактности, партитивности и цельности, абсолютной и относительной процессуальности, отношением к одушевленности и неодушевленности, количества не больше и потенциально больше двух, непереходности и переходности, ‘только в момент окончания’ и ‘не только в момент окончания, но и в любой следующий за окончанием момент’, внешней причины и внутренней причины, реального и потенциального адресования;

диспозитивные грамматические квазиантонимы — значениями: относительности и качественности, процессуальности и предметности, ‘выходящий за пределы чего-либо’ и ‘не имеющий отношения к чему-либо’, ‘способ передвижения с использованием механического, самоходного общественного транспорта’ и ‘средство передвижения’;

диспозитивные грамматико-стилистические синонимы — стилистическими характеристиками: нейтральности и разговорности, современной нейтральности и устаревающей «высокости», официальности и разговорности, нейтральности и официальности, нейтральности и книжности-«высокости», нейтральности и разговорности или публицистичности, книжности/официальности-«высокости» и устности-разговорности, официальности и разговорности или публицистичности, современности и устаревания, современной нейтральности и устаревающей официальности, нейтральности и экспрессивности, книжности-«высокости» и экспрессивности, нейтральности и книжности-«высокости»;

императивные грамматико-стилистические синонимы — стилистическими характеристиками: современной логичности и устаревающей нелогичности, большей и меньшей логичности, современной экономности и устаревающей неэкономности, традиционной нейтральности и просторечности, современной нейтральности и устаревающей просторечности, современности и устаревания, разговорности и просторечности, официальности и просторечности.

На периферии системы русских грамматических вариантов они характеризуются:

диспозитивные функционально-синтаксические стилистически нейтральные варианты — употреблением в функциях сказуемого, обстоятельства и функции определения, согласованием с числительным, управляющим дополнением, и с дополнением, управляемым числительным;

грамматические варианты, непоследовательно различающиеся или не различающиеся императивно или диспозитивно, — нейтральностью и разговорностью или просторечностью, императивным вытеснением друг друга либо диспозитивной семантической или стилистической специализацией, императивным вытеснением друг друга или диспозитивной стилистической специализацией, отсутствием семантических или стилистических дифференциальных признаков, отсутствием семантических и бесспорных для всех носителей языка стилистических дифференциальных признаков, отсутствием семантических или стилистических дифференциальных признаков;

диспозитивные грамматико-стилистические синонимы — варианты нормативные и варианты ненормативные, но потенциально заполняющие лакуны русской грамматики — нейтральностью и потенциальной книжностью-«высокостью», громоздкостью и потенциальной экономностью.

Наблюдается стихийная логичная компенсация отсутствия в русском языке артиклей десятью подвидами диспозитивных грамматических антонимов, различающихся семантикой конкретности и абстрактности.

Применение перцептивно-аргументационного метода дифференциации грамматических вариантов позволило выявить среди традиционных аргументов, дифференцирующих грамматические варианты, 38 случаев ПЭВ(ПВ), 38 случаев ОЛО, 24 аргумента без ЛО, 4 аргумента к традиции, 1 аргумент к авторитету и привело к пересмотру традиционных аргументов в 35 и к уточнению этих аргументов в 16 из 97 подвидов центральных видов центральных родов (подразделы 4.1-4.4), периферийных видов этих родов и видов периферийного рода, представленного в подразделе 4.5. То есть традиционные аргументы были пересмотрены в более чем третьей части и уточнены примерно в шестой части указанных подвидов и видов, что в целом составляет их б**о**льшую часть.

Всегда диспозитивные грамматические варианты с семантическими различиями — грамматические антонимы и квазиантонимы — составляют менее трети общего количества исследованных случаев их дифференциации (28 из 105), однако, в подтверждение известного ортологического убеждения (см. подраздел 1.2), отсутствие семантических различий компенсируется стилистическими различиями в пределах нормативности вариантов. В целом диспозитивная, достраивающая русскую грамматику, вариантность — грамматические антонимы, грамматические квазиантонимы, грамматико-стилистические синонимы, а также периферийные функционально-синтаксические варианты (подраздел 4.5) — примерно в два раза превышает вариантность императивную, причем количество грамматических антонимов в три раза превышает количество грамматических квазиантонимов, что свидетельствует о системности достраивания русской грамматики.

Важно подчеркнуть, что большинство указанных выше пересмотров и уточнений традиционных аргументов пришлось на диспозитивные грамматические антонимы и квазиантонимы: 20 пересмотров и 3 уточнения из 28 возможных. Диспозитивные и императивные грамматико-стилистические синонимы пересмотрены 15 раз и уточнены 13 раз из 67 возможных. По объему описание сравнительно немногих семантических различий между грамматическими вариантами более чем на 20% превышает описание существенно большего количества стилистических различий между ними. Такая диспропорция пересмотров и уточнений грамматических вариантов с семантическими и стилистическими различиями объясняется относительной легкостью дифференциации вариантов со стилистическими различиями и значительным единодушием носителей языка при дифференциации таких вариантов, что обусловлено очевидностью применяемого здесь аргумента ко вкусу, который совпадает у большинства носителей языка. Это заметное для кодификаторов совпадение облегчает кодификацию таких вариантов.

11 раз в примечаниях к описаниям дифференциации грамматических вариантов показаны эволюционные изменения, состоящие в наблюдаемой в

настоящее время дифференциации грамматических вариантов, которые ранее, в XIX веке и начале — первой половине XX века, не дифференцировались.

5 раз в примечаниях отмечено эволюционное появление коммуникативно востребованных вариантов ранее безвариантных грамматических явлений.

О постепенной стихийной логизации русского грамматического строя непосредственным образом свидетельствует большое количество таких императивных вариантов, как современные логичные и устаревающие нелогичные (16 подвидов), более логичные и менее логичные (3 подвида), экономные современные и неэкономные устаревающие (2 подвида), что составляет б**о**льшую часть всех императивных вариантов. Примечательно также, что нелогичных устаревающих вариантов почти в 5 раз больше, чем менее логичных неустаревающих. К этим фактам следует добавить и такие немногочисленные, но показательные явления одного из периферийных родов (подраздел 4.7), как 2 вида вариантов нормативных и вариантов ненормативных, но потенциально заполняющих лакуны русской грамматики (с некоторыми пессимистичными для эволюционности оговорками), которые вместе с императивными вариантами, свидетельствующими о логизации русской грамматики, составляют более чем пятую часть всех центральных подвидов и периферийных видов, представленных в семантико-стилистической типологии русских грамматических вариантов.

Лишь 6 видов одного из трех периферийных родов (подраздел 4.6), объединяющие варианты, которые характеризуются отсутствием регулярно-логичной дифференциации, своим существованием подтверждают идею потенциальной бесконечности процесса грамматической эволюции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать следующие обобщения.

По происхождению норма является понятием, призванным регулировать человеческие отношения и постепенно развивающимся от понимания «авторитетного» к «социальному». Аналогично развивалось понятие нормы языковой, которое сегодня можно определить как совокупность реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации. Понятие отбора в свою очередь позволяет осознать такое свойство нормы, как ее вариантность: норма существует постольку, поскольку существуют вариантные отступления от нее и разновидности внутри нее. Критериями признания вариантного явления нормативным являются соответствие языковой системе, массовая и регулярная воспроизводимость данного явления в процессе коммуникации и общественное одобрение и признание языкового явления нормативным. Внимание лингвистов к понятию нормы привело к тому, что отбор и закрепление реализаций языковой системы в процессе общественной коммуникации наряду с их пониманием как стихийно происходящих стали осознаваться как лингвистическая деятельность — описывающая и предписывающая нормализация, документальным проявлением которой стала кодификация. История кодификации свидетельствует о стремлении объективного отражения стихийно складывающихся норм с постепенным осознанием необходимости невмешательства кодификаторов в развитие языка.

Изучение лингвистических взглядов на вариантность, наблюдаемую на разных уровнях языка, в синхронии и диахронии, позволяет говорить о фиксации таких в целом неуниверсальных критериев грамматической вариантности, как тождество слова, наличие инварианта, системность, регулярная взаимозаменяемость, функциональная эквивалентность грамматического значения в пределах сравниваемых контекстов, однородность сравниваемых грамматических структур. Причины появления грамматических вариантов в основном не играют роли в их последующей дифференциации. Грамматические

варианты имеют семантические и стилистические различия, являются вариантами грамматических форм и значений. Пары грамматических вариантов обладают характеристиками императивности, при которой наблюдается нормативность одного и ненормативность другого варианта, и диспозитивности, при которой наблюдается нормативность обоих вариантов при определенных условиях. История русских ортологических школ и жанров ортологических пособий свидетельствует о постоянном интересе лингвистов к грамматической вариантности и стремлении ее кодифицировать.

Теоретические проблемы изучения грамматической вариантности заключаются, с одной стороны, в непонимании динамичности нормы, с другой — в неоправданной, с когнитивной точки зрения, аксиоматичности убеждения о том, что варианты развивают язык. Другими теоретическими недостатками являются непредставление грамматических вариантов в виде системы, организованной по семантико-стилистическим основаниям, излишняя обобщенность некоторых типов грамматических вариантов по грамматическим признакам, неверное отнесение вариантов к грамматическим ярусам, в том числе одновременное отражение одних и тех же типов грамматических вариантов в разных разделах одного ортологического пособия. Практические проблемы изучения грамматической вариантности состоят в неверной дифференциации грамматических вариантов, в практическом невосприятии изменения норм, в несоблюдении таких критериев признания вариантного явления нормативным, как массовая и регулярная воспроизводимость языкового явления в процессе коммуникации и общественное одобрение и признание языкового явления нормативным. Разрешение указанных проблем представилось возможным в рамках когнитивно-эволюционного подхода.

Основными принципами когнитивной лингвистики, важными для изучения грамматических вариантов с когнитивной стороны их когнитивно-эволюционного аспекта, являются объяснительность, междисциплинарность, приоритет мысли перед семантикой, включая исходную смысловую мотивированность грамматических форм, и неусложнение лингвистических описаний.

Когнитивными структурами, связанными с языком, признаны мышление с присущим ему строем — логикой, память и восприятие. Необходимо преодоление свойственного когнитивной лингвистике недостатка, состоящего в изучении мышления с использованием языковых данных вместо корректного для лингвистики изучения языка с привлечением когнитивных данных. Для изучения грамматической вариантности, с которой связана проблема выбора правильного или уместного варианта, особенно важным является когнитивное понятие восприятия.

Значимыми для раскрытия содержания эволюционной стороны когнитивно-эволюционного аспекта грамматических вариантов являются основные понятия эволюционной эпистемологии: биологическая природа и последующая когнитивная специализация эволюции и ее потенциальная позитивность, непосредственная связь когнитивной эволюции и эволюции языка.

Логика и психология выступают в качестве основных смежных с лингвистикой дисциплин, данные которых важны для изучения грамматических вариантов. Следующими по значимости для такого изучения являются сведения нейрофизиологии, нейролингвистики, онтолингвистики и этнолингвистики.

Логика и язык, в корреляции с памятью, развиваются в направлении от дедукции и дифференциации через механизм абстрагирования к индукции и интеграции. В результате диалектического представления отождествления логики и грамматики как тезиса и критики такого отождествления как антитезиса предложен их синтез: когнитивно-эволюционный алгоритм «эволюция восприятия → логичность мышления → логичность грамматики». Важную роль в реализации второго звена данного алгоритма играют грамматические варианты.

Изучение развития перцептивно-логической и грамматической способностей у ребенка, первобытного человека и современного цивилизованного взрослого показало, что восприятие представляет собой категоризацию отраженных правым полушарием чувственных данных, которая осуществляется левым полушарием мозга, то есть в сфере мышления, строй которого — логика — опирается на данные такого категоризирующего восприятия. На основании

сведений смежных наук относительно перцептивно-логического и грамматического развития детей, первобытных людей и современных цивилизованных взрослых были зафиксированы и охарактеризованы три степени восприятия: синкретичное, поверхностное и альтернативное: альтернативно-императивное и альтернативно-диспозитивное. Особое внимание уделено ортологической проблеме поверхностного восприятия индивидуальных различий и пределов нормативности языковых единиц. Выяснено, что каждая степень восприятия обусловливает соответствующую логичность мышления, отражающуюся в грамматическом строе языка.

Определены когнитивно-эволюционные функции грамматических вариантов: императивное упорядочение и диспозитивная достраиваемость грамматики, — а также соответствие коммуникативной потребности как условие реализации грамматическими вариантами когнитивно-эволюционных функций. Сформулировано определение грамматических вариантов, учитывающее выполнение ими этих функций: грамматические варианты — это словообразовательные, морфологические или синтаксические бинарные парадигмы, члены которых, обладая фонетическим и графическим сходством в грамматически значимой части, дифференцируются семантически или стилистически и в соответствии с коммуникативной потребностью выполняют когнитивно-эволюционные функции императивного упорядочения или диспозитивного достраивания грамматики. Констатирована логичность коммуникативно востребованных упорядочения и достраивания грамматическими вариантами грамматической системы.

Показаны аспектные корреляции грамматической вариантности и эволюционирующей когниции, а именно: корреляция императивности и диспозитивности грамматической вариантности и альтернативного восприятия, познавательности императивно упорядочивающей и диспозитивно достраивающей функций грамматических вариантов и функций биологической многоклеточности, императивности/диспозитивности грамматических вариантов и безрезультатности/успешности категоризирующей деятельности левого

полушария мозга, однокритериальности выбора грамматических вариантов и поверхностности восприятия, бинарности грамматических вариантов и поверхностности восприятия, сходства грамматических вариантов и поверхностности восприятия, трехуровневой схемы восприятия и этапов эволюции грамматической вариантности: от синкретичного — через поверхностное — к двум видам альтернативного: императивному и диспозитивному. Стало очевидным, что, коррелируя с императивной и диспозитивной разновидностями альтернативного восприятия, императивные и диспозитивные грамматические варианты находятся на высшем уровне грамматического отражения результатов восприятия и познания человеком действительности, и именно на этом теоретическом основании корректны общие утверждения о том, что варианты развивают язык. Схема степеней восприятия имеет два аспекта: она применима к восприятию, наблюдаемому не только у носителей языка, пользующихся языком стихийно, но и у носителей языка, которые в соответствии с профессиональным призванием выявляют и объясняют носителям языка — неспециалистам различия между грамматическими вариантами, то есть лингвистов-кодификаторов.

Материал исследования ограничен критериями регулярности и смешиваемости грамматических вариантов.

Изучение положений теории аргументации позволило осознать, что наиболее веским аргументом в деле дифференциации грамматических вариантов является сочетание прямой эмпирической верификации и логического обоснования.

Разработан перцептивно-аргументационный метод дифференциации грамматических вариантов, который, конкретизируя метод компонентного анализа требованием проверки результатов первого восприятия межвариантных различий, определяет степень восприятия этих различий и предполагает определение дифференциальных признаков путем применения аргументационного единства прямой эмпирической верификации и логического обоснования.

Обоснованы возможность и необходимость семантико-стилистической, с выделением центральных и периферийных явлений, интеграции грамматических вариантов. Установлены корреляции грамматической вариантности с синонимией и антонимией как основа такой интеграции, что позволило зафиксировать четыре центральных рода грамматических вариантов: диспозитивные грамматические антонимы, диспозитивные грамматические квазиантонимы, диспозитивные грамматико-стилистические синонимы, императивные грамматико-стилистические синонимы.

В результате осуществления перцептивно-аргументационного описания системы русских грамматических вариантов в семантико-стилистическом преломлении с изучением тенденций дифференциации и возможностей интеграции выяснено следующее.

В центре системы русские грамматические варианты различаются (при наличии подвидов в скобках указано их количество):

диспозитивные грамматические антонимы — значениями конкретности и абстрактности (10); партитивности и цельности (3); абсолютной и относительной процессуальности (2); отношением к одушевленности и неодушевленности; количества не больше и потенциально больше двух; непереходности и переходности; ‘только в момент окончания’ и ‘не только в момент окончания, но и в любой следующий за окончанием момент’; внешней причины и внутренней причины; реального и потенциального адресования;

диспозитивные грамматические квазиантонимы — значениями: относительности и качественности (3); процессуальности и предметности (2); ‘выходящий за пределы чего-либо’ и ‘не имеющий отношения к чему-либо’; ‘способ передвижения с использованием механического, самоходного общественного транспорта’ и ‘средство передвижения’;

диспозитивные грамматико-стилистические синонимы — стилистическими характеристиками: нейтральности и разговорности (9); современной нейтральности и устаревающей «высокости» (6); официальности и разговорности (2); нейтральности и официальности (5); нейтральности и книжности-

«высокости» (3); нейтральности и разговорности или публицистичности; книжности/официальности-«высокости» и устности-разговорности; официальности и разговорности или публицистичности; современности и устаревания; современной нейтральности и устаревающей официальности; нейтральности и экспрессивности; книжности-«высокости» и экспрессивности; нейтральности и книжности-«высокости»;

императивные грамматико-стилистические синонимы — стилистическими характеристиками: современной логичности и устаревающей нелогичности (16); большей и меньшей логичности (3); современной экономности и устаревающей неэкономности (2); традиционной нейтральности и просторечности (7); современной нейтральности и устаревающей просторечности (3); современности и устаревания; разговорности и просторечности; официальности и просторечности.

На периферии системы русских грамматических вариантов они характеризуются:

диспозитивные функционально-синтаксические стилистически нейтральные варианты — употреблением в функциях сказуемого, обстоятельства и функции определения; употреблением при числительном — подлежащем или дополнении, управляющем дополнением, и при дополнении, управляемом числительным;

грамматические варианты, непоследовательно различающиеся или не различающиеся императивно или диспозитивно, — нейтральностью и разговорностью или нейтральностью и просторечностью; императивным вытеснением друг друга либо диспозитивной семантической или стилистической специализацией; императивным вытеснением друг друга или диспозитивной стилистической специализацией; отсутствием семантических или стилистических дифференциальных признаков; отсутствием семантических и бесспорных для всех носителей языка стилистических дифференциальных признаков; отсутствием семантических или стилистических дифференциальных признаков;

диспозитивные грамматико-стилистические синонимы — варианты

нормативные и варианты ненормативные, но потенциально заполняющие лакуны русской грамматики — нейтральностью и потенциальной книжностью-«высокостью»; громоздкостью и потенциальной экономностью.

Применение перцептивно-аргументационного метода дифференциации грамматических вариантов позволило выявить среди традиционных аргументов, дифференцирующих употребление исследуемых вариантов, 38 случаев ПЭВ(ПВ), 38 случаев ОЛО, 24 аргумента без ЛО, 4 аргумента к традиции, один аргумент к авторитету и привело к пересмотру традиционных аргументов в 35 и к уточнению этих аргументов в 16 из 97 подвидов центральных видов центральных родов (подразделы 4.1–4.4), периферийных видов этих родов и видов периферийного рода, описанного в подразделе 4.5 (в видах периферийного рода, представленного в подразделе 4.6, четкой дифференциации грамматических вариантов не наблюдается, а о существовании такой дифференциации в видах периферийного рода, показанного в подразделе 4.7, говорить пока преждевременно). Из этого следует, что традиционные аргументы были пересмотрены в более чем третьей части и уточнены примерно в шестой части указанных подвидов и видов, что в целом составляет их большинство.

Диспозитивные грамматические варианты с семантическими различиями — грамматические антонимы и квазиантонимы — составляют менее трети общего количества исследованных случаев их дифференциации (28 из 105), однако в подтверждение известного ортологического убеждения отсутствие семантических различий компенсируется стилистическими различиями в пределах нормативности вариантов. В целом диспозитивная, достраивающая русскую грамматику, вариантность — грамматические антонимы, грамматические квазиантонимы, грамматико-стилистические синонимы, а также периферийные функционально-синтаксические варианты подраздела 4.5 — примерно в два раза превышает вариантность императивную, причем количество грамматических антонимов в три раза превышает количество относительно нечетко противопоставленных грамматических квазиантонимов.

Подавляющее большинство указанных выше пересмотров и уточнений

традиционных аргументов пришлось на составляющие менее трети исследованных случаев дифференциации грамматических вариантов диспозитивные грамматические антонимы и квазиантонимы, то есть на грамматические варианты с семантическими различиями: 20 пересмотров и 3 уточнения из 28 возможных. Диспозитивные и императивные грамматико-стилистические синонимы, то есть грамматические варианты со стилистическими различиями, пересмотрены 15 раз и уточнены 13 раз из 67 возможных. Объем описания сравнительно небольшого числа семантических различий между грамматическими вариантами более чем на 20% превышает объем описания существенно большего количества стилистических различий между ними. Такая диспропорция пересмотров и уточнений грамматических вариантов с семантическими и стилистическими различиями объясняется относительной легкостью дифференциации вариантов со стилистическими различиями и большим единодушием носителей языка при дифференциации таких вариантов, что в свою очередь объясняется простотой применяемого при стилистическом оценивании языковых явлений аргумента ко вкусу, который в таких случаях совпадает у большинства носителей языка. Это весьма заметное для кодификаторов совпадение значительно облегчает кодификацию таких вариантов. По этой причине б**о**льшая часть грамматических вариантов со стилистическими различиями традиционно дифференцирована корректно.

В примечаниях к 11 описаниям видов и подвидов грамматических вариантов показаны эволюционные изменения, которые состоят в дифференциации современными носителями языка грамматических вариантов, ранее их историческими предшественниками не дифференцировавшихся. В примечаниях к 5 таким описаниям отмечено эволюционное по своей сути появление коммуникативно востребованных вариантов у ранее безвариантных грамматических явлений.

Особого внимания заслуживает стихийно происходящая, подсознательная, но логичная компенсация отсутствия в русском языке определенных и неопределенных артиклей десятью подвидами диспозитивных грамматических

антонимов, которые различаются семантикой конкретности и абстрактности.

О постепенной логизации русского грамматического строя свидетельствует большое количество таких императивных вариантов, как современные логичные и устаревающие нелогичные (16 подвидов), более логичные и менее логичные (3 подвида), экономные современные и неэкономные устаревающие (2 подвида), что составляет б**о**льшую часть всех императивных вариантов. Нелогичных устаревающих вариантов почти в 5 раз больше, чем менее логичных неустаревающих. Такие немногочисленные, но показательные явления одного из периферийных родов (подраздел 4.7), как 2 вида вариантов нормативных и вариантов ненормативных, но потенциально заполняющих лакуны русской грамматики, вместе с императивными вариантами, свидетельствующими о логизации русской грамматики, составляют более чем пятую часть всех центральных подвидов и периферийных видов грамматических вариантов.

Только 6 видов одного из трех периферийных родов (подраздел 4.6), объединяющие варианты, которые характеризуются отсутствием регулярно-логичной дифференциации, своим существованием подтверждают мысль о потенциальной бесконечности процесса грамматической эволюции.

Важно понимать, что семантико-стилистическая типология грамматических вариантов не может применяться в ортологических пособиях, адресованных носителям языка — нелингвистам, поскольку поиск того или иного типа вариантов они могут осуществлять только в традиционно принятом направлении «от грамматики». Поиск вариантов в классификации, организованной по семантическим и стилистическим признакам, затруднен для таких носителей тем, что для его успешности нужно знать семантические и стилистические характеристики искомых вариантов, однако эти характеристики составляют то, что данных носителей в ортологических пособиях интересует. В то же время лингвистам — семантико-стилистическая типология грамматических вариантов необходима: для более системного представления всей совокупности таких вариантов, а также для устранения и предупреждения противоречий поверхностного восприятия дифференциальных и интегральных признаков

грамматических вариантов при традиционном их представлении в направлении «от грамматики».

Перспективой предпринятого исследования могут быть два направления. Во-первых, это дифференциация и интеграция многочисленных, смешиваемых, но неисследованных и, как следствие, необобщенных нерегулярных грамматических вариантов, тоже вносящих свою лепту императивного упорядочивания и диспозитивного достраивания русской грамматики в процессе ее эволюции, характеризующейся тесным взаимодействием с когнитивными структурами восприятия и логики. Во-вторых, это когнитивно-эволюционные исследования на всех ярусах русского языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абаев В. И. Parerga 2. Языкознание описательное и объяснительное. О классификации наук / В. И. Абаев // Вопросы языкознания. — 1986. — № 2. — С. 27–39.

2. Аванесов Р. И. Русское литературное произношение: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / Рубен Иванович Аванесов / [6-е изд., перераб. и доп.]. — М.: Просвещение, 1984. — 384 с., ил.

3. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки / Клод Ажеж / [пер. с фр.]. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 304 с.

4. Алисова Т. Б. Проблема причинности в развитии языка и ее постановка при изучении конкретных языков / Т. Б. Алисова // Филологические науки. — 1966. — № 3. — С. 110–119.

5. Аллахвердов В. М. Экспериментальная психология познания. Когнитивная логика сознательного и бессознательного / В. М. Аллахвердов, А. Ю. Агафонов, Е. А. Вишнякова и др. — Спб.: Изд-во СПбГУ, 2006. — 352 с.

6. Алпатов В. М. К вопросу о языковых реформах / В. М. Алпатов // Вопросы филологии. — 2010. — № 1 (34). — С. 16–20.

7. Алпатов В. М. Японское письмо / В. М. Алпатов // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 626.

8. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии / Наталья Николаевна Амосова. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1963. — 208 с.

9. Ананьев Б. Г. Индивидуальное развитие человека и константность восприятия / Б. Г. Ананьев, М. Д. Дворяшина, Н. А. Кудрявцева. — М.: Просвещение, 1968. — 335 с.

10. Андерсон Дж. Когнитивная психология / Джон Андерсон / [пер. с англ. С. Комаров]. — [5-е изд.]. — СПб.: Питер, 2002. — 496 с.: ил. — (Мастера психологии).

11. Анохин П. К. Узловые механизмы функциональной системы как аппарата саморегуляции / П. К. Анохин // Анохин П. К. Очерки по физиологии

функциональных систем. — М.: Медицина, 1975. — С. 307–321.

12. Антонович В. Б. Колдовство. — Процессы. — Исследование / Владимир Бонифатьевич Антонович. — Пб.: В. Киршбаум, 1877. — 139 с.

13. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика. — Вып. 28. — М.: ВИНИТИ, 1986. — С. 5–33.

14. Апресян Ю. Д. Дистрибутивный анализ / Апресян Ю. Д. // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 137–138.

15. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк) / Юрий Дереникович Апресян. — М.: Просвещение, 1966. — 305 с.

16. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Юрий Дереникович Апресян. — М.: Наука, 1974. — 367 с.

17. Апресян Ю. Д. Лингвистическая терминология словаря / Ю. Д. Апресян // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, С. А. Григорьева, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урынсон / [под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна]. — [2-е изд., испр. и доп.]. — М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. — С. XXII–LII.

18. Аристотель. Вторая аналитика / Аристотель // Аристотель. Сочинения в четырех томах. — Т. 2 / [под ред. З. Н. Микеладзе]. — М.: Изд-во социально-экономической литературы «Мысль», 1978. — С. 255–346.

19. Арно А. Логика, или Искусство мыслить, где помимо обычных правил содержатся некоторые новые соображения, полезные для развития способности суждения / А. Арно, П. Николь / [пер. с фр.]. — М.: Наука, 1991. — 416 с.

20. Арутюнова Н. Д. Глагол *видеть* в функции предиката пропозициональной установки / Н. Д. Арутюнова // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. Тезисы докладов рабочего совещания / [отв. за выпуск Н. Д. Арутюнова]. — М.: Наука, 1987. — С. 10–13.

21. Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции / Н. Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). — М.: Радуга, 1982. — С. 5–40.

22. Арутюнова Н. Д. Логическое направление в языкознании / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 273–275.

23. Арутюнова Н. Д. О движении, заблуждении и восхождении / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / [отв. ред. Н. Д. Арутюнова]. — М.: Индрик, 2003. — С. 3–10.

24. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Нина Давидовна Арутюнова. — М.: Наука, 1988. — 341 с.

25. Архангельська А. М. Методи компонентного аналізу і компонентного синтезу в сучасних ономасіологічних дослідженнях / А. М. Архангельська // Мовознавство. — 2010. — № 1. — С. 45–53.

26. Ахапкина Я. Э. Мотивация при выборе речевых средств для выражения кодируемого смысла: порождающая и корректирующая стратегии / Я. Э. Ахапкина // Избыточность в грамматическом строе языка / [отв. ред. М. Д. Воейкова]. — СПб.: Наука, 2010. — С. 242–257.

27. Ахманова О. С. К вопросу о «правильности» речи / О. С. Ахманова, Ю. А. Бельчиков, В. В. Веселитский // Вопросы языкознания. — 1960. — № 2. — С. 35–42.

28. Ахманова О. С. Об основных понятиях «нормы речи» (ортология) / О. С. Ахманова, В. Ф. Беляев, В. В. Веселитский // Филологические науки. — 1965. — № 4. — С. 88–98.

29. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / Ольга Сергеевна Ахманова. — М.: Учпедгиз РСФСР, 1957. — 296 с.

30. Ахутина Т. В. Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход / Т. В. Ахутина, Н. М. Пылаева. — СПб: Питер, 2008. — 320 с.: ил.

31. Бабайцева В. В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка / В. В. Бабайцева // Филологические науки. — 1983. — № 5. —

С. 35–42.

32. Бабайцева В. В. Синкретизм / В. В. Бабайцева // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 446.

33. Баксанский О. Е. Когнитивный образ мира: Научная монография / О. Е. Баксанский, Е. Н. Кучер. — М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2010. — 224 с.

34. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка/ Шарль Балли / [пер. с 3-го фр. изд. Е. В. и Т. В. Вентцель; ред., вступ. ст. и прим. Р. А. Будагова]. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. — 416 с.

35. Баранов А. Н. Постулаты когнитивной семантики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 1997. — Т. 56. — № 1. — С. 11–21.

36. Баринова Е. А. Воспитание культуры речи / Е. А. Баринова, Л. А. Виноградова, Н. Н. Дегтеревская. — Л.: Учпедгиз, 1955. — 81 с.

37. Барулин А. Н. К аргументации полигенеза / А. Н. Барулин // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / [сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская]. — М.: Языки славянских культур, 2008. — С. 41–58.

38. Бауэр Т. Психическое развитие младенца / Томас Бауэр. — [2-е изд.]. — М.: Прогресс, 1985. — 320 с.

39. Бахмутова Е. А. Культура речи: учебное пособие / Елена Александровна Бахмутова. — [2-е изд., испр. и доп.]. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1964. — 119 с.

40. Бацевич Ф. С. Співвідношення типів смислової імпліцитності в мові (на матеріалі російської мови) / Ф. С. Бацевич // Мовознавство. — 1993. — № 1. — С. 54–59.

41. Беликов В. И. Пиджины и креольские языки Океании: Социолингвистический очерк / Владимир Иванович Беликов. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. — 198 с.

42. Беликов В. И. Стереотипы в понимании литературной нормы /

В. И. Беликов // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре. — М.: РГГУ, 2009. — С. 339–359.

43. Бельтюков В. И. Системный анализ онтогенеза фонемного строя языка / В. И. Бельтюков // Теоретические и прикладные исследования психологии речи / [под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой, И. А. Зачесовой]. — М.: б. и., 1988. — С. 72–91.

44. Бельчиков Ю. А. Лектору о слове / Ю. А. Бельчиков, Н. Н. Кохтев. — М.: Знание, 1973. — 104 с.

45. Бельчиков Ю. А. О нормах литературной речи / Ю. А. Бельчиков // Вопросы культуры речи. — 1965. — Вып. 6. — С. 6–14.

46. Бельчиков Ю. А. Практическая стилистика современного русского языка / Юлий Абрамович Бельчиков. — М.: АСТ–ПРЕСС КНИГА, 2008. — 424 с.

47. Бельчиков Ю. А. Просторечие / Ю. А. Бельчиков // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 402.

48. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Эмиль Бенвенист / [пер. с франц. Ю. Н. Караулова; под ред., с вступ. ст. и комм. Ю. С. Степанова]. — М.: Прогресс, 1974. — 448 с.

49. Берк Л. Е. Развитие ребенка / Лаура Е. Берк / [пер. с англ. А. Богачев, Е. Виноградова, А. Ершова и др.]. — [6-е изд.]. — СПб.: Питер, 2006. —1056 с.: ил. — (Мастера психологии).

50. Би Х. Развитие ребенка / Хелен Би / [пер. с англ. А. Ершова, Н. Зуева]. — [9-е изд.]. — СПб.: Питер, 2004. — 767 с.: ил. — (Мастера психологии).

51. Бичакджан Б. Эволюция языка: демоны, опасности и тщательная оценка / Б. Бичакджан // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / [сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская]. — М.: Языки славянских культур, 2008. — С. 41–58.

52. Блонский П. П. Развитие мышления школьника / П. П. Блонский // Блонский П. П. Избранные психологические произведения. — М.: Просвещение, 1964. — С. 141–283.

53. Боас Ф. Введение к «Руководству по языкам американских индейцев» (Извлечения) / Ф. Боас // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. — [3-е изд., доп.]. — Ч. II. — М.: Просвещение, 1965. — С. 170–180.

54. Боас Ф. Ум первобытного человека/ Франц Боас / [пер. с англ. А. М. Водена]. — М.–Л.: Госиздат, 1926. — 153 с.

55. Богородицкий В. А. Этюд по психологии речи / В. А. Богородицкий // Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. — [5-е изд., стереотип.]. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — С. 146–157.

56. Богоявленский Д. Н. Психология усвоения знаний в школе / Д. Н. Богоявленский, Н. А. Менчинская. — М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1959. — 348 с.

57. Богуславский И. М. Отрицание и противопоставление / И. М. Богуславский // Проблемы структурной лингвистики 1980. — М.: Наука, 1982. — С. 63–76.

58. Бодуэн де Куртенэ И. А. Август Шлейхер / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию. — Т. 1. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 35–44.

59. Бодуэн де Куртенэ И. А. Лингвистические заметки и афоризмы / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию. — Т. 2. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 33–55.

60. Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. — [3-е изд., доп.]. — Ч. I. — М.: Просвещение, 1964. — С. 263–283.

61. Бодуэн де Куртенэ И. А. Человечение языка / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию. — Т. 1. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 258–264.

62. Божович Л. И. Проблема развития мотивационной сферы ребенка / Л. И. Божович // Божович Л. И. Избранные психологические труды, проблемы формирования личности / [под ред. Д. И. Фельдштейна; вступ. статья Д. И. Фельдштейна]. — М.: Международная педагогическая академия, 1995. —

С. 20–55.

63. Большой энциклопедический словарь. — [2-е изд., перераб. и доп.]. — М.: Большая Российская энциклопедия; СПб: Норинт, 2002. — 1454 с.: ил.

64. Бопп Ф. Сравнительная грамматика санскрита, зенда, армянского, греческого, латинского, литовского, старославянского, готского и немецкого (Извлечения) / Ф. Бопп // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. — [3-е изд., доп.]. — Ч. I. — М.: Просвещение, 1964. — С. 33–39.

65. Борковский В. И. Историческая грамматика русского языка / В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. — [2-е изд., доп.]. — М.: Наука, 1965. — 554 с.

66. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации / Джером Брунер / [пер. с англ. К. И. Бабицкого]. — М.: Прогресс, 1977. — 413 с.

67. Брюно Ф. Мысль и язык / Фердинанд Брюно / [пер. с фр.]. — М.: Госсоцэкономиздат, 1922. — 182 с.

68. Будагов Р. А. Еще раз о развитии языка / Р. А. Будагов // Филологические науки. — 1966. — № 3. — С. 125–128.

69. Будагов Р. А. Понятие о норме литературного языка во Франции в XVI–XVII вв. / Р. А. Будагов // Вопросы языкознания. — 1956. — № 5. — С. 10–21.

70. Будагов Р. А. Проблемы развития языка / Рубен Александрович Будагов. — М.: Наука, 1965. — 73 с.

71. Будагов Р. А. Система языка в связи с разграничением его истории и современного состояния / Р. А. Будагов // Вопросы языкознания. — 1958. — № 4. — С. 37–50.

72. Будагов Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка? / Рубен Александрович Будагов. — [2-е изд., доп.]. — М.: Добросвет-2000, 2004. — 304 с.

73. Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку / Леонид Арсеньевич Булаховский. — [5-е изд., доп. и перераб.]. — К.: Учпедгиз, 1958. — 488 с.

74. Булгаков М. А. Багровый остров / М. А. Булгаков // Булгаков М. А. Ханский огонь: Повести и рассказы / [сост., подг. текста, вступ. статья и примеч.

В. Сахарова]. — М.: Худож. лит., 1988. — С. 52–67.

75. Булыгина Т. В. Пражская лингвистическая школа / Т. В. Булыгина // Основные направления структурализма. — М.: Наука, 1964. — С. 46–126.

76. Бурас М. Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности / М. Бурас, М. Кронгауз // Наука и жизнь. — [Электронный ресурс]. — 2011. — № 8. — Режим доступа: http://elementy.ru/lib/431410.

77. Бурлак С. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы / Светлана Бурлак. — М.: Астрель CORPUS, 2011. — 464 с.

78. Бурова И. Н. Развитие проблемы бесконечности в истории науки: На материалах истории философии и математики / Ирина Николаевна Бурова. — М.: Наука, 1987. — 133 с.

79. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Федор Иванович Буслаев. — М.: Учпедгиз, 1959. — 623 с.

80. Важнейшие концепции теории аргументации / [пер. с англ. В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, К. В. Гудковой; науч. ред. А. И. Мигунов]. — СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2006. — 296 с.

81. Вакуров В. Н. Трудности русского языка. Словарь-справочник журналиста / В. Н. Вакуров, Л. И. Рахманова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. — 479 с.

82. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов / Нина Сергеевна Валгина. — М.: Логос, 2003. — 304 с.

83. Вандриес Ж. Язык (Извлечения) / Ж. Вандриес // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. — [3-е изд., доп.]. — Ч. I. — М.: Просвещение, 1964. — С. 440–458.

84. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Анна Вежбицкая / [пер. с англ.; отв. ред. М. А. Кронгауз; вступ. ст. Е. В. Падучевой]. — М.: Русские словари, 1996. — 416 с.

85. Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов / Лев Маркович Веккер. — М.: Смысл, 1998. — 685 с.

86. Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: В 2 т. / Борис Митрофанович Величковский. — Т. 1. — М.: Смысл: Издательский

центр «Академия», 2006. — 448 с.

87. Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: В 2 т. / Борис Митрофанович Величковский. — Т. 2. — М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006. — 432 с.

88. Вендина Т. И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания / Т. И. Вендина // Вопросы языкознания. — 2002. — № 4. — С. 42–72.

89. Венцов А. В. Проблемы восприятия речи / А. В. Венцов, В. Б. Касевич. — [2-е изд.]. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 240 с.

90. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / Ирина Трофимовна Вепрева. — М.: ОЛМА–ПРЕСС, 2005. — 384 с.

91. Верба Н. К. Папуасские языки / Н. К. Верба // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 365–366.

92. Взаимодействие полушарий мозга у человека: Установка, обработка информации, память / Ильюченок Р. Ю., Финкельберг А. Л., Ильюченок И. Р., Афтанас Л. И. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. — 169 с.

93. Виноградов В. В. Задачи советского языкознания в свете трудов И. В. Сталина и журнал «Вопросы языкознания» / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. — 1952. — № 1. — С. 3–40.

94. Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова) / Виктор Владимирович Виноградов. — М.: Изд-во МГУ, 1958. — 400 с.

95. Виноградов В. В. О формах слова / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. — М.: Наука, 1975. — С. 33–50.

96. Виноградов В. В. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. — 1964. — № 3. — С. 3–18.

97. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов / Виктор Владимирович Виноградов. — [3-е изд., испр.]. — М.: Высш. шк., 1986. — 640 с.

98. Винокур Г. О. Из бесед о культуре речи / Г. О. Винокур // Русская речь. — 1967. — № 3. — С. 10–14.

99. Винокур Г. Культура языка. (Задачи современного языкознания.) / Г. Винокур // Печать и революция. — 1923. — Кн. 5. — С. 100–111.

100. Винокур Г. О. О задачах истории языка / Г. О. Винокур // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1959. — С. 207–226.

101. Вишневская Г. М. Межкультурная коммуникация, языковая вариативность и современный билингвизм / Галина Михайловна Вишневская. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://vestnik.yspu.org/releases/novye_Issledovaniy/13_1/.

102. Вишняцкий Л. Б. Человек в лабиринте эволюции / Леонид Борисович Вишняцкий. — М.: Весь Мир, 2004. — 156 с.

103. Власенко М. М. О культуре устного слова / Мария Мефодьевна Власенко. — Иркутск: Изд-во Иркутского областного отделения общества по распространению политических и научных знаний, 1961. — 27 с.

104. Войшвилло Е. К. Логика как часть теории познания и научной методологии (фундаментальный курс). Кн. I. Учебное пособие для студентов философских факультетов и преподавателей логики / Е. К. Войшвилло, М. Г. Дегтярев. — М.: Наука, 1994. — 312 с.

105. Воронов А. Л. Варианты слов в немецком языке: Учеб. пособие по стилистике и теоретической грамматике / А. Л. Воронов. — Горький: б. и., 1973. — 218 с.

106. Вундт В. Проблемы психологии народов / В. Вундт // Вундт В. Психология народов. — М.: Изд-во Эксмо; СПб: Terra Fantastica, 2002. — С. 9–116.

107. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте: Психол. очерк: Кн. для учителя / Лев Семенович Выготский. — [3-е изд.]. — М.: Просвещение, 1991. — 93 с.

108. Выготский Л. С. Исторический смысл психологического кризиса / Л. С. Выготский // Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. — Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / [под ред. А. Р. Лурия,

М. Г. Ярошевского]. — М.: Педагогика, 1982. — С. 291–436.

109. Выготский Л. С. Мышление и речь / Лев Семенович Выготский. — М.: Лабиринт, 2005. — 352 с., ил.

110. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. — Т. 4. Детская психология / Лев Семенович Выготский / [под ред. Д. Б. Эльконина]. — М.: Педагогика, 1984. — 432 с.: ил.

111. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. — Т. 5. Основы дефектологии / Лев Семенович Выготский / [под ред. Т. А. Власовой]. — М.: Педагогика, 1983. — 368 с.

112. Выготский Л. С. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок / Л. С. Выготский, А. Р. Лурия. — М.: Педагогика-Пресс, 1993. — 224 с.: ил.

113. Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура / Б. Гавранек // Пражский лингвистический кружок. — М.: Прогресс, 1967. — С. 338–377.

114. Гавранек Б. О функциональном расслоении литературного языка / Б. Гавранек // Пражский лингвистический кружок. — М.: Прогресс, 1967. — С. 432–443.

115. Гальперин П. Я. Экспериментальное формирование внимания. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. — 101 с.

116. Гамкрелидзе Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов / [предисл. Р. О. Якобсона]. — Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. — 1330 с.

117. Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования / Борис Михайлович Гаспаров. — М.: Новое литературное обозрение, 1996. — 352 с.

118. Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи / Александр Николаевич Гвоздев. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. — 470 с.

119. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка / Александр Николаевич Гвоздев. — М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1952. — 336 с.

120. Гвоздев А. Н. Формирование у ребенка грамматического строя русского языка. Часть первая / Александр Николаевич Гвоздев. — М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1949. — 268 с.

121. Гвоздев А. Н. Формирование у ребенка грамматического строя русского языка. Часть вторая / Александр Николаевич Гвоздев. — М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1949. — 192 с.

122. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т.: Т. I. / Георг Вильгельм Фридрих Гегель. — М.: Мысль, 1970. — 501 с.

123. Гельмгольц Г. О восприятии вообще / Г. Гельмгольц // Психология ощущений и восприятия / [под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Любимова, М. Б. Михалевской]. — [2-е изд., испр. и доп.]. — М.: ЧеРо, 2002. — С. 21–46.

124. Герасимова И. А. Логические рассуждения на основании личностных знаний / И. А. Герасимова // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. Тезисы докладов рабочего совещания / [отв. за выпуск Н. Д. Арутюнова]. — М.: Наука, 1987. — С. 41–43.

125. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Джеймс Джером Гибсон / [пер. с англ. Т. М. Сокольской; общ. ред. и вступ. ст. А. Д. Логвиненко]. — М.: Прогресс, 1988. — 464 с.: ил.

126. Гиро-Вебер М. Существительное в функции именного сказуемого в современном русском языке: возможно ли еще говорить о семантическом противопоставлении «Им. vs. Тв.»? / М. Гиро-Вебер // Вопросы языкознания. — 2007. — № 1. — С. 18–26.

127. Гладров В. Семантика и выражение определенности/неопределенности / В. Гладров // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. — СПб: Наука, 1992. — С. 232–266.

128. Головин Б. Н. Как говорить правильно: Заметки о культуре русской речи / Борис Николаевич Головин. — Горький: Волго-Вятское книж. изд-во, 1966. — 208 с.

129. Голуб И. Б. Стилистика русского языка / Ирина Борисовна Голуб. — [8-е изд.]. — М.: Айрис-пресс, 2007. — 448 с.

130. Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка / Кирилл Сергеевич Горбачевич / [отв. ред. Ф. П. Филин]. — [2-е изд.]. — М.: Книжный дом «Либроком», 2009. — 240 с.

131. Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка / Кирилл Сергеевич Горбачевич. — [3-е изд., испр.]. — М.: Просвещение, 1989. — 208 с.

132. Горбачевич К. С. О норме и вариантности на синтаксическом уровне / К. С. Горбачевич // Вопросы языкознания. — 1977. — № 2. — С. 64–73.

133. Горский Д. П. Обобщение и познание / Дмитрий Павлович Горский. — М.: Мысль, 1985. — 208 с.

134. Горшкова К. В. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для ун-тов / К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. — М.: Высш. школа, 1981. — 359 с.

135. Грамматика современного русского литературного языка/ [отв. ред. Н. Ю. Шведова]. — М.: Наука, 1970. — 768 с.

136. Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты / Людмила Карловна Граудина. — М.: Наука, 1980. — 288 с.

137. Граудина Л. К. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская — М.: Наука, 1976. — 455 с.

138. Граудина Л. К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. — [2-е изд., испр. и доп.]. — М: Наука, 2001. — 557 с.

139. Граудина Л. К. Норма и статистика / Л. К. Граудина // Актуальные проблемы культуры речи. — М.: Наука, 1970. — С. 326–368.

140. Граудина Л. К. О грамматических колебаниях в русском языке (по словарям неправильностей XIX — начала XX в.) / Л. К. Граудина, Б. С. Шварцкопф // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. — 1970. — Т. XXIX. — Вып. 6. — С. 489–498.

141. Граудина Л. К. ЭВМ и культура речи: итоги и перспективное планирование / Л. К. Граудина // Культура русской речи и эффективность общения / [отв. ред. Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев]. — М., 1996. — С. 397–415.

142. Грегори Р. Л. Глаз и мозг. Психология зрительного восприятия / Ричард Лэнгтон Грегори / [пер. с англ. Е. Д. Хомской]. — М.: Прогресс, 1970. — 272 с.

143. Грегори Р. Л. Разумный глаз / Ричард Лэнгтон Грегори / [пер. с англ. и предисл. д-ра мед. наук А. И. Когана]. — М.: Мир, 1972. — 210 с.

144. Греч А. Н. Справочное место русского слова / Алексей Николаевич Греч. — [2-е изд.]. — СПб: Тип. Н. Греча, 1843. — 112 с.

145. Гримм Я. О происхождении языка (Извлечения) / Я. Гримм // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. — [3-е изд., доп.]. — Ч. I. — М.: Просвещение, 1964. — С. 57–68.

146. Гринберг Дж. Антропологическая лингвистика: Вводный курс / Джозеф Гринберг / [пер. с англ.]. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 224 с.

147. Гришина Е. А. О маркерах разговорной речи (Предварительное исследование подкорпуса кино в Национальном корпусе русского языка, www.ruscorpora.ru) / Елена Александровна Гришина. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.dialog21.ru/digests/dialog2007/materials/ html/ 22.htm.

148. Гришина Е. А. Национальный корпус русского языка как инструмент для изучения вариативности грамматических норм / Е. А. Гришина, С. О. Савчук // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика — 2008». 6–10 октября 2008 г. — СПб.: б. и., 2008. — С. 161-169.

149. Гулыга Е. В. О компонентном анализе значимых единиц языка / Е. В. Гулыга, Е. И. Шенделс // Принципы и методы семантических исследований. — М.: Наука, 1976. — С. 291–314.

150. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода (Извлечения) / В. фон Гумбольдт // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. — [3-е изд., доп.]. — Ч. I. — М.: Просвещение, 1964. — С. 85–104.

151. Гумбольдт В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития / В. фон Гумбольдт // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. — [3-е изд., доп.]. — Ч. I. — М.: Просвещение, 1964. — С. 73–85.

152. Гуреев В. А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания /

В. А. Гуреев // Вопросы языкознания. — 2004. — № 2. — С. 57–67.

153. Гухман М. М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. — Часть вторая. Становление немецкого литературного языка / Мирра Моисеевна Гухман. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — 204 с.

154. Давыдов В. В. Виды обобщения в обучении (логико-психологические проблемы построения учебных предметов) / Василий Васильевич Давыдов. — М.: Педагогика, 1972. — 424 с.

155. Давыдов В. В. Проблемы развивающего обучения: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Василий Васильевич Давыдов. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 288 с.

156. Деглин В. Л. Лекции о функциональной асимметрии мозга человека / Вадим Львович Деглин. — Амстердам-Киев: Женевская инициатива в психиатрии, Ассоциация психиатров Украины, 1996. — 151 с.

157. Деглин В. Л. О роли доминантного полушария в регуляции эмоциональных состояний / В. Л. Деглин, Н. Н. Николаенко // Физиология человека. — 1975. — Т. 1. — № 3. — С. 418–426.

158. Дегтярев В. И. Особенности согласования сказуемого с подлежащим — именем собирательным в древнерусском языке / В. И. Дегтярев // Филологические науки. — 1966. — № 3. — С. 138–146.

159. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 17–33.

160. Дешеулина Л. Н. Избыточные и вариантные падежные формы существительных в современном русском языке / Л. Н. Дешеулина // Избыточность в грамматическом строе языка / [отв. ред. М. Д. Воейкова]. — СПб.: Наука, 2010. — С. 322–340.

161. Долопчев В. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи (преимущественно в Южной России) / В. Долопчев. — Одесса: Тип. «Одесского вестника», 1886. — 181 с.

162. Дорофеев Ю. В. Лингвистический функционализм и вариантность языка: монография / Юрий Владимирович Дорофеев. — Симферополь: Таврида, 2012. —

306 с.

163. Егорова М. С. Развитие как предмет психогенетики / М. С. Егорова, Т. М. Марютина // Вопросы психологии. — 1992. — № 5–6. — С. 3–14.

164. Едличка А. О пражской теории литературного языка / А. Едличка // Пражский лингвистический кружок. — М.: Прогресс, 1967. — С. 544–556.

165. Едличка А. Проблематика нормы и кодификации литературного языка в отношении к типу литературного языка / А. Едличка // Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. Доклады на IV заседании Международной комиссии по славянским литературным языкам, 22–25 октября 1974 года. — М.: Наука, 1976. — С. 16–39.

166. Еемерен Ф. Х. ван. Аргументация: анализ, проверка, представление: Учеб. пособие / Ф. Х. ван Еемерен, Р. Гроотендорст, Ф. С. Хенкеманс. — СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2002. — 152 с.

167. Еемерен Ф. Х. ван. Аргументация, коммуникация и ошибки / Ф. Х. ван Еемерен, Р. Гроотендорст. — СПб: Васильевский остров, 1992. — 207 с.

168. Еемерен Ф. Х. ван. Речевые акты в аргументативных дискуссиях / Ф. Х. ван Еемерен, Р. Гроотендорст. — СПб: Нотабене, 1994. — 120 с.

169. Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. — Вып. I. — С. 264–389.

170. Ельмслев Л. Язык и речь / Л. Ельмслев // Звегинцев В. А. История языкознания XIX — XX веков в очерках и извлечениях. — [3-е изд., доп.]. — Т. II. — М.: Просвещение, 1965. — С. 111–120.

171. Есперсен О. Философия грамматики / Отто Есперсен / [пер. с англ.; общ. ред. и предисловие Б. А. Ильиша]. — [2-е изд., стереотипное]. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 408 с.

172. Ефимов А. И. О культуре публичной речи / Александр Иванович Ефимов. — М.: Знание, 1956. — 24 с.

173. Ефимов А. И. О культуре речи лектора / Александр Иванович Ефимов. — К.: Изд-во АН УССР, 1952. — 48 с.

174. Ефимов А. И. Стилистика русского языка / Александр Иванович

Ефимов. — М.: Просвещение, 1969. — 262 с.

175. Ефремова Т. Ф. Словарь грамматических трудностей русского языка / Т. Ф. Ефремова, В. Г. Костомаров. — [5-е изд., стереотип.]. — М.: Русский язык, 2000. — 347 с.

176. Жинкин Н. И. Механизмы речи / Николай Иванович Жинкин. — М.: Изд-во академии пед. наук РСФСР, 1958. — 370 с.: ил., 48 л. табл.

177. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации / Николай Иванович Жинкин. — М.: Наука, 1982. — 160 с.

178. Жирмунский В. М. О синхронии и диахронии в языкознании / В. М. Жирмунский // Вопросы языкознания. — 1958. — № 5. — С. 43–52.

179. Залевская А. А. Психолингвистика: пути, итоги, перспективы / А. А. Залевская // Вопросы языкознания. — 1998. — № 6. — С. 81–94.

180. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Около 100 000 слов / Андрей Анатольевич Зализняк. — М.: Русский язык, 1977. — 879 с.

181. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение / Андрей Анатольевич Зализняк. — М.: Наука, 1967. — 370 с.

182. Запорожец А. В. Избранные психологические труды: В 2-х т. Т. 1. Психическое развитие ребенка / Александр Владимирович Запорожец. — М.: Педагогика, 1986. — 320 с.

183. Звегинцев В. А. Внутренние законы развития языка / Владимир Андреевич Звегинцев. — М.: Изд-во МГУ, 1954. — 31 с.

184. Звегинцев В. А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий / В. А. Звегинцев // Новое в зарубежной лингвистике. — Выпуск X. Лингвистическая семантика. — М.: Прогресс, 1981. — С. 5–32.

185. Зеленецкий К. О русском языке в Новороссийском крае / Константин Зеленецкий. — Одесса: Тип. Францова и Нитче, 1855. — 34 с.

186. Зельдович Г. М. Прагматика грамматики / Геннадий Моисеевич Зельдович. — М.: Языки славянских культур, 2012. — 648 с.

187. Зельдович Г. М. Русское предикативное имя: согласованная форма, творительный падеж / Г. М. Зельдович // Вопросы языкознания. — 2005. —

№ 4. — С. 21–38.

188. Зинченко В. П. Вступительная статья / В. П. Зинченко // Вертгеймер М. Продуктивное мышление / [пер. с англ.; общ. ред. С. Ф. Горбова и В. П. Зинченко; вступ. ст. В. П. Зинченко]. — М.: Прогресс, 1987. — С. 4–25.

189. Зинченко В. П. Формирование зрительного образа / В. П. Зинченко, Н. Ю. Вергилес. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. — 106 с.

190. Зинченко В. П. Шепот раньше губ, или Что предшествует эксплозии детского языка / В. П. Зинченко // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / [сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская]. — М.: Языки славянских культур, 2008. — С. 101–134.

191. Зинченко П. И. Непроизвольное запоминание / Петр Иванович Зинченко. — М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1961. — 558 с.

192. Зинченко Т. П. Память в экспериментальной и когнитивной психологии / Татьяна Петровна Зинченко. — СПб.: Питер, 2002. — 320 с.: ил.

193. Зорина З. А. Возможность диалога между человеком и человекообразной обезьяной: обзор экспериментальных исследований / З. А. Зорина // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / [сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская]. — М.: Языки славянских культур, 2008. — С. 135–172.

194. Зорина З. А. Обезьяны не только «думают», но и «говорят» / З. А. Зорина // Вопросы языкознания. — 2008. — № 4. — С. 41–50.

195. Зорина З. А. О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли высшие животные оперировать символами? / З. А. Зорина, А. А. Смирнова / [науч. ред. д. биол. н. И. И. Полетаева; предисл. А. Д. Кошелева; послесл. Вяч. Вс. Иванова и А. Д. Кошелева]. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 424 с.: ил. — (Studia naturalia).

196. Иваницкий А. М. Информационные процессы мозга и психическая деятельность / А. М. Иваницкий, В. Б. Стрелец, И. А. Корсаков. — М.: Наука, 1984. — 201 с.

197. Иванов А. М. Очерки по языку: для работников литературы и для

самообразования / А. М. Иванов, Л. П. Якубинский. — Л.–М: Гослитиздат, 1932. — 184 с.

198. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка: Учеб. для студентов филол. спец. фак. ун-тов и пед. ин-тов / Валерий Васильевич Иванов. — [2-е изд., испр. и доп.]. — М.: Просвещение, 1983. — 399 с.: ил.

199. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему / Вячеслав Всеволодович Иванов. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 208 с., ил. — (Studia Philologica).

200. Иванов Вяч. Вс. Об эволюции переработки и передачи информации в сообществах людей и животных / Вяч. Вс. Иванов // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / [сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская]. — М.: Языки славянских культур, 2008. — С. 173–191.

201. Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем / Вячеслав Всеволодович Иванов. — М.: Сов. радио, 1978. — 184 с.: ил.

202. Ивин А. А. Логика: Учебник / Александр Архипович Ивин. — М.: Гардарики, 2004. — 352 с.

203. Ивин А. А. Теория аргументации: Учеб. пособие / Александр Архипович Ивин. — М.: Высшая школа, 2007. — 319 с.

204. Избыточность в грамматическом строе языка / [отв. ред. М. Д. Воейкова]. — СПб.: Наука, 2010. — 462 с.

205. Ильина С. Ю. Речевое развитие умственно отсталых учащихся старших классов в процессе обучения русскому языку: Дис. … докт. пед. наук / Светлана Юрьевна Ильина. — Москва, 2006. — 548 с.

206. Иоанесян Е. Р. Знание и восприятие / Е. Р. Иоанесян // Прагматика и проблемы интенсиональности / [отв. ред. Н. Д. Арутюнова]. — М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. — С. 214–224.

207. Иорданский А. М. История двойственного числа в русском языке / Анатолий Михайлович Иорданский. — Владимир: ВГПИ, 1960. — 156 с.

208. Истрина Е. С. Нормы русского литературного языка и культура речи / Евгения Самсоновна Истрина. — М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948. — 32 с.

209. Ицкович В. А. Норма и ее кодификация / В. А. Ицкович // Актуальные проблемы культуры речи. — М.: Просвещение, 1970. — С. 9–39.

210. Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы / Виктор Александрович Ицкович. — [2-е изд.]. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 200 с.

211. Ицкович В. А. Языковая норма / Виктор Александрович Ицкович. — М.: Просвещение, 1968. — 93 с.

212. Каверина В. В. Становление русской орфографии в XVII–XIX вв.: правописный узус и кодификация: Дис. … докт. филол. наук / Валерия Витальевна Каверина. — Москва, 2010. — 436 с.

213. Казаковская В. В. Реактивные реплики взрослого и усвоение ребенком грамматики родного языка / В. В. Казаковская // Вопросы языкознания. — 2010. — № 3. — С. 3–29.

214. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / Владимир Ильич Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.

215. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Юрий Николаевич Караулов. — [7-е изд]. — М.: ЛКИ, 2010. — 264 с.

216. Карри Х. Б. Основания математической логики / Хаскелл Брукс Карри. — [пер. с англ. В. В. Донченко; под ред. Ю. А. Гастева]. — М.: Мир, 1969. — 567 с.

217. Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С. Карцевский // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. — [3-е изд., доп.]. — Ч. II. — М.: Просвещение, 1965. — С. 85–90.

218. Касаткина Р. Ф. Русский язык ищет артикль / Р. Ф. Касаткина // Вопросы языкознания. — 2012. — № 2. — С. 3–9.

219. Катлинская Л. П. Принцип экономии и грамматические варианты (об одном аспекте нормализации) / Л. П. Катлинская // Языковая норма и статистика. — М.: Наука, 1977. — С. 173–188.

220. Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия / С. Д. Кацнельсон. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 864 с., ил.

221. Келер В. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян / В. Келер // Основные направления психологии в классических трудах. Гештальт-психология. В. Келер. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян.

К. Коффка. Основы психического развития. — М.: ООО «Издательство АСТ–ЛТД», 1998. — С. 35–275.

222. Келлер Р. Языковые изменения. О невидимой руке в языке / Руди Келлер / [пер. с нем. и вступ. ст. О. А. Костровой]. — [2-е изд., перераб. и доп.]. — Самара: СамГПУ, 1997. — 312 с.

223. Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. — 1994. — № 5. — С. 126–139.

224. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка / Александр Евгеньевич Кибрик. — СПб.: Алетейя, 2005. — 719 с.: ил.

225. Кибрик А. Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры / А. Е. Кибрик // Вопросы языкознания. — 2008. — № 4. — С. 51–77.

226. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке) / Александр Евгеньевич Кибрик. — М.: Изд-во МГУ, 1992. — 336 с.

227. Кириллов В. И. Логика: Учеб. для юридич. вузов и фак. ун-тов / В. И. Кириллов, А. А. Старченко. — [2-е изд., испр. и доп.]. — М.: Высш. шк., 1987. — 271 с.

228. Клапаред Э. Психология ребенка и экспериментальная педагогика: проблемы и методы. Душевное развитие. Умственное утомление / Эдуар Клапаред. — Спб.: б. и., 1911. — 168 с.

229. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление: У истоков человеческого интеллекта / Фридхарт Кликс / [пер. с нем.; общ. ред. Б. М. Величковского; предисл. Б. Ф. Ломова]. — М.: Прогресс, 1983. — 302 с.

230. Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе / Юрий Павлович Князев. — М.: Языки славянских культур, 2007. — 704 с.

231. Ковтунова И. И. О синтаксической синонимике / И. И. Ковтунова // Вопросы культуры речи. — Вып. 1. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. — С. 115–142.

232. Кожина М. Н. Вариативность языка в функционально-стилистическом аспекте / М. Н. Кожина // Вариантность как свойство языковой системы (тезисы докладов). — Ч. 1. — М.: Наука, 1982. — С. 129–130.

233. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык / Владимир Викторович Колесов. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. — 296 с.

234. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси / Владимир Викторович Колесов. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. — 312 с.

235. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте / Владимир Викторович Колесов. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. — 624 с.

236. Кольцова М. М. Физиологическое изучение явлений обобщения и абстракции / М. М. Кольцова // Язык и мышление. — М.: Наука, 1967. — С. 302–311.

237. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник / Николай Иванович Кондаков. — [2-е изд., испр. и доп.]. — М.: Наука, 1975. — 720 с.

238. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / Николай Михайлович Коркунов / [сост., автор вступ. ст., коммент. А. Н. Медушевский]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 520 с. — (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).

239. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история / Э. Косериу // Новое в лингвистике. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. — Вып. III. — С. 143–343.

240. Костандов Э. А. Роль бессознательного в процедуре принятия решения / Э. А. Костандов // Интуиция, логика, творчество / [отв. ред. М. И. Панов]. — М.: Наука, 1987. — С. 64–77.

241. Костомаров В.Г. Книга об основах речевой культуры / В.Г. Костомаров // Русский язык в национальной школе. — 1979. — № 2. — С. 66–69.

242. Костомаров В. Г. Некоторые теоретические вопросы культуры речи / В. Г. Костомаров, А. А. Леонтьев // Вопросы языкознания. — 1966. — № 5. — С. 3–15.

243. Котта-Рамузино П. О сочетаемости числительных малого количества / П. Котта-Рамузино // Вариативность в языке и коммуникации: Сб. статей / [сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова]. — М.: РГГУ, 2012. — С. 29–42.

244. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего / Майкл

Коул / [пер. с англ.]. — М.: «Когито-Центр, Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. — 432 с.: ил., табл.

245. Коул М. Культура и мышление: Психологический очерк / М. Коул, С. Скрибнер / [пер. с англ. П. Тульвисте; ред. и предисл. А. Р. Лурия]. — М.: Прогресс, 1977. — 264 с.

246. Коффка К. Восприятие: введение в гештальттеорию / К. Коффка // Психология ощущений и восприятия / [под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Любимова, М. Б. Михалевской]. — [2-е изд., испр. и доп.]. — М.: ЧеРо, 2002. — С. 126–143.

247. Кочерган М. П. Слово і контекст / М. П. Кочерган // Мовознавство. — 1976. — № 6. — С. 21–30.

248. Кошелев А. Д. В поисках универсальной схемы развития / А. Д. Кошелев // Теория развития: Дифференционно-интеграционная парадигма / [сост. Н. И. Чуприкова]. — М.: Языки славянских культур, 2009. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning). — С. 57–77.

249. Кошелев А. Д. Об основных парадигмах изучения естественного языка в свете современных данных когнитивной психологии / А. Д. Кошелев // Вопросы языкознания. — 2008. — № 4. — С. 15–40.

250. Кошелев А. Д. О качественном отличии человека от антропоида / А. Д. Кошелев // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / [сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская]. — М.: Языки славянских культур, 2008. — С. 193–230.

251. Крайг Г. Психология развития / Г. Крайг, Д. Бокум / [пер. с англ. А. Маслов, О. Орешкина, А. Попов]. — [9-е изд.]. — СПб.: Питер, 2007. — 944 с.: ил. — (Мастера психологии).

252. Крейнович Е. А. Об инкорпорировании в нивхском языке / Е. А. Крейнович // Вопросы языкознания. — 1958. — № 6. — С. 21–33.

253. Кривоносов А. Т. О некоторых аспектах соотношения языка и логики / А. Т. Кривоносов // Вопросы языкознания. — 1979. — № 6. — С. 17–31.

254. Крушельницкая К. Г. Проблемы взаимосвязи языка и мышления /

К. Г. Крушельницкая // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / [отв. ред. Б. А. Серебренников]. — М.: Наука, 1970. — С. 371–416.

255. Крылов С. А. Категория рода в семантическом аспекте / С. А. Крылов // Избыточность в грамматическом строе языка / [отв. ред. М. Д. Воейкова]. — СПб.: Наука, 2010. — С. 341–358.

256. Крылов С. А. Местоимение / С. А. Крылов, Е. В. Падучева // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 294–295.

257. Крылов С. А. Порядок и беспорядок с металингвистической точки зрения / С. А. Крылов // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / [отв. ред. Н. Д. Арутюнова]. — М.: Индрик, 2003. — С. 302–319.

258. Крысин Л. П. Вариативность нормы как естественное свойство литературного языка / Л. П. Крысин // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2011. — Т. 70. — № 4. — С. 3–8.

259. Крысин Л. П. Современная литературная норма и ее кодификация / Л. П. Крысин // Русский язык в школе. — 2002. — № 1. — С. 82–87.

260. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении. — № 1. — М., 2001. — С. 90–106.

261. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Леонид Петрович Крысин. — М.: Наука, 1989. — 188 с.

262. Крысин Л. П. Языковая норма и речевая практика / Л. П. Крысин // Отечественные записки. — М., 2005. — № 2(23). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.classes.ru/philology/krysin-05.htm.

263. Крэйн У. Психология развития человека: 25 главных теорий / Уильям Крэйн / [пер. О. Голубева, Н. Миронов, Л. Ордановская, М. Парсаданова, С. Рысев, С. Чилингарова; под науч. ред. А. А. Алексеева]. — СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007 — 512 с.: ил. — (Психология — лучшее).

264. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма:

лингвистика — психология — когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 34–47.

265. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2004. — Т. 63. — № 3. — С. 3–12.

266. Кубрякова Е. С. Ономасиология / Е. С. Кубрякова // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 345–346.

267. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Елена Самойловна Кубрякова / [Рос. академия наук. Ин-т языкознания]. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

268. Кубрякова Е. С. Язык как исторически развивающееся явление. Место вопроса о языковых изменениях в современной лингвистике / Е. С. Кубрякова // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / [отв. ред. Б. А. Серебренников]. — М.: Наука, 1970. — С. 197–206.

269. Кузнецов А. М. Компонентного анализа метод / А. М. Кузнецов // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 233–234.

270. Кузнецов А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу / Анатолий Михайлович Кузнецов. — М.: Наука, 1986. — 126 с.

271. Купер К. Индивидуальные различия / Колин Купер / [пер. с англ. Т. М. Марютиной; под ред. И. В. Равич-Щербо]. — М.: Аспект Пресс, 2000. — 527 с.

272. Кустова Г. И. Формы и значения глаголов восприятия / Г. И. Кустова // Русский язык сегодня. Сборник статей / [РАН; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; отв. ред. Л. П. Крысин]. — Вып. 3. — М., 2004. — С. 171–186.

273. Кэмпбелл Д. Т. Эволюционная эпистемология / Дональд Томас Кэмпбелл // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / [составление Д. Г. Лахути, В. Н. Садовского и В. К. Финна; перевод с английского Д. Г. Лахути; вступительная статья и общая редакция

В. Н. Садовского; послесловие В. К. Финна]. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — С. 92–146.

274. Лагута О. Н. Логика и лингвистика / Ольга Николаевна Лагута. — Новосибирск: б.и., 2000. — [Электронный ресурс]. — 116 с. — Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics1/laguta-00.htm.

275. Лайонз Дж. Язык и лингвистика. Вводный курс / Дж. Лайонз / [пер. с англ. И. А. Муравьевой и Е. Г. Устиновой]. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 320 с.

276. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Джордж Лакофф / [пер. с англ. И. Б. Шатуновского]. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 792 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

277. Лангаккер Р. У. Когнитивная грамматика: Научно-аналитический обзор / Рональд Уэйн Лангаккер / [пер. с англ. С. Н. Петровой]. — М.: ИНИОН РАН, 1992. — 56 с.

278. Ларичев О. И. Наука и искусство принятия решений / Олег Иванович Ларичев. — М.: Наука, 1979. — 200 с.

279. Лебедев В. К. На стыке морфологии и орфографии / В. К. Лебедев // Тезисы Третьей Всероссийской конференции «Кодификация норм современного русского языка: результаты и проблемы» (7–10 декабря 2011 г., Санкт-Петербург). — [Электронный ресурс]. — СПб.: Златоуст, 2011. — С. 31.

280. Лебедева Л. Б. Семантика «ограничивающих» слов / Л. Б. Лебедева // Логический анализ языка. Языки пространств / [отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина]. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 93–97.

281. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. — М.: Педагогика-Пресс, 1994. — 608 с.

282. Левин К. Влияние сил окружающей среды на поведение и развитие ребенка / К. Левин // Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. — М.: Смысл, 2001. — С. 206–236.

283. Левин К. Регрессия, ретрогрессия и развитие / К. Левин // Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. — М.: Смысл, 2001. — С. 271–302.

284. Леви-Стросс К. Печальные тропики / Клод Леви-Стросс / [пер. с фр. Г. А. Матвеевой; науч. консультант и авт. предисл. Л. А. Файнберг]. — М.:

Мысль, 1984. — 220 с., ил., карт., 12 л. ил.

285. Левицкий В. В. Семасиология / Виктор Васильевич Левицкий. — Винница: Нова кныга, 2006. — 512 с.

286. Леонтьев А. А. Возникновение и первоначальное развитие языка / Алексей Алексеевич Леонтьев. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. — 140 с.

287. Леонтьев А. А. Мир человека и мир языка: Научно-худож. лит-ра / Алексей Алексеевич Леонтьев / [рис. Т. Лоскутовой]. — М.: Дет. лит., 1984. — 127 с.: ил.

288. Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности / Алексей Алексеевич Леонтьев. — М.: Наука, 1965. — 245 с.

289. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность / Алексей Алексеевич Леонтьев. — М.: Просвещение, 1969. — 214 с.

290. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / Алексей Николаевич Леонтьев. — М.: Политиздат, 1975. — 304 с.

291. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии / Алексей Николаевич Леонтьев. — М.: Смысл; КДУ, 2005. — 511 с.

292. Лепская Н. И. Язык ребенка (онтогенез речевой коммуникации) / Наталья Ильинична Лепская. — М.: Филол. фак. МГУ, 1997. — 151 с.

293. Лившиц В. А. Практическая стилистика русского языка: учебное пособие для студентов филологических факультетов государственных университетов и педагогических институтов / Вениамин Абрамович Лившиц. — М.: Высшая школа, 1964. — 197 [1] с.

294. Листвинов Н. Г. Вопросы стилистики русского языка. В помощь газетным работникам НИИ при ЦК КПСС, каф. журналистики / Николай Григорьевич Листвинов. — М.: Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1962. — 160 с.

295. Ломоносов М. В. Российская грамматика / М. В. Ломоносов // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. — Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — С. 389–578.

296. Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка / Тимофей Петрович Ломтев. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. — 596 с.

297. Лосик Г. В. Психологическая концепция моторной теории восприятия речи / Г. В. Лосик // Детская речь: психолингвистические исследования / [отв. ред. Т. Н. Ушакова, Н. В. Уфимцева]. — М.: ПЕР СЭС, 2001. — С. 9–21.

298. Лукьянова Н. А. Однокоренные синонимы и варианты слова / Н. А. Лукьянова // Синонимия в языке и речи. Доклады конференции (15–17 декабря 1969 г.). — б. г.: б. и., 1970. — С. 151–163.

299. Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов: Экспериментально-психологическое исследование / Александр Романович Лурия. — М.: Наука, 1974. — 172 с.

300. Лурия А. Р. Язык и сознание / Александр Романович Лурия. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. — 416 с.

301. Мадоян В. В. История категории одушевленности в русском языке / В. В. Мадоян // Филологические науки. — 1986. — № 1. — С. 49–54.

302. Макашина Т. С. Ильин день и Илья-пророк в народных представлениях и фольклоре восточных славян / Т. С. Макашина // Обряды и обрядовый фольклор. — М.: Наука, 1982. — С. 83–101.

303. Малявин В. В. Традиционные верования и синкретические религии Китая / В. В. Малявин, П. М. Кожин // Локальные и синкретические культы. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — С. 120–162.

304. Мамонов В. А. Практическая стилистика современного русского языка / В. А. Мамонов, Д. Э. Розенталь. — М.: Искусство, 1957. — 176 с.

305. Марков А. В. Чтобы стать людьми, обезьянам не хватает рабочей памяти / А. В. Марков // Элементы большой науки / Новости науки. — 2008. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: elementy.ru/news/430954.

306. Марти А. Об отношении грамматики и логики / [пер. с нем. С. Поцелуева] / А. Марти // Логос. — 2004. —№ 1. — С. 138–168.

307. Мартине А. Основы общей лингвистики / А. Мартине // Новое в лингвистике. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. — Вып. III. — С. 366–566.

308. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: [учебное пособие] / Валентина Авраамовна Маслова. — Минск: ТетраСистем, 2004. — 256 с.

309. Матурана У. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания / У. Матурана, Ф. Варела / [пер. с англ. Ю. А. Данилова]. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 224 с.: ил.

310. Медведев С. В. Исследование методом позитронно-эмиссионной томографии обработки мозгом человека различных характеристик зрительно предъявляемых слов / С. В. Медведев, Н. П. Бехтерева, В. А. Воробьев, С. В. Пахомов, М. С. Рудас // Физиология человека. — 1996. — Т. 32. — № 4. — С. 5–11.

311. Мельничук О. С. Мова як суспільне явище і як предмет сучасного мовознавства / О. С. Мельничук // Мовознавство. — 1997. — № 2–3. — С. 3–19.

312. Мельничук О. С. Розвиток мови як реальної системи / О. С. Мельничук // Мовознавство. — 1981. — № 2. — С. 22–34.

313. Мельничук А. С. Язык и мышление / А. С. Мельничук // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 606–607.

314. Меркулов И. П. Когнитивные предпосылки возникновения искусства аргументации / И. П. Меркулов // Теория и практика аргументации. — М.: Институт философии РАН, 2001. — С. 144–163.

315. Меркулов И. П. Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы / Игорь Петрович Меркулов / РАН, Ин-т философии. — Т. 1. — СПб.: Изд-во РХГИ, 2003. — 471 с.

316. Меркулов И. П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход) / Игорь Петрович Меркулов / РАН, Ин-т философии. — Т. 2. — СПб.: Изд-во РХГА, 2006. — 416 с.

317. Мещанинов И. И. Соотношение логических и грамматических категорий / И.И. Мещанинов // Язык и мышление. — М.: Наука, 1967. — С. 7–16.

318. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения / Маргарет Мид / [пер. с англ. и коммент. Ю. А. Алексеева; сост. и послесл. И. С. Кона]. — М.: Главред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1988. — 429 с.: ил.

319. Миклухо-Маклай Н. Н. Собрание сочинений: В 5-ти т. — Т. III. — Ч. 1. Статьи по антропологии и этнографии / Николай Николаевич Миклухо-Маклай. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — 559 с.

320. Миклухо-Маклай Н. Н. Собрание сочинений: В 6-ти т. — Т. 1. Путешествия 1870–1874 гг. Дневники. Путевые заметки. Отчеты / Николай Николаевич Миклухо-Маклай. — М.: Наука, 1990. — 472 с.

321. Миртов А. В. Говори правильно: Грамматико-стилистические очерки о русском глаголе, его формах и словарных вариантах / Алексей Васильевич Миртов. — Горький: Горьковское книжное издательство, 1961. — 178 с.

322. Михайлов М. М. Стилистика русской речи / Матвей Михайлович Михайлов. — Чебоксары: Чувашгосиздат, 1968. — 72 с.

323. Морозов В. П. Восприятие речи: Вопросы функциональной асимметрии мозга / В. П. Морозов, И. А. Вартанян, В. И. Галунов и др. — Л.: Наука, 1988. — 135 с.

324. Мочалова Н. В. О вариативной сочетаемости русских существительных / Н. В. Мочалова // Вариантность как свойство языковой системы (тезисы докладов). — Ч. 2. — М.: Наука, 1982. — С. 14–16.

325. Мыркин В. Я. Всегда ли языковая норма соотносится с языковой системой? / В. Я. Мыркин // Филологические науки. — 1998. — № 3. — С. 22–30.

326. Найссер У. Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии / Улрик Найссер / [пер. с англ. В.В. Лучкова; общ. ред. и вступ. ст. Б. М. Величковского]. — М.: Прогресс, 1981. — 232 с.: ил.

327. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В. П. Нерознак // Сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та. — Вып. 426. — Язык. Поэтика. Перевод. — М., 1996. — С. 112–116.

328. Никитина Е. Н. Конструкции с именительным и творительным предикативным в русском языке (к проблеме взаимодействия грамматических категорий) / Е. Н. Никитина // Вопросы языкознания. — 2011. — № 3. — С. 3–28.

329. Николаева Т. М. Диахрония или эволюция? (Об одной тенденции развития языка) / Т. М. Николаева // Т. М. Николаева // Вопросы языкознания. — 1991. — № 2. — С. 12–26.

330. Николаева Т. М. Универсалии языковые / Т. М. Николаева // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 535–536.

331. Николич И. М. Неправильности в выражениях, допускаемые в современной печати / И. М. Николич // Филологические записки. — Т. 16. — Вып. 1. — Воронеж, 1877. — С. 1–18.

332. Никольс Дж. Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике / Дж. Никольс // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XV. Современная зарубежная русистика. — М.: Прогресс, 1985. — С. 342—387.

333. Никольский Н. Н. Учебное пособие по стилистике и литературному редактированию / Николай Николаевич Никольский. — Вып. 1. — М.: б. и., 1954. — 95 с.

334. Никольский Н. Н. Учебное пособие по стилистике и литературному редактированию / Николай Николаевич Никольский. — Вып. 2. — М.: б. и., 1956. — 160 с.

335. Новиков Л. А. Семантика русского языка: Учеб. пособие / Лев Алексеевич Новиков. — М.: Высш. школа, 1982. — 272 с.

336. Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). — М.: Радуга, 1982. — 432 с.

337. Новоселов М. М. Аргументация, абстракция и логика обоснования (заметки на полях) / М. М. Новоселов // Теория и практика аргументации. — М.: Институт философии РАН, 2001. — С. 109–129.

338. Ньюкомб Н. Развитие личности ребенка / Нора Ньюкомб. — [пер. с англ. В. Белоусов]. — [8-е изд.]. — СПб.: Питер, 2003. — 640 с.: ил. — (Мастера психологии).

339. Обнорский С. П. Правильности и неправильности современного русского литературного языка / С. П. Обнорский // Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку. — М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1960. — С. 253–272.

340. Обухова Л. Ф. Концепция Жана Пиаже: за и против / Людмила Филипповна Обухова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. — 191 с.

341. Овсянико-Куликовский Д. Н. Руководство к изучению синтаксиса русского языка / Дмитрий Николаевич Овсянико-Куликовский. — М.: Тип. Сытина, 1907. — 237 с.

342. Огиенко И. И. Словарь неправильных, трудных и сомнительных слов, синонимов и выражений в русской разговорной речи (преимущественно Юго-Западного края): Пособие для учащихся и самообразования / Иван Иванович Огиенко. — К.: б. и., 1911. — 158 с.

343. Ожегов С. И. О формах существования современного русского национального языка / С. И. Ожегов // Вопросы культуры речи. — 1966. — Вып. 7. — С. 5-10.

344. Ожегов С. И. Очередные вопросы культуры речи / С. И. Ожегов // Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. Учеб. пособие для вузов. — М.: Высшая школа, 1974. — С. 251–276.

345. Ожегов С. И. Рецензия на книгу «Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. Учебное пособие для учительских институтов. Московский ордена Ленина государственный университет имени М. В. Ломоносова. М., 1950» / С. И. Ожегов // Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. Учеб. пособие для вузов. — М.: Высшая школа, 1974. — С. 291–301.

346. Осипов Б. И. Судьбы русского письма: История русской графики, орфографии и пунктуации: монография / Борис Иванович Осипов. — М.: Ин-т русского языка РАН; Омск: ИЦ «Омский научный вестник», 2010. — 320 с.

347. Откуда берется языковая норма. Стенограмма передачи «Наука 2.0» — совместного проекта информационно-аналитического канала «Полит.ру» и радиостанции «Вести FM». Гость передачи — доктор филологических наук, зам. директора, зав. отделом современного русского языка Института русского языка Российской Академии Наук Леонид Крысин. 09.11.2010. — Режим доступа: http://www.polit.ru/analytics/2010/11/09/linguistics.html.

348. Охомуш Е. А. Суффиксальная синонимия в системе словообразования прилагательных (на материале исторических повестей XVI–XVII вв.) / Е. А. Охомуш // Филологические науки. — 1966. — № 2. — С. 77–87.

349. Очерки по стилистике русского языка / [под ред. проф.

К. И. Былинского]. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. — 168 с.

350. Павилёнис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Роландас Ионович Павилёнис. — М.: Мысль, 1983. — 286 с.

351. Падучева Е. В. Генитив дополнения в отрицательном предложении / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. — 2006. — № 6. — С. 21–43.

352. Падучева Е. В. Еще раз о генитиве субъекта при отрицании / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. — 2005. — № 5. — С. 84–99.

353. Падучева Е. В. О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола БЫТЬ / Е. В. Падучева // Russian Linguistics. — 1992. — V. 16. — № 1. — P. 53–63.

354. Панов Е. Н. Знаки, символы, языки / Евгений Николаевич Панов. — [2-е изд., доп.]. — М.: Знание, 1983. — 248 с.

355. Панов М. В. Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики / М. В. Панов // Язык современной публицистики: Уч. пособие / [отв. ред. М. В. Шульга]. — М.: Госкомиздат, 1988. — С. 4–27.

356. Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления / Владимир Зиновьевич Панфилов. — М.: Наука, 1971. — 232 с.

357. Панфилов В. З. Грамматика и логика (грамматическое и логико-грамматическое членение простого предложения) / Владимир Зиновьевич Панфилов. — М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — 80 с.

358. Панфилов В. З. К вопросу об инкорпорировании / В. З. Панфилов // Вопросы языкознания. — 1954. — № 6. — С. 6–27.

359. Панфилов В. З. Категории мышления и языка. Становление и развитие категории качества / В. З. Панфилов // Вопросы языкознания. — 1976. — № 6. — С. 3–18.

360. Паулини Е. Кодификация литературного языка и употребление нелитературных средств / Е. Паулини // Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах. Доклады на IV заседании Международной комиссии по славянским литературным языкам, 22–25 октября 1974 года. — М.: Наука, 1976. — С. 40–46.

361. Пауль Г. Принципы истории языка (Извлечения) / Г. Пауль // Звегинцев

В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. — [3-е изд., доп.]. — Ч. I. — М.: Просвещение, 1964. — С. 199–217.

362. Перцов Н. В. К суждениям о фактах русского языка в свете корпусных данных / Н. В. Перцов // Русский язык в научном освещении. — 2006. — № 1(11). — С. 227–245.

363. Перцов Н. В. О роли корпусов в лингвистических исследованиях / Н. В. Перцов // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика — 2006». — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во РХГА, 2006. — С. 318–331.

364. Перцов В. Н. О точности в филологии / В. Н. Перцов // Вопросы языкознания. — 2009. — № 3. — С. 100–124.

365. Петров А. В. Семантика безличности / А. В. Петров // Филологические науки. — 2009. — № 1. — С. 57–64.

366. Петров В. В. На пути к когнитивной модели языка / В. В. Петров, В. И. Герасимов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. — М.: Прогресс, 1988. — С. 5–11.

367. Пешковский А. М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики / Александр Матвеевич Пешковский. — М.: Госиздат, 1930. — 176 с.

368. Пешковский А. М. В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? / А. М. Пешковский // Пешковский А. М. Избранные труды. — М.: Учпедгиз, 1959. — С. 74–100.

369. Пешковский А. М. Объективная и нормативная точка зрения на язык / А. М. Пешковский // Пешковский А. М. Избранные труды. — М.: Учпедгиз, 1959. — С. 50–62.

370. Пиаже Ж. Генетическая эпистемология / Жан Пиаже / [пер. с франц.]. — [5-е изд.]. — СПб.: Питер, 2004. — 160 с.

371. Пиаже Ж. Психология интеллекта / Ж. Пиаже // Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология / [пер. с франц.]. — М.: Просвещение, 1969. — С. 55–231.

372. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка / Жан Пиаже / [пер. с франц. и англ.; сост., комм., ред. перевода Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова]. — М.: Педагогика-Пресс, 1994. — 528 с.

373. Пилинський М. М. Суспільний характер мовної норми / М. М. Пилинський // Мовознавство. — 1975. — № 1. — С. 7–19.

374. Пинкер С. Язык как инстинкт / Стивен Пинкер / [пер. с англ.; общ. ред. В. Д. Мазо]. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 456 с.

375. Плахов В. Д. Языковая традиция как вариосоставляющий и вариообразующий фактор развития и функционирования языковой системы (методологические аспекты проблемы) / В. Д. Плахов // Вариантность как свойство языковой системы (тезисы докладов). — Ч. 2. — М.: Наука, 1982. — С. 40–42.

376. Плотников Б. А. Основы семасиологии: учебное пособие для вузов / Бронислав Александрович Плотников. — Минск: Вышейшая школа, 1984. — 223 с.: ил.

377. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие / Владимир Александрович Плунгян. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 384 с.

378. Плунгян В. А. Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов (стенограмма лекции, прочитанной 01.10.2009 г. в клубе — литературном кафе «Bilingua» в рамках проекта «Публичные лекции. Полит.ру») / Владимир Александрович Плунгян. — Режим доступа: http://www.polit.ru/article/2009/10/ 23/corpus/.

379. Подгорецкая Н. А. Изучение приемов логического мышления у взрослых / Надежда Александровна Подгорецкая. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. — 150 с.

380. Подлесская В. И. О семантических критериях некоторых типов вариативности в грамматике / В. И. Подлесская // Вариантность как свойство языковой системы (тезисы докладов). — Ч. 2. — М.: Наука, 1982. — С. 42–43.

381. Поливанов Е. Д. Историческое языкознание и языковая политика / Е. Д. Поливанов // Звегинцев В. А. История языкознания XIX — XX веков в очерках и извлечениях. — [3-е изд., доп.]. — Т. II. — М.: Просвещение, 1965. — С. 320–336.

382. Попов С. Л. Вариантность русских прилагательных, мотивированных существительными и глаголами: смыслоразличительные тенденции / С. Л. Попов

// Лінгвістичні дослідження: Збірник наукових праць Харківського національного педагогічного університету імені Г. С. Сковороди. — Вип. 31. — Харків, 2011. — С. 88–95.

383. Попов С. Л. Вариантность русской грамматической нормы: логический аспект / С. Л. Попов // Проблеми вивчення і викладання російської мови та літератури в полікультурному просторі XXI століття (до 190-річчя від дня народження Ф. М. Достоєвського): Матеріали III Міжнародного науково-методичного семінару. — Луцьк, 2012. — С. 101–108.

384. Попов С. Л. Варианты русской грамматической нормы: логико-языковые корреляции / С. Л. Попов // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды. — № 3–4 (45). — Харьков, 2011. — С. 54–59.

385. Попов С. Л. Возможности дифференциации атрибутивных образований с *вне-/не-* и *дву-/двух-*: семантико-аргументационный аспект / С. Л. Попов // Мова. Науково-теоретичний часопис. — № 20. — Одеса, 2013. — С. 158–162.

386. Попов С. Л. Дифференциация грамматических вариантов: когнитивный подход / С. Л. Попов // Актуальні проблеми прикладної лінгвістики: випуск 1: зб. наук. пр. / [гол. ред. Н. В. Кондратенко]. — Одеса: видавець Букаєв Вадим Вікторовіч, 2014. — С. 98–103.

387. Попов С. Л. Дифференциация грамматических вариантов перцептивно-аргументационным методом: конструкции с предлогами *из-за* и *по*, употребляемые в значении внутренней причины / С. Л. Попов // I Таврійські філологічні читання: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції, м. Херсон, 27–28 лютого 2015 р. — Херсон: Видавничий дім «Гельветика», 2015. — С. 167–169.

388. Попов С. Л. Дифференциация грамматических вариантов перцептивно-аргументационным методом: показатели партитивности и цельности / С. Л. Попов // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія «Філологічна»: збірник наукових праць / [укладачі: І. В. Ковальчук, С. В. Новоселецька]. — Острог: Видавництво Національного університету «Острозька академія», 2014. — Вип. 49. — С. 102–106.

389. Попов С. Л. Дифференциация грамматических вариантов перцептивно-аргументационным методом: словообразовательные варианты типа *прочесть — прочитать* / С. Л. Попов // Актуальні проблеми філологічної науки: сучасні наукові дискусії: матеріали міжнародної науково-практичної конференції, м. Одеса, 20–21 березня 2015 року / [відп. ред. д-р філол. наук, проф. І. В. Ступак; ред.. кол.: д-р філол. наук, проф. І. Б. Морозова, д-р філол. наук, проф. О. М. Образцова, д-р філол. наук, проф. Н. В. Петлюченко, д-р філол. наук, проф. В. Г. Таранець, канд. філол. наук, доц. К. Б. Зайцева, канд. філол. наук, доц. О. А. Мартинюк, канд. філол. наук, доц. О. А. Міхальцо, канд. філол. наук, доц. Л. І. Морошану, канд. філол. наук, доц. В. І. Рижих, канд. пед. наук, доц. Л. Г. Таланова]. — Одеса: Міжнародний гуманітарний університет, 2015. — С. 21–26.

390. Попов С. Л. Дифференциация и интеграция русских грамматических вариантов: ортологические проблемы / С. Л. Попов // Мова, література і культура: актуальні питання взаємодії: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції: м. Львів, 22–23 серпня 2014 р. — Львів: ГО «Наукова філологічна організація «ЛОГОС», 2014. — С. 92–96.

391. Попов С. Л. Дифференциация и интеграция русских грамматических вариантов: ортологические противоречия и возможности их разрешения / С. Л. Попов // Известия Юго-Западного государственного университета. — Серия «Лингвистика и педагогика». — № 2. — Курск, 2014. — С. 23–31.

392. Попов С. Л. Закономерности исторического развития вариантов согласования в русском языке / С. Л. Попов // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — № 1021, серія «Філологія», вип. 66. — Харків, 2012. — С. 166–171.

393. Попов С. Л. *Изучаются русский язык и литература*: «грамматическая близорукость» препозитивного согласования в числе прилагательного с однородными членами — существительными / С. Л. Попов // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — № 994, серія «Філологія», вип. 64. — Харків, 2012. — С. 66–71.

394. Попов С. Л. К вопросу об ортологических критериях грамматической

вариантности / С. Л. Попов, А. И. Попова // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — № 1048, серія «Філологія», вип. 67. — Харків, 2013. — С. 14–19.

395. Попов С. Л. Когнитивно-эволюционный алгоритм «восприятие → логичность мышления → логичность грамматики» и его реализация императивными грамматическими вариантами / С. Л. Попов // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — № 1107, серія «Філологія», вип. 70. — Харків, 2014. — С. 70–75.

396. Попов С. Л. Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования: Монография / Сергей Леонидович Попов. — Харьков: НТМТ, 2013. — 150 с.

397. Попов С. Л. Кодификация вариантов русской грамматической нормы: логический прогресс / С. Л. Попов // Тезисы Третьей Всероссийской конференции «Кодификация норм современного русского языка: результаты и проблемы» (7–10 декабря 2011 г., Санкт-Петербург). — [Электронный ресурс]. — СПб.: Златоуст, 2011. — С. 46. — Режим доступа: http://www.zlat.spb.ru/CatalogImages/File/pdf/themes_2011.pdf.

398. Попов С. Л. Кодификация грамматических вариантов и логический прогресс / С. Л. Попов // Культура письменной речи / [СМИ Эл. № ФС-77-22298; научн. рук-ль Друговейко-Должанская С. В.; редактор Белокурова С. П.; web-мастер Белокуров А. А.]. — [Электронный ресурс]. — СПб., 2012. — Режим доступа: http://www.gramma.ru /RUS/?id=1.77.

399. Попов С. Л. Кодифицированная разговорность русского просторечия: о неприятии некоторыми носителями языка уступок узусу / С. Л. Попов // Литературный язык в проекциях истории и современности. К 90-летнему юбилею профессора Георгия Ивановича Шкляревского: сб. научных статей / [сост. Л. В. Педченко]. — Х.: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2012. — С. 66–71.

400. Попов С. Л. Когнитивно-эволюционное обоснование бинарности и сходства грамматических вариантов (на материале русского языка) / С. Л. Попов // «Сучасна філологія: актуальні наукові проблеми та шляхи вирішення»: Міжнародна науково-практична конференція, м. Одеса, 13–14 червня 2014

року. — Одеса: Південноукраїнська організація «Центр філологічних досліджень», 2014. — С. 43–47.

401. Попов С. Л. Определенность/неопределенность как семантический критерий выбора варианта при беспредложном управлении в современном русском языке / С. Л. Попов // Лінгвістичні дослідження: Збірник наукових праць / [за заг. ред. проф. Л. А. Лисиченко]. — Вип. 25. — Харків, 2008. — С. 92–98.

402. Попов С. Л. О применении теории аргументации при дифференциации грамматических вариантов (на материале русского языка) / С. Л. Попов // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica. — № 10. — Lodz, 2014. — S. 125–135.

403. Попов С. Л. О семантическом критерии выбора варианта при согласовании в числе сказуемого с подлежащим, выраженным количественно-именным сочетанием / С. Л. Попов // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — № 707, серія «Філологія», вип. 46. — Харків, 2005. — С. 10–13.

404. Попов С. Л. О семантическом различии вариантов типа *по окончании — после окончания* / С. Л. Попов // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — № 572, серія «Філологія», вип. 36 «Семантика, поетика та прагматика тексту». — Харків, 2002. — С. 123–126.

405. Попов С. Л. О «стилистических» преувеличениях при кодификации грамматических вариантов / С. Л. Попов // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках. Материалы V Международной научной конференции 7–8.04.2011. — Днепропетровск: Нова ідеологія, 2011. — С. 304–307.

406. Попов С. Л. Парадоксы коммуникации в экосфере кодификации / С. Л. Попов // Культура письменной речи / [СМИ Эл. № ФС-77-22298; научн. рук-ль Друговейко-Должанская С. В.; редактор Белокурова С. П.; web-мастер Белокуров А. А.]. — [Электронный ресурс]. — СПб., 2012. — Режим доступа: http://www.gramma.ru /RUS/?id=1.80.

407. Попов С. Л. Перепрофилирование русского партитива в показатель

количественной неопределенности / С. Л. Попов // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии: Материалы международной научной конференции / [ред. колл.: М. Л. Ремнёва, К. В. Никифоров, Н. Е. Ананьева, О. А. Ржанникова, Г. Е. Кедрова, Е. В. Тимонина, О. В. Александрова, К. В. Лифанов, Е. Н. Ковтун, А. Г. Шешкен, В. Ф. Васильева, А. И. Изотов]. — [Электронный ресурс]. — М.: МАКС Пресс, 2013. — С. 296–298. — Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/slavic_2013.pdf.

408. Попов С. Л. Перцептивно-аргументационный метод дифференциации грамматических вариантов (на материале русского языка) / С. Л. Попов // Компаративні дослідження слов'янських мов і літератур: Пам'яті академіка Леоніда Булаховського: Збірник наукових праць. — Випуск 24. — Київ: Освіта України, 2014. — С. 172–182.

409. Попов С. Л. По *ком* звонил Колокол, и по *кому* он звонит все чаще: к вопросу о падежах местоимений в сочетаниях с предлогом *по* / С. Л. Попов // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — № 798, серія «Філологія», вип. 53. — Харків, 2008. — С. 59–61.

410. Попов С. Л. Проблема партитивности в современном русском языке: семантико-морфологический аспект / С. Л. Попов // Русская филология. Украинский вестник: Республиканский научно-методический журнал. — № 2 (36). — Харьков, 2008. — С. 23–27.

411. Попов С. Л. Развитие русских грамматических вариантов с семантикой конкретности и абстрактности / С. Л. Попов // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». — 2013. — Т. 26 (65). — № 4. — Ч. 1. — С. 108–114.

412. Попов С. Л. Русские паронимы и однокоренные синонимы: трудности интерпретации / С. Л. Попов // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды. — № 1–2 (42). — Харьков, 2010. — С. 12–17.

413. Попов С. Л. Русские синтаксические варианты типа *из-за ошибки – по ошибке*: семантическая дифференциация падежных конструкций с предлогами *из-*

за и *по*, употребляемых в значении внутренней причины // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды. – № 1 (54). – Харьков, 2015. – С. 3-7.

414. Попов С. Л. Семантика предела и способы ее выражения в русском языке: предельные показатели *совсем* и *совершенно*: Дис. … канд. филол. наук / С. Л. Попов. — Харьков, 1995. — 176 с.

415. Попов С. Л. Семантико-стилистическая интеграция русских грамматических вариантов / С. Л. Попов // Любословие. Годишно списание за хуманитаристика. — № 14. — Шуменски университет: Епископ Константин Преславски, 2014. — С. 130–150.

416. Попов С. Л. Словообразовательные варианты сложных русских прилагательных с двумя равноправными основами / С. Л. Попов // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — № 936, серія «Філологія», вип. 61. — Харків, 2011. — С. 65–69.

417. Попов С. Л. Словообразовательные варианты типа *по-дружески — дружески*: стилистическая дифференциация префиксально-суффиксальных и суффиксальных форм качественных наречий на *-ски* / С. Л. Попов // Славянские чтения. — Выпуск 3/9. — Кишинев, 2014. — С. 52–61.

418. Попов С. Л. Стилистические характеристики фонетических и грамматических вариантов: тенденции кодификации / С. Л. Попов // Вісник Дніпропетровського університету. — № 11. — Т. 19. — 2011. — Серія «Мовознавство», вип. 17, т. 1. — С. 115–122.

419. Попов С. Л. Тенденции склоняемости географических названий, собственных и нарицательных имен, аббревиатур и составных слов в современном русском языке / С. Л. Попов // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды. — № 3 (47). — Харьков, 2012. — С. 29–34.

420. Попов С. Л. Функции грамматической вариантности и главное условие их реализации / С. Л. Попов // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды. — № 1–2 (49). — Харьков, 2013. — С. 128–133.

421. Попов С. Л. Число сказуемого в вариантах типа *все, кто работает — все, кто работают* и *те, кто работает — те, кто работают*: семантический аспект / С. Л. Попов // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — № 727, серія «Філологія», вип. 47. — Харків, 2006. — С. 44–47.

422. Попов С. Л. «Элитные» варианты нормы в современном русском языке / С. Л. Попов // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды. — № 1–2 (44). — Харьков, 2011. — С. 8–12.

423. Попов С. Л. Homo codificans, homo reflectens, homo neglegens: парадоксы коммуникации / С. Л. Попов // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — № 963, серія «Філологія», вип. 62. — Харків, 2011. — С. 103–109.

424. Попов С. Л. Homo neglegens как специфический тип языковой личности / С. Л. Попов // Речевая коммуникация в современной России: материалы II Международной конференции (Омск, 27–30 июня 2011 г.) / [под ред. О. С. Иссерс]. — В 2-х т. — Т. 1. — Омск: Вариант-Омск, 2011. — С. 342–348.

425. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: АСТ: Восток — Запад, 2007. — 314 [6] с. — (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).

426. Поппер К. Р. Предположения и опровержения. Рост научного знания / К. Р. Поппер // Поппер К. Р. Избранные работы / [пер. с англ.; сост., общ. ред. и вступ. ст. докт. филос. наук В. Н. Садовского]. — М.: Прогресс, 1983. — С. 240–378.

427. Поппер К. Р. Эволюционная эпистемология / К. Р. Поппер // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / [сост. Д. Г. Лахути, В. Н. Садовского и В. К. Финна; пер. с англ. Д. Г. Лахути; вступ. ст. и общ. ред. В. Н. Садовского; послеслов. В. К. Финна]. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — С. 57–74.

428. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. Введение. Составные члены предложения и их замена / Александр Афанасьевич Потебня. — М.: Гос. учебно-педагог. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1958. — 536 с.

429. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. III. Об изменении значения и заменах существительного / Александр Афанасьевич Потебня. — М.: Просвещение, 1968. — 552 с.

430. Потебня А. А. Мысль и язык // А. А. Потебня. Полное собрание трудов: Мысль и язык / [подготовка текста Ю. С. Рассказова и О. А. Сычева; комментарии Ю. С. Рассказова]. — М.: Лабиринт, 1999. — С. 5–198.

431. Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира / О. Г. Почепцов // Вопросы языкознания. — 1990. — № 6. — С. 110–122.

432. Правдин М. Н. Логика и грамматика / Михаил Николаевич Правдин. — М.: Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 1973. — 61 с.

433. Правильность русской речи. Словарь-справочник / [сост. Л. П. Крысин, Л. И. Скворцов]. — [2-е изд., испр. и доп.]. — М.: Изд-во АН СССР, 1965. — 232 с.

434. Правильность русской речи. Трудные случаи современного словоупотребления. Опыт словаря-справочника / [сост. Л. П. Крысин, Л. И. Скворцов]. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 184 с.

435. Практическая стилистика русского литературного языка: учеб. пособие для гуманитарных специальностей ун-тов и пед. ин-тов / А. В. Абрамович, Ю. А. Бельчиков, В. Н. Вакуров и др. / [под ред. д-ра филол. наук В. П. Вомперского]. — [2-е изд., переработ. и доп.]. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. — 368 с.

436. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / Владимир Яковлевич Пропп. — Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1986. — 368 с.

437. Психолингвистика: Учебник для вузов / [под ред. Т. Н. Ушаковой]. — М.: ПЕР СЭ, 2006. — 416 с.

438. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие / Тимур Беньюминович Радбиль. — М.: Флинта: Наука, 2010. — 328 с.

439. Ревуненкова Е. В. Миф — обряд — религия. Некоторые аспекты проблемы на материале народов Индонезии / Елена Владимировна Ревуненкова. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992. — 216 с.: ил.

440. Режабек Е. Я. В поисках рациональности (статьи разных лет): научное издание / Евгений Ярославович Режабек. — М.: Академический Проект, 2007. — 383 с. — (Gaudeamus).

441. Режабек Е. Я. Когнитивная культурология: Учебное пособие / Е. Я. Режабек, А. А. Филатова. — СПб.: Алетейя, 2010. — 316 с.

442. Резникова Ж. И. Исследование орудийной деятельности как путь к интегральной оценке когнитивных возможностей животных / Ж. И. Резникова // Журнал общей биологии. — 2006. — Т. 67. — № 1. — С. 3–22.

443. Ремнева М. Л. Литературный язык Древней Руси: некоторые особенности грамматической нормы / Марина Леонтьевна Ремнева. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — 143 с.

444. Ремнева М. Л. О грамматической норме языка книжнославянской и деловой письменности Древней Руси / М. Л. Ремнева // Филологические науки. — 1991. — № 2. — С. 53–61.

445. Рижский И. С. Введение в круг словесности / И. С. Рижский // Хрестоматия по истории русского языкознания: Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов / [под ред. Ф. П. Филина]. — М.: Высш. школа, 1973. — С. 37–39.

446. Рогожникова Р. П. Варианты слов в русском языке / Роза Павловна Рогожникова. — М.: Просвещение, 1966. — 160 с.

447. Розенталь Д. Э. Культура речи / Дитмар Эльяшевич Розенталь. — [3-е изд.]. — М.: Изд-во МГУ, 1964. — 140 с.

448. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка / Дитмар Эльяшевич Розенталь. — [4-е изд., испр.]. — М.: Высшая школа, 1977. — 316 с.

449. Розенталь Д. Э. Словарь трудностей русского языка. Около 30 000 слов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — М.: Русский язык, 1976. — 680 с.

450. Роль среды и наследственности в формировании индивидуальности человека / М. С. Егорова, Б. И. Кочубей, С. Б. Малых и др. / [под ред. И. В. Равич-Щербо; Науч.-исслед. ин-т общей и педагогической психологии Акад. пед. наук СССР]. — М.: Педагогика, 1988. — 336 с.: ил.

451. Рубинштейн С. Л. К психологии речи / С. Л. Рубинштейн //

Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. — М.: Педагогика, 1973. — С. 116–131.

452. Рубинштейн С. Я. Психология умственно отсталого школьника: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2111 «Дефектология» / Сусанна Яковлевна Рубинштейн. — [2-е изд., перераб. и доп.]. — М.: Просвещение, 1979. — 192 с.

453. Рузавин Г. И. Логика и аргументация: Учебн. пособие для вузов / Георгий Иванович Рузавин. — М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. — 351 с.

454. Русская грамматика / [гл. ред. Н. Ю. Шведова]. — В 2-х т. — Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. — М.: Наука, 1982. — 784 с.

455. Русская грамматика / [гл. ред. Н. Ю. Шведова]. — В 2-х т. — Т. II. Синтаксис. — М.: Наука, 1982. — 711 с.

456. Русский язык и советское общество (социолого-лингвистическое исследование). Кн. 1. Лексика современного русского литературного языка / [ред. М. В. Панов]. — М.: Наука, 1968. — 185 с.

457. Рылов С. А. Синхронно-диахронный подход А. А. Потебни к синтаксису и синкретизм древнерусского предложения-высказывания / С. А. Рылов // Наукова спадщина О. О. Потебні у слов’янському культурному просторі: Зб. наук. праць. — К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2012. — С. 136–146.

458. Рябцева Н. К. Любопытство как организующая и как дезорганизующая сила / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / [отв. ред. Н. Д. Арутюнова]. — М.: Индрик, 2003. — С. 158–190.

459. Сабиров Р. Т. Автохтонные верования и шаманизм в Монголии после 1990 года / Рустам Тагирович Сабиров. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.legendtour.ru/rus/mongolia/text/buddhism_txt2.shtml.

460. Савчук С. О. Корпусное исследование вариантов родовой принадлежности имен существительных в русском языке / С. О. Савчук // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». — 2011. — Вып. 10. —

С. 562–579.

461. Савчук С. О. Опыт корпусного исследования морфологической вариативности: варианты родительного падежа множественного числа существительных мужского рода / С. О. Савчук // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». — 2010. — Вып. 9. — С. 419–429.

462. Савчук С. О. Вариантность в русском языке. Проект словаря / С. О. Савчук, Е. А. Гришина // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». — 2008. — Вып. 7. — С. 466–474.

463. Саган К. Драконы Эдема. Рассуждения об эволюции человеческого мозга / Карл Саган / [пер. с англ.]. — М.: Знание, 1986. — 256 с.: ил.

464. Селиверстова О. Н. Компонентный анализ многозначных слов / О. Н. Селиверстова // Селиверстова О. Н. Труды по семантике. — М.: Языки славянских культур, 2004. — С. 111–304. — (Studia philologica).

465. Семенюк Н. Н. Некоторые вопросы изучения вариантности / Н. Н. Семенюк // Вопросы языкознания. — 1965. — № 1. — С. 48–55.

466. Семенюк Н. Н. Норма / Н. Н. Семенюк // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / [отв. ред. Б. А. Серебренников]. — М.: Наука, 1970. — С. 549–596.

467. Семенюк Н. Н. Норма языковая / Н. Н. Семенюк // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 337–338.

468. Сенкевич М. П. Практическая стилистика русского языка и литературное редактирование; сб. упражнений; учеб. пособие / Майя Петровна Сенкевич. — М.: Высшая школа, 1966. — 272 с.

469. Сергиенко Е. А. Когнитивное развитие довербального ребенка / Е. А. Сергиенко // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / [сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская]. — М.: Языки славянских культур, 2008. — С. 337–365.

470. Сергиенко Е. А. Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд / Елена Алексеевна Сергиенко. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. — 464 с.

471. Серебренников Б. А. К проблеме отражения развития человеческого мышления в структуре языка / Б. А. Серебренников // Вопросы языкознания. — 1970. — № 2. — С. 29–49.

472. Серебренников Б. А. К проблеме сущности языка / Б. А. Серебренников // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / [отв. ред. Б. А. Серебренников]. — М.: Наука, 1970. — С. 9–95.

473. Серебренников Б. А. Язык как исторически развивающееся явление. Проблема прогресса в развитии языков / Б. А. Серебренников // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / [отв. ред. Б. А. Серебренников]. — М.: Наука, 1970. — С. 302–307.

474. Серебренников Б. А. Законы развития языка / Б. А. Серебренников // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 159–160.

475. Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка / Борис Александрович Серебренников. — М.: Наука, 1983. — 319 с.

476. Сеченов И. М. Впечатления и действительность / И. М. Сеченов // Сеченов И. М. Избранные произведения. — Т. 1. Физиология и психология. — М.: Изд-во АН СССР, 1952. — С. 448–464.

477. Сеченов И. М. Элементы мысли / И. М. Сеченов // Сеченов И. М. Избранные произведения. — Т. 1. Физиология и психология. — М.: Изд-во АН СССР, 1952. — С. 272–426.

478. Скаткин М. Н. Школа и всестороннее развитие детей: Кн. для учителей и воспитателей / Михаил Николаевич Скаткин. — М.: Просвещение, 1980. — 144 с.

479. Скворцов Л. И. Большой толковый словарь правильной русской речи: 8000 слов и выражений / Лев Иванович Скворцов. — М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2009. — 1104 с.

480. Скворцов Л. И. Культура русской речи: словарь-справочник / Лев Иванович Скворцов. — М.: Знание, 1995. — 256 с.

481. Скворцов Л. И. Норма. Литературный язык. Культура речи / Л. И. Скворцов // Актуальные проблемы культуры речи. — М.: Наука, 1970. — С. 40–103.

482. Скворцов Л. И. Правильно ли мы говорим по-русски? Справ. пособие по произношению, ударению и словоупотреблению / Лев Иванович Скворцов. — М.: Знание, 1983. — 224 с.

483. Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи / Лев Иванович Скворцов. — М.: Наука, 1980. — 352 с.

484. Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения: учебное пособие / Елена Сергеевна Скобликова. — М.: Просвещение, 1979. — 236 с.

485. Скорик П. Я. Инкорпорация в чукотском языке как способ выражения синтаксических отношений / П. Я. Скорик // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. — 1947. — Т. VI. — Вып. 6. — С. 521–532.

486. Скребнев Ю. М. К вопросу об «ортологии» / Ю. М. Скребнев // Вопросы языкознания. — 1961. — № 1. — С. 140–142.

487. Скрелина Л. М. Противоречие как источник развития языка / Л. М. Скрелина // Филологические науки. — 1970. — № 1. — С. 81–91.

488. Словарь русского языка: в 4-х т. / [АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой]. — [3-е изд., стереотип.] — М.: Русский язык, 1985-1988. — Т. 2: К — О. — 1986. — 736 с.

489. Словарь синонимов русского языка: В 2-х т. — Т. 2: О — Я / ИЛИ РАН; под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 856, [8] с.

490. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «тождества слова») // Труды института языкознания АН СССР. — Т. IV. — М.: Изд-во АН СССР, 1954. — С. 3–49.

491. Смирнов И. Н. Избыточность в сфере глагольного слово- и формообразования / И. Н. Смирнов // Избыточность в грамматическом строе языка / [отв. ред. М. Д. Воейкова]. — СПб.: Наука, 2010. — С. 272–298.

492. Смирнова Е. Д. Основы логической семантики: Учеб. пособие / Елена

Дмитриевна Смирнова. — М.: Высш. шк., 1990. — 144 с.

493. Смоляк А. В. Шаман: личность, функции, мировоззрение: (Народы Нижнего Амура) / Анна Васильевна Смоляк. — М.: Наука, 1991. — 280 с.: ил.

494. Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / [под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой и И. А. Секериной]. — [2-е изд., испр. и доп.]. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 480 с.

495. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / [Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; отв. ред. Л. П. Крысин]. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 712 с. — (Studia philologica).

496. Современный русский язык: В 3-х ч. Ч. 3.: Синтаксис. Пунктуация: Учебное пособие / В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. — М.: Просвещение, 1981. — 271 с.: ил.

497. Солганик Г. Я. Практическая стилистика русского языка: учеб. пособие для студ. филол. и жур. фак. высш. учеб. заведений / Григорий Яковлевич Солганик. — [4-е изд., стер.]. — М.: Издательский центр «Академия», 2010. — 304 с.

498. Солнцев В. М. Вариантность / В. М. Солнцев // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 80–81.

499. Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы / В. М. Солнцев // Вариантность как свойство языковой системы (тезисы докладов). — Ч. 2. — М.: Наука, 1982. — С. 71–73.

500. Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы / В. М. Солнцев // Вопросы языкознания. — 1984. — № 2. — С. 31–42.

501. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование / Вадим Михайлович Солнцев. — [2-е изд., доп.]. — М.: Наука, 1977. — 344 с.

502. Соловьев В. Д. О скорости эволюции грамматики в различных языках / В. Д. Соловьев // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2013. — Т. 72. — № 3. — С. 3–9.

503. Соловьев И. М. Психология познавательной деятельности нормальных и аномальных детей: Сравнение и познание отношений предметов / Иван

Михайлович Соловьев. — М.: Просвещение, 1966. — 222, 2 с.: ил., табл.

504. Солсо Р. Когнитивная психология / Роберт Солсо / [пер. с англ. С. Комаров]. — [6-е изд.]. — СПб.: Питер, 2011. — 589 с.: ил. — (Мастера психологии).

505. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / [пер. с фр. под ред. А. А. Холодовича]. — М.: Прогресс, 1977. — С. 31–273.

506. Сохин Ф. А. Некоторые вопросы овладения грамматическим строем языка в свете физиологического учения И. П. Павлова / Ф. А. Сохин // Советская педагогика. — 1951. — № 7. — С. 42–55.

507. Спенсер Г. Научные основания нравственности: Индукции этики. Этика индивидуальной жизни / Герберт Спенсер / [пер. с англ.; прим. А. Федорова]. — [2-е изд.]. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — 248 с.

508. Спорные вопросы русскаго правописанія от Петра Великаго донынѣ. Филологическое разысканіе Я. Грота / Яков Грот. — Санктпетербургъ: Типографія императорской академіи наукъ, 1873. — 162 с.

509. Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка / Измаил Иванович Срезневский. — М.: Учпедгиз, 1959. — 135 с.

510. Степанов Г. В. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки / Георгий Владимирович Степанов. — [2-е изд., стереотипное]. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 328 с. — (Языки народов мира).

511. Степанов Г. В. О двух аспектах понятия языковой нормы (на испанском материале) / Г. В. Степанов // Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков. — М.: Наука, 1966. — С. 226–235.

512. Степанов Ю. С. Исторические законы и исторические объяснения / Ю. С. Степанов // Гипотеза в современной лингвистике / [отв. ред. Ю. С. Степанов]. — М.: Наука, 1980. — С. 90–118.

513. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / Юрий Сергеевич Степанов. — М.: Наука, 1975. — 312 с.

514. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. Учебное пособие для студентов филол. специальностей пед. ин-тов / Юрий Сергеевич Степанов. — [2-е

изд., перераб.]. — М.: Просвещение, 1975. — 271 с.

515. Степанов Ю. С. Современные связи лингвистики и логики / Ю. С. Степанов // Вопросы языкознания. — 1973. — № 4. — С. 62–75.

516. Суїма І. П. Утворення та лексикографічне маркування складних прикметників зі значенням національно-територіальної належності: Автореф. дис. канд. філол. наук / Ірина Павлівна Суїма. — Дніпропетровськ, 2013. — 20 с.

517. Сумцов Н. Ф. Заговоры: библиографический указатель / Николай Федорович Сумцов. — 1892. — 18 с.

518. Сумцов Н. Ф. Колдуны, ведьмы и упыри: библиографический указатель / Николай Федорович Сумцов. — 1891. — 50 с.

519. Сумцов Н. Ф. Личные обереги от сглаза / Николай Федорович Сумцов. — Х.: Тип. губ. Правления, 1896. — 20 с.

520. Сумцов Н. Ф. Пожелания и проклятия (преимущественно малороссийские) / Николай Федорович Сумцов. — Х: б. и., 1896. — 28 с.

521. Сусов И. П. История языкознания / Иван Павлович Сусов. — М.: АСТ: Восток — Запад, 2006. — 295, [9] с. — (Лингвистика и межкультурная коммуникация: золотая серия).

522. Сэпир Э. Положение лингвистики как науки / Э. Сэпир // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. — [3-е изд., доп.]. — Ч. II. — М.: Просвещение, 1965. — С. 231–238.

523. Тарланов З. К. Родительный неопределенного количества как один из системных факторов категории безличности в русском языке / З. К. Тарланов // Филологические науки. — 2006. — № 3. — С. 32–40.

524. Татевосов С. Г. Первичное и вторичное в структуре имперфективов / С. Г. Татевосов // Избыточность в грамматическом строе языка / [отв. ред. М. Д. Воейкова]. — СПб.: Наука, 2010. — С. 299–321.

525. Тезисы Пражского лингвистического кружка // Пражский лингвистический кружок. — М.: Прогресс, 1967. — С. 17–41.

526. Теория развития: Дифференционно-интеграционная парадигма / [сост. Н. И. Чуприкова]. — М.: Языки славянских культур, 2009. — 224 с., ил. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

527. Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий / Борис Михайлович Теплов. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. — 536 с.

528. Теркулов В. И. О лингвистическом подходе в когнитивистике / Вячеслав Исаевич Теркулов. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://u8239182.letitbit.net/download/27186.21fc262d7c7fb8cabc0be680a11b/413641.doc.html.

529. Тер-Минасова С. Г. К проблеме детской речи / С. Г. Тер-Минасова // Вопросы языкознания. — 1969. — № 4. — С. 107–112.

530. Тимберлейк А. Инвариантность и синтаксические свойства вида в русском языке / А. Тимберлейк // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1985. — Вып. XV. Современная зарубежная русистика. — С. 261–285.

531. Ткаченко О. Б. Проблема мовної стійкості та її джерел / О. Б. Ткаченко // Мовознавство. — 1990. — № 4. — С. 3–10.

532. Толстые Н. И. и С. М. Заметки по славянскому язычеству. 3. Первый гром в Полесье. 4. Защита от града в Полесье / Н. И. и С. М. Толстые // Обряды и обрядовый фольклор. — М.: Наука, 1982. — С. 49–83.

533. Томаселло М. Истоки человеческого общения / Майкл Томаселло / [пер. с англ. М. В. Фаликман, Е. В. Печенковой, М. В. Синициной, Анны А. Кибрик, А. И. Карпухиной]. — М.: Языки славянских культур, 2011. — 328 с.

534. Топорова Т. В. Семантическая мотивировка концептуально-значимой лексики в древнеисландском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук / Татьяна Владимировна Топорова. — М., 1985. — 21 с.

535. Торпачев А. Ах, черное кофе — эмблема печали / Александр Торпачев. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.region. mogilev.by/ru/node/7842.

536. Торсуева И. Г. Контекст / И. Г. Торсуева // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 238–239.

537. Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка (Словарь-справочник) / [под ред. К. С. Горбачевича]. — Л.: Наука, 1974. — 519 с.

538. Тэйлор Э. Первобытная культура / [пер. с англ.; ред., предисл. и прим. В. К. Никольского] / Эдуард Тэйлор. — М.: Госсоцэкономиздат, 1939. — 568 с.

539. Уемов А. И. Логические ошибки. Как они мешают правильно мыслить / Авенир Иванович Уемов. — Москва: Госполитиздат, 1958. — 119 с.: схем.

540. Узнадзе Д. Н. Выработка понятий в дошкольном возрасте / Д. Н. Узнадзе // Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. — М.: Наука, 1966. — 76–134.

541. Узнадзе Д. Н. Общая психология / Дмитрий Николаевич Узнадзе / [пер. с грузинского Е. Ш. Чомахидзе; под ред. И. В. Имедадзе]. — М.: Смысл; СПб: Питер, 2004. — 413 с.: ил.

542. Уорф Б. Л. Наука и языкознание (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. — Вып. I. — С. 169–182.

543. Урванцев Б. А. Порядок и нормы / Борис Александрович Урванцев. — М.: Издательство стандартов, 1991. — 240 с.

544. Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке (Доломоносовский период отечественной русистики) / Борис Андреевич Успенский. — М.: Наука, 1975. — 233 с.

545. Успенский Б. А. Предисловие / Б. А. Успенский // «Российская грамматика» А. А. Барсова. — М.: Изд-во МГУ, 1981. — С. 3–30.

546. Ушакова Т. Н. Принципы развития ранней детской речи / Т. Н. Ушакова // Дефектология. — 2004. — № 5. — С. 4–16.

547. Ушакова Т. Н. Пути усвоения родного языка нормальным ребенком / Т. Н. Ушакова // Вопросы психологии. — 1974. — № 1. — С. 123–130.

548. Уэстон Э. Аргументация: Десять уроков для начинающих авторов / Энтони Уэстон / [пер. с англ. А. Станиславского]. — М.: Флинта: Наука, 2005. — 96 с.

549. Фарбер Д. А. Межполушарные различия механизмов зрительного восприятия в онтогенезе / Д. А. Фарбер, Т. Г. Бетелева // Сенсорные системы. Сенсорные процессы и асимметрия полушарий. — Л., 1985. — С. 127–136.

550. Федоров А. И. О культуре русской речи / Александр Ильич Федоров. —

Л.: Изд-во Ленинградского отделения общества по распространению политических и научных знаний, 1957. — 36 с.

551. Филин Ф. П. Несколько слов о языковой норме и культуре речи / Ф. П. Филин // Вопросы культуры речи. — 1966. — Вып. 7. — С. 15–22.

552. Филин Ф. П. О слове и вариантах слова / Ф. П. Филин // Морфологическая структура слова в языках различных типов. — М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 128–133.

553. Фирсов Л. А. Высшая нервная деятельность человекообразных обезьян и проблема антропогенеза / Л. А. Фирсов // Руководство по физиологии: Физиология поведения: Нейробиологические закономерности. — Л.: Наука, 1987. — С. 639–711.

554. Фоменко Ю. В. Мифы современной лингвистики: Монография / Юрий Викторович Фоменко. — Новосибирск.: Изд. НГПУ, 2010. — 176 с.

555. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология: Учеб. для филол. спец. вузов / Маргарита Ивановна Фомина. — [3-е изд., испр. и доп.]. — М.: Высш. шк., 1990. — 415 с.

556. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение (Извлечения) / Ф. Ф. Фортунатов // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. — [3-е изд., доп.]. — Ч. I. — М.: Просвещение, 1964. — С. 238–262.

557. Фридман М. В. Рецензия на: Пинкер С. Язык как инстинкт / М. В. Фридман, В. С. Фридман. — 2005. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.seminarium.narod.ru/moip/lib/sociobiology/pinker.html.

558. Фролова О. Е. Вариативность и паронимия / О. Е. Фролова // Вариативность в языке и коммуникации: Сб. статей / [сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова]. — М.: РГГУ, 2012. — С. 160–173.

559. Фрумкина Р. М. Семантика и категоризация / Р. М. Фрумкина, А. В. Михеев, А. Д. Мостовая, Н. А. Рюмина / [Ин-т языкознания; отв. ред. Ю. А. Шрейдер]. — М.: Наука, 1991. — 168 с.

560. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Джеймс Джордж Фрэзер / [пер. с англ. М. К. Рыклина]. — М.: ООО «Издательство АСТ»;

ЗАО НПП «Ермак», 2003. — 781 с.

561. Хабургаев Г. А. Очерки по исторической морфологии русского языка. Имена / Георгий Александрович Хабургаев. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — 296 с.

562. Хомский Н. Введение в формальный анализ естественных языков / Н. Хомский, Дж. Миллер. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 64 с.

563. Хруцкая Н. В. Конкуренция сосуществующих вариантов языковых единиц в процессе эволюции литературной нормы (лингвопрогностический аспект): Монография / Наталья Владимировна Хруцкая. — К.: Освита Украины, 2008. — 372 с.

564. Цветков Н. В. К методологии компонентного анализа / Н. В. Цветков // Вопросы языкознания. — 1984. — № 2. — С. 61–71.

565. Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи / Стелла Наумовна Цейтлин. — М.: Знак, 2009. — 362 с.

566. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Стелла Наумовна Цейтлин. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. — 240 с.

567. Чепель В. С. Варіанти парадигм і відмінкових форм іменників у давньоруській та сучасній російській мовах / В. С. Чепель // Мовознавство. — 1984. — № 3. — С. 26–32.

568. Чернейко Л. О. Гештальтная структура абстрактного имени / Л. О. Чернейко // Филологические науки. — 1995. — № 4. — С. 73–83.

569. Черниговская Т. В. Мозг и язык: Полтора века исследований / Т. В. Черниговская // Теоретические проблемы языкознания. Сб. ст. к 140-летию кафедры общего языкознания СПбГУ. — СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2004. — С. 16–34.

570. Черниговская Т. В. Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила? (взгляд лингвиста и биолога) / Т. В. Черниговская // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / [сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская]. — М.: Языки славянских культур, 2008. — С. 395–412.

571. Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка / Петр Яковлевич

Черных. — [3-е изд.]. — М.: Учпедгиз, 1962. — 376 с.

572. Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики / В. И. Чернышев // Чернышев В. И. Избранные труды в 2-х т. / [сост. А. М. Иорданский, В. Г. Костомаров, И. Ф. Протченко; вступит. статья акад. В. В. Виноградова]. — Т. 1. — М.: Просвещение, 1970. — С. 443–641.

573. Чеснокова Л. Д. Синкретизм в сфере членов предложения / Л. Д. Чеснокова // Филологические науки. — 1988. — № 4. — С. 41–47.

574. Чижик-Полейко А. И. Стилистика русского языка / Антонина Ивановна Чижик-Полейко. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1964. — 127 с.

575. Чикобава А. С. К вопросу о взаимоотношении мышления и речи в связи с ролью коммуникативной функции / А. С. Чикобава // Язык и мышление. — М.: Наука, 1967. — С. 16–30.

576. Чуприкова Н. И. Психология умственного развития: Принцип дифференциации / Наталья Ивановна Чуприкова. — М.: АО «Столетие», 1997. — 480 с.

577. Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложений / Абрам Борисович Шапиро. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. — 318 с.

578. Шаронов И. А. Современные грамматические нормы (проблемы контроля и уточнения) / И. А. Шаронов // Вариативность в языке и коммуникации: Сб. статей / [сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова]. — М.: РГГУ, 2012. — С. 15–28.

579. Шахматов А. А. Несколько замечаний по поводу записки И. Х. Пахмана // Сборник Отделения русского языка и словесности. — 1899. — Т. LXVII. — № 1. — С. 28–33.

580. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / Алексей Александрович Шахматов. — Л.: Учпедгиз, 1941. — 606 с.

581. Шахнарович А. М. Онтогенез речевого общения: от ситуативной речи к контекстной / А. М. Шахнарович, Н. М. Юрьева // Речевое общение в условиях языковой неоднородности / [под ред. Л. П. Крысина]. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — С. 92–118.

582. Шварцкопф Б. С. Очерк развития теоретических взглядов на норму в советском языкознании / Б. С. Шварцкопф // Актуальные проблемы культуры речи — М.: Наука, 1970. — С. 369–404.

583. Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание) / Наталья Юльевна Шведова. — М.: Просвещение, 1966. — 156 с.

584. Шведова Н. Ю. Грамматика / Н. Ю. Шведова // Лингвистический энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990. — С. 113–115.

585. Шелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка / Михаил Алексеевич Шелякин. — М.: Русский язык, 2001. — 288 с.

586. Шендельс Е. И. Понятие грамматической синонимии / Е. И. Шендельс // Филологические науки. — 1959. — № 1. — С. 68–81.

587. Шендельс Е. И. Синтаксические варианты / Е. И. Шендельс // Филологические науки. — 1962. — № 1. — С. 8–18.

588. Шер Я. А. Происхождение знакового поведения / Я. А. Шер, Л. Б. Вишняцкий, Н. С. Бледнова. — М.: Научный мир, 2004. — 280 с., 16 цв. вкл.

589. Ширяев Е. Н. Культура речи как лингвистическая дисциплина / Е. Н. Ширяев // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция. Москва, 20–23 мая 1991 г. Доклады. Часть 1. — М., 1991. — С. 44–61.

590. Шлейхер А. Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков (Предисловие) / А. Шлейхер // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. — [3-е изд., доп.]. — Ч. I. — М.: Просвещение, 1964. — С. 107–110.

591. Шмелев А. Д. В поисках мира и лада / А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / [отв. ред. Н. Д. Арутюнова]. — М.: Индрик, 2003. — С. 54–72.

592. Шмелев Д. Н. Некоторые вопросы развития и нормализации современного русского языка / Д. Н. Шмелев // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. — 1962. — Т. XXI. — Вып. 5. — С. 421–432.

593. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Дмитрий Николаевич Шмелев — М.: Наука, 1973. — 280 с.

594. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и литература» / Дмитрий Николаевич Шмелев. — М.: Просвещение, 1977. — 335 с.

595. Шпаковская Е. Е. Язык современного чиновника / Е. Е. Шпаковская // Филология, языкознание, дидактика: теория и методика исследований : сб. науч. тр. / [Рос. гос. проф.-пед. ун-т]. — Екатеринбург, 2010. — С. 201–206.

596. Шульговский В. В. Физиология высшей нервной деятельности с основами нейробиологии / Валерий Викторович Шульговский. — М.: Академия, 2003. — 464 с.

597. Шэффер Д. Дети и подростки: Психология развития / Дэвид Шэффер. — [пер. с англ. А. Богачев, С. Комаров, И. Малкова, О. Орешкина, А. Попов, В. Романенкова, Т. Смолянская, Д. Цирулев]. — СПб.: Питер, 2003. — 976 с.: ил. — (Мастера психологии).

598. Щерба Л. В. Восточнолужицкое наречие. — Т. 1 (с приложением текстов). — XXII / Лев Владимирович Щерба — Пг.: Тип. Коллинс, 1915. — 194 с.

599. Щерба Л. В. Литературный язык и пути его развития (применительно к русскому языку) / Л. В. Щерба // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1957. — С. 130–140.

600. Щерба Л. В. О нормах образцового русского произношения / Л. В. Щерба // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1957. — С. 110–112.

601. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. — 1940. — № 3. — С. 89–117.

602. Щерба Л. В. Спорные вопросы русской грамматики / Л. В. Щерба // Русский язык в школе. — 1939. — № 1. — С. 10–21.

603. Эльконин Д. Б. Детская психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Даниил Борисович Эльконин / [ред.-сост. Б. Д. Эльконин]. — [2-е изд., стер.]. — М.: Издательский центр «Академия», 2005. — 384 с.

604. Эпштейн М. Есть ли будущее у причастий будущего времени? / М. Эпштейн // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия: Материалы международной научной конференции (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Москва, 24–28 мая 2007 г.) / [ред. Фатеева Н. А.] — М.: Институт русского языка РАН, 2007. — С. 259–266.

605. Эпштейн М. Н. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество / М. Н. Эпштейн // Знамя. — 2007. — № 3. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://magazines.russ.ru/ znamia/ 2007/3/ep18.html.

606. Эриксон Э. Детство и общество / Эрик Эриксон / [пер. с англ. С. Ю. Бильчугова]. — Обнинск: Принтер, 1993. — 56 с.

607. Юдина Н. В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? / Наталья Владимировна Юдина. — М.: Гнозис, 2010. — 293 с.

608. Якубинский Л. П. История древнерусского языка / Лев Петрович Якубинский / [предисл. и ред. В. В. Виноградова; прим. П. С. Кузнецова]. — М.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1953. — 368 с.

609. Юм Д. Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам / Дэвид Юм // Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. 1 / [пер. с англ. С. И. Церетели и др.; вступ. ст. А. Ф. Грязнова; примеч. И. С. Нарского]. — [2-е изд., доп. и испр.]. — М.: Мысль, 1996. — С. 53–655.

610. Ярбус А. Л. Движения глаз при восприятии сложных объектов / А. Л. Ярбус // Психология ощущений и восприятия / [под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Любимова, М. Б. Михалевской]. — [2-е изд., испр. и доп.]. — М.: ЧеРо, 2002. — С. 411–416.

611. Ярцева В. Н. О грамматических синонимах / В. Н. Ярцева // Романо-германская филология. Сборник статей. — Вып. 1. — М., 1957. — С. 5–33.

612. Ярцева В. Н. Проблема вариативности и взаимоотношение уровней грамматической системы языка / В. Н. Ярцева // Вопросы языкознания. — 1983. — № 5. — С. 17–24.

613. Ясперс К. Истоки истории и ее цель / Карл Ясперс // Ясперс К. Смысл и

назначение истории / [пер. с нем.] — М.: Политиздат, 1991. — С. 28–286. — (Мыслители XX века).

614. Barber E. J. W. Ontogeny and phylogeny: What child language and archaeology have to say to each other / E. J. W. Barber, A. M. W. Peters // The evolution of human language: Santa Fé studies in the science of complexity / [ed. by Hawkins J. A., Gell-Mann M.]. — Redwood City, CA: Addison-Wesley, 1992. — P. 305–351.

615. Bickerton D. Language and species / Derek Bickerton. — Chicago: The University of Chicago Press, 1990. — 297 p.

616. Bierwish M. Some semantic universals of German adjectival / M. Bierwish // Foundations of Language. — 1967. — V. 3. — No. 1. — P. 1–36.

617. Born M. Philosophy of Cause and Chance / Max Born. — Oxford: Clarendon Press, 1949. — 215 p.

618. Bühler K. Kritische Musterung der Neueren Theorien des Satzes / K. Bühler // Indogermanisches Jahrbuch. — 1918. — Vol. 6. — P. 1–20.

619. Bybee J. Sequentiality as the basis of constituent structure / J. Bybee // The evolution of language out of pre-language / Ed. by Givón T., Malle B. F. — Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002. — P. 109–134.

620. Calvyn W. H. Lingua ex machina: Reconcilling Darwin and Chomsky with the human brain / W. H. Calvyn, D. Bickerton. — Cabridge: MIT Press, 2000. — 298 p.

621. Carstairs-McCarthy A. The evolutionary origin of morfology / A. Carstairs-McCarthy // Language origins: Perspectives on evolution / Ed. by Tallerman M. — Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. — P. 166–184.

622. Cooke A. Large-scale neural network for sentence processing / A. Cooke, M. Grossman, Chr. De Vita, J. Gonzales-Atavales, P. Moore, W. Chen, J. Gre, J. Detre // Brain and Language: Journal of clinical, experimental and theoretical research. — 2006. — Vol. 96. — P. 14–36.

623. Davis B. L. The internal structure of syllable / B. L. Davis, P. F. MacNeilage // The evolution of language out of pre-language / [ed. by Givón T., Malle B. F.]. — Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002. — P. 135–154.

624. Deacon T. The symbolic species: The co-evolution of Language and the brain /

Terrence Deacon. — N. Y., L.: W. W. Norton & Company, Inc., 1997. — 527 p.

625. Deane P. D. Grammar in mind and brain: explorations in cognitive syntax / Paul Douglas Deane. — Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1992. — 355 p.

626. Eung-Do Cook. Is phonology going haywire in dying languages? Phonological variations in Chipewyan and Sarcee // Language in society. — 1989. — V. 18. — № 2. — P. 235–255.

627. Jackendoff R. Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution / Ray Jackendoff. — Oxford: Oxford University Press. 2002. — 477 p.

628. Järvilehto T. The theory of the organism-environment system: I. Description of the theory / T. Järvilehto // Integrative Physiological and Behavioral Science — October — December 1998. — Vol. 33. — No. 4. — P. 321–334.

629. Lakoff J. The Invariance Hipothesis: is Abstract Reason Based on Image-schemas? / J. Lakoff // Cognitive Linguistics. — 1990. — Vol. 1 (1). — P. 39–74.

630. Loenwenstein G. Psychology of Curiosity: A Review and Reinterpretation / G. Loenwenstein // Psychological Bulletin. — 1994. — Vol. 116. — No 1. — P. 75–98.

631. Morford J. P. Why does exposure to language matter? / J. P. Morford // The evolution of language out of pre-language / Ed. by Givón T., Malle B. F. — Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002. — P. 329–341.

632. Nelson K. Structure and strategy in learning to talk. Monographs of the Society of Research in Child Development 38 / Katherine Nelson. — Chicago: Published by the University of Chicago Press for the Society for Research in Child Development, 1973. — 137 p.

633. Paivio A. Neomentalism / A. Paivio // Canadian journal of Psychology. — 1975. — No. 29. — P. 263–291.

634. Pawley A. Saying things in Kalam: Reflections on Language and Translation / A. Pawley // Man and a half: essays in Pacific anthropology and ethnobiology in honour of Ralph Bulmer. — Auckland: Polynesian Society, 1991. — P. 432–444.

635. Piaget J. The construction of reality in the child / Jean Piaget / [trans. by M. Cook]. — New York: Basic Books, Inc., 1954. — 386 p.

636. Piaget J. The origins of intelligence in children / Jean Piaget / [trans. by M. Cook]. — New York: International Universities Press, Inc., 1965. — 425 p.

637. Pruetz J. D. Evidence of cave use by savanna chimpanzees (Pan troglodytes verus) at Fongoli, Senegal: implications for thermoregulatory bihavior / J. D. Pruets // Primates. — 2007. — Vol. 48. — No. 4. — P. 316–319.

638. Read D. W. Working Memory: A ognitive limit to non-human primate recursive thinking prior to hominid evolution / D. W.Read // Evolutionary Psychology. — 2008. — Vol. 6. — P. 676–714.

639. Skinner J. E. A neurophisiological model for regulation of sensory input to celebral cortex / J. E. Skinner // Multidisciplinary perspectives in event — related brain potential research. — Washington, 1978. — P. 616–625.

640. Sperry R. Some effects of disconnecting the celebral hemispheres. Nobel lecture / R. Sperry // Bioscience Reports. — 1982. — Vol. 2. — P. 265–276.

641. Tomasello M. Constructing a Language: A usage-based approach to language acquisition / Michael Tomasello. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003. — 388 c.

642. Wierzbicka A. The Semantics of Grammar / Anna Wierzbicka. — Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1988. — 617 p.